

ПУШКИНЪ,

ЕГО ЛИЦЕЙСКІЕ ТОВАРИЩИ И НАСТАВНИКИ.

НѢСКОЛЬКО СТАТЕЙ

Я. ГРОТА

СЪ ПРИСОЕДИНЕНІЕМЪ И ДРУГИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., № 12.

1887.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1887 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Въ началѣ нынѣшняго года вся Россія чествовала память Пушкина въ ознаменованіе пятидесятилѣтія со дня его смерти. Этимъ чествованіемъ вызванъ и предлагаемый трудъ, въ которомъ собраны статьи, посвященныя мною въ разное время изученію Пушкина и большею частію прежде уже напечатанныя въ различныхъ изданіяхъ. Къ нимъ присоединено и нѣсколько новыхъ страницъ, нигдѣ еще не появлявшихся, а рядомъ съ ними помѣщены и нѣкоторые полученные мною отъ другихъ лицъ матеріалы для біографіи и оцѣнки Пушкина.

Я. Гротъ.

Іюль 1887.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР
I. Пушкинъ въ царскосельскомъ лицейѣ	1
II. Царскосельскій лицей	34
III. Письма лицеиста Илличевского къ Фуссу	74
IV. Старина царскосельскаго лицея. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицейцахъ 1-го курса	92
1. Малиновскій и Вальховскій	—
2. Матюшкинъ	98
3. Лицейскія годовщины	108
4. Графъ Корфъ	116
5. Учитель французскаго языка Де-Будри	122
6. Литературное общество въ лицей при Энгельгардтѣ	124
V. Очеркъ біографіи Пушкина	132
VI. Личность Пушкина, какъ человѣка	147
VII. Приготовительныя занятія Пушкина для историческихъ трудовъ	159
VIII. Замѣтка о перепискѣ Пушкина съ Плетневымъ	168
IX. Полотняный Заводъ, имѣніе Гончаровыхъ (письмо В. П. Безобразова къ Я. К. Гроту)	175
X. Къ Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ	182
XI. Пѣсни о Стеньгѣ Разинѣ	184
XII. Автографъ «19 октября»	192
XIII. Еще дополненія къ изданіямъ Пушкина	208
XIV. Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину	220
XV. Хронологическая канва для біографіи Пушкина	233

ПРИЛОЖЕНІЯ.

	стр.
I. Замѣтки о Пушкинѣ лицейскихъ его товарищей.....	250
1. Записка С. Д. Комовскаго.....	—
2. Записка графа М. А. Корфа.....	253
II. Секретныя донесенія о связяхъ между Пушкинымъ и Плетне- вымъ	283
III. Изъ переписки между товарищами Пушкина	284
IV. Письмо дамы высшаго круга о смерти Пушкина	—
V. Два стихотворенія	292
Примѣчанія, дополненія, поправки	295

I.

ПУШКИНЪ ВЪ ЦАРКОСЕЛЬСКОМЪ ЛИЦЕѢ¹⁾.

Память Пушкина дорогá для каждаго русскаго, но она вдвойнѣ дорогá для питомца лица. Она прежде всего переноситъ его въ тотъ счастливый пріютъ, гдѣ и удаленіе отъ шума столицы, и красота мѣстности, и стеченіе особенныхъ обстоятельствъ, и наконецъ славныя современныя событія какъ бы нарочно соединились къ тому, чтобы плодотворно направить образованіе гениальнаго отрока и ускорить развитіе его способностей.

Въ числѣ духовныхъ благъ, завѣщанныхъ старымъ лицеемъ новому, едва ли не всѣхъ драгоцѣннѣе блистающее на скрижаляхъ ихъ безсмертное имя питомца, возвеличившаго своими созданіями русское слово, обогатившаго достояніе своего народа негнѣнными сокровищами.

Мнѣ выпалъ жребій принадлежать, въ два разные періода моей жизни, тому и другому лицу, — царкосельскому въ качествѣ его воспитанника, — петербургскому въ званіи его профессора²⁾. Не естественно ли поэтому, что при чествованіи памяти Пушкина я избираю предметомъ своей бесѣды тѣ годы жизни поэта, когда онъ, говоря собственными его словами, «въ садахъ лица безмятежно расцвѣталъ», —

¹⁾ Эта статья составляетъ дополненную нѣкоторыми подробностями и нѣсколько измѣненную рѣчь, читанную авторомъ въ Александровскомъ лицее въ день пятидесятилѣтней годовщины смерти Пушкина.

²⁾ Съ 1853 по 1862 годъ.

Тѣ дни, когда еще не знаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
 Онъ пѣпьемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
 И царскосельскія хранительныя сѣни.

Это время было очень близко къ тому завѣтному шестилѣттю, которое мнѣ довелось прожить въ царскосельскомъ лицейѣ. Въ ту пору онъ былъ еще полонъ свѣжихъ воспоминаній о Пушкинѣ и уже оглашался его славой. При моемъ поступленіи въ лицей, прошло только 15 лѣтъ съ основанія его, и только 9 лѣтъ со времени выпуска Пушкина. Но въ глазахъ подрастающаго поколѣнія такое число лѣтъ составляетъ значительный періодъ: мнѣ и моимъ товарищамъ пушкинское время казалось далекою старинной въ жизни заведенія. Между тѣмъ мы еще застали тамъ нѣкоторыхъ изъ наставниковъ 1-го курса. Изъ числа гувернеровъ это были: Чириковъ, дававшій уроки рисованья, и Калиничъ, учитель чистописанія. Оба еще и послѣ нашего (6-го) курса довольно долго оставались въ лицейѣ; оба отличались добродушіемъ и пользовались довѣріемъ воспитанниковъ. Калиничъ, оригиналъ въ своемъ родѣ, извѣстенъ былъ своими нѣсколько комическими пріемами въ обращеніи съ воспитанниками, и хотя самъ уже плохо владѣлъ рукою, но умѣлъ сообщать своимъ ученикамъ правильный и красивый почеркъ, столь одинаковый, что по немъ можно было узнавать лицейство въ разныхъ выпускахъ. Изъ профессоровъ пушкинскаго времени при насъ оставались еще: Карцовъ по кафедрѣ математики и физики, Кайдановъ по исторіи и Кошанскій по русской и латинской словесности. Тучный и злорѣчивый Карцовъ увѣковѣченъ въ извѣстномъ четверостишіи, обыкновенно приписываемомъ Пушкину, но собственно принадлежащемъ Илличевскому¹⁾; вопреки этой эпиграммѣ Кар-

¹⁾ Одинъ изъ комментаторовъ Пушкина принялъ встрѣчающееся въ этомъ четверостишіи названіе *чернякъ* («Повѣрь, тебя измѣрить разомъ Не мудрено, чернякъ») за собственное имя, и такъ какъ между лицейскими наставниками не было никого съ этимъ именемъ, то онъ усомнился въ томъ, чтобы эта эпи-

цовъ былъ очень уменъ, но до крайности лѣнивъ; свою насмѣшливость упражнялъ онъ особенно надъ докторомъ Пешелемъ, чехомъ по происхожденію, который не оставался у него въ долгу, и также поступилъ въ лицей еще при первомъ курсѣ, а потомъ продолжалъ быть эскулапомъ и болтливымъ собесѣдникомъ многихъ поколѣній лицействовавшихъ. Кайдановъ приобрѣлъ въ педагогическомъ мірѣ не слишкомъ лестную репутацію своимъ руководствомъ, которое теперь (употребляя распространенное имъ же по всей Россіи выраженіе) «покрыто мракомъ неизвѣстности». Что касается Кошанскаго, то мы знаемъ, что Пушкинъ не всегда съ нимъ ладилъ вслѣдствіе недоразумѣній, о которыхъ будетъ рѣчь далѣе, но въ мое время Кошанскій пользовался большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ лицейской молодежи.

Преданія о первомъ курсѣ лицействовавшихъ чрезвычайно интересовали насъ: съ жадностью слушали мы всякій рассказъ о старѣйшихъ нашихъ предшественникахъ и съ любопытствомъ расспрашивали ихъ современниковъ о подробностяхъ первоначальной исторіи лицея. Мы поступили туда въ первый годъ царствованія императора Николая, въ самые дни происходившей въ Москвѣ коронаціи. Декабрьское событіе было у всѣхъ въ свѣжей памяти; мы знали объ участіи въ немъ Кюхельбекера и Пущина, и не удивительно, что эти два лица сдѣлались для насъ предметомъ общаго любопытства. Изъ другихъ товарищей Пушкина вниманіе наше привлекали особенно: баронъ Дельвигъ, какъ другъ его и поэтъ; Вальховскій, князь Горчаковъ и баронъ Корфъ по быстрой ихъ карьерѣ, которая тогда уже могла назваться блестящею; наконецъ Матюшкинъ по слухамъ о его странствованіяхъ и страсти къ морю.

Прошлое нашего учрежденія тѣмъ болѣе занимало насъ, что еще въ концѣ царствованія Александра Павловича произошла перемѣна въ системѣ управленія лицеемъ. Это было въ связи съ перево-

граммѣ дѣйствительно относилась къ лицу. Но мы очень хорошо знали ея примѣненіе: слово *чернякъ* указывало на цвѣтъ волосъ и на смуглость кожи у подразумеваемаго профессора.

ротомъ, совершившимся въ образѣ мыслей государя и въ общемъ духѣ его правленія. Свобода, какую пользовались воспитанники при директорѣ Энгельгардтѣ, послужила поводомъ къ его увольненію¹⁾ и на мѣсто его назначенъ бывшій директоръ Дворянскаго полка генералъ Гольтгоеръ: въ лицеѣ водворилась въ нѣкоторой степени военная дисциплина, и мы смотрѣли на предшествовавшее время какъ на золотой вѣкъ лица. Надъ всѣми его преданіями царило славное имя Пушкина. Легко представить себѣ, съ какимъ восторгомъ мы читали и выучивали наизусть его стихи; каждое новое произведеніе его ходило между нами по рукамъ, если не въ печати, то въ спискахъ. Надо помнить, что тогда въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и лица, стихи Пушкина считались нѣкотораго рода запрещеннымъ плодомъ. Старая официальная педагогика еще не включила его въ созвѣздіе образцовыхъ писателей и пробавлялась отрывками изъ Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитриева, Крылова, Озерова, да съ недавняго времени еще изъ Жуковскаго и Батюшкова. Но въ обществѣ и въ средѣ молодежи художественное чувство предупредило рѣшеніе педагогики: на школьныхъ скамьяхъ распѣвалась «Черная шаль», мы зачитывались Русланомъ и Людмилой, Кавказскимъ плѣнникомъ, Бахчисарайскимъ фонтаномъ, Цыганами и первыми главами Евгенія Онѣгина. Въ созданіяхъ Пушкина, въ славѣ его мы видѣли что-то для себя родное, мы считали его своимъ.

Естественно, что примѣръ Пушкина магически дѣйствовалъ на воспитанниковъ послѣдующихъ курсовъ и побуждалъ ихъ также пробовать свои силы въ поэзіи, тѣмъ болѣе, что и самъ профессоръ русской литературы поощрялъ ихъ къ этимъ опытамъ. Но изъ лицейскихъ стихотвореній 1-го курса мы почти ничего не знали, пока находились въ заведеніи. Я познакомился съ ними только черезъ годъ послѣ моего выпуска изъ лица, именно въ 1833 г., когда товарищъ Пушкина, баронъ М. А. Корфъ, тогдаш-

¹⁾ См. ниже статью: *Старина царскосельскаго лицея*, отд. 6.

ній мой начальникъ по канцеляріи Комитета министровъ, куда я поступилъ изъ лицея, далъ мнѣ на прочтеніе двѣ переплетенныя въ зеленый сафьянъ тетради, содержавшія собраніе стихотвореній нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Я тогда же переписалъ большую часть ихъ, не пропустивъ конечно ни одной изъ пьесъ Пушкина. Эти тетради принадлежали собственно товарищу и другу его М. Л. Яковлеву, страстному любителю музыки и пѣнія, который нѣкогда и самъ пописывалъ стихи, особенно басни, но не обнаружилъ въ поэзіи замѣтнаго таланта. Что касается барона Корфа, то между нимъ и Пушкинымъ никогда не было настоящаго сочувствія: ихъ характеры, нѣкоторыя понятія и житейскія цѣли слишкомъ расходились. Взглядъ покойнаго Модеста Андреевича на даровитаго товарища выразился очень рѣзко въ воспоминаніяхъ о лицѣѣ, написанныхъ имъ по поводу біографическихъ статей г. Бартенева¹⁾.

Изъ всего мною сказаннаго уже ясно, почему я съ особенною любовью останавливаюсь на лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Конечно, послѣдующія произведенія его гораздо зрѣлѣе и совершеннѣе, но и ранніе стихи его, въ которыхъ такъ ярко отразилась его игривая и кипучая молодость, въ которыхъ талантъ его уже является съ такимъ изумительнымъ блескомъ, возбуждаютъ живой интересъ. Мы видимъ въ нихъ первые взмахи крыльевъ могучаго орла, мы въ нихъ уже предчувствуемъ и предвкушаемъ его будущее величіе.

Если намъ вообще дѣрзнуть подробности о дѣтствѣ и юности замѣчательнаго человѣка, то тѣмъ болѣе цѣнны впечатлѣнія и мысли, имъ самимъ выраженные въ этомъ возрастѣ. Кромѣ того лицейскія стихотворенія Пушкина заслуживаютъ особеннаго вниманія еще и потому, что періодъ его воспитанія въ Царскомъ Селѣ нашелъ такой сильный отголосокъ во всей его дальнѣйшей поэтической дѣятельности. Мы знаемъ, какъ часто онъ въ своихъ

¹⁾ Часть этой записки, касающаяся Пушкина, помѣщена въ статьѣ кн. П. П. Вяземскаго въ газетѣ *Берегъ*, лѣтомъ 1880 года, и потомъ перепечатана въ изданіи г. Бартенева: *А. С. Пушкинъ*, вып. II.

лучшихъ стихотворенійхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ мѣсту его воспитанія, воспоминаетъ о лицѣѣ и Царскомъ Селѣ и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, какое значеніе они имѣли въ его духовной жизни. Едва ли есть въ исторіи литературъ другой примѣръ, чтобы годы воспитанія, благодаря ихъ поэтической обстановкѣ, въ такой степени отразились въ творествѣ писателя, какъ лицейскій періодъ жизни Пушкина въ его поэзіи: онъ съ любовью вспоминаетъ это время и въ посланіяхъ своихъ, и въ поэмахъ, и въ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, не говоря уже о тѣхъ, которые особо посвящены празднованію лицейской годовщины.

Прежде всего насъ поражаетъ масса того, что написано Пушкинымъ въ лицѣѣ: его стихотворенія этой эпохи, числомъ около 130-и, составляютъ цѣлую порядочную книгу. Такая производительность, при достоинствахъ написаннаго, указываетъ уже на могущество таланта. Нѣкоторые товарищи Пушкина, также не лишены поэтическаго дарованія, далеко отстали отъ него и въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, дружное соединеніе столькихъ молодыхъ талантовъ въ возникающемъ учебномъ заведеніи представляетъ явленіе необыкновенное. Эти отроки на 14-мъ и 15-мъ году жизни вступаютъ уже въ сношенія съ редакторами журналовъ, которые охотно принимаютъ и печатаютъ ихъ труды. Къ образованію этого литературнаго сообщества способствовали многія обстоятельства: изъ числа тридцати воспитанниковъ перваго курса лицея цѣлая треть поступила туда изъ московскаго университетскаго пансіона, гдѣ подъ вліяніемъ и по примѣру воспитывавшагося въ немъ Жуковскаго уже была въ значительной степени развита литературная дѣятельность: извѣстно, что Жуковскій съ товарищами еще въ бытность свою въ университетскомъ пансіонѣ издавалъ журналы (Утренняя Заря и др.), въ которыхъ печатались ихъ юношескіе опыты въ стихахъ и прозѣ. Но главнымъ виновникомъ и двигателемъ литературной жизни въ новомъ училищѣ былъ все-таки Пушкинъ, и безъ него это направленіе конечно не достигло бы тамъ такого поразительнаго развитія. Можно сказать, что Пушкинъ, поступая въ лицей двѣ-

надцати лѣтъ отъ роду, по своимъ занятіямъ и связямъ уже былъ литераторомъ: съ девятилѣтняго возраста онъ зачитывался въ библіотекѣ своего отца французскими поэтами и лично познакомился съ извѣстнѣйшими русскими писателями: Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ. Какое значеніе онъ имѣлъ для своихъ товарищей, можно видѣть изъ современнаго свидѣтельства: лицей открытъ былъ въ октябрѣ 1811 г., а уже 25-го марта 1812 одинъ изъ воспитанниковъ, Илличевскій, пишетъ своему бывшему соученику въ петербургской гимназіи Фуссу: «Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ *одного молодого человека*, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса». Этимъ учителемъ своихъ товарищей былъ Пушкинъ, младшій изъ нихъ по лѣтамъ, но на котораго они невольно смотрѣли какъ на старшаго. Кромѣ его, въ издававшихся тогда журналахъ печатали свои стихи: баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Эти журналы были—въ Москвѣ: Вѣстникъ Европы, Россійскій Музеумъ (оба издавалъ Вл. Измаиловъ) и Труды Общества Любителей Россійской Словесности; въ Петербургѣ: Сынъ Отечества Греча и Сѣверный Наблюдатель П. А. Корсакова. Первое напечатанное стихотвореніе Пушкина (Другу-стихотворцу) появилось въ 1814 г. въ Вѣстникѣ Европы; первое же, подписанное полнымъ его именемъ (Воспомянія въ Царскомъ Селѣ), напечатано было въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности въ 1815 г. Сначала стихи Пушкина являлись въ печати подъ отдѣльными буквами его имени, но съ перестановкою ихъ, напр. Н. к. ш. п., или подъ цифрами 14—16. Эти цифры были его любимой подписью: первая означала букву *н*, которою кончалась его фамилія, а 16—*н*, которою она начиналась; кромѣ того число 14 было номеромъ его лицейской комнатки; этою цифрою любилъ онъ и впослѣдствіи подписывать свои записки къ товарищамъ.

Понятно, что прилежныя упражненія въ стихотворствѣ оставляли воспитанникамъ не много времени на слушаніе и приготовленіе

ніе уроковъ. Начальство, замѣтивъ это, запретило имъ сочинять, о чемъ Илличевскій сообщаетъ своему петербургскому пріятелю, прибавляя однакожь: «но мы съ нимъ (т. е. съ Пушкинымъ) пишемъ украдкою». Впрочемъ запрещеніе продолжалось недолго: уже черезъ мѣсяць послѣ приведеннаго извѣстія (26 апрѣля 1812 г.) Илличевскій пишетъ тому же молодому человѣку. «Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять».

Надо замѣтить, что и самые порядки въ новооткрытомъ учебномъ заведеніи не благопріятствовали или, вѣрнѣе, мѣшали учебнымъ занятіямъ. Тотъ же Илличевскій рассказываетъ Фуссу съ видимымъ торжествомъ: «Учимся въ день только семь часовъ, и то съ перемѣнами, которыя по часу продолжаются: на мѣстахъ никогда не сидимъ; кто хочеть учится, кто хочеть гуляетъ; уроки, сказать правду, не весьма велики». Это положеніе учебнаго дѣла продолжалось, при первомъ курсѣ, и послѣ. Въ 1814 году, въ концѣ пребыванія въ младшемъ курсѣ, Илличевскій пишетъ: «Ежели уроки мѣшаютъ тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки, а) страсть къ стихамъ». Нѣсколько позднѣе нашъ источникъ, разсуждая, что «всѣ училища на одну статью; что начало хорошо, чѣмъ же далѣе, тѣмъ хуже», хвастливо заявляетъ: «Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ свобода (а свобода дѣло золотое)... Лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ; съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся».

Все это можетъ служить краснорѣчивымъ объясненіемъ тѣхъ неодобренныхъ аттестацій, какія получалъ Пушкинъ отъ своихъ наставниковъ. Къ живости и пылкости его природы, къ его неодолимой потребности художественнаго творчества присоединялся соблазнъ успѣха и извѣстности, которые такъ легко доставались ему уже съ первыхъ шаговъ на поприщѣ гласности. Могъ ли онъ, при этихъ условіяхъ, отвѣчать обыкновеннымъ школьнымъ требованіямъ? Но его несправность въ приготовленіи уроковъ, которую приписывали лѣности, легкомыслію и т. п.,

вовсе не значила, что онъ не оказывалъ успѣховъ. Одинъ изъ біографовъ Пушкина¹⁾ справедливо замѣчаетъ, что онъ, несмотря на видимую свою невнимательность, «изъ преподаванія своихъ профессоровъ выносилъ болѣе нежели его товарищи», если исключить, прибавлю я, тѣхъ немногихъ, которые при блестящихъ способностяхъ отличались трудолюбіемъ и усидчивостью, каковы были кн. Горчаковъ и Вальховскій. Особенно же вознаграждалъ онъ недостатки преподаванія и приготовленія уроковъ чтеніемъ, и при своей необыкновенной памяти быстро усваивалъ себѣ навсегда все пріобрѣтенное этимъ путемъ. Читая его лицейскія стихотворенія, мы замѣчаемъ, что онъ знаетъ чрезвычайно много и не можемъ не приписать этого частью его начитанности, частью наблюдательности, быстротѣ пониманія, да еще свойственной гениальнымъ умамъ способности угадывать то, что людямъ обыкновеннымъ дается только долговременнымъ опытомъ. Сюда относится особенно раннее знаніе челоѣческаго сердца и пониманіе людскихъ страстей и отношеній. Не упоминаю о живости чувствъ, о пылкости воображенія, о юношеской игривости ума, которыя у Пушкина присоединялись къ сказаннымъ свойствамъ.

Изъ положительныхъ знаній, отражающихся въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, замѣчательно его знакомство съ греческимъ и римскимъ міромъ. Еще въ родительскомъ домѣ, до поступленія въ лицей, онъ прочелъ въ переводѣ Битобѣ всю Иліаду и Одиссею. Впрочемъ свои познанія въ мифологіи онъ почерпнулъ не изъ одного чтенія французскихъ поэтовъ, но и изъ книгъ, спеціально посвященныхъ этому предмету. Безъ сомнѣнія, и Кошанскій, объясняя на своихъ урокахъ поэтическія произведенія древнихъ, присовокуплялъ къ тому толкованія изъ исторіи литературы и мифологіи. Въ 1817 году Кошанскій издалъ учебникъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: «Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологію, обзорѣніе классическихъ авторовъ, мифологію и древности греческія и римскія». Это переводъ

¹⁾ См. *Сочиненія Плетнева*, т. I, стр. 366.

сочиненія Эшенбурга съ нѣкоторыми дополненіями переводчика. Но прежде изданія этой книги Кошанскій уже пользовался ею при своемъ преподаваніи. Такимъ образомъ намъ становится яснымъ, почему Пушкинъ еще въ лицѣ такъ любилъ заимствовать изъ древняго міра образы и сюжеты для своихъ стихотвореній.

Необыкновенное знаніе родного языка поражаетъ насъ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкина. Правда, что онъ нашелъ русскій поэтическій языкъ уже значительно обработаннымъ въ стихахъ Жуковскаго и Батюшкова; но Пушкинъ скоро придалъ ему еще болъшую свободу, простоту и естественность, болѣе и болѣе сближая его съ языкомъ народнымъ. Замѣтимъ, что въ самомъ постановленіи о преподаваніи въ лицѣ было правило: избѣгать всякой высокопарности, но это правило не всегда умѣли соблюдать и сами преподаватели, какъ показываютъ нѣкоторые дошедшіе до насъ отрывки изъ ихъ рѣчей. Наперекоръ имъ Пушкинъ опередилъ въ этомъ отношеніи свое время. Какая разница, напр., между стихами В. Л. Пушкина и его геніальнаго племянника, уже въ бытность его въ лицѣ! Лишь изрѣдка встрѣчаются у него поэтическія вольности въ родѣ усѣченныхъ прилагательныхъ и причастій, напр. *протекшии* дни, вм. *протекшіе* дни и т. п. Только въ тѣхъ немногихъ стихотвореніяхъ, гдѣ молодой поэтъ настраиваетъ свою лиру на торжественный ладъ, какъ-то: въ *Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ*, въ *Безвѣрїи*, *На возвращеніе императора Александра*, попадаются старинныя слова и формы, какъ напр. *Россовъ* въ рѣзю къ имени *Ломоносовъ*, *се* вм. *вотъ*, и т. п.

Нельзя безъ особеннаго наслажденія слѣдить за быстрымъ развитіемъ могучаго таланта въ юношескихъ его стихотвореніяхъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Первое начало такому расположенію сдѣлано было еще г. Анненковымъ въ 1855 г., но по доступнымъ въ то время матеріаламъ эта задача не могла быть разрѣшена вполнѣ удовлетворительно. Большою благодарностью обязана наша литература и исторія просвѣщенія В. П. Гаевскому, которому принадлежитъ первый

починъ въ разработкѣ внутренней исторіи лицея. Начавъ еще въ 1853 г. рядъ изслѣдованій по этому предмету въ статьяхъ о Дельвигѣ, г. Гаевскій въ 60-хъ годахъ перешелъ къ Пушкину¹⁾ и, пользуясь указаніями остававшихся еще въ живыхъ сверстниковъ поэта, сообщилъ много новыхъ данныхъ, которыми и воспользовались редакторы позднѣйшихъ изданій Пушкина.

По настроенію поэта, лицейскія стихотворенія его замѣтно распадаются на два отдѣла, или двѣ эпохи: первая продолжается отъ 1812 г. приблизительно до осени 1816, вторая отъ этого времени до выпуска его въ юнѣ 1817 года. Въ первой преобладаетъ веселое, эротическое направленіе, выражающееся въ игривой, легкой и граціозной формѣ; вторая, наступившая вслѣдствіе сильнаго сердечнаго увлеченія, отличается меланхолическимъ характеромъ и строгою формою большей части стихотвореній.

По содержанію и роду поэзіи, лицейскія стихотворенія Пушкина могутъ быть раздѣлены на посланія, анакреотическія пьесы, эпиграммы и вообще мелочи, затѣмъ стихотворенія торжественнаго содержанія и наконецъ рассказы въ эпическомъ родѣ. Между послѣдними встрѣчается уже и одна пьеса изъ русскаго сказочнаго міра, именно стихотвореніе *Бова*.

Въ каждомъ изъ этихъ родовъ можно еще отличить переводы и подражанія отъ оригинальныхъ стихотвореній. На первыхъ не буду останавливаться, равно-какъ и на французскихъ стихотворныхъ опытахъ Пушкина; извѣстно, что первыя пробы пера его были на французскомъ языкѣ, который, по общему въ то время обычаю, господствовалъ въ домѣ родителей его. Впослѣдствіи Пушкинъ считалъ такого рода упражненія на чужомъ языкѣ вредными для русской поэтической техники и совѣтовалъ лицеисту одного изъ позднѣйшихъ курсовъ²⁾, имѣвшему къ нимъ слабость, не писать французскихъ стиховъ.

Послѣ двухъ французскихъ четверостишій собраніе русскихъ

¹⁾ См. *Современникъ*, т. XXXVII, XXXIX, XLIII, XLVII и XCVII.

²⁾ Князю А. В. Мещерскому, воспитаннику 5-го выпуска (1829).

лицейскихъ стихотвореній Пушкина начинается двумя ребяческими обращеніями къ какой-то *Делии* и эротическою пьескою *Измѣны*, вызванной первымъ предметомъ его увлеченій, графинею Натальею Кочубей (дочерью бывшаго впоследствии государственнымъ канцлеромъ Виктора Павловича Кочубея, имѣвшаго въ Царскомъ Селѣ свою дачу). Въ послѣднемъ Пушкинъ уже называетъ себя *юнымъ пѣвцомъ*:

Ахъ, для тебя ли,
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтетъ?

Эти три пьесы относятся къ 1812 году, когда Пушкину было только 13 лѣтъ. За слѣдующій годъ мы не находимъ въ собраніи ни одного стихотворенія.

1814 годъ открывается двумя посланіями къ *Сестрѣ* и къ *Другу-стихотворцу*. Подражая Батюшкову въ духѣ и тонѣ своихъ стиховъ, Пушкинъ въ первыхъ своихъ опытахъ подражалъ и дядѣ своему. У Василья Львовича есть посланіе къ *Брату и другу*, т. е. къ отцу нашего поэта, которое начинается такъ:

Почто, мой другъ, судьбою
Съ тобой я разлученъ?

Стихами того же размѣра, которыми въпрочемъ также писали посланія Жуковскій и Батюшковъ, Александръ Сергѣевичъ обращается къ своей сестрѣ:

Ты хочешь, другъ бездѣнный,
Чтобъ я, поэтъ молодой,
Бесѣдовалъ съ тобой....

Идея этого посланія основана на шуткѣ, что лицей—монастырь, а молодой поэтъ чернецъ, живущій въ уединенной кельѣ. Ему представляется, что онъ изъ этой кельи вечернею порой вдругъ перелетаетъ на берега Невы и подноситъ сестрѣ *пучокъ стиховъ*:

Несу тебѣ не злато —
 Чернецъ я не богатой, —
 Въ подарокъ пукъ стиховъ.

При этомъ онъ старается угадать, чѣмъ она въ ту минуту занята, какого автора читаетъ изъ знакомыхъ ему Ж.-Жака Руссо, Жанлисъ, Гамильтона, Грея и Томсона, или она ласкается на колѣняхъ «моську престарѣлу, въ подушкахъ посѣдѣлу» и т. д.

Но вотъ онъ замѣчаетъ, что все это только мечта:

Увы, въ монастырѣ
 При блѣдномъ свѣчѣ сѣньѣ,
 Одинъ пишу сестрѣ;
 Все тихо въ мрачной кельѣ.

Затѣмъ онъ горюетъ о томъ, что былъ прежде знакомъ съ суетою (т. е. съ московскою жизнью), но

....вдругъ въ глухихъ стѣнахъ
 Явился заключеннымъ,
 Навѣки погребеннымъ,
 И міра красота
 Одѣлась черной мглою. . .

Но всего любопытнѣе конецъ посланія, въ которомъ поэтъ за три года до окончанія курса уже мечтаетъ о выпускѣ:

Но время протечетъ,
 И съ каменныхъ воротъ
 Падутъ, падутъ запоры,
 И въ пышный Петроградъ
 Черезъ долины, горы
 Ретивые примчатъ.
 Слѣша на новоселье,
 Оставлю темну келью,

Поля, сады свои;
 Подъ столъ клубукъ съ веригой —
 И прилечу *разстригой*
 Въ объятія твои.

Посланіе къ *Другу-стихотворцу*, которое, какъ уже было замѣчено, ранѣе всѣхъ другихъ его стихотвореній явилось въ печати, написано шестистопнымъ ямбомъ; подобно посланію дяди поэта къ Жуковскому и Вяземскому; даже и имя *Ариста* приданное другу, къ которому юный лицействъ обращается, заимствовано изъ посланія Василья Львовича, гдѣ мы встрѣчаемъ стихъ:

Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной.

Нѣкоторые думаютъ, что подъ другомъ-стихотворцемъ, или Аристомъ, въ посланіи Александра Сергѣевича надо разумѣть Дельвига, но это невѣрно, такъ какъ Пушкинъ съ самаго начала высоко цѣнилъ талантъ этого товарища, въ разсматриваемомъ же посланіи онъ совѣтуетъ другу отказать отъ стихотворства. Здѣсь опять преобладаетъ шуточный тонъ, напр. въ стихахъ:

На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и кропива. . .
 Страшися безславія!

Стараясь отвратить друга отъ поэзіи, Пушкинъ представляетъ ему между прочимъ незавидную судьбу, часто постигающую поэтовъ:

Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
 Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
 Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
 Лачужки подъ землей, высоки чердаки —
 Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
 Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы,

Катится мимо ихъ фортуны колесо;
 Родился нагъ — и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
 Камознсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
 Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
 Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
 Ихъ жизньъ — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Но едва ли не самое удачное мѣсто этой пьесы — извѣстный анекдотъ, рассказанный по поводу возраженія Ариста, что Пушкинъ, который самъ пишетъ стихи, отклоняетъ отъ нихъ другого:

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
 Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
 Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
 Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ —
 И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
 Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
 Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
 Попалися ему на встрѣчу мужики:
 «Послушай, батюшка, сказали протяки;
 Настави грѣшныхъ насъ — ты пить вѣдь запрещаешь,
 Быть трезвымъ всякому вездѣ повелѣваешь,
 И вѣримъ мы тебѣ, да чтожъ сегодня самъ?..»
 «Послушайте, сказалъ священникъ мужикамъ,
 Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте:
 Живите хорошо, а мнѣ не подражайте».

Изъ остальныхъ стихотвореній 1814 г. особеннаго вниманія заслуживаютъ *Городокъ* и *Пирующіе студенты*. *Городокъ* и по вымыслу и по формѣ (посланіе въ трехстопныхъ ямбахъ) — явное подражаніе Батюшкову, любимому въ это время поэту молодого Пушкина, который видывалъ его еще въ родительскомъ домѣ, а позднѣе и въ лицее. Въ томъ же году онъ пишетъ къ Батюшкову посланіе и называетъ его рѣзвымъ философомъ, изнѣженнымъ лю-

бимцемъ харить, русскимъ Парни, въ котораго Анакреонъ «вліялъ свой нѣжный духъ». *Городокъ* одно изъ тѣхъ лицейскихъ стихотвореній, въ которыхъ всего ярче является шутливое настроеніе поэта вмѣстѣ съ автобіографическимъ элементомъ. Юный авторъ выставляетъ тутъ и себя «философомъ лѣнливимъ», слѣдовательно имѣющимъ сходство съ Батюшковымъ. Въ посланіи Пушкина особенно любопытно описаніе его библіотеки и исчисленіе любимыхъ имъ писателей: тутъ на первомъ мѣстѣ поставленъ Вольтеръ, въ которомъ онъ, подобно императрицѣ Екатерианѣ II, признаетъ своего главнаго любимца:

Сынъ Мома и Минервы,
 Фернейскій злой крикунъ,
 Поэтъ, въ поэтахъ первый,
 Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
 Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
 Издѣтства сталъ пить;
 Всѣхъ больше перечитанъ,
 Всѣхъ менѣе томить;
 Соперникъ Эврипида,
 Эраты нѣжный другъ,
 Арьоста, Тасса внукъ —
 Скажу ль? . . . Отецъ *Кандида!*
 Онъ все: вездѣ великъ
 Единственный старикъ.

Послѣ исчисленія другихъ поэтовъ, въ числѣ которыхъ подобающее мѣсто отведено

Вержье, Парни съ Грекуромъ,

послѣ мѣткаго щелчка гр. Хвостову и заключительнаго обращенія къ «любимымъ творцамъ», весь день его занимающимъ, нашъ поэтъ переходитъ къ самому себѣ:

Когда же на закатѣ
 Послѣдній лучъ зари
 Потонетъ въ яркомъ златѣ,
 И свѣтлые цари
 Смеркающейся нощи
 Плывутъ по небесамъ,
 И тихо дремлютъ рощи,
 И шорохъ по лѣсамъ, —
 Мой геній невидимкой
 Летаеть надо мной,
 И я въ тиши ночной
 Сливаю голосъ свой
 Съ пастушьею волынкой.

Эти стихи напоминаютъ написанную Пушкинымъ уже въ Кашиневѣ пьесу *Муза*, въ которой онъ, вспоминая лицейское время, говоритъ:

По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
 Уже наигрывалъ я слабыми перстами
 И гимны важные, любимые богами,
 И пѣсни легкія веселыхъ пастуховъ.

Городокъ кончается стихами:

Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
 Кто лиру въ даръ отъ Феба
 Во цвѣтѣ дней возьметъ!
 Какъ смѣлый житель неба,
 Онъ къ солнцу воспарить,
 Превыше смертныхъ станеть,
 И слава громко грянетъ:
 «Безсмертенъ вѣкъ пійть!»

Такъ мечта о славѣ уже волнуетъ поэта; пятнадцатилѣтній Пушкинъ уже ясно сознаетъ свое поэтическое призваніе.

Въ стихотвореніи *Пирующіе студенты* воспѣвается одна изъ

тѣхъ товарищескихъ пирушекъ, которыя, по замѣчанію г. Гаевского, существовали болѣе въ воображеніи поэта, нежели въ дѣйствительности. Если вѣрить дошедшему до насъ, позднѣйшихъ лицействовъ, преданію, Пушкинъ не былъ любимъ большинствомъ своихъ товарищей: причиною тому былъ нѣсколько задорный характеръ его и остроуміе, которое иногда разыгрывалось на счетъ другихъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ однакожъ, именно съ тѣми, которые лучше понимали его и охотно прощали ему рѣзкія выходки, онъ былъ связанъ тѣсною дружбой, не охладѣвшею до конца его жизни. Это были: Дельвигъ, Матюшкинъ, Малиновскій, Вальховскій, кн. Горчаковъ, Яковлевъ и особенно Пушнъ, т. е. почти все тѣ самые товарищи, которыхъ Пушкинъ упоминаетъ въ первомъ и главномъ изъ своихъ стихотвореній на лицейскую годовщину. Къ этой же плеядѣ принадлежалъ отчасти и Илличевскій, первое время бывший съ Пушкинымъ въ нѣкоторомъ соперничествѣ какъ по страсти къ поэзіи, такъ и по остроумію. Большую часть этихъ первенцевъ лицея я зналъ еще лично: одни изъ нихъ, Дельвигъ, Вальховскій, какъ и самъ Пушкинъ, посѣтили при мнѣ лицей, другихъ я встрѣчалъ у гр. Корфа.

Въ пьесѣ *Пирующіе студенты* можно указать на нѣкоторыя черты, полнѣе и ярче выставленныя черезъ одиннадцать лѣтъ въ названномъ произведеніи на лицейскую годовщину. Этихъ товарищей Пушкинъ обезсмертилъ въ своихъ стихахъ съ тѣми особенностями, которыя каждаго изъ нихъ отличали. Подъ именемъ спартамца, которому онъ заставляеть президента пирушки поднести «воды въ стаканѣ чистой», разумѣется Вальховскій, такъ прозванный товарищами за его добровольно наложенный на себя суровый образъ жизни, а начальствомъ признанный за лучшаго воспитанника. Про него же поэтъ въ черновой редакціи 19-го октября говоритъ:

Спартанскою душой плѣняя насъ,
 Воспитанный суровою Минервой,
 Пускай опять Вальховскій будетъ первый.

Илличевскій не упоминается въ стихахъ на лицейскую годовщину, но въ *Лирующихъ студентахъ* къ нему относится обращеніе:

Острякъ любезный! По рукамъ:
 Полнѣй бокаль досуга,
 И вылей сотню эпиграммъ
 На недруга и друга.

Особенно друженъ поэтъ былъ съ Пуцинымъ, который впоследствии, во время принужденнаго пребыванія товарища въ Михайловскомъ, первый посѣтилъ его тамъ. Въ *Лирующихъ студентахъ* къ Пуцину обращены слова:

Товарищъ милый, другъ прямой,
 Тряхнемъ рукою руку...
 Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
 Нерѣдко и бранимся,
 Но чашу дружества нальемъ,
 И тотчасъ примиримся.

Пуцинъ не писалъ стиховъ¹⁾. Въ особомъ посланіи къ нему поэтъ такъ его характеризуетъ:

Въ спокойствіи златомъ
 Течетъ твой вѣкъ безпечный...
 Живешь, какъ жилъ Горацій,
 Хотя и не поэтъ...
 Ты любишь звокъ стакановъ
 И трубки дымъ густой,
 И демонъ метромановъ
 Не властвуетъ тобой.

М. Л. Яковлеву Пушкинъ говоритъ:

О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
 Однимъ весельемъ дышишь.

¹⁾ Любопытный отрывокъ изъ записокъ Пуцина, касающійся времени лицейскаго воспитанія, помѣщенъ въ 8-й книжкѣ *Атеней* 1859 года. Прозой Пуцинъ писалъ еще въ лицей, и, какъ самъ онъ сообщаетъ, кое-что изъ его трудовъ напечатано также въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ (*Ат.*, стр. 514).

Такимъ и я зналъ еще Яковлева. Веселость выражалась въ чертахъ его лица, его появленіе всегда оживляло общество; онъ былъ мастеръ пѣть романсы и нѣкогда не отказывалъ въ томъ. Пушкинъ прибавляетъ:

Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь;
Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою.

Далѣе онъ такъ обращается къ графу Брольо:

А ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса,
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее — завѣса.

О князѣ Горчаковѣ въ *Пирующихъ студентахъ* нѣтъ рѣчи. Въ этомъ товарищѣ-аристократѣ поэтъ видѣлъ блестящаго юношу, который по своей даровитости и прилежанію общался много въ будущемъ. Съ самаго ранняго возраста Пушкинъ понималъ, что ихъ ожидаютъ совершенно различныя судьбы. Незадолго передъ выпускомъ онъ говоритъ князю въ одномъ изъ своихъ посланій:

Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ,
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравный
И розный намъ оставить въ мѣрѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый и славный —
Моя стезя печальна и темна...

То же повторено въ извѣстной строфѣ 19-го октября, начинающейся стихами:

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ: Фортуны блескъ холодный

Не измѣнилъ души твоей свободной:

Все тотъ же ты для чести и друзей.

Нельзя не припомнить съ грустью, что въ позднѣйшіе годы своей жизни кн. Горчаковъ отвѣчалъ отказомъ на предложеніе быть членомъ комитета по сооруженію памятника славному товарищу, который въ молодости оказывалъ ему такое сочувствіе: не такъ поступили Матюшкинъ и гр. Корфъ, хотя послѣдній во многомъ слишкомъ строго судилъ своего товарища. Не оправдалъ кн. Горчаковъ и ожиданіе Пушкина отъ послѣдняго лицейста 1-го курса, выраженное въ одной изъ послѣднихъ строчекъ 19-го октября:

Кому жъ изъ насъ подъ старость день лица

Торжествовать придется одному?...

Несчастный другъ!... Средь новыхъ поколѣній,

Докучный гость, и лишній и чужой,

Огъ вспомнить насъ и дни соединеній,

Закрывъ глаза дрожащею рукой...

Къ сожалѣнію, эта картина осталась несбывшеюся мечтою поэта.

Между тѣмъ кн. Горчаковъ до глубокой старости гордился дружбою Пушкина и зналъ на память обращенныя къ нему посланія знаменитаго товарища, изъ которыхъ одно онъ прочиталъ мнѣ наизусть, когда я отправлялся въ Москву на открытіе памятника поэту.

При сличеніи стихотворенія *Пирующіе студенты* съ «лицейскою годовщиной» 1825 года особенно поразительна разность строенія въ той и другой пьесѣ. Въ первой юношеская безпечность, шалость и удалъ, во второй глубокое меланхолическое чувство человѣка, уже много испытывашаго въ жизни, хотя между созданіемъ обѣихъ прошло не много болѣе десятилѣтій. Къ 19-му октября мы еще возвратимся.

Въ 1815 году поэзія Пушкина достигаетъ уже сильнаго развитія не только по количеству новыхъ произведеній, но и по раз-

вообразію и серіозности мотивовъ. Онъ болѣе и болѣе сознаеть свое дарованіе и въ пьесѣ *Мечтатель* уже говоритъ музѣ:

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
 Пѣвца ты осѣнила,
 Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
 Чело его покрыла,
 И, горнимъ свѣтомъ озарясь,
 Влетала въ скромну келью,
 И чуть дышала, преклонясь
 Надъ дѣтской колыбелью.

1815 годъ начинается одою *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, которую поэтъ готовилъ еще въ концѣ предыдущаго года къ экзамену при переходѣ въ старшій курсъ. Не буду повторять извѣстныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея чтеніе передъ собравшимися въ лицей посѣтителеми; замѣчу только, что несмотря на торжественный, непривычный Пушкину тонъ ея и на нѣкоторыя архаическія формы языка, она представляетъ много прекрасныхъ мѣстъ въ описаніи Царскаго Села и въ связанныхъ съ нимъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Въ одной изъ послѣднихъ строфъ поэтъ обращается къ Наполеону:

Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
 Презрѣвшій правды гласъ и вѣру и законы?
 Въ гордынѣ возмечтавъ мечомъ низвергнуть троны,
 Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ.

Въ этомъ же году образъ завоевателя, его быстро прогрессирующая слава и шумное паденіе не разъ воодушевляють Пушкина, напр. въ торжественномъ привѣтствіи на возвращеніе государя изъ Парижа:

Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою!
 Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
 И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ! и т. д.

Сюда относится особенно замѣчательное стихотвореніе *Наполеонъ на Эльбѣ*, въ которомъ молодой поэтъ пытается угадать что долженъ былъ думать и чувствовать царственный узникъ, когда онъ готовился возвратить себѣ свободу. Вотъ онъ рѣшается, наконецъ, выполнить свой дерзкій замыселъ:

Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
 Кругомъ простерта мгла густая,
 И взоромъ гибели сверкая,
 Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.

Тутъ смѣлость метафоръ вполне достойна необычайной картины.

Въ стихахъ *Принцу Оранскому*, написанныхъ въ 1816 г. по просьбѣ Нелединскаго Мелецкаго, изображена окончательная судьба Наполеона:

Свершилось... подвигомъ царей
 Европы твердый миръ основанъ;
 Оковы свергнувшій злодѣй
 Могущею бранью снова скованъ....

Какая противоположность между этимъ языкомъ юноши, увлеченнаго общимъ въ то время негодованіемъ на сверженнаго колосса, и тѣмъ великодушнымъ словомъ примиренія, которое произноситъ возмужалый поэтъ надъ гробомъ его:

Хвала! онъ Русскому народу
 Высокій жребій указалъ
 И міру вѣчную свободу
 Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Такъ, среди легкихъ вдохновеній, въ стихахъ Пушкина уже отражались и важныя думы, къ которымъ подавали ему поводъ современныя всемірно-историческія событія. При оцѣнкѣ поэтического характера жизни 1-го курса лицейстовъ нельзя опускать изъ виду и того живительнаго вліянія, какое должны были про-

изводить на нихъ славныя событія эпохи, которую переживала Россія при общемъ патріотическомъ чувствѣ и національной гордости, одушевлявшихъ всѣ сословія. Время это должно было дѣйствовать возбуждительно на всякое художественное дарованіе.

Не имѣя возможности въ настоящемъ случаѣ принять на себя полный обзоръ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, я принужденъ ограничиться поименованіемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Уже въ первой половинѣ 1815 г. явилось его превосходное произведеніе: *Лицинію*, обратившее на себя общее вниманіе и заставившее самихъ родственниковъ поэта сознать его призваніе, въ которомъ они прежде сомнѣвались; затѣмъ: *Роза*, *Гробъ Анакреона*, *Усы*, *Друзьямъ*, *Пробужденіе*, *Плещи*, *Жуковскому* и проч.

Поговорю еще только о лицейскихъ посланіяхъ Пушкина, какъ одной изъ любимыхъ формъ его тогдашней поэзіи, и притомъ наиболѣе знакомящихъ насъ съ личностью самого поэта и съ внутреннею стороною лицейскаго быта. Въ 1816 г. мы находимъ у Пушкина цѣлый рядъ посланій. Онъ начинается посланіемъ къ одному изъ наставниковъ, къ Галичу.

Галичь, бывшій адъюнктомъ философіи въ Педагогическомъ институтѣ, попалъ въ лицей случайно; именно, вслѣдствіе тяжкой болѣзни Кошанскаго, принужденнаго для лѣченія переѣхать въ Петербургъ, Галичь былъ приглашенъ на время его отсутствія для преподаванія лицеистамъ русской и латинской словесности. Такимъ образомъ онъ болѣе года замѣнялъ Кошанскаго и для этого пріѣзжалъ въ Царское Село. Но Галичь ни по характеру своему, ни по складу ума вовсе не годился для порученнаго ему дѣла. Онъ привыкъ читать лекціи въ аудиторіи, а тутъ ему надо было заниматься преподаваніемъ въ классѣ. Скоро уроки его обратились въ непринужденныя и часто веселыя бесѣды съ воспитанниками, которые даже не оставались на своихъ мѣстахъ, а окружали толпой каеэдру снисходительнаго лектора, въ свободныя же часы дружески посѣщали его въ отведенной ему ком-

натѣ. Когда во время уроковъ приходилось иногда, по обстоятельствамъ, перервать занимательный разговоръ о томъ и семъ, то Галичъ, взявъ въ руки Корнелія Непота, говаривалъ: «теперь потреплемъ старика». Впрочемъ надо прибавить, что при обширныхъ познаніяхъ Галича нельзя считать его бесѣдъ съ лицами бесполезными для ихъ образованія, и конечно такой любознательный юноша, какъ Пушкинъ, могъ почерпнуть изъ нихъ много новыхъ свѣдѣній. Эти предварительныя замѣчанія были необходимы, чтобы объяснить содержаніе и тонъ посланій Пушкина къ Галичу. «Пушкинъ, говоритъ біографъ Галича, покойный акад. Никитенко¹⁾, особенно полюбилъ молодого философа, который не истязалъ ни его, ни товарищей склоненіями и спряженіями и былъ уменъ, веселъ, остроуменъ какъ самъ талантливый поэтъ». Еще въ 1814 году, въ пьесѣ *Пирующіе студенты*, Пушкинъ жалуеъ Галича въ президенты пирушки и говоритъ:

Апостолъ нѣги и прохладъ,
 Мой добрый Галичъ, vale!
 Ты Эпикуровъ младшій братъ,
 Душа твоя въ бокалѣ.

Въ 1815 г. поэтъ посвящаетъ ему два посланія, въ которыхъ выражаетъ нетерпѣніе опять увидѣться съ милымъ собесѣдникомъ, зоветъ его пировать въ Царское Село. Въ первомъ изъ нихъ говорится между прочимъ:

О Галичъ, вѣрный другъ бокала,
 И жирныхъ утреннихъ пировъ!
 Тебя зову, мудрецъ лѣнивый,
 Въ пріютъ поэзіи счастливой
 Подъ отдаленный нѣги кровъ!
 Давно, въ моемъ уединеньи,
 Въ кругу бутылокъ и друзей,
 Не зрѣли кружки мы твоей, и т. д.

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1869, № 1.

Конецъ посланія любопытенъ тѣмъ, что здѣсь выражено первоначальное намѣреніе поэта поступить въ военную службу:

Простите, дѣвственныя музы!
 Прости, пріютъ младыхъ отрадь!
 Надѣну узкія рейтузы,
 Завью въ колечки гордый усь,
 Заблещетъ нара эполетовъ,
 И я, питомецъ важныхъ музъ,
 Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!

Второе, болѣе длинное посланіе къ Галичу, такъ начинается:

Гдѣ ты, лѣнивѣцъ мой,
 Любовникъ наслажденья?
 Ужель уединенья
 Не милъ тебѣ покой?

Изъ этого посланія мы узнаемъ, что и Галичъ участвовалъ въ поэтическихъ состязаніяхъ своихъ учениковъ. Пушкинъ называетъ его парнасскимъ бродягой, упрекаетъ въ измѣнѣ музамъ и спрашиваетъ, чѣмъ же онъ теперь занятъ: ужели *поэтъ* кружится въ вихрѣ свѣта, ужели проводить время въ театрѣ

И спитъ подъ страшнымъ ревомъ
 Актеровъ и смычковъ?

или поклоняется сильнымъ міра,

Иль Креза за столомъ
 Въ куплетѣ заказномъ
 Трусливо величаетъ?

Нѣтъ! отвѣчаетъ Пушкинъ на свои вопросы —

Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
 Поклону ты не сроденъ:

Другъ мудрости прямой —
Правдивъ и благороденъ, и т. д.

Въ заключеніе поэтъ убѣждаетъ его бѣжать столицы и описываетъ, какъ молодые друзья поспѣшаютъ къ нему на встрѣчу:

Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу
И стансы винограду,
И къ Лиліи куплетъ —
И полонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ;
Вотъ съ милымъ острякомъ (т. е. съ Илличевскимъ)
Нашъ пѣсельникъ тащится (т. е. Яковлевъ)
По лѣстницѣ съ гудкомъ,
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ...

Понятно, что такой наставникъ очень правился воспитанникамъ, но былъ не по сердцу начальству и задолго до выздоровленія Кошанскаго получилъ увольненіе. Понятно, что и Кошанскій, возвратясь, не могъ быть доволенъ успѣхами лицестовъ за время его отсутствія и не одобрялъ ни способа занятій съ ними Галича, ни вакхическихъ произведеній своего даровитаго ученика. Есть отзывъ Кошанскаго о Пушкинѣ, данный черезъ годъ съ небольшимъ послѣ открытія лица, именно въ ноябрѣ 1812 года. Вотъ этотъ отзывъ: «Больше имѣетъ понятливости, нежели памяти, больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ основательному, почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержать: ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми воспитанниками; успѣхи его въ латинскомъ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны». Если исключить первое замѣчаніе о недостаткѣ памяти у Пушкина, то нельзя не признать этого свидѣтельства справедливымъ. Нѣтъ причины

предполагать, чтобы Кошанскій и послѣ относился къ Пушкину съ предубѣжденіемъ, и чье-то позднѣйшее показаніе, будто онъ подъ конецъ изъ зависти преслѣдовалъ молодого поэта, весьма сомнительно. Но Пушкинъ, избалованный похвалами, оскорбился замѣчаніями своего профессора и излилъ свое неудовольствіе въ посланіи *Моему Аристарху*:

Помилуй, *трезвый* Аристархъ
 Моихъ *бакхическихъ* посланій!
 Не осуждай моихъ мечтаній
 И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ.

.....
 Я знаю самъ свои пороки:
 Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
 Твоей учености сухой.

Далѣе поэтъ, похвалившись легкостью, съ какой даются ему стихи, посмѣявшись надъ Хвостовымъ съ товарищи и сравнивъ себя съ Шапелемъ, Шамфоромъ, Шолье и Парни, обращается къ этимъ любимцамъ своимъ:

О вы, любезные пѣвцы,
 Сыны безопасности лѣнливой!
 Давно вамъ отданы вѣянцы
 Отъ музы праздности счастливой;
 Но не блестящіе дары
 Поэзіи трудолюбивой —
 Наверхъ ессальскія горы
 Вели васъ тайные извивы;
 Веселыхъ грацій персть игривый
 Младя лиры оживлялъ.
 И я — неопытный поэтъ,
 Небрежныхъ вашихъ риѣмъ послѣдникъ,
 За вами крадуся вослѣдъ...
 А ты, мой скучный проповѣдникъ,

Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
 Поди, кричи, брани другого
 И брось лѣнивца молодого,
 Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

Изъ многихъ мѣстъ посланія видно, что Кошанскій, между прочимъ, упрекалъ Пушкина за излишнюю поспѣшность въ сочиненіи стиховъ. Ради необыкновеннаго таланта, выразившагося и въ этой пьесѣ, можно конечно простить ее молодому поэту, но надо сознаться, что она вовсе не бросаетъ тѣни на профессора, заблудившагося о болѣе серіозномъ направленіи и усовершенствованіи юнаго дарованія. Самъ Пушкинъ оправдалъ тогда же такую заботу тѣми изъ своихъ стихотвореній, которыя, отличаясь своимъ строгимъ содержаніемъ, конечно стоили ему и не мало труда. Таково напр. его прекрасное посланіе къ Жуковскому, напечатанное рядомъ съ посланіемъ къ Кошанскому.

Посланія Пушкина къ товарищамъ: къ барону Дельвигу, къ Пуцину, къ кн. Горчакову, дышатъ по большей части веселостью: съ Пуцинымъ онъ вспоминаетъ ихъ пирушки, съ Дельвигомъ шутитъ о поэзій, съ Горчаковымъ ведетъ бесѣду о его блестящихъ преимуществахъ и предстоящихъ ему въ свѣтѣ успѣхахъ; но иногда въ этихъ посланіяхъ звучать и болѣе глубокія ноты. Такъ во 2-мъ посланіи къ Дельвигу (1817) онъ говоритъ:

О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
 Еще въ младенческую грудь
 Вліяли искру вдохновенья,
 И тайный указали путь.
 Я мирныхъ звуковъ наслажденья
 Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
 И лира стала мой удѣлъ.

Къ Горчакову первое посланіе писано на его именины, второе относится ко времени элегическаго настроенія поэта и содержитъ жалобы на судьбу:

Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья:
 Двѣ-три весны младенцемъ можетъ-быть
 Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
 Они прошли, и т. д.

На дружескій союзъ товарищества лицейстовъ Пушкинъ смотрѣлъ, еще въ послѣднее время своего воспитанія, какъ на что-то высокое и священное. Такъ, незадолго передъ выпускомъ онъ пишетъ въ альбомъ Пущину:

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
 Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
 Печали, радости, мечты души твоей,
 Размолвки дружества и сладость примиренья,
 Что было и не будетъ вновь. . .

И съ тихими тоски слезами
 Ты вспомни первую любовь.

Мой другъ! *она* прошла. . . но съ первыми *друзьями*
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключень:

Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
 О милый, вѣченъ онъ.

Глубокій смыслъ заключается въ послѣднихъ двухъ стихахъ, произнесенныхъ какъ будто въ предчувствіи грозной судьбы, ожидавшей поэта. Около того же времени онъ пишетъ въ стихахъ, посвященныхъ Кюхельбекеру:

Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
 При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.

Идея о святости лицейскаго братства пріобрѣтала въ душѣ Пушкина все болѣе силы и глубины по мѣрѣ того какъ кругъ товарищей его рѣдѣлъ и самъ онъ съ лѣтами серіознѣе смотрѣлъ на жизнь. Высшаго своего выраженія мысль эта достигла

въ одной изъ строчъ *19-го октября* (1825 г.), стихотворенія, исполненнаго глубокой грусти подъ впечатлѣніемъ одиночества поэта въ Михайловскомъ. Отъ обращенія къ Матюшкину онъ переходитъ къ мысли о всѣхъ своихъ товарищахъ:

Друзья мои! прекрасенъ нашъ союзъ!
 Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
 Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
 Сростался онъ *подъ сѣнью дружныхъ музъ.*

Послѣдній стихъ указываетъ на облагораживающее вліяніе поэзіи, подъ которымъ развивалась лицейская семья. Воспоминанія Пушкина о лицее и сознаніе высокаго значенія товарищества періодически выражались въ его стихахъ на годовщину основанія лицея, которую онъ также называетъ святою. Эти чудныя пѣсни скрѣпляли узы дружбы не только между его товарищами, но и между воспитанниками послѣдующихъ курсовъ, и такимъ образомъ Пушкина надо считать главнымъ творцомъ и хранителемъ идеи товарищескаго братства, перешедшей во всей своей теплотѣ къ послѣдующимъ поколѣніямъ лицейстовъ.

Въ то же время Пушкинъ болѣе и болѣе сознавалъ свои юношескія заблужденія, жалѣлъ объ утраченномъ времени и осуждалъ легкое, суетное направленіе первоначальной своей поэзіи. Доказательствъ тому много и въ стихотвореніяхъ его, и въ дружескихъ письмахъ. Такъ въ годовщинѣ 1825 года онъ говоритъ:

Служенье музъ не терпитъ суеты,
 Прекрасное должно быть величаво,
 Но юность намъ совѣтуетъ лукаво
 И шумныя насъ радуютъ мечты.
 Опомнимся, но поздно... и уныло
 Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.

Одно изъ самыхъ трогательныхъ воспоминаній Пушкина о лицее мы находимъ въ стихотвореніи, написанномъ по по-

воду перваго посѣщенія имъ Царскаго Села (въ 1828 г.) послѣ многихъ лѣтъ отсутствія, послѣ столькихъ огорченій, невзгодъ и превратностей судьбы, испытанныхъ имъ въ бурной молодости, въ слѣдствіе его страстной, кипучей природы:

Воспоминаньями смущенный,
 Исполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасные, подъ сумракъ ващъ священный
 Вхожу съ поникшею главою!

.....
 Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
 Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,

Воображалъ сіи сады!
 Воображалъ сей день счастливый,
 Когда средь нихъ возникъ лицей,
 И слышалъ снова шумъ игривый
 И видѣлъ вновь семью друзей!

Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнливымъ,
 Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
 Скитался по дугамъ, по рощамъ молчаливымъ...

Поэтомъ забывался я!

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату Льву Сергѣевичу поэтъ нашъ очень рѣзко отзывается о своемъ воспитаніи. Въ запискѣ же объ образованіи юношества онъ съ явною мыслию о годахъ своего пребыванія въ лицей говоритъ: «Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, приучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя».

Присоединимся ли мы къ Пушкину въ его самоосужденіи? произнесемъ ли надъ нимъ строгій приговоръ за его недостаточное прилежаніе въ лицей, за пренебреженіе уроками наставни-

ковъ? Вспомнимъ обстоятельства, въ которыхъ пришлось жить первоначальному лицу, вспомнимъ господствовавшую въ немъ долгое время неурядицу, затѣмъ несовершенство тогдашнихъ методовъ преподаванія, отсутствіе порядочныхъ учебниковъ, и согласимся, что если бъ Пушкину довелось поступить въ учебное заведеніе вполнѣ организованное, если бъ онъ воспитывался при другихъ условіяхъ, то и занятія его въ годы воспитанія приняла бы другой характеръ. Но и въ данныхъ обстоятельствахъ Пушкинъ по-своему не терялъ времени: воспѣвая лѣнь, сонъ и кутежъ, онъ любознательнымъ умомъ своимъ безустанно работалъ, и къ нему самому вѣрнѣе нежели къ кому-либо другому могутъ быть отнесены слова, сказанныя имъ незадолго передъ выпускомъ въ посланія къ гусару Каверину:

Что рѣзвыхъ шалостей подѣ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный и сердце можно скрыть.

Вопреки собственному увѣренію, онъ тщательно и добросовѣстно отдѣлывалъ свои юношескія стихотворенія, безъ чего они не были бы въ такой степени закончены; въ лицѣ онъ приобрѣлъ привычку къ труду, къ самодѣятельности, тамъ онъ положилъ прочное основаніе своему будущему творчеству, своей будущей славѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало и славѣ лица, тому возвышенному духу, который, благодаря поэзіи Пушкина, не умиралъ въ этомъ заведеніи. Но умеръ Пушкинъ! Смерть, о которой онъ нерѣдко задумывался еще въ годы своего воспитанія (какъ видно изъ многихъ мѣстъ его тогдашнихъ стихотвореній), преждевременно сразила великаго сына лица. Пусть же лицей, въ пятидесятилѣтнюю годовщину его смерти, горячо благословитъ память своего незабвеннаго питомца, который такъ любилъ его, такъ лелѣялъ въ душѣ своей воспоминанія о немъ и въ своихъ стихахъ такъ прекрасно увѣковѣчилъ свое родство съ лицеемъ.

Въ заключеніе приведу, съ небольшимъ измѣненіемъ, нѣскольکو стиховъ Пушкина, которые могутъ быть примѣнены къ нему самому:

. . . Сокрылся онъ,
 Любви, забавъ питомецъ нѣжный;
 Кругомъ него глубокій сонъ
 И хладъ могилы безмятежный.

 Такъ, онъ угасъ во цвѣтѣ лѣтъ,
 И на краю большой дороги,
 Гдѣ липа старая шумить,
 Забывъ сердечныя тревоги,
 Нашъ дорогой пѣвецъ лежитъ . . .
 Напрасно блещетъ лучъ денницы,
 Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
 И вокругъ безчувственной гробницы
 Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;

 Ничто пѣвца не вызываетъ
 Изъ мирной сѣни гробовой¹⁾.

¹⁾ Изъ стихотворенія *Гробъ юноши*, написаннаго на смерть лицейскаго товарища, Курсакова (1821).

II.

ЦАРКОСЕЛЬСКІЙ ЛИЦЕЙ¹⁾.

Велико значеніе поэта, который проводитъ въ сознаніе народа жизнь его и изъ тайниковъ родного слова вызываетъ новый міръ идей, образовъ и звуковъ. Царкосельскій лицей, давшій Россіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей на разныхъ поприщахъ, болѣе всего однакожъ привлекаетъ вниманіе потомства тѣмъ, что въ немъ началъ свое развитіе гениальный русскій поэтъ. Лицей былъ назначенъ для приготовленія молодыхъ людей «къ важнымъ частямъ государственной службы», но иронія судьбы устроила, что первымъ блестящимъ плодомъ его воспитанія былъ юноша, вовсе не годившійся для службы и однакоже болѣе всѣхъ прославившій это заведеніе. Еще прежде нежели провозносились имена знаменитыхъ въ наше время питомцевъ первоначальнаго лицея, Пушкинъ былъ извѣстенъ всей Россіи, какъ воспитанникъ перваго выпуска его. Въ позднѣйшее время нашлись люди, которые стали собирать подробности пребыванія въ немъ нашего по-

¹⁾ Эта статья первоначально появилась подъ заглавіемъ: «Первенцы лицея и его преданія» въ сборникѣ *Складчина*, изданномъ въ 1874 году въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губ. Прежде напечатанія она была читана въ засѣданіяхъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ и тогда же предполагалось дать ей мѣсто въ академическомъ *Сборникѣ*; но за другими заботами и дѣлами предположеніе это до сихъ поръ оставалось неисполненнымъ. Теперь статья печатается въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

эта и его товарищей. И не мудрено: цѣлый отдѣлъ стихотвореній Пушкина, отдѣлъ, исполненный блеска и игривости молодой жизни, отмѣченъ именемъ лицея; всякая черта, служащая къ разъясненію этого періода пушкинской поэзіи, становится драгоцѣнна.

Къ сожалѣнію, сами воспитанники лицея и близкаго ему лицейскаго пансіона сдѣлали не много для исторіи этихъ заведеній. Лицейскій пансіонъ возникъ очень скоро послѣ лицея, имѣлъ съ нимъ отчасти то же начальство и тѣхъ же преподавателей, и потому исторія одного тѣсно связана съ исторіею другого. Изъ воспитанниковъ ихъ только двое серьезно, хотя и различно, потрудились въ этомъ дѣлѣ, именно В. П. Гаевскій и безыменный авторъ (князь Н. Голицынъ?) книги: *Благородный пансіонъ Царско-сельскаго Лицея* (С.-Петербургъ, 1869 года).

Г. Гаевскій напечаталъ въ *Современникѣ* 1853 и 1854 годовъ три замѣчательныя и очень талантливо написанныя статьи о Дельвигѣ, въ которыхъ не могъ не коснуться также Пушкина и лицея вообще, а потомъ, въ 1863 году, онъ помѣстилъ въ томъ же изданіи двѣ столь же интересныя статьи подъ заглавіемъ: *Пушкинъ въ Лицее и его лицейскія стихотворенія*. Въ названной книгѣ о царскосельскомъ пансіонѣ разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ весьма обстоятельно и съ большою любовью вся жизнь этого воспитательнаго заведенія въ связи отчасти съ исторіею лицея. Сюда же слѣдуетъ отнести часть записокъ Пуштина, одного изъ товарищей поэта, напечатанную въ московскомъ *Атенее* 1859 г. Во время приготовленій къ празднованію пятидесятилѣтія лицея тогдашній бібліотекарь его, И. Я. Селезневъ, занялся, по приглашенію юбилейной комиссіи, разработкою лицейскаго архива и издалъ сперва матеріалы для исторіи этого заведенія, а потомъ довольно подробный «очеркъ» ея, основываясь главнымъ образомъ на официальныхъ источникахъ. Г. Селезневъ, хотя по мѣсту своего образованія чуждый лицее, умѣлъ однакожь оживить точную передачу фактовъ теплымъ сочувствіемъ къ учрежденію и его воспитанникамъ, и, вообще говоря, выполнилъ свою задачу весьма удовлетворительно. Тогда же старинный лицейскій про-

Фессоръ, нынѣ покойный, И. П. Шульгинъ сообщилъ въ рѣчи, произнесенной на торжественномъ актѣ, рядъ своихъ собственныхъ воспоминаній. Наконецъ, къ числу занимавшихся пушкинскимъ періодомъ лицея надобно присоединить двухъ постороннихъ писателей, которые значительно подвинули разработку біографіи поэта, — гг. Бартенева и Анненкова. При исчисленіи книгъ и статей, касающихся исторіи лицея, нельзя умолчать также объ одномъ важномъ рукописномъ источникѣ, на который гг. Гаевскій и Анненковъ часто ссылаются. Это «замѣтки стараго лицеиста», набросанныя въ 1854 г. барономъ (впослѣдствіи графомъ) М. А. Корфомъ по прочтеніи статьи П. И. Бартенева о пребываніи Пушкина въ лицей (*Московскія Вѣдомости* того же года, №№ 117—119). Обязательность покойнаго автора «замѣтокъ» даетъ и мнѣ возможность пользоваться въ настоящемъ случаѣ этимъ драгоценнымъ матеріаломъ. Прибавлю, что въ моихъ рукахъ находятся сверхъ того остатки архива перваго курса лицея, хранившіеся у покойнаго адмирала Θ. Θ. Матюшкина. Чувствуя упадокъ силъ, онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ 1872 году, передалъ ихъ въ наслѣдство мнѣ, какъ лицеисту, для котораго преданія стараго лицея всегда были особенно дороги.

Изъ всего такимъ образомъ напечатаннаго и написаннаго о старомъ лицей можно теперь узнать гораздо болѣе, нежели сколько было извѣстно въ стѣнахъ самаго заведенія воспитывавшимся въ немъ молодымъ людямъ позднѣйшихъ поколѣній. При всемъ томъ нельзя согласиться съ Анненковымъ, чтобы мы имѣли уже, какъ онъ говоритъ, *полную* исторію лицея. Много остается еще добавить, выяснить и провѣрить, тѣмъ болѣе что въ разсказахъ самихъ воспитанниковъ перваго выпуска встрѣчаются немаловажныя разнорѣчія: новое доказательство, какъ трудно добывать достовѣрныя историческія свѣдѣнія даже о близкой къ намъ эпохѣ.

Какъ о наставникахъ, такъ и о товарищахъ своихъ старинные лицеисты въ нѣкоторыхъ случаяхъ отзываются различно, каждый по своимъ впечатлѣніямъ. Въ примѣръ достаточно привести несходныя сужденія Пушкина и графа Корфа о Куницынѣ,

или взгляды на самого поэта, высказанные съ одной стороны тѣмъ же Модестомъ Андреевичемъ, съ другой Пуццинымъ. Разногласія обнаруживаются даже въ фактическихъ показаніяхъ. Такъ послѣдній изъ названныхъ лицействовъ обстоятельно говорить о впечатлѣніи, произведенномъ на императора Александра Павловича, при выпускѣ перваго курса, прощальною пѣсню Дельвига, а по свидѣтельству гр. Корфа государь совѣмъ не присутствовалъ при ея пѣніи.

Обратившись къ предмету настоящей статьи по поводу скопившихся у меня лицейскихъ бумагъ, я однакожь никакъ не берусь во всѣхъ частныхъ случаяхъ рѣшить, на чьей сторонѣ правда; не имѣю также въ виду существенно дополнить исторію лицея. Мое намѣреніе только собрать нѣсколько о немъ воспоминаній, чтобы показать и хорошія и дурныя стороны этого заведенія и тѣмъ способствовать къ правильному пониманію значенія его въ исторіи русскаго образованія. Притомъ же я вполнѣ сочувствую замѣчанію Анненкова, что въ виду близкаго сооруже- нія памятника Пушкину, «на совѣсти cadaго, имѣющаго возможность пояснить нѣкоторыя черты его нравственной физіономіи, лежитъ обязанность сказать свое сильное слово, какъ бы мало-важно оно ни было». На исторію перваго періода существованія лицея съ характеристиккою лицъ, къ нему принадлежавшихъ, надобно смотрѣть какъ на одинъ изъ матеріаловъ для другого, рисующагося въ воображеніи всенароднаго памятника Пушкину — историко-критическаго изданія его сочиненій.

Имена лицея и Пушкина неразрывно связаны между собою въ культурной исторіи Россіи, и трудно сказать, кто кому болѣе обязанъ: Пушкинъ лицю, или лицей Пушкину.

Вся обстановка новаго училища была необыкновенно благоприятна для развитія поэтическаго таланта. Царское Село соединяло въ себѣ двойное обаяніе свѣжихъ историческихъ воспоминаній и живописныхъ красотъ мѣстности, хотя и созданныхъ болѣе чудесами искусства, чѣмъ природой. Съ одной стороны сады и рощи, очаровательно-тихое уединеніе, величавые памятники

военной славы; съ другой — невидимый, но присущій, исполнинскій и прекрасный образъ геніальной Екатерины. Понятно, какъ сильно это двойное обаяніе должно было дѣйствовать на воспріимчивую душу одного изъ первенцевъ лицея. Удивительно ли, что обѣ стороны такой обстановки ярко отразились въ творчествѣ молодого поэта? Онѣ и впослѣдствіи не утратили своего живительнаго вліянія на его фантазію. Лицейскія воспоминанія до конца жизни съ неизмѣнною силою возвращаются въ его стихотвореніяхъ. Сущность его отношеній къ лицеоу и Царскому Селу прекрасно выражена въ стихахъ, написанныхъ имъ при возвращеніи послѣ многихъ лѣтъ къ дорогимъ мѣстамъ:

Воспоминаньями смущенный,
 Исполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасные, подѣ сумракъ вапъ священный
 Вхожу съ поникшею главою!
 Такъ отрокъ Библии, безумный расточитель,
 До капли истощивъ раскаянья фіаль,
 Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
 Главою поникъ и зарыдалъ...

Среди суетныхъ увлеченій и въ тяжелыя минуты поэтъ обращался къ святынямъ своихъ воспоминаній:

И славныхъ лѣтъ передо мною
 Являлись вѣчные слѣды:
 Еще исполнены великою женою,
 Ея любимые сады
 Стоять населены чертогами, столпами... и проч.

Пушкинъ не остался въ долгу у заведенія, въ которомъ видѣлъ колыбель своей славы. Значеніе поэта для позднѣйшаго царскосельскаго лицея заключалось не въ одномъ блескѣ его имени, которымъ это учрежденіе гордилось, не въ одной любви, съ какою онъ прославлялъ лицей въ стихахъ своихъ: воспомина-

ніе о Пушкинѣ дало основной тонъ и цвѣтъ всей внутренней жизни лицея. Конечно, и послѣ него, какъ при немъ, строго-научное направленіе не пустило корня въ стѣнахъ этого разсадника министерствъ и гвардіи. Лицей по ученію оставался далекъ даже отъ того идеала высшаго учебнаго заведенія, который имѣли въ виду при его основаніи. Но преданіе о Пушкинѣ и его товарищахъ удержало лицей на томъ пути, на который онъ твердо сталъ съ самаго начала. Имя Пушкина было для лицея палладиумомъ и спасло его отъ духовнаго-паденія въ ту нерадостную пору, когда желѣзная рука Аракчеева исторгла лицей изъ-подъ вліянія князя Голицына и отдала его подъ военную опеку. Несмотря на измѣнившійся духъ управленія, чтеніе и авторство остались любимыми занятіями лицеистовъ. Правда, что это мѣшало пріобрѣтенію основательныхъ школьныхъ познаній, но такая самодѣятельность неоспоримо имѣла все-таки свою полезную сторону, изоцряя умственные способности, развивая и питая любознательность; изъ чтенія также почерпались свѣдѣнія, хотя и не систематическія; стремленіе же къ авторству заставляло юношей работать и прилагать знанія на практикѣ. А это также не маловажные элементы умственнаго воспитанія.

Впрочемъ и ученіе шло не дурно по тѣмъ предметамъ, которые были въ рукахъ способныхъ и дѣятельныхъ преподавателей. Но къ сожалѣнію, таковы были далеко не всѣ представители наукъ въ лицей, хотя онъ и считался лучшимъ изъ закрытыхъ учебныхъ заведеній въ Россіи. При качественной скудости педагогическихъ силъ, лицеисты охотно обращались къ такимъ самостоятельнымъ занятіямъ, которыя наиболѣе соответствовали духовнымъ потребностямъ ихъ возраста. Бывали конечно и примѣры прискорбныхъ увлеченій, когда бездарность тратила время на бесплодное рѣмоплетство, или когда чтеніе не шло далѣе романовъ, ничего не дававшихъ въ замѣнъ упущенныхъ уроковъ. Но это только частные случаи. При такомъ направленіи царскосельскій лицей никогда не доходилъ до той пустоты и суетности, до той любви къ праздности, къ наслажденіямъ и разгулу, которыя

могутъ овладѣть закрытымъ заведеніемъ, когда оно лишится благотворной силы преданія и умственныхъ интересовъ, когда всякая духовная жизнь въ немъ подавлена преобладаніемъ грубыхъ страстей и цинизма. Такому печальному паденію царкосельскаго лицея всегда противодѣйствовало жившее въ немъ, благодаря хранительнымъ традиціямъ, уваженіе къ умственному превосходству, къ литературному таланту и труду.

Но какимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ существованія лицея, въ немъ пробудилась та замѣчательная самодѣятельность, о которой единогласно говорятъ всѣ свидѣтельства? Вотъ вопросъ чрезвычайно любопытный и до сихъ поръ почти еще не затронутый. Предположеніе Анненкова, что воспитанники, скучая отъ бездѣлья, искали въ занятіяхъ спасенія отъ скуки, еще не разрѣшаетъ этого вопроса: отъ скуки охотнѣе прибѣгаютъ къ другимъ развлеченіямъ. Собираются для того, чтобы вмѣстѣ сочинить пѣсню или чтобы общими силами разказать повѣсть, которую всякій продолжаетъ развивать по-своему съ того мѣста, гдѣ другой остановился, это значило любить умственныя забавы, чувствовать потребность въ упражненіи ума и воображенія. Было ли это слѣдствіемъ присутствія одного необыкновеннаго таланта, или соединенія нѣсколькихъ даровитыхъ юношей, или возбужденіе исходило извнѣ отъ кого-нибудь изъ наставниковъ? Талантливые воспитанники, страстно любившіе литературу, бывали въ лицей и послѣ, однакожь явленіе подобной авторской производительности въ такой степени никогда болѣе въ немъ не повторилось. Въ рукахъ моихъ находится начало самаго ранняго сборника лицейстовъ перваго курса, подъ заглавіемъ *Вѣстникъ*; тамъ упомянуто, что «Инспекторъ лицея Мартынъ Ст. Пилецкій предложилъ учредить собраніе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ общество найдетъ довольно способными къ исполненію должности сочинителя, и чтобы всякій членъ сочинилъ что-нибудь въ продолженіе по крайней мѣрѣ двухъ недѣль, безъ чего его выключать». Трудно однакожь вывести отсюда заключеніе, чтобы главнымъ виновникомъ литературнаго движенія въ кругу первыхъ лицей-

ство былъ Пилецкій, человѣкъ съ весьма плохимъ образованіемъ и до того нелюбимый ими, что они наконецъ вступили съ нимъ въ открытую борьбу и принудили его удалиться.

Были, кажется, два обстоятельства, которыми, кромѣ даровитости воспитанниковъ, объясняется ихъ оживленная литературная дѣятельность. Отецъ Пушкина былъ знакомъ съ извѣстнѣйшими московскими писателями; этимъ путемъ тамошній литературный міръ сдѣлался легко доступенъ для лицейскихъ поэтовъ, и съ 1814 г. ихъ опыты начинаютъ являться въ печати: понятно какъ перспектива такой чести должна была возбуждать молодые умы и перья. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что семеро изъ товарищей Пушкина до поступленія въ лицей были въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ: двое (Масловъ и Яковлевъ) были доставлены прямо оттуда, въ слѣдствіе распоряженія министра; остальные пятеро (Вальховскій, Данзасъ, Ломоносовъ, Матюшкинъ и Ржевскій) прибыли въ лицей частнымъ образомъ изъ родительскихъ домовъ. Извѣстно, что въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ было сильно развито литературное направленіе. Еще въ 1780-хъ годахъ труды его воспитанниковъ *печатались* въ сборникахъ, носившихъ разныя заглавія; а въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда въ этомъ заведеніи воспитывался Жуковскій, между пансіонерами образовалось даже литературное общество, или «собраніе» для чтенія и разбора ихъ сочиненій и переводовъ. Оно имѣло свой особенный уставъ. Основателемъ и первымъ предсѣдателемъ этого общества былъ Жуковскій. Ученическіе труды его и нѣкоторыхъ изъ его товарищей, напримѣръ Грамматина и Петина (прославленнаго Батюшковымъ), были впоследствии изданы въ видѣ сборника, состоявшаго изъ нѣсколькихъ томовъ, подъ заглавіемъ *Утренняя Заря* (М. 1800 — 1808).

Случайно ли было сходство между литературными собраніями Московскаго пансіона и лицея? Тогдашній профессоръ русской словесности въ новомъ царскосельскомъ заведеніи, Кошанскій, былъ самъ питомецъ Московскаго университета и преподаватель

при его пансіонѣ; онъ придавалъ особенную важность письменнымъ упражненіямъ, и по его желанію книга *Утренняя Заря*, при самомъ открытіи лицея, была приобрѣтена какъ одно изъ пособій по русской каедрѣ. Наконецъ, и первый директоръ лицея, В. Ѳ. Малиновскій, также воспитывался нѣкогда въ Московскомъ университетѣ. Происходя изъ духовнаго сословія, онъ получилъ основательное образованіе, для котораго важными средствами служили ему смолоду, подъ руководствомъ профессора Барсова, практическія упражненія прозой и стихами, такъ что самъ онъ рано привыкъ къ самодѣятельности. Онъ обладалъ замѣчательною способностью къ языкамъ и въ зрѣломъ возрастѣ постоянно продолжалъ распространять свои свѣдѣнія: читалъ, авторствовалъ и переводилъ ¹⁾. Такимъ образомъ при основаніи лицея мы видимъ и въ начальствѣ его, и на одной изъ главныхъ каедръ, и между воспитанниками элементы, перенесенные изъ Московскаго университетскаго пансіона, и трудно не предположить нѣкоторой взаимной связи въ быту того и другого заведенія. Все соединилось, чтобы въ новомъ разсадникѣ наукъ приготовить самую благодарную почву для занятій литературою. Удивительно ли, что первые плоды этого разсадника были взлелѣяны поэзіей, а не наукой?

Внутренняя жизнь перваго курса лицея хорошо отражается въ письмахъ воспитанника Илличевскаго, писанныхъ во время самага пребыванія его въ заведеніи и потому составляющихъ драгоцѣнный источникъ для занимающаго насъ предмета.

Илличевскій, сынъ томскаго губернатора, попавъ въ лицей изъ петербургской гимназіи (тогда единственной, нынѣ 2-й), переписывался съ оставшимся тамъ бывшимъ товарищемъ своимъ Фуссомъ, впоследствии непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ. Въ литературѣ Илличевскій оставилъ послѣ себя только небольшой томикъ «Опытовъ въ антологическомъ родѣ», изданный въ 1827 г.; но находясь въ лицей, онъ былъ однимъ изъ самыхъ

¹⁾ См. *Памятную книжку лицея* 1856 — 1857 гг. и Н. Сушкова *Московский университетскій благородный пансіонъ*, М. 1858.

дѣятельныхъ его литераторовъ. Онъ писалъ басни, эпиграммы, посланія, и кромѣ того отличался искусствомъ рисовать карриатуры. При журналѣ *Лицейскій Мудрецъ* сохранились его акварельныя иллюстраціи, которыя и теперь не потеряли своего относительнаго достоинства. Илличевскій, уже въ первые мѣсяцы послѣ поступленія въ лицей, сознавался, что много былъ обязанъ Пушкину, который уже тогда заявилъ свое значеніе и вліяніе въ кругу товарищей. Кратковременное запрещеніе сочинять, о которомъ Илличевскій вслѣдъ за тѣмъ сообщаетъ, было конечно вызвано тѣмъ, что молодые люди, увлекаясь примѣромъ своего даровитаго собрата, слишкомъ неумѣренно предавались страсти къ авторству во вредъ урокамъ. Безъ этого предположенія трудно допустить, чтобы такой просвѣщенный начальникъ какъ Малиновскій сталъ запрещать своимъ питомцамъ подобныя занятія. Да и Кошанскій всегда считалъ умѣніе писать самой существенной стороною литературнаго образованія. Въ своей «Общей Риторикѣ» Кошанскій считаетъ нужнымъ начинать сочиненія съ періодовъ, которые и называетъ «началами прозы». Вотъ чѣмъ объясняется, что Илличевскій, извѣстивъ своего друга о снятіи помянутаго запрещенія, прибавляетъ: «и мы начали періоды!»

Строки, въ которыхъ Илличевскій изображаетъ учебный бытъ новаго заведенія, уже приведены въ предыдущей статьѣ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: «въ праздное время гуляемъ, а нынче жъ начинается лѣто: снѣгъ высохъ, трава показывается, и мы съ утра до вечера въ саду, который лучше всѣхъ лѣтнихъ петербургскихъ». Чтобы понять эти слова, надобно вспомнить что тогда при лицейѣ еще не было своего сада (который устроенъ былъ позже, по старанію Энгельгардта): воспитанники въ свободныя часы ходили въ большой царскосельскій садъ и тамъ располагались особенно на такъ называемомъ *розовомъ полѣ*—вправо отъ мраморнаго мостика, гдѣ въ царствованіе Екатерины II дѣйствительно сажали розы, но при первомъ курсѣ лица ихъ уже не было; тамъ лицейсты гуляли, рѣзвились, играли въ лапту и пр.

То же положеніе учебной части въ лицейѣ продолжалось и по-

слѣ¹⁾). По смерти перваго директора лицея, Малиновскаго, долго не было настоящаго начальства. Профессора, исправлявшіе эту должность, не умѣли пріобрѣсти авторитета. Притомъ воспитанники были какъ свои во многихъ царскосельскихъ домахъ и видѣли профессоровъ на равной съ собою ногѣ, и потому тѣ являлись передъ ними безъ всякой ореолы величія. Таковъ былъ напримѣръ домъ управлявшаго Царскимъ Селомъ графа Ожаровскаго, жившаго очень открыто; тамъ воспитанники часто встрѣчались съ Кошанскимъ, который былъ неравнодушенъ къ супругѣ хозяина. Впослѣдствіи онъ написалъ стихи на смерть графини, вызвавшіе пародію Дельвига: «На смерть кучера Агаеона», напечатанную въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1859 года.

Употребляя мало времени на уроки, лицеисты за то много читали. Фуссъ въ одномъ письмѣ спрашивалъ Илличевскаго, доходятъ ли до лицея новыя книги. На это тотъ отвѣчаетъ размышленіемъ о пользѣ чтенія и прибавляетъ: «Мы стараемся имѣть всѣ журналы, и впрямь получаемъ: *Пантеонъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Русскій Вѣстникъ* и пр.» Далѣе онъ говоритъ, что они наслаждаются не только современными поэтами: Жуковскимъ, Батюшковымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, но заглядываютъ также въ сочиненія: Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева, а иногда бесѣдуютъ и съ иностранными пѣвцами: Расиномъ, Вольтеромъ, Делилемъ. «Не худо», заключаетъ онъ, «заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія». Здѣсь Илличевскій слегка намѣчаетъ то, что такъ поэтически и прелестно развито въ *Городкѣ* Пушкина. Понятіе о пользѣ чтенія было твердо усвоено лицеистами. Еще въ 1822 г. Пушкинъ писалъ изъ Кишинева брату: «Чтеніе — вотъ лучшее ученіе». Но къ этому слѣдовало бы прибавить, что чтеніе должно

¹⁾ До преобразованія лицея въ 1830-хъ годахъ, въ немъ было два курса или класса, *старшій* и *младшій*, изъ которыхъ въ каждомъ оставались по три года. Курсомъ называли также совокупность воспитанниковъ одного пріема, и въ этомъ смыслѣ подъ 1-мъ курсомъ разумѣютъ лицеистовъ, вышедшихъ въ 1817 году.

производиться не такъ, какъ оно производилось въ лицей. О томъ, что въ немъ необходима система, что оно должно быть въ связи съ ученіемъ и имѣть какой-нибудь заранѣе опредѣленный господствующій характеръ, лицейсты не думали и никто имъ этого не объяснялъ. Впрочемъ, и разнообразное чтеніе безъ плана можетъ конечно имѣть образовательное дѣйствіе. Это направленіе продолжалось въ лицей и послѣ: воспитанники читали русскіе журналы, читали поэтовъ, историческія сочиненія, книги по политической экономіи, путешествія, романы, драмы, и пріобрѣтали довольно обширное знакомство съ литературой главныхъ европейскихъ народовъ. Нехорошо только то, что многіе исподтишка читали во время лекцій даже хорошихъ профессоровъ, плохо готовили уроки и охладѣвали къ ученію.

Сообщенія Илличевскаго о необязательности ученія въ лицей его времени могутъ показаться иному читателю преувеличенными; легко при этомъ заподозрѣть молодого человѣка въ нѣкоторой хвастливости передъ своимъ менѣе свободнымъ пріателемъ. Но есть другія свидѣтельства, которыя представляютъ учебную часть тогдашняго лицея еще въ худшемъ видѣ. Достаточно припомнить повторявшіеся уже неоднократно рассказы объ урокахъ Галича или мѣсто, приведенное г. Гаевскимъ изъ рукописи графа Корфа. На основаніи тѣхъ же данныхъ картина внутренней жизни первоначальнаго лицея вышла у Анненкова едва ли не слишкомъ уже мрачною. Еслибъ тамъ дѣйствительно жилось такъ плохо, то чѣмъ объяснялась бы та горячая привязанность къ мѣсту своего воспитанія, та признательная память о немъ, то крѣпкое товарищество, которыя, начиная уже съ перваго курса, составляли отличительную черту всѣхъ бывшихъ лицейстовъ. Къ тому же мы знаемъ, что съ самаго начала оттуда выходили хоть немногіе люди съ основательными познаніями; слѣдовательно лицей всегда давалъ средства къ образованію, но не всѣ желали и умѣли ими пользоваться. Вся формальная и офиціальная часть при первомъ курсѣ шла очень плохо, но за то бойко работали внутреннія силы и пружины, приводимыя въ движеніе духомъ времени,

исключительными обстоятельствами и присутствіемъ нѣсколькихъ недюжинныхъ личностей. Вотъ разгадка той странности, на которую указываетъ графъ Корфъ, говоря: «Нашъ курсъ, болѣе всѣхъ запущенный, вышелъ едва ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ... Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по крайней мѣрѣ ни наставникамъ нашимъ, ни надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата».

Изъ писемъ Илличевскаго мы видимъ далѣе, что посылать свои произведенія въ московскіе и петербургскіе журналы, даже еще во время пребыванія въ младшемъ курсѣ, было между лицейстами перваго пріема дѣломъ обыкновеннымъ. Кромѣ сочиненій Пушкина, уже печатались также труды Дельвига, Кюхельбекера, Яковлева, Пущина и самого Илличевскаго. Послѣдній пытался даже поставить въ Петербургѣ на сцену свой переводъ какой-то оперы и затѣвалъ большія литературныя предпріятія, какъ на примѣръ изданіе *Новаго Платарха для юношества* и составленіе біографіи математика Эйлера. По всему видно, что стремленіе создать что-нибудь крупное, капитальное, было общою чертою молодыхъ лицейскихъ авторовъ. Пушкинъ также, за полтора года до выпуска, затѣваетъ большое сочиненіе. 16-го января 1816 года Илличевскій сообщаетъ: «Онъ пишетъ теперь комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ *Философъ*. Планъ довольно удаченъ, и начало, то-есть первое дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи— и говоритъ нечего, а острыхъ словъ сколько хочешь!» Отъ этого только начатаго Пушкинымъ труда не осталось никакихъ слѣдовъ; конечно онъ, будучи недоволенъ своимъ планомъ, скоро бросилъ работу, и принялся за поэму *Русланъ и Людмила*, первыя пѣсни которой были, какъ извѣстно, написаны еще въ лицей.

Журналъ *Лицейскій Мудрецъ* долго считали потеряннымъ вмѣстѣ съ бумагами, оставшимися послѣ умершаго въ Италіи Корсакова, къ которому относится мѣсто 19-го Октября, начинающееся словами:

«Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ
Съ огнемъ въ очахъ съ гитарой сладкогласной».

Но г. Гаевскій въ 1863 году пользовался и этимъ журналомъ, по крайней мѣрѣ уцѣлѣвшею частью его, и вкратцѣ сообщилъ ея содержаніе. Теперь она, въ числѣ другихъ бумагъ, передана мнѣ покойнымъ Матюшкинымъ.

Сохранившійся *Лицейскій Мудреизъ* составляетъ небольшую тетрадь или книжку, въ формѣ продолговатаго альбома, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. На лицевой сторонѣ переплета, въ золотомъ вѣнкѣ, читается заглавіе и подъ нимъ означенъ годъ: «1815».

Въ январѣ этого года воспитанники перешли въ старшій курсъ, а возобновленный журналъ сталъ выходить осенью и продолжался еще въ началѣ 1816 года. Въ этотъ періодъ явилось четыре номера, которые всѣ и содержатся въ описанной книжкѣ. Въ концѣ каждаго раскрашенные рисунки работы Илличевского, представляющіе то воспитанниковъ, то наставниковъ въ разныхъ сценахъ, отчасти описанныхъ въ статьяхъ журнала. Издателями, по словамъ Матюшкина, были: Данзасъ (будущій секундантъ Пушкина) и Корсаковъ. Статьи по большей части писаны красивымъ почеркомъ перваго, почему въ началѣ книжки и означено: «Въ типографіи Данзаса». Изъ прибавленной къ этому шутки: «Печатать позволяется. Цевзоръ Баронъ Дельвигъ», можно заключить, что этотъ товарищъ, всѣми уважаемый за свою основательность, просматривалъ статьи до переписки ихъ начисто. Почти вся проза принадлежитъ, кажется, самому Данзасу; по крайней мѣрѣ, во 2-мъ уже номерѣ онъ бранитъ своихъ читателей за то, что они ничего не даютъ въ журналъ, и грозитъ имъ, что если это будетъ продолжаться; «если, говоритъ онъ, ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ: то я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы не скоро отдѣлаетесь. Подумайте. — Онъ не будетъ издавать журнала? — Хуже. — Онъ натретъ ядомъ листочки *Лицейскаго Мудре-*

ца. — Вы почти угадали: я подарю васъ усыпительною балладою г. Гезеля» (то есть Кюхельбекера). Послѣдній, то подъ приведеннымъ именемъ, то съ намекомъ на пристрастіе къ дерптскимъ студентамъ или на дурное произвошеніе русскаго языка, служить постояннымъ предметомъ насмѣшекъ на страницахъ *Лицейскаго Мудреца*. Одна изъ статей любопытна какъ современное свидѣтельство о толкахъ, которые возбуждало недавнее паденіе Наполеона. Она имѣетъ форму письма къ издателю, подъ заглавіемъ: «Занятія Наполеона Буонапарте на Нортумберландѣ». Авторъ воображаетъ, что онъ, плывя на одномъ кораблѣ съ экс-императоромъ, отдѣленъ только перегородкою отъ его каюты и видитъ сквозь щелку все, что онъ дѣлаетъ: «властелинъ Франціи, бичъ вселенной, родоначальникъ великой династіи Наполеонидовъ... поймалъ двѣ крысы, и бросивъ межъ ними кусокъ сахара, занимался тѣмъ, что эти твари ссорились и дрались за него съ остервененіемъ!... Порадовавшись удали французской крысы, онъ ихъ опять запираетъ въ свой ящикъ, и гуляя по комнатѣ, говоритъ: «Oh, le maudit vieillard de Blücher! il m'a fait bien du mal... Bien mal fait d'avoir quitté Elbe. J'avais tout ce que je voulais. Mon unique plaisir à présent composent ces deux rats, que je fais combattre; aujourd'hui c'est le Français qui a le dessus, j'en suis bien aise... Бѣдный монархъ: тебя разбили, посадили на корабль и везутъ въ вѣчную тюрьму, а твое утѣшеніе въ двухъ крысахъ!»

Стоитъ также упомянуть объ одной мысли въ статьѣ «Аполлогія». Авторъ защищаетъ слѣдующимъ образомъ вызовъ въ Россію иностранныхъ преподавателей: «Стоялъ я столбнякомъ въ лѣсу и думалъ, помнится мнѣ, о томъ, какъ бы выгнать всѣхъ профессоровъ чужестранцевъ изъ матушки Русской земли, а на мѣсто ихъ поставить въ университеты Самоѣдовъ и Чукчей. Ахъ, постойте, любезные чтецы, я перерву мой рассказъ коротенькимъ размышленіемъ. Какую пользу это принесетъ Россіи, а особенно намъ, школьникамъ? Теперь въ классахъ говорятъ о правахъ естественныхъ, а преподаютъ только теорію; а подъ про-

фессорствомъ г. Чукчи мы, раздирая ногтями мясо кобылье, вторяли бы естественное право на самой лучшей практикѣ».

Стихотворная часть *Лицейскаго Мудреца* принадлежитъ, по преданію, Корсакову, Илличевскому и др. На пародію «Пѣвца» Жуковскаго и одну эпиграмму Илличевскаго уже указалъ г. Гаевскій въ одной изъ статей своихъ. Всего любопытнѣе переписанныя въ этомъ журналѣ *національныя пѣсни* (замѣчательное для того времени названіе) перваго курса, до сихъ поръ еще остающіяся не напечатанными въ цѣлости. Анненковъ нашель отрывки изъ нихъ между автографами Пушкина и передалъ въ своихъ «Матеріалахъ» немногіе оттуда куплеты. Г. Гаевскій сообщилъ другіе отрывки. По свидѣтельству Пущина, знаменитый поэтъ принималъ участіе въ сочиненіи національныхъ пѣсенъ, которыя, какъ извѣстно, сочинялись сообща.

Въ слѣдующемъ куплетѣ:

«Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
 Покроетъ вѣчной пылью?
 Пилецкій, пастырь душъ съ крестомъ,
 Иконниковъ съ бутылью»...

покойный Матюшкинъ признавалъ себя авторомъ послѣдняго стиха. О лицахъ, къ которымъ относится это мѣсто, было уже не разъ упоминаемо въ печати. Выраженіе *нѣмецкія бредни* намекаетъ на героя пѣсни Гауэншильда, профессора нѣмецкой литературы, который одно время исправлялъ должность директора. Какъ онъ, такъ и другіе два наставника, рядомъ съ нимъ названные, достаточно уже охарактеризированы, со словъ графа Корфа, В. П. Гаевскимъ и Анненковымъ. О Гауэншильдѣ Илличевскій писалъ Фуссу: «Попечитель вашъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ Лицеѣ». Мы можемъ пояснить теперь, что этотъ вызовъ былъ не во благо русскому юношеству. Чуждый новому поприщу своей дѣятельности, этотъ австріецъ думалъ только о личной своей выгодѣ, и успѣвъ снискать довѣренность графа Разумовскаго, достигъ такого по-

ложенія, въ которомъ ничего не было легче какъ употребить её во зло. Ранняя смерть перваго директора, уже въ мартѣ 1814 года, была истиннымъ несчастіемъ для новаго заведенія, хотя можетъ-быть онъ и не вполне соответствовалъ своему назначенію. «В. Ѳ. Малиновскій, пишетъ графъ Корфъ, былъ человекъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управленія какою-нибудь частію, тѣмъ болѣе вышшимъ учебнымъ заведеніемъ. Значеніе свое онъ получилъ, кажется, отъ того, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Аванасьевича Самборскаго, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучителя и духовника великихъ князей Александра и Константина Павловичей и наконецъ духовника великой княгини Александры Павловны по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ Венгерскимъ¹⁾. Есть впрочемъ вся вѣроятность думать, что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря (Сперанскаго), который издавна былъ очень близокъ къ Самборскимъ и въ ихъ домѣ впервые познакомился съ тою, которая послѣ сдѣлалась его женою, сиротою бѣднаго англійскаго пастора Стивенса».

Несмотря на нѣкоторые недостатки, Малиновскій былъ человекъ просвѣщенный и честный: потерявъ его черезъ два съ небольшимъ года послѣ своего основанія, лицей вдругъ осиротѣлъ, и начались его невзгоды. Двухлѣтнее «междупарствіе», о которомъ долго жила память въ лицейѣ, отозвалось на немъ весьма печальными послѣдствіями. Графъ Разумовскій, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, впалъ въ непростительную ошибку, не прискавъ тотчасъ же способнаго преемника Малиновскому; но онъ сдѣлалъ еще болѣшую ошибку, когда, видя плоды анархіи, ввѣрилъ судьбу двухъ высшихъ заведеній своекорыстному иностранцу, не знавшему порядочно русскаго языка. Новообразованный лицейскій

¹⁾ См. *Сочиненія Державина*, 1-е изд., т. I, стр. 795; II, 583; III, 699 и VI, 239.

пансіонъ возникъ (1814 г.) изъ частнаго приготовительнаго училища, устроеннаго первоначально на собственные средства этимъ находчивымъ пришлецомъ. Кандидатомъ на должность директора пансіона, преобразованнаго въ казенное заведеніе, явился было Копанскій; но связи и привилегія иноземнаго происхожденія заставили предпочесть Гауэншильда, преподававшаго въ лицей нѣмецкую литературу по-французски. Результатомъ его управленія пансіономъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ долгъ въ 10,000 руб.

По словамъ графа Корфа, «Гауэншильдъ, при довольно заносчивомъ нравѣ, былъ человекъ скрытный, хитрый, даже коварный. Доказательствомъ общей къ нему ненависти слѣжила національная пѣсня, которая пѣвалась хоромъ на голосъ гремѣвшаго тогда по цѣлой Россіи «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», безъ всякаго секрета и только что не самому Гауэншильду въ лицо. Первые четыре стиха пѣлись *adagio* и *sotta voce*; потомъ темпъ ускорялся, а съ нимъ возвышались и голоса, которые наконецъ переходили въ совершенную бурю. Разумѣется, прибавляетъ нашъ источникъ, что тутъ имѣлись въ виду не поэтическія красоты и не прелести гармоніи, а только выраженіе общаго чувства».

Къ счастью, бразды лицейскаго правленія не долго были въ рукахъ Гауэншильда; въ началѣ 1816 года директоромъ лицея назначенъ былъ Е. А. Энгельгардтъ. При разстройствѣ, до котораго дошли дѣла въ періодъ междуцарствія, при совершенномъ упадкѣ дисциплины, нужно было необыкновенное умѣніе, чтобы возстановить правильный ходъ жизни и порядокъ во всѣхъ ея отправленияхъ. Будучи лично извѣстенъ государю и пользуясь его довѣріемъ, бывшій директоръ Педагогическаго института находился конечно въ особенно-благоприятныхъ обстоятельствахъ для выполненія трудной задачи; но къ тому присоединялись и рѣдкія способности его къ административному и педагогическому дѣлу. Напечатанная въ *Р. Архивъ* записка его объ обязанностяхъ воспитателя¹⁾ показываетъ какъ разумно онъ смотрѣлъ на предсто-

¹⁾ См. *Русскій Архивъ* 1872 года.

явѣшй ему трудъ въ послѣднемъ отношеніи. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, Энгельгардтъ успѣлъ вскорѣ снискать въ такой степени любовь и уваженіе воспитанниковъ, что имя его сдѣлалось навсегда дорогою лицеею, и вокругъ этого имени впослѣдствіи сгруппировались всѣ самыя свѣтлыя воспоминанія лицействова. Хотя бы въ дѣйствіяхъ Энгельгардта и было нѣкоторое суетное стремленіе къ эффекту, хотя бы въ нихъ и можно было указать на кое-какіе промахи и увлеченія, иногда и ошибки въ частныхъ отношеніяхъ къ тому или другому воспитаннику (напримѣръ къ Пушкину, котораго онъ не понималъ и который ему не сочувствовалъ), все же нельзя отказать «Егору Антоновичу» въ вѣрномъ пониманіи молодежи и средствъ вести её. Одинъ годъ управленія его при первомъ курсѣ заслонилъ собою прежнія замѣшательства, и для послѣдующихъ поколѣній лицействова имя его знаменательно слилось со всею первою эпохою существованія лицея.

Понятно, что для нихъ этотъ періодъ, озаренный и славою историческихъ событій, и блестящею извѣстностью нѣкоторыхъ изъ первенцевъ лицея, являлся въ поэтическомъ свѣтѣ, и преданія о первомъ курсѣ переходили «изъ рода въ родъ» не безъ прикрасъ воображенія. Они приобрѣли еще болѣе значенія послѣ того какъ лицей въ 1822 году былъ причисленъ къ военно-учебнымъ заведеніямъ.

Около 1830 года, когда я воспитывался въ лицей, преданія эти были еще довольно свѣжи, но какая разница въ духѣ времени и обстоятельствахъ! Правда, что и при тогдашнемъ директорѣ, генералѣ Гольтгоерѣ, бывшемъ начальникѣ Дворянскаго корпуса, человекѣ добромъ и честномъ, управленіе лицея, вообще говоря, было довольно мягкое, но все-таки руководящимъ началомъ этого управленія былъ страхъ, а не любовь. Не видя въ представителяхъ администраціи лицея высшаго образованія, мы не могли смотрѣть на нихъ съ полнымъ довѣріемъ: мы жалѣли о прошломъ и не совѣмъ были довольны настоящимъ. Кое-что изъ прежнихъ порядковъ еще сохранялось: такъ у каждаго воспитанника была своя особая небольшая спальня, но намъ уже не

позволялось днемъ заниматься въ этихъ комнаткахъ. По-старому выписывались еще для насъ газеты и журналы, которые прикрѣплялись къ нарочно устроенной для этого высокой конторкѣ, и мы могли брать изъ лицейской библіотеки книги по собственному выбору, но на нѣкоторыхъ авторовъ было наложено безусловное запрещеніе. Такъ какъ однакожъ надзоръ былъ почти исключительно внѣшній, то намъ было очень легко обходить это запрещеніе: мы не только читали Вольтера, но и дѣлали изъ него выписки, означая ихъ какимъ-нибудь вымышленнымъ именемъ. Изданіе рукописныхъ литературныхъ журналовъ считалось также запрещеннымъ, но это не мѣшало намъ, подражая предшествовавшимъ курсамъ, составлять тайкомъ подобные сборники, гдѣ иногда являлись сатирическіе стихи и статьи, напримѣръ рассказы о лицейскихъ событіяхъ языкомъ Нестора, въ духѣ и тонѣ древней лѣтописи. Послѣдній родъ авторства достигъ особеннаго развитія у нашихъ старшихъ, такъ что одинъ изъ воспитанниковъ этого курса ¹⁾ мало по малу написалъ обширное повѣствованіе этого рода на столбцахъ, которые наконецъ однакожъ попали въ руки тогдашняго инспектора, профессора Оболенскаго, и исчезли, чѣмъ, какъ говорили, отразилось даже на чинѣ, съ которымъ авторъ былъ выпущенъ изъ лицея. Надобно отдать справедливость тогдашнему начальству въ томъ, что внѣшняя сторона управленія была вполне удовлетворительна: насъ хорошо кормили, чисто одѣвали и вообще содержали какъ слѣдуетъ, но въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ многое могло бы быть гораздо лучше при большей способности и образованности начальства.

Въ каждомъ изъ двухъ курсовъ было въ наше время по 25-ти человекъ. Меньшіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на старшихъ, имѣли высокое понятіе о ихъ учебной и нравственной жизни, которой вблизи не видѣли, потому что доступъ въ старшій курсъ былъ имъ закрытъ, и, считая себя обязанными охранять честь и

¹⁾ Покойный Иванъ Романовичъ Ховенъ, усердный хранитель лицейскихъ традицій.

преданія лица, старались быть достойными своихъ предшественниковъ. Оттого товарищескій бытъ этого заведенія былъ выше пансіонскаго и отличался благородствомъ отношеній.

При переходѣ изъ пансіона мы застали въ лицей еще трехъ профессоровъ и двухъ гувернеровъ, бывшихъ при немъ съ основанія. Это много значило при той непрочности, какую во всемя ознаменовалось первое время существованія царкосельскаго лица. Въ самомъ дѣлѣ, въ шестилѣтіе перваго курса, однихъ директоровъ было три, не считая промелькнувшихъ въ этой должности профессоровъ, а сколько смѣнилось между тѣмъ гувернеровъ! Имъ не было счета, какъ видно изъ составленнаго г. Селезневымъ списка. Такова уже была судьба лица: перемѣны съ самаго начала быстро слѣдовали одна за другою, какъ въ самомъ заведеніи, такъ и въ верховной надъ нимъ администраціи: уже при первомъ курсѣ смѣнилось два министра просвѣщенія, а потомъ, по переходѣ лица въ военное вѣдомство до нашего курса, т. е. въ теченіе какихъ нибудь 5—6 лѣтъ, онъ прошелъ черезъ руки четырехъ главныхъ начальниковъ: графа П. П. Коновницына, Гогеля, П. В. Кутузова и Н. И. Демидова, назначеннаго уже при насъ. Послѣдовавшія позднѣе перемѣны извѣстны. Нельзя сказать, чтобъ лицей началъ свое существованіе подъ счастливою звѣздою, развѣ такую считать звѣзду Пушкинской поэзіи.

Изъ старыхъ профессоровъ, дошедшихъ до насъ отъ перваго курса, поговорю только объ одномъ, потому что о немъ есть два совершенно противоположныя между собою свидѣтельства, и надобно наконецъ выяснитъ истину. Это Кошанскій. Въ русской журналистикѣ, съ 1830-хъ годовъ, насмѣшки надъ его риторикою составляли долго одно изъ тѣхъ общихъ мѣстъ нашей критики, которыя въ ней всегда имѣются въ запасѣ, потому что ничего нѣтъ удобнѣе какъ при случаѣ щегольнуть готовымъ и по видимому непогрѣшимымъ приговоромъ. Между тѣмъ объ этомъ учебникъ говорили большею частію только понаслышкѣ, не зная его и даже не имѣя точнаго понятія о его содержаніи. Обыкновенно воображали, что риторика Кошанскаго занимается

только тропами и фигурами. На самомъ же дѣлѣ эти такъ называемыя украшенія рѣчи составляютъ только небольшую часть его «Общей реторики», разсматривающей источники, виды и общія правила прозаическихъ сочиненій; другой его курсъ, «Частная реторика», есть то, что нынче проходитъ подъ именемъ теоріи словесности и трактуетъ подробно о каждомъ отдѣльномъ родѣ и видѣ прозы. Нѣтъ спору, что съ нынѣшней точки зрѣнія въ каждой изъ этихъ книжекъ можно отыскать много несовременнаго и пожалуй страннаго; но при этомъ не должно терять изъ виду, во первыхъ, что обѣ онѣ имѣютъ одно рѣдкое для того времени достоинство, — историческую основу, знакомятъ въ правильной системѣ съ исторіею древнихъ и новыхъ литературъ, въ особенности русской, и во-вторыхъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ только нить или канву, по которой дальнѣйшее развитіе и оживленіе предмета предоставляется знанію и искусству хорошаго преподавателя. Такимъ можно было по справедливости назвать самого Кошанскаго. При первомъ курсѣ онъ не успѣлъ заявить себя, можетъ-быть въ слѣдствіе своей продолжительной болѣзни, а также и оттого, что по разнымъ обстоятельствамъ пришелъ въ столкновеніе съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Такъ надо заключать по отзывамъ графа Корфа, по извѣстному посланію Пушкина *Къ моему аристарху* и по упомянутой выше пародіи Дельвига. Но въ послѣдующее время Кошанскій пріобрѣлъ со-всѣмъ другое значеніе. Начать съ того, что учебники его еще не были изданы, и слово *реторика* даже не произносилось на его лекціяхъ, хотя въ нихъ и входило многое изъ того, что впоследствии явилось въ названныхъ книжкахъ. Преподавая латинскій языкъ и русскую литературу, онъ занималъ насъ почти только практически и умѣлъ въ высшей степени возбудить наше вниманіе, разшевелить нашу самодѣятельность. Этого достигъ онъ можетъ-быть именно потому, что былъ наученъ опытомъ и собственными своими ошибками. Прежніе его труды, изданные еще въ Москвѣ, по греко-римской археологіи и латинскому языку, далѣе особенное сочувствіе, какое ему оказывалъ знаменитый кураторъ М. Н.

Муравьевъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Кошанскій былъ вполне подготовленъ къ своей каведрѣ въ лицей.

Желая ознакомить насъ не съ одною латинскою словесностію, но со всѣмъ классическимъ міромъ, онъ рассказывалъ намъ содержаніе Гомеровыхъ поэмъ, объяснялъ мифологию и бытъ древнихъ народовъ, читалъ Иліаду въ тѣхъ отрывкахъ изъ перевода Гвѣдича, которые были уже напечатаны. Мы заслушивались его рассказовъ и чтеній. Русскихъ поэтовъ читалъ онъ съ нами въ собраніи *Образцовыхъ сочиненій* и останавливался особенно на Жуковскомъ, сопровождая чтеніе умнымъ, оживленнымъ комментариемъ. Читать съ воспитанниками Пушкина еще не было принято и въ лицей; его мы читали сами, иногда во время классовъ, украдкою. Тѣмъ не менѣе однакожь Кошанскій разъ привезъ намъ на лекцію только что полученную отъ товарищей Пушкина рукопись *19-го октября 1825 года* («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ») и прочелъ намъ это стихотвореніе съ особеннымъ чувствомъ, прибавляя къ каждой строфѣ свои поясненія. Только тамъ, гдѣ рѣчь шла о заблужденіяхъ поэта, онъ довольствовался многозначительной мимикой, которая вообще входила въ его приемы. Особенно при стихахъ:

«Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ»,

онъ далъ намъ почувствовать, что и Пушкинъ не во всемъ заслуживаетъ подражанія. Легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ на насъ профессоръ этимъ чтеніемъ. Послѣ урока мы принялись переписывать драгоценные стихи о родномъ лицей и тотчасъ выучили ихъ наизусть.

Другую сторону вліянія на насъ Кошанскаго составляли собственные наши упражненія, къ которымъ онъ насъ постоянно побуждалъ, то задавая не мудренныя, но умно выбранныя темы, то предоставляя намъ самимъ придумывать ихъ, требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и изящества въ изложеніи. По временамъ онъ поощрялъ насъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ, и

потомъ читалъ наши опыты въ слухъ передъ всѣмъ классомъ. Правило, которому онъ слѣдовалъ при ихъ обсужденіи, самымъ имъ выражено въ его учебникѣ: попытки учащихся, по его словамъ, «не должны охлаждаться порицаніемъ, но согрѣваться участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ *прежде* что хорошо и почему; а *послѣ* показываетъ, что должно быть иначе и *какимъ образомъ*». Мы полюбили Кошанскаго, съ нетерпѣніемъ ожидали его лекцій и довѣрчиво показывали ему свои, даже и выѣклассные, поэтическіе грѣхи. Такъ же точно относились къ нему и наши старшіе, между которыми двое, подъ его руководствомъ, въ замѣчательной степени успѣли развить свой талантъ: это были князь А. В. Мещерскій и особенно Деларю (оба уже умершіе)¹⁾. Пушкинъ, при насъ посѣтившій лицей, читалъ ихъ стихотворенія и ободрилъ молодыхъ поэтовъ, посовѣтовавъ однакожъ первому изъ нихъ не писать французскихъ стиховъ.

Въ доказательство, что не на насъ однихъ и не случайно Кошанскій такъ дѣйствовалъ, приведу отзывъ воспитанника лицейскаго пансіона, напечатанный въ исторіи этого заведенія: «И Георгіевскій и Троицкій и преподаватели въ низшихъ классахъ», замѣчаетъ авторъ, «преподавали, вообще говоря, очень хорошо; но всѣхъ ихъ превосходилъ *Кошанскій*, бывшій въ свое время въ лицей и пансіонѣ едва ли не тѣмъ же, чѣмъ профессоръ *Мерзляковъ* былъ въ свое же время въ Московскомъ университетѣ. Съ многостороннею классическою образованностію и большою опытностію въ преподаваніи онъ соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, восторженное поэтическое настроеніе и особенный даръ передавать то и другое своимъ слушателямъ. Лекціи его вполне можно было назвать эстетическими, исполненными занимательности и вкуса. Онъ старался поддерживать и развивать въ слушателяхъ своихъ установившуюся еще со временъ Пушкина и Дельвига любовь къ литературнымъ упражне-

¹⁾ Стихи обоихъ, писанные отчасти еще во время пребыванія ихъ въ лицей, можно найти, между прочимъ, въ альманахѣ *Царское Село* (1830 г.).

ніямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ, и обращалъ особенное вниманіе и заботливость на тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаруживали способности и склонность къ нимъ. Вся его внѣшность, необыкновенно мягкая и изящная въ формахъ, вполнѣ соответствовала его внутреннимъ достоинствамъ, и все вмѣстѣ внушало къ нему искреннюю любовь и уваженіе воспитанниковъ. Будучи старшимъ изъ профессоровъ лицея и пансіона, со времени ихъ открытія, онъ былъ однако еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ (въ 1811 году ему было 29 лѣтъ). Два раза онъ былъ назначаемъ исполняющимъ должность директора лицея, а въ 1828 г. по собственной просьбѣ былъ уволенъ отъ должности профессора въ лицей и пансіонѣ, и умеръ въ 1831 году въ должности директора Института слѣпыхъ въ С.-Петербургѣ»¹⁾.

Въ такомъ же духѣ отзывается о Кошанскомъ, въ подробномъ извѣстіи о его жизни, г. Селезневъ, основывавшійся въ этомъ случаѣ на показанія бывшихъ лицействъ. Изложивъ содержаніе курса Кошанскаго, онъ замѣчаетъ: «Вообще говоря, лекціи его походили на бесѣды. На нихъ профессоръ не скупился на объясненія, сравненія и примѣры, заимствуя ихъ изъ ближайшей среды общественной. Изустное изложеніе это перешло впоследствии въ печать, въ его Реторику. Тамъ сохранились слѣды заботливости профессора сдѣлать предметъ занимательнымъ»²⁾. Въ частныхъ примѣчаніяхъ книги разсѣяно множество сужденій, которыя на кафедрѣ развиваемы были имъ въ полныя лекціи. Занимательности бесѣдъ много содѣйствовала начитанность профес-

¹⁾ *Благородный пансіонъ Царскосельскаго лицея* (СПБ. 1869), стр. 183.

²⁾ Такъ на стр. 57 Частной Реторики разсказанъ случай изъ жизни императора Александра I: «Государь, прогуливаясь въ Царскомъ Селѣ вокругъ большого пруда, замѣтилъ, что лебеди играютъ, плещутся въ водѣ и хотятъ летѣть, но не могутъ. Онъ позвалъ садовника и спросилъ: «Что это значитъ, Ляминъ? Лебеди летать не могутъ? — Государь! отвѣчалъ садовникъ: у нихъ обрѣзано по одному крылу, чтобъ не разлетѣлись... — Этого не дѣлать, сказалъ Александръ: когда имъ хорошо, они сами здѣсь жить будутъ; а дурно — пусть летать, куда хотятъ!» — Послѣ сего большая часть лебедей разлетѣлась въ Павловскъ, въ Гатчину и на взморьѣ; но къ осени дѣйствительно почти всѣ возвратились».

сора. Не станемъ обвинять Кошанскаго въ томъ, въ чемъ онъ не виноватъ. Курсъ его отсталъ отъ современнаго преподаванія, учебники его перестали быть руководствами, но для этого нужно было пережить болѣе четверти столѣтія и притомъ XIX-го¹⁾.

У насъ Кошанскій собственно не проходилъ никакого систематическаго курса, вѣроятно потому, что уже собирался покинуть лицей: скоро онъ, заболѣвъ, пересталъ къ намъ ѣздить, и мы перешли подъ руководство бывшаго его адъюнкта П. Е. Георгіевскаго, человѣка почтеннаго, весьма исправнаго, но къ сожалѣнію не даровитаго и менѣе ученаго. Тутъ-то мы поняли, что значить личность профессора, и перестали заниматься латынью и уроками русской литературы съ прежнимъ увлеченіемъ. О Кошанскомъ мы горько сожалѣли, и у всѣхъ насъ осталось благодарное о немъ воспоминаніе.

Я могъ бы поговорить здѣсь о нѣкоторыхъ умершихъ лицейстахъ перваго курса, но чтобы не утомлять вниманія читателей, перейду прямо къ Пушкину.

Во время моего пребыванія въ лицейъ поэтъ два раза посѣтилъ его: въ первый разъ въ 1828 году; тогда я былъ еще въ младшемъ курсѣ и не видѣлъ его, такъ какъ онъ ходилъ только къ старшимъ; второе его посѣщеніе было въ 1831 г., когда онъ, женившись, проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ. Никогда не забуду восторга, съ какимъ мы его приняли. Какъ всегда водилось, когда пріѣзжалъ кто-нибудь изъ нашихъ «дѣдовъ», мы его окружили всѣмъ курсомъ и гурьбой провожали по всему лицейю. Обращеніе его съ нами было совершенно простое, какъ съ старыми знакомыми; на каждый вопросъ онъ отвѣчалъ привѣтливо, съ участіемъ разспрашивалъ о нашемъ бытѣ, показывалъ намъ свою бывшую комнатку и передавалъ подробности о памятныхъ ему мѣстахъ. Послѣ мы не разъ встрѣчали его гуляющимъ въ царскосельскомъ саду, то съ женою, то съ Жуковскимъ, котораго мы видѣли у себя около того же времени. Онъ присутствовалъ

¹⁾ *Памятная книжка лицея на 1856 — 1857 г. С.-Петербургъ, стр. 155.*

у насъ на экзаменѣ изъ исторіи. Вскорѣ послѣ того были напечатаны вмѣстѣ, въ одной брошюрѣ въ четвертку, три стихотворенія: одно Жуковскаго—«Старая пѣсня на новый ладъ», (на побѣды Паскевича), и двѣ пьесы Пушкина—«Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина». Жуковскій доставилъ въ лицей нѣсколько экземпляровъ этой брошюры.

Извѣстно, что при переходѣ воспитанниковъ перваго приѣма изъ меньшаго курса въ старшій, на послѣднемъ экзаменѣ въ январѣ 1815 года присутствовалъ Державинъ и что Пушкинъ прочелъ тогда приготовленное къ этому случаю стихотвореніе свое: *Воспоминанія въ Царскомъ Сельѣ*. Въ тетрадахъ знаменитаго екатерининскаго лирика, между разными переплетенными вмѣстѣ брошюрами, сохранилось и это стихотвореніе, писанное рукою Пушкина и съ полною его подписью: это тотъ самый списокъ, по которому Пушкинъ читалъ вслухъ свое произведеніе. Удивительно, какъ твердъ былъ уже тогда его почеркъ и какъ мало онъ измѣнился впослѣдствіи. Это стихотвореніе въ собраніи сочиненій поэта напечатано въ первоначальномъ видѣ, почти безъ всякихъ измѣненій. Только въ предпоследней строкѣ третій стихъ читается въ автографѣ такъ:

«Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ Элины».

Въ позднѣйшей же редакціи:

«Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянскій бардъ дружины».

Въ той же тетради Державина находится рукописный алфавитный списокъ тогдашнихъ лицейстовъ, а рядомъ съ нимъ печатная «программа открытаго испытанія воспитанникамъ начальнаго курса Императорскаго Царскосельскаго Лицея Генваря 4 и 8 дня 1815 г.». Въ первый день предметами испытанія означены: «Законъ Божій, Логика, Географія, Исторія, Нѣмецкій языкъ, и нравоученіе»; во второй день: «Латинскій языкъ, Французскій языкъ, Математика, Физика и Россійскій языкъ». По каждому предмету изложены далѣе довольно подробныя программы. Вотъ что входило въ экзаменъ изъ русскаго языка:

1) Разные роды слоговъ и украшенія рѣчи, 2) Краткая литература краснорѣчія въ Россіи, 3) Славянская грамматика, и 4) Чтеніе собственныхъ сочиненій. Программа кончалась слѣдующими строками: «Воспитанники могутъ быть спрашиваемы посѣтителами и профессорами обо всѣхъ вышеозначенныхъ предметахъ. Въ заключеніе показаны будутъ опыты воспитанниковъ въ рисованіи, чистописаніи, фехтованіи и танцованіи». Изъ числа гостей на этомъ экзаменѣ, Иличевскій въ письмѣ къ Фуссу называетъ, кромѣ Державина: Горчакова, Саблукова, Салтыкова, Уварова и Филарета. По словамъ графа Корфа, тутъ былъ также министръ просвѣщенія князь Голицынъ; изъ постороннихъ профессоровъ упомянуты: Лоди, Кукольникъ (отецъ) и Плисовъ; «сверхъ того были, прибавляетъ Иличевскій, родители и родственники нѣкоторыхъ изъ насъ, была и обыкновенная царскосельская публика».

Отъ покойнаго Матюшкина я слышалъ, что при поступленіи въ лицей Пушкинъ довольно плохо писалъ по-русски. У Кошанскаго онъ считался по своимъ свѣдѣніямъ 16-мъ, а Матюшкинъ 15-мъ, хотя послѣдній, по собственному его сознанію, ужъ конечно въ сущности зналъ языкъ гораздо хуже. Это продолжалось до послѣдняго времени передъ выпускомъ, когда пересаживаніе по успѣхамъ прекратилось. По отзыву Матюшкина, товарищамъ всегда казалось, что Пушкинъ по развитію какъ будто старше всѣхъ ихъ. Въ поэзіи Иличевскій считался его соперникомъ, такъ что у каждаго изъ нихъ была своя партія приверженцевъ: въ глазахъ нѣкоторыхъ Иличевскій былъ даже выше по таланту, но, какъ мы уже видѣли, самъ онъ сознавалъ неизмѣримое превосходство Пушкина.

Въ лицей Карамзинъ увидѣлъ Пушкина въ мартѣ 1816 г., на обратномъ пути изъ Петербурга въ Москву. Карамзина сопровождали два поэта: Вас. Льв. Пушкинъ и князь П. А. Вяземскій, который тогда и познакомился съ даровитымъ юношей. Рассказываютъ, что Карамзинъ прочитавъ въ лицей какіе-то стихи Пушкина, сказалъ: «Въ немъ зрѣетъ великій поэтъ». По отъѣздѣ гостей нашъ лицействъ вступилъ въ переписку съ княземъ Вязем-

скимъ и Василюмъ Львовичемъ. Письмо его къ первому было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ*. (1874, № 1); ко второму написалъ онъ стихотворное посланіе. Отвѣтъ дяди сохранился въ бумагахъ, переданныхъ мнѣ Матюшкинымъ. Вотъ онъ:

«Москва. 1816, апрѣля 17.

«Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило, и точно сдѣлало съ праздникомъ. Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю чтобъ *непокойные* стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ *дождика въ четвергъ*. Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ нѣкоторыхъ поръ Муза моя стала очень лѣнива, и ее тормозить надобно чтобъ вышло что-нибудь путное. Вяземскій тебя любить и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михайловичъ въ началѣ мая отправляется въ Царское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужатъ къ твоему добру, и можетъ быть къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многого ожидаемъ.— Скажи Ломоносову ¹⁾, что не похвально забывать своихъ пріятелей; онъ написалъ къ Вяземскому предлинное письмо, а мнѣ и поклона нѣтъ. Скажи однако, что хотя я и не пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мнѣ въ любви моей тебя увѣрять не должно. Ты сынъ Сергѣя Львовича и братъ мнѣ по Аполлону. Этого довольно. Прости, другъ сердечной. Будь здоровъ, благополученъ, люби и не забывай меня.

Василій Пушкинъ.

П. П. Вотъ эпиграмма, которую я сдѣлалъ въ *Яжелбицахъ*:

Сходство съ Шихматовымъ и хромымъ почталіономъ ²⁾.

«Шихматовъ! почталіонъ! Какъ не скорбѣть о васъ?

Признаться надобно, что участь ваша злая:

¹⁾ Сергѣй Ломоносовъ, одинъ изъ товарищей Пушкина, впоследствии бывшій посланникомъ въ Америкѣ, а еще позднѣе въ Голландіи, до лица получилъ первоначальное образованіе въ какомъ-то петербургскомъ учебномъ заведеніи вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ.

²⁾ Въ *Яжелбицахъ* мы нашли почталіона хромаго, и Вяземскій мнѣ эту задалъ эпиграмму. (*Прим. В. Л. Пушкина*).

У одного нога хромая,
А у другого хромъ Пегась».

Это письмо бросаетъ новый свѣтъ на одно изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, озаглавленное: *Желаніе*. Оказывается, что въ немъ поэтъ обращается къ дядѣ вскорѣ послѣ ихъ свиданія въ Царскомъ Селѣ. Сообщенное выше письмо служитъ отвѣтомъ на это посланіе, и выраженіе Василія Львовича: *непокойные стихотворцы* вызвано слѣдующимъ концомъ посланія:

«Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,
И *непокойный* графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грѣшно».

Въ рукахъ моихъ были два неизвѣстныхъ до сихъ поръ подлинныя письма А. С. Пушкина къ Гнѣдичу, писанныя изъ Кипинева. Ихъ обязательно сообщалъ мнѣ Л. М. Лобановъ, котораго отецъ, умершій въ 1846 г. членомъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, нѣкогда служилъ съ Гнѣдичемъ въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Сообщая эти два письма, напередъ замѣчу, что первое изъ нихъ, отъ 24-го марта 1821 г., было писано на другой день послѣ письма поэта къ Дельвигу, которое уже давно напечатано (*Сочиненія Пушкина*, изд. Анненковымъ, т. I. стр. 81). Какъ это письмо къ Дельвигу, такъ и письмо къ Гнѣдичу начинаются стихами. Пушкинъ въ ту пору любилъ подобныя поэтическія вставки въ «почтовую прозу», бывшія въ обычаѣ еще съ прошлаго вѣка и пушѣнныя въ ходъ особенно Вольтеромъ. Стихи въ помѣщаемомъ ниже письмѣ показываютъ между прочимъ, что Пушкинъ

тогда уже, т. е. въ мартѣ 1821 г., изучаль Овидія, а выраженія, приведенныя имъ изъ этого автора во второмъ письмѣ, свидѣтельствуя, что нашъ поэтъ читаль своего любимца не во французскомъ переводѣ только, какъ думаютъ многіе, но и въ подлинникѣ.

Извѣстно, что поэма «Русланъ и Людмила» уже послѣ отъѣзда Пушкина на югъ была окончена печатаніемъ въ Петербургѣ подъ надзоромъ Гнѣдича; но до сихъ поръ не знали, когда и куда именно экземпляръ ея, по выходѣ книги въ свѣтъ, былъ высланъ поэту. Г. Бартеневъ, въ извѣстномъ трудѣ своемъ (*Пушкинъ въ южной Россіи*, стр. 24), высказываетъ предположеніе, что Пушкинъ еще на Кавказѣ могъ получить это изданіе. Слѣдующее за симъ письмо окончательно разъясняетъ вопросъ.

Письмо 1.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ,
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ же я какъ былъ и прежде:
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ ¹⁾ спорю, мало пью,
Октавію — въ слѣпой надеждѣ —
Молебновъ лести не пою,
И Дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала

¹⁾ Михаиломъ Федоровичемъ.

И смѣлый умъ и духъ высокой,
 И важнымъ пѣсямъ обрекла,
 Отрадѣ жизни одинокой;
 О ты, который воскресилъ
 Ахилла призракъ величавый,
 Гомера Музу намъ явилъ,
 И смѣлую пѣвицу славы
 Отъ звонкихъ узъ освободилъ¹⁾, —
 Твой гласъ достигъ уединенья,
 Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
 Ханжи и гордаго глупца²⁾ —
 И вновь онъ оживилъ пѣвца,
 Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
 Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
 Твои хвалы мнѣ драгоценны;
 Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
 Его враги ему презрѣнны:
 Онъ Музу битвой площадной
 Не унижаетъ предъ народомъ,
 И поучительной лозой
 Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тро-

¹⁾ Т. е. эпическія пѣсни Гомера началъ переводить стихами безъ риемъ, — экзаметрами.

²⁾ Эти стихи становятся понятнѣе послѣ прочтенія въ брошюрѣ г. Бартенева «Пушкинъ въ южной Россіи», разсказа объ отношеніяхъ поэта въ Кишиневѣ (см. стр. 117). То же выражаетъ его маленькая пьеса *Уединеніе*, 1822 года:

Блаженъ кто въ отдаленной сѣни,
 Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
 Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
 Воспоминаній и надеждъ;
 Кому судьба друзей послала;
 Кто скрытъ, по милости Творца,
 Отъ усыпителя глушца,
 Отъ пробудителя нахала.

нуло меня до глубины сердца — благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма — все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго АО; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности¹⁾. — Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! Молю Феба и Казаяскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньяи и еще новой поэмой; — та, которую недавно кончилъ, окрещена *Кавказскимъ пльнникомъ*. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего — найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленіи ледяныя главы Казбека и Эльбруса. — Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, — гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа. — Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ — въ скоромъ времени пришлю вамъ ее — дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно —

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли — обнимаю друзей — Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9 тома Русской Исторіи — Что дѣлаетъ Н. М.? здоровы ли Онъ, жена и дѣти? — Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу. — Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ — Vale.

Пушкинъ.

1821 марта 24.

Кишиневъ.

¹⁾ Извѣстный уже изъ другихъ болѣе раннихъ изданій вензель АО означалъ Оленина, который сочинялъ виньетку къ поэмѣ.

Второе доставленное мнѣ письмо къ Гнѣдичу писано почти ровно черезъ годъ послѣ перваго и касается «Кавказскаго плѣнника», котораго изданіе поэтъ опять поручилъ переводчику *Иліады*. Двѣ строки этого письма, именно тѣ, которыя здѣсь печатаются курсивомъ, были уже извѣстны изъ черноваго отпуски, найденнаго въ бумагахъ поэта Анненковымъ и приведеннаго въ его *Материалахъ* (стр. 97). Любопытно, что продолженіе черноваго письма, тамъ же сообщенное и содержащее опѣнку новой поэмы, исключено самимъ Пушкинымъ при перепискѣ письма начисто. Вотъ подлинное

Письмо 2.

29 апрѣля 1822. Кшипиневъ.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Neu mihi! quo domino non licet ire tuo¹⁾.

Не изъ притворной скромности прибавлю: *Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse!* *недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать.* Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей *Идилліи*²⁾ (о которой мы поговоримъ на досугѣ), завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. *Vale.*

Пушкинъ.

(Письмо на цѣломъ листѣ почтовой бумаги; оно проколото; на оборотѣ надпись: «Николаю Ивановичу Гнѣдичу», безъ адреса, изъ чего видно, что это письмо было вложено въ какое-нибудь другое или отправлено съ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ поэта).

¹⁾ *Op. Trist.* 1, 1, 1.

А. Г.

²⁾ *Идилліи Рыбаки*, напечатанной незадолго передъ тѣмъ въ *Сынъ Отечества*. Вѣроятно, она была прислана Пушкину въ отдѣльномъ оттискѣ.

О кавказско-кишиневской эпохѣ жизни и поэзіи Пушкина я имѣлъ недавно случай бесѣдовать съ почтенной Екатериной Николаевной Орловой, рожденной Раевской, съ именемъ которой связываются воспоминанія о двухъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателяхъ (она по женской линіи правнучка Ломоносова). Большинству читателей конечно извѣстно, что Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, нашелъ Ек. Н. Раевскую въ числѣ обитателей крымскаго имѣнія Юрзуфа, и потомъ, въ первыхъ письмахъ изъ Кишинева, говорилъ о ней съ особеннымъ уваженіемъ. Эта замѣчательная женщина сохраняетъ еще и въ глубокой старости¹⁾ всю свѣжесть своего живого ума, ясность души и привѣтливость общительнаго нрава; она попрежнему слѣдитъ за литературой, и то, что пишется о Пушкинѣ, не ускользаетъ отъ ея вниманія. Не касаясь нѣкоторыхъ неточностей, замѣченныхъ Катериной Николаевной въ разсказахъ его біографовъ, упомяну только о двухъ любопытныхъ обстоятельствахъ, не совсѣмъ согласныхъ съ ходячими преданіями и еще разъ показывающихъ, какъ иногда «дѣлается исторія», какъ по канвѣ иногда самыхъ простыхъ случаевъ выводятся впоследствии затѣйливые узоры.

Старшій изъ братьевъ Раевскихъ, пріятелей Пушкина, Александръ Николаевичъ, родился въ 1795 г.; меньшей, Николай, въ 1801-мъ. Александръ страдая отъ раны въ ногѣ, лѣчился на Кавказѣ еще до пріѣзда туда Пушкина съ нѣкоторыми изъ членовъ этого семейства. Александръ тамъ и оставался долѣе прочихъ, и потомъ проѣхалъ прямо въ калужскую деревню, ту самую, гдѣ впоследствии, въ царствованіе Николая, Катерина Николаевна жила съ мужемъ своимъ, М. Ѡ. Орловымъ. Александръ Раевскій былъ чрезвычайно уменъ, и тогда уже успѣлъ внушить Пушкину такое высокое о себѣ понятіе, что нашъ поэтъ предрекалъ ему блестящую извѣстность. Позднѣе, когда они видались въ Каменкѣ и Одессѣ, Александръ Раевскій, замѣтивъ свое вліяніе на Пушкина, вздумалъ потрунить надъ нимъ и сталъ предста-

¹⁾ Она жила еще нѣсколько лѣтъ послѣ того какъ это было написано.

влять изъ себя ничѣмъ не довольнаго, разочарованнаго, надъ всѣмъ глумящагося человѣка. Поэтъ поддался искусной мистификаціи, и написалъ своего *Демона*. Раевскій долго оставлялъ его въ заблужденіи, но наконецъ признался въ своей шуткѣ, и послѣ они часто и много смѣялись, перечитывая вмѣстѣ это стихотвореніе, объ источникахъ и значеніи котораго впоследствии такъ много было писано и истощено догадокъ.

Съ меньшимъ братомъ, Николаемъ, Пушкинъ былъ еще болѣе друженъ и считалъ себя ему обязаннымъ за какую-то важную услугу. Они познакомились еще въ Петербургѣ. Николай Раевскій страстно любилъ литературу, музыку, живопись, и самъ писалъ стихи. На обратномъ пути съ Кавказа онъ какъ-то повредилъ себѣ ногу, и это было поводомъ остановки путешественниковъ въ Юрзуфѣ. Катерина Николаевна рѣшительно отвергаетъ недавно напечатанное свѣдѣніе, будто Пушкинъ, учился тамъ подъ ея руководствомъ англійскому языку. Ей было въ то время 23 года, а Пушкину 21, и одинъ этотъ возрастъ, по тогдашнимъ строгимъ понятіямъ о приличіи, могъ служить достаточнымъ препятствіемъ къ такому сближенію. По ея замѣчанію, все дѣло могло состоять развѣ только въ томъ, что Пушкинъ съ помощью Н. Н. Раевского въ Юрзуфѣ читалъ Байрона и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имѣя лексикона, посылали на верхъ къ Катеринѣ Николаевнѣ за справкой. Здѣсь же Николай Николаевичъ, первый, познакомилъ Пушкина съ поэзіей Шенье.

К. Н. отрицаетъ также, чтобы Пушкинъ изъ Крыма проводилъ Раевскихъ до кіевскаго имѣнія Каменки. Послѣ посѣщенія Бахчисарая, онъ, по ея словамъ, доѣхалъ съ ними только до Симферополя или можетъ-быть до Перекопа. Но въ этомъ она едва ли права, судя по двумъ небольшимъ пьесамъ Пушкина, подъ которыми стоитъ имя Каменки. Это село принадлежало матери Раевского (второй мужъ ея былъ Левъ Денисовичъ Давыдовъ). Тамъ все семейство съѣзжалось обыкновенно къ Екатеринину дню, 24-му ноября, а уже въ первыхъ числахъ декабря возвра-

щалося въ Кіевѣ. Свадьба старшей дочери, Кат. Н. Раевской, съ М. Ѳ. Орловымъ была въ маѣ 1821 г. Пушкинъ на ней не присутствовалъ; во второй разъ былъ онъ въ Каменкѣ до того зимою.

Въ первой изъ своихъ статей о Пушкинѣ въ Александровскую эпоху Анненковъ привелъ дословно — не раздѣляемое имъ впрочемъ — мнѣніе о поэтѣ, высказанное графомъ Корфомъ. При всемъ моемъ уваженіи къ авторитету покойнаго М. А. въ свѣдѣніяхъ о первоначальномъ лицѣ и его воспитанникахъ, я позволяю себѣ думать, что въ этомъ взглядѣ есть нѣкоторое недоразумѣніе или невольное преувеличеніе. Правда, что молодой Пушкинъ ни дома, ни въ заведеніи не могъ получить строго-нравственной основы, а жгучая страстность и рѣдкое остроуміе значительно усиливали для него обыкновенную мѣру искушеній молодости. Но мы знаемъ какъ высоко, въ минуты особенныхъ возбужденій, было душевное настроеніе Пушкина, знаемъ какъ неумоимо онъ работалъ надъ собою, какъ самъ себя перевоспиталъ размышленіемъ и чтеніемъ. Конечно онъ представляетъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ самообразованія въ Россіи. Нѣтъ спора, что Пушкинъ въ молодости нерѣдко для краснаго словца, для острой эпиграммы забывалъ лучшія правила и чувства. Но именно въ такихъ случаяхъ онъ и казался хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ (въ чемъ впрочемъ сознаются и строгіе судьи его); самимъ же собою онъ являлся тогда, когда выходилъ изъ-подъ вліянія вѣшнихъ соблазновъ. Извѣстно, какъ глубоко онъ въ позднѣйшіе годы раскаивался въ легкомысленномъ кощунствѣ, которому принесъ дань въ молодости. Рано убѣдился онъ, что

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво,

и если все-таки часто измѣнялъ этому взгляду, то причиною была не коренная испорченность сердца, а страстная природа, которая брала свое, вопреки разуму и убѣжденіямъ.

Какъ благородно признаніе, тогда же высказанное имъ при сравненіи себя съ Дельвигомъ:

Но я любилъ уже рукоплесканья,
 Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
 Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
 Ты гевій свой воспитывалъ втиши.

И сколько чертъ високаго благородства мы видимъ въ жизни Пушкина! Съ какимъ строгимъ самоосужденіемъ онъ говорилъ о своемъ прошломъ при возвращеніи въ Царское Село въ первый разъ послѣ выхода изъ лицея ¹⁾. Кто такъ говорить, не можетъ не быть искреннимъ; такого настроенія нельзя дать себѣ искусственно; подъ него нельзя поддѣлаться. Если бъ это не была въ высшей степени благородная душа, какой смыслъ могло бы имѣть вѣрное замѣчаніе Анненкова «о заслугахъ Пушкина дѣлу воспитанія благородной мысли и изящнаго чувства въ отечествѣ». Нѣмецкій поэтъ сказалъ, что злые не поютъ. Кажется, можно распространить эту мысль и согласиться, что истинный поэтъ не можетъ быть вполне недобрымъ человѣкомъ. Кто глубоко чувствуетъ и понимаетъ красоту, не можетъ не быть расположеннымъ ко всему доброму. Онъ можетъ падать и низко падать нравственно, но любовь къ прекрасному облегчаетъ ему возможность вставать и снова возвышаться.

Многое въ этомъ отношеніи хорошо понято и ловко выражено Анненковымъ. Чтобы отдать полную справедливость нашему поэту, надобно также принять въ соображеніе тѣ умственные и нравственные элементы, среди которыхъ ему приходилось жить: немногіе умѣли бы дать такой отпоръ, какъ онъ, обществу, окружавшему его, напр. въ Кишиневѣ. Эта среда могла бы окончательно погубить его, если бъ постоянный умственный трудъ и творчество не укрѣпляли его для борьбы за сохраненіе своего человѣческаго достоинства. На кишиневскій періодъ жизни Пушкина должно смотрѣть какъ на серьезную подготовительную школу для дальнѣйшей быстро разраставшейся въ ширину и глубину дѣятельности его могучаго таланта.

¹⁾ См. выше, стр. 32, отрывокъ изъ пьесы: «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ».

Конечно въ жизни его легко отыскать много заблужденій, слабостей, даже сумасбродствъ; но едва ли кто-нибудь укажетъ въ ней хотя на одинъ низкій или противный чести поступокъ. Много приносилъ онъ жертвъ суетности, тщеславію, легкомыслію, но доходилъ ли онъ когда-либо до нравственнаго униженія ради выгоды или успѣха?

Въ 70-хъ годахъ кто-то печатно упрекнулъ Пушкина за бѣдность содержанія изданныхъ въ тогдашнее время писемъ его изъ Кишинева. Къ сожалѣнію, критикъ не обратилъ вниманія на прежде извѣстныя письма поэта за ту же эпоху, въ которыхъ давно оцѣненъ важный біографическій матеріалъ; критикъ забылъ также, что во всеневныхъ письмахъ и запискахъ, имѣющихъ только минутную цѣль и вовсе не назначаемыхъ для публики, мы никакъ не въ правѣ требовать того, что можетъ быть поучительно для потомства. Дѣло въ томъ, что интересъ такихъ писемъ заключается совсѣмъ не въ положительныхъ фактахъ и не въ важныхъ размышленіяхъ: при видимой бѣдности содержанія они все-таки могутъ быть очень интересны. Съ своей стороны я долженъ признаться, что въ новыхъ письмахъ Пушкина меня часто поражали внезапныя искры ума и остроумія, которыя въ ту эпоху могли принадлежать только человѣку, далеко ее опередившему. Вотъ гдѣ лежала тайна быстрого самоусовершенствованія юноши, говорившаго, что «для существа одареннаго душою нѣтъ другого воспитанія, кромѣ того, которое каждому дается обстоятельствами его жизни и имъ самимъ». (Изъ письма къ Дельвигу 1821 г.).

III.

ПИСЬМА ЛИЦЕИСТА ИЛЛИЧЕВСКАГО КЪ ФУССУ¹⁾.

Воспитываясь въ царкосельскомъ лицейѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, *Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій*, сынъ томскаго губернатора, переписывался съ другомъ своимъ *Павломъ Николаевичемъ Фуссомъ*, впоследствии непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ (умершимъ въ 1855 году). Дружба эта началась еще въ петербургской гимназіи²⁾, откуда Илличевскій въ 1811 г., лѣтъ 13-ти отъ роду, переведенъ былъ въ лицей, тогда какъ Фуссъ остался въ гимназіи. Письма Илличевскаго ближе знакомятъ насъ съ бытомъ и духомъ лицея въ первое время его существованія и представляютъ нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ о лицахъ, пріобрѣтшихъ позже общую извѣстность. Біографы Пушкина уже признали важность внутренней исторіи лицея первыхъ лѣтъ для изученія хода развитія молодого Пушкина. Вотъ почему мнѣ

¹⁾ Эти письма, о которыхъ упоминается въ первыхъ двухъ статьяхъ настоящаго сборника, печатаются съ опущеніемъ только того, что не представляетъ историческаго интереса. Въ первый разъ они были помѣщены мною въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 года. Стоитъ замѣтить, что письма 1812 года писаны не твердымъ, почти дѣтскимъ почеркомъ; за 1813 годъ нѣтъ ни одного письма; съ 1814-го же почеркъ Илличевскаго совершенно измѣняется, и становится болѣе и болѣе похожимъ на довольно своеобразный почеркъ Пушкина, такъ что даже спрашиваешь себя, не старался ли товарищъ его подражать рукѣ своего учителя въ поэзіи. Иногда трудно бываетъ рѣшить, которому изъ нихъ принадлежитъ тотъ или другой автографъ.

²⁾ Единственной въ то время: это нынѣшняя 2-я гимназія въ Казанской (бывшей Мѣщанской) улицѣ. На томъ же мѣстѣ находилась она уже и тогда.

кажется, что извлеченія изъ писемъ его товарища, переданныхъ мнѣ въ подлинникѣ лицейскимъ же воспитанникомъ 24-го выпуска (1860 г.) Владимиромъ Павловичемъ Фуссомъ, не будутъ лишены интереса для читателей, тѣмъ болѣе что они отличаются веселостью и непринужденной искренностью молодости. Присутствіе сильнаго и блестящаго таланта въ кругу первыхъ лицейстовъ пробудило между ними почти общую страсть къ литературѣ. Живя съ Дельвигомъ, Кюхельбекеромъ и нѣкоторыми другими, Илличевскій, который уже въ гимназіи писалъ стихи, увлекся этою страстью и мечталъ о лаврахъ поэта. Впослѣдствіи однакожъ онъ не произвелъ ничего значительнаго въ литературѣ, и памятью его поэтической дѣятельности остается только маленькая книжечка, напечатанная имъ въ 1827 году въ Петербургѣ подъ заглавіемъ: «Опыты въ антологическомъ родѣ». Илличевскій началъ службу въ почтовомъ вѣдомствѣ, но съ откомандировкою къ отцу своему, который, какъ уже сказано было, занималъ должность губернатора въ Сибири. Алексѣй Демьяновичъ не многимъ пережилъ Пушкина: онъ умеръ также въ 1837 году, въ должности начальника отдѣленія тогдашняго департамента государственныхъ имуществъ ¹⁾.

18 февраля 1812 г.

Напрасно ты думаешь, что у насъ въ лицей не слишкомъ хорошо, потому что не можемъ видѣть всякую недѣлю своихъ родителей. Средь разлуки привыкнешь къ разлукѣ; да будто бы и нельзя совсѣмъ видѣть ихъ? Къ намъ пріѣзжаютъ наши родители довольно часто. Жаль мнѣ, любезный другъ, что ты не въ лицей. Ты вѣрно бы здѣсь былъ изъ самыхъ лучшихъ. Позволь затруднить тебя маленькой просьбой: пришли ко мнѣ мои басни: *Дубъ и Лисица вельможею* ²⁾.

¹⁾ За эти свѣдѣнія, какъ и за нѣкоторыя другія, помѣщаемыя въ примѣчаніяхъ подъ письмами, обязанъ я покойному гр. Модесту Андреевичу Корфу принявшему на себя трудъ прочесть мои извлечения. Другія подробности сообщилъ мнѣ покойный же статсъ-секретарь Андрей Логиновичъ Гофманъ.

²⁾ Басни эти приложены къ подлиннымъ письмамъ.

25 марта 1812 г.

Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодого человѣка, который, живши между лучшими стихотворцами ¹⁾, приобрѣлъ много въ поэзій знаній и вкуса, и читая мои прежніе стихи, вижу въ нихъ непростительныя ошибки. Хотя у насъ, правду сказать, запрещено сочинять, но мы съ нимъ пишемъ украдкою; по первой почтѣ постараюсь прислать тебѣ нѣсколько стихотвореній.

26 апрѣля 1812 г.

Ты пишешь, что у васъ въ гимназій все идетъ весьма хорошо; врядъ ли? Ты, я думаю, изъ пристрастія къ Миддендорфу ²⁾, въ этомъ меня увѣряешь! Что же касается до нашего лица, увѣряю тебя, нельзя быть лучше: учимся въ день только 7 часовъ, и то съ перемѣнами, которыя по часу продолжаются; на мѣстахъ никогда не сидимъ; кто хочетъ учиться, кто хочетъ гуляеть; уроки, сказать правду, не весьма велики; въ праздное время гуляемъ, а нынче жъ начинается лѣто: снѣгъ высохъ, трава показывается, и мы съ утра до вечера въ саду, который лучше всѣхъ лѣтнихъ петербургскихъ. Ведя себя скромно, учась прилежно, нечего бояться. Притомъ родители насъ посѣщаютъ довольно часто, а чѣмъ рѣже свиданіе, тѣмъ оно пріятнѣе. Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять, и мы начали періоды; вслѣдствіе чего посылаю тебѣ двѣ мои басни и желаю, чтобъ они тебѣ понравились. Горчаковъ ³⁾ благодаритъ тебя за поклонъ, и хотѣлъ было писать, да ему некогда. Повѣришь ли? Этотъ человѣкъ учится съ утра до вечера, чтобъ быть первымъ ученикомъ, и кажется, достигъ своего желанія.

¹⁾ См. выше стр. 7 и 42.

²⁾ Тогдашнему инспектору гимназій, который на дѣлѣ управлялъ заведеніемъ. Директоромъ былъ извѣстный, какъ цензоръ, Иванъ Осиповичъ Тимоковскій.

³⁾ Князь Ал. Мих. Горчаковъ, впоследствии министръ иностранныхъ дѣлъ, поступилъ въ лицей также изъ гимназій, какъ и нѣкоторые другіе воспитанники 1-го курса. Получилъ при выпускѣ изъ лицея вторую золотую медаль.

27 іюля 1814 г.

Въ теченіе тѣхъ трехъ лѣтъ, какъ я оставилъ гимназію, мнѣ кажется, что она совершенно измѣнилась. Прежніе товарищи вышли; вступили новые, и ты, мой другъ, скоро оставишь оную. Отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ Матвѣева, который служить теперь въ правленіи нашего лица, слышалъ я, что ты перешелъ въ 7-й классъ. Желать тебѣ успѣховъ было бы съ моей стороны и не кстати и не за чѣмъ: я увѣренъ и безъ того, что ты изъ первыхъ въ гимназіи. Радуюсь, что тебѣ немного остается уже продолжать ученіе; но мой курсъ продолжится.... еще.... еще.... три года! — Хоть не радъ, да будь готовъ!

У насъ въ Царскомъ Селѣ завелось теперь новое училище подъ именемъ пансіона при императорскомъ лицей, гдѣ за каждаго воспитанника платятъ по 1000 рублей. Число ихъ простирается уже до 80, и всѣ они на казенномъ содержаніи ¹⁾. Нельзя жаловаться на смотрѣніе, ни на ученіе; но содержаніе могло бы быть лучше. Отличнѣйшіе изъ нихъ будутъ поступать въ лицей: итакъ, разсуди самъ, какъ трудно теперь къ намъ попасть! Въ пансіонѣ много есть и изъ гимназіи, именно: Романовскій, Бухаровъ, Рашеть, Безаки, Черкасовъ... всѣхъ не могу вспомнить.

Какое ты проводишь время въ Петербургѣ? здоровъ ли ты? прошла ли у тебя болѣзнь руки, которою ты прежде страдалъ? У васъ теперь каникулы: тебѣ, я думаю, весело! И я бы могъ проводить также весело время, когда бы не лишенъ былъ удовольствія видѣть своихъ родителей, которые живутъ теперь въ Томскѣ, гдѣ папенька губернаторомъ, за 4500 верстъ отсюда! Какое разстояніе? Часто случается, что по два мѣсяца не получаю отъ нихъ писемъ.

Кланялся ли тебѣ отъ меня Гижицкій? Онъ былъ у насъ въ лицей, когда мы представляли маленькую пьесу, и видѣлъ меня. Не

¹⁾ Лицейскій пансіонъ возникъ изъ частнаго училища, основаннаго въ 1813 году Гауэншильдтомъ, который потомъ и назначенъ былъ директоромъ новообразованнаго казеннаго заведенія. См. выше стр. 36 и 50.

помню фамиліи одного вашего пансіонера, который былъ также у насъ и котораго просилъ я именно тебѣ и Гижичкому поклониться. Опиши мнѣ, сдѣлай милость, ежели это тебѣ не трудъ, какія у васъ теперь перемѣны въ разсужденіи прежняго? Кто остался еще въ гимназіи изъ бывшихъ нашихъ товарищей? Что сдѣлалось съ Ильею Ольхинымъ, гдѣ онъ теперь и что творить? Поклонись отъ меня Гижичкому, Шварцу и пр., также твоему братцу Александру Николаевичу. Увѣрь миленькихъ Виленьку и Егорушку, что я ихъ всегда люблю и невольно о нихъ воспоминаю; я думаю, что первый изъ нихъ весьма выросъ и уже въ гимназіи.

Вотъ тебѣ письмо мое, — ты не можешь жаловаться, чтобъ оно коротко было, вдобавокъ еще посылаю тебѣ мою *Оду на взятіе Паризжа*. Прости, ежели увидишь несовершенства. Остаюсь въ полной надеждѣ получить отъ тебя отвѣтъ, отъ тебя, къ которому былъ и всегда пребуду неслестнымъ другомъ.

5 октября 1814 г.

Что сказать мнѣ о состояніи вашей гимназіи? Жаль! и только; подлинно только: лучшей перемѣны ожидать не можно! Если въ мою бытность при М. все такъ перемѣнилось, что жъ должно быть нынѣ? Ахъ! съ какою сладостію воспоминаю иногда пребываніе мое въ гимназіи, времена счастливыя Энгельбаха и Дольста, наше взаимное дружество, прежнихъ товарищей: Голубя, Оржитскаго, Ольхива — *et tant d'autres! Oui, j'aime le souvenir de ceux que j'ai chéris!* Ахъ, воспоминаніе прежняго счастья и настоящія бѣдствія усладить можетъ:

Et le pauvre lui-même est riche en espérance,
Et chacun redevient Gros-Jean comme devant,
Et chacun est du moins fort heureux en rêvant?

Но я слишкомъ разахался! Un mot de Mr. Gretch. Quoique je n'aie pas l'honneur de le connaître en personne, j'estime néanmoins son talent supérieur. Son journal le Patriote, sa traduction de Léontine, son édition des Избранныя мѣста, дѣлаютъ ему

честь великую, а похвала моя, я увѣренъ, не прибавить къ его славѣ... ни крошечки!

Ежели уроки мѣшаютъ тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки: *il s'en faut de beaucoup!*), а страсть къ стихамъ. Къ счастію, уроковъ у насъ не много, а времени довольно; и такъ я со всѣмъ успѣваю раздѣлываться.

Знаешь ли, Будри получилъ крестъ Владимирской въ петлицу (4-й стѣпени).

2 ноября 1814 г.

Ты требуешь отъ меня пространнаго письма. Охотно на сей разъ исполняю твое желаніе. Ты правъ, у меня нѣтъ недостатка въ матеріи; но обстоятельства, проклятыя обстоятельства кого не держать въ оковахъ? За то я самъ не сержусь на тебя. Правда, у всякаго свое на умѣ: у тебя уроки, у Ольхина шалости, у меня стихи; но они равно сильно дѣйствуютъ на наши души. Впрочемъ, какъ ни есть, повинуюсь тебѣ, гоню отъ себя докучливыхъ музъ, беру перо и пишу тебѣ цѣлые поллиста — безсмыслицы.

Начнемъ съ самаго скучнаго. Первою матеріею нашею будетъ лицей. Но что тебѣ сказать о немъ? Ты самъ знаешь, что всѣ училища подъ одну статью: начало хорошо; чѣмъ же далѣе, то становится хуже. Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ съ одной стороны свобода (а свобода дѣло золотое). Нѣтъ скучнаго заведенія сидѣть *à ses places*; въ классахъ бываемъ недолго: 7 часовъ въ день; большихъ уроковъ не имѣемъ; лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ, съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся. Такимъ образомъ, какъ можемъ, сражаемся со скукою, подобно матросамъ, которые, когда корабль ихъ производитъ течь, видя къ нимъ со всѣхъ сторонъ вливающіяся волны, не предаются отчаянію, но, усиліямъ моря противопоставляя свои усилія, спокойно борются съ ужасною стихіею.

Въ наукахъ мы таки кое-какъ успѣваемъ, но языки, ты самъ знаешь, какъ трудны и die deutsche Sprache до сихъ поръ еще мнѣ почти тарабарская азбука. Въ латинскомъ мы плыли, плыли (начали было читать Федровы басни и Corneliî Nepotis de vita etc.), да вдругъ и наѣхали на мель: не стало кормчаго, ни тирру, ни ну, сѣли, какъ раки. Подлинно, нашъ профессоръ Н. Ѡ. Кошанскій, довольно извѣстный въ ученомъ свѣтѣ, вдругъ сдѣлался боленъ, и съ полгода уже не ходитъ въ классы, а мы хоть и ходимъ, однако ничему не учимся. А математика?...

О Уранья чадо темное,
 О наука необъятная,
 О премудрость непостижная,
 Глубина неизмѣримая!
 Видно, на роду написано
 Свыше нѣкимъ тайнымъ Промысломъ
 Мнѣ взирать съ благоговѣнїемъ
 На твои рогаты прелести,
 А плодовъ твоей учености
 Какъ огня бояться лютаго!

Признаюсь, и радъ еще повторить прозой. Въ ней, кажется, заключила природа всю горечь неизъяснимой скуки. Нельзя сказать, чтобъ я не понималъ ея, но... право, отъ одного воспомина- нїя голова у меня заболѣла.

Много писалъ я тебѣ объ лицѣ, но главное оставилъ наконецъ. Ужели ты до сихъ поръ не знаешь еще, что насъ за порогъ ни на шагъ не отпускаютъ? Какъ же мнѣ побывать у васъ на каникулахъ!... Ахъ, благодарю тебя за твое дружеское усердіе; жестокая судьба не позволяетъ мнѣ имъ пользоваться. Какая страшная разнида! два мѣсяца — и ты свободенъ; а мнѣ такъ остается еще.... 36 мѣсяцевъ, ужасно!... Прощай и помни мно- голюбящаго тебя друга.

10 декабря 1814 г.

Признаться, довольно долго ждалъ я твоего отвѣта, однако за это я нимало не въ претензіи: знаю, что ты приближаешься теперь къ тому времени, когда экзамень, послѣдній, можетъ-быть, въ твоёмъ учебномъ курсѣ, рѣшить будущую судьбу твою. Желаю тебѣ отъ всего сердца добраго успѣха, что впрочемъ, я увѣренъ, и безъ моего желанія исполнится. Но знаешь ли что? И мы ожидаемъ экзамена, которому бы давно уже слѣдовало быть и послѣ котораго мы перейдемъ въ окончательный курсъ, то есть, останемся въ лицейѣ еще на три года... утѣшительныя мысли.

Тебѣ непременно хочется знать нашихъ профессоровъ, изволь: я опишу ихъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, *mais c'est pour la dernière fois, entendez-vous? car, certes, tout ce qui appartient au lycée m'ennuie fort.*

О *Будри*, проф. французскаго языка, и *Кошанскомъ*, проф. латинской и російской словесности, говорить тебѣ не стану: одного ты знаешь лично, другого изъ прошедшаго письма моего.

Нѣмецкаго языка проф. у насъ — г. *фонъ Гауэншильдъ*, человекъ съ большими познаніями; попечитель вапшъ Уваровъ нарочно призвалъ его изъ Вѣны въ Россію и доставилъ ему мѣсто въ лицейѣ.

Адъюнктъ-проф. нравственныхъ и политическихъ наукъ — г. *Кунцынъ*; при открытіи нашего училища въ присутствіи царской фамиліи сказалъ онъ такую рѣчь, что Государь Императоръ самъ назначилъ ему въ награду орденъ Владимира 4-й степени.

Адъюнктъ-проф. историческихъ и географическихъ наукъ — г. *Кайдановъ*; онъ сочинилъ прекрасную исторію древнихъ временъ, которая теперь только выходитъ изъ печати.

Адъюнктъ-профес. математическихъ и физическихъ наукъ — г. *Карцовъ*. Всѣ трое учились они въ Педагогическомъ институтѣ, путешествовали по Европѣ, слушали извѣстныхъ ученыхъ людей въ свѣтѣ и всѣ вышли люди съ достоинствомъ. Аминь.

Достигаютъ ли до нашего уединенія вновь выходящія книги? спрашиваешь ты меня; можешь ли въ этомъ сомнѣваться?...

И можетъ ли ручей серебристой,
 По свѣтлomu песку катя кристалъ свой чистой
 И тихою волной ласкаясь къ берегамъ,
 Течь безъ источника по роцамъ и лугамъ?...
 И можетъ ли огонь пылать безъ вѣтра?...
 И можетъ ли когда въ долинахъ зелень кедра,
 А въ полѣ знакъ цвѣсти безъ солнца и дождя?...
 И можетъ ли поэтъ неопытной и юной,
 Чуть-чуть бренча на лирѣ тихострунной,
 Не подражать другимъ? — Ахъ! никогда.

Никогда! Чтеніе питаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть всѣ журналы и впрямь получаемъ: *Пантеонъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Русской Вѣстникъ* и пр. Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляться цвѣтущимъ гениямъ Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда подымать завѣсу протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной поэзіи, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева: тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать пѣвцовъ иноземныхъ (у нихъ учились предки наши), бесѣдовать съ умами Расина, Вольтера, Делиля и, заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія.

Такъ пчелка молодая
 Въ лугахъ, въ садахъ, весной,
 Съ листа на листъ летая,
 Сбираетъ медъ златой,
 И въ улей отдаленный
 Несетъ соты скопленны
 Прилежностью своей.
 Когда же лѣто знойно
 Зажжется въ небесахъ,
 Она сидитъ спокойно

На собранныхъ плодахъ:
 Въ довольствѣ отдыхаетъ
 И счастье вкушаетъ...
 Тружусь подобно ей!

Помнишь ли ты Штеричей? (ихъ было у насъ три брата); старшій и средній теперь офицерами въ гвардейскомъ гусарскомъ полку, и я ихъ часто вижу. Когда наступитъ весна, то приѣзжай къ намъ въ Царское Село; *ich hoffe dass du mit deinem Zeitvertreiber sehr zufrieden seyn wirst.* Только смотри, приѣзжай *въ праздникъ.*

25 февраля 1815 г.

*Гофману*¹⁾ посылаю искренній поклонъ; мы говорили съ нимъ не болѣе трехъ часовъ, но и сего довольно было, чтобъ узнать непринужденную доброту его и привѣтливость.

Поздравляю тебя съ окончаніемъ твоего экзамена и курса ученія. О первомъ я слышался много хорошаго, въ чемъ и сомнѣваться грѣхомъ поставляю. Знаю, что ты читалъ прекрасное сочиненіе *о красотѣ російскаго слова* (?)²⁾; знаю также, что ты сообщишь мнѣ его, по крайней мѣрѣ, для прочтенія. Честь и слава тебѣ! О нашемъ говорить нечего. Стеченіе народа было соразмѣрное съ нашимъ городомъ и разстояніемъ его отъ столицы; впрочемъ въ числѣ зрителей были Державинъ, Горчаковъ, Саблуковъ, Салтыковъ, Уваровъ, Филаретъ и множество профессоровъ и ученыхъ³⁾. Я льстился надеждою, что ты приѣдешь на сей случай съ папенькою, но не тутъ-то было!

¹⁾ Андрей Логиновичъ Гофманъ, впоследствии членъ Госуд. Совѣта, поступилъ въ гимназію въ 1813 г., а оставилъ ее въ 1815 вмѣстѣ съ другомъ своимъ Фуссомъ. Они часто вмѣстѣ отправлялись въ Царское Село, зимой въ саночкахъ, лѣтомъ иногда пѣшкомъ, къ лицейскимъ друзьямъ, которыхъ у нихъ было нѣсколько.

²⁾ Вопросительный знакъ въ подлинномъ письмѣ.

³⁾ Ср. у Пушкина замѣтку о чтеніи имъ на этомъ экзаменѣ стиховъ въ присутствіи Державина.

Жестокой опять надо мною
 Хотѣлось судьбѣ подшутить;
 Остался я съ горькой тоскою,
 Гдѣ думалъ веселіе пить —
 Полною чашей.
 Ахъ! если бѣ безсмертные дали
 Намъ даръ напередъ узнавать
 И радость и томны печали...
 Счастливіѣ были бѣ стократъ
 Въ жизни мы нашей.

Между тѣмъ назначено въ награжденіе пять медалей. Кому-то достанется получить? Но прежде ждуть возвращенія Государя. Для любопытства посылаю тебѣ программу. Были читаны у насъ и сочиненія. Хотѣлось мнѣ прочесть стихотвореніе: *Весенній вечеръ*, но приказано — прозаическое разсужденіе *о цѣли человеческой жизни*, котораго теперъ нѣтъ у меня.

Поздравляю тебя съ новымъ мѣстомъ ¹⁾. Радуюсь, если оно приноситъ тебѣ выгоды и удовольствіе. Не сомнѣваюсь, чтобъ ты познаніями своими, прилежностью и талантами не достигъ всего, что только въ виду себѣ представляешь. Скажи только мнѣ, все ли и теперъ ты такъ мало имѣешь времени, какъ прежде? Прощай, мой другъ, желаю тебѣ съ симъ новымъ годомъ новыхъ успѣховъ и новаго благополучія и новаго веселія на наступающей масленицѣ. Помни, что скорые отвѣты твои доставляютъ несказанное удовольствіе любящему тебя другу.

Царское Село.

2 сентября 1816 г.

Описать ли тебѣ, какъ я провожу время? Наше Царское Село въ лѣтніе дни есть Петербургъ въ миниатюрѣ. И у насъ есть вечернія гулянья, въ саду музыка и пѣсни, иногда театры. Всѣмъ

¹⁾ Фуссъ поступилъ въ студенты Академіи Наукъ. Отецъ его, Николай Ивановичъ, былъ въ то время непремѣннымъ секретаремъ Академіи, занявъ это мѣсто послѣ своего тестя Іоанна Альберта Эйлера, сына великаго математика.

этимъ обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствія челоуѣку. По знакомству съ хозяиномъ и мы имѣемъ входъ въ его спектакли; ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствіе. Но *осень* на насъ не на шутку косо поглядываетъ. Эта дама такъ сварлива, что съ нею никто почти ужиться не можетъ. Все запрется въ дому, разѣдется въ столицу или куда кто хочетъ; а мы, постоянные жители Села, живи съ нею. Чѣмъ убить такое скучное время? Вотъ тутъ-то поневолѣ призовешь къ себѣ науки. — Знаешь ли, что я затѣялъ? Есть книга: *Плутархъ для юношества*, сочиненіе *Бланшарда* въ 4-хъ частяхъ¹⁾. Она переведена на русской и дополнена многими великими мужами Россіи. Но и сочинитель и переводчикъ много еще пропустили; мнѣ пришло на мысль издать (рано или поздно, разумѣется) *новый Плутархъ для юношества*; служащій дополненіемъ *Плутарху Бланшардову*. Безъ великаго труда набралъ я 60 великихъ мужей, ими пропущенныхъ. Покажѣсть собираю о нихъ разныя извѣстія, а издамъ по выходѣ изъ лица. Можетъ быть, и не издамъ, — кто знаетъ, какія препятствія могутъ случиться, но и одна мечта забавляетъ меня.

О *Леонардѣ Эйлерѣ* отношусь къ тебѣ, какъ къ ближайшему его родственнику; не можешь ли извѣстить меня, напечатана ли гдѣ-нибудь жизнь его, или если ты знаешь ее, напиши мнѣ хоть краткое о ней понятіе. Впрочемъ не дѣлай это гласнымъ; ты видишь, что это ничто, какъ игрушка.

Звонятъ въ классы, несутъ письма на почту, и я имѣю время только подписаться вѣрнымъ твоимъ другомъ.

22 сентября 1815 г.

Два портрета отгадалъ точно, одинъ *Мартынова* ²⁾, другой *Пушкина*, а стихи написаны не моею рукою; но простимъ друж-

¹⁾ Не въ 4-хъ, а въ 10-ти частяхъ. См. Смирдинскую роспись № 3323. Эта книга въ русскомъ переводѣ имѣла три изданія: 1809, 1814 и 1823 гг.

²⁾ Аркадій Ивановичъ Мартыновъ, братъ извѣстнаго Ив. Ив., былъ также одинъ изъ товарищей Илличевскаго. Умеръ, чуть ли еще не прежде послѣдняго, начальникомъ отдѣленія.

бѣ: у ней, какъ и у страха, глаза велики. Третій не отгадалъ: *et peut-on deviner ce que l'on ne connoît pas?* Это портретъ *Вальховскаго* ¹⁾, одного изъ лучшихъ нашихъ учениковъ, прилежнаго, скромнаго, словомъ великихъ достоинствъ и великой надежды; этого на портретѣ ты не видѣлъ, а примѣтилъ развѣ: большой носъ и большіе усы. Adieu.

Прости великой и большой безмыслицѣ моего письма: *пишу его рѣзвась, а не четыре дни*. Но искренно люблю: доволенъ ли? прости.

11 октября 1815 г.

Сказать ли тебѣ, какъ ты узналъ, что я *сочинилъ оперу, которую у васъ въ Св. Питерѣ играли?* Не сочти меня колдуномъ, ибо я скажу тебѣ всю истину, хотя удаленъ отъ тебя на двадцать верстъ. Но, начиная мою повѣсть или диссертацию, ставлю эпиграфъ:

Что больше бродить,
То больше въ цѣну входить,
Снѣжной шарика будетъ шаръ,
А изо лжи, товаришка товаръ:
Дожь ходитъ всегда съ прибавкой въ мѣръ.

Сумароковъ.

Такъ! Я *перевелъ оперу* (а не *сочинилъ*) *L'opéra comique* par Ségur, op. com. en un acte. Переведши старался, чтобъ ее разыграли на театрѣ, отъ чего надѣялся получить барышъ. Прости на этотъ случай моему сребролюбію. Для этого просилъ я г. *Петра Александровича Корсакова*, стихотворца и чиновника, служащаго при театрѣ ²⁾. Родственникъ его Рязановъ учится въ гимназіи; ему

¹⁾ Владимиръ Дмитріевичъ Вальховскій получилъ при выпускѣ изъ лицея 1-ю золотую медаль и былъ впоследствии начальникомъ штаба на Кавказѣ. Умеръ въ 1841 году, въ отставкѣ, въ харьковскомъ своемъ имѣніи. См. ниже очеркъ его біографіи.

²⁾ Онъ былъ впоследствии цензоромъ и издавалъ журналъ *Маякъ*. Братъ его Николай Александровичъ Корсаковъ воспитывался въ лицей въ одно вре-

не трудно было узнать все мое дѣло. Отъ него узнали это въ гимназіи; а ты узналъ о томъ отъ своего брата. Не правда ли? — Теперь мнѣ остается исправить, дополнить и окончить это извѣстіе: піесы моей не *играли*, да и играть не станутъ; причина тому та что меня предупредили переводомъ, и хотя чужой переводъ и хуже, но уже онъ апробованъ и роли розданы. Таково мое несчастіе! Жалѣя о моей неудачѣ, дивись однакоже великому генію моему, который предугадалъ (я навѣрно полагаю то) всѣ дѣйствія молвы, и открылъ причины дошедшаго до тебя слуха. — Піеса моя еще въ Петербургѣ, но коль скоро получу оную назадъ, то перешлю къ тебѣ охотно для прочтенія. Благодарю тебя за доставленный мнѣ анекдотъ — жаль, что мнѣ нечего сообщить тебѣ. Прости, любезный Павелъ Николаевичъ! Я не Геркулесъ — предѣлы письма меня останавливаютъ.

26 октября 1815 г. (Царское Село, — вѣчное Царское Село).

Я получилъ письмо твое, пріятное какъ и всѣ твои письма — и въ такое время, когда я не имѣлъ ни на часъ свободнаго времени, ибо оно было посвящено цѣлому обществу, скажу яснѣе, въ такое время, когда мы приготовлялись праздновать день *открытія* лицея (правильнѣе бы было день *закрытія* насъ въ лицѣ), что дѣлается обыкновенно всякой годъ въ первое воскресенье послѣ 19 октября, и нынѣшній годъ также октября 24 числа. Этотъ праздникъ описать тебѣ не долго: начался театромъ; мы играли *Стряпчало Пателена* и *Сбору двухъ сосѣдовъ*. Обѣ піесы комедіи; въ первой представлялъ я *Вильгельма*, купца, торгующаго сукнами, котораго плуть стряпчій подрядился во всю піесу обманывать; во второй — *Всмышкина*, записнаго псаля, охотника и одного изъ ссорящихся сосѣдовъ. Не хочу хвастать передъ другомъ, но скажу, что мною зрители остались довольны.

мя съ Илличевскимъ. Оба они братья бывшаго попечителя петербургскаго учебнаго округа, кн. Дондукова-Корсакова, на котораго княжескій титулъ и дополнительная фамилія перешли отъ его тестя, умершаго безъ мужского потомства.

За театромъ послѣдовалъ маленькой балъ и подчиваніе гостей всякими лакомствами, что называется въ свѣтѣ *уощеніемъ*.

28 ноября 1815 г.

Позволь мнѣ, какъ другу, спросить у тебя: *читаешь ли ты нынѣ выходящіе журналы?* — спросить не изъ пустаго любопытства, но изъ желанья знать, читаешь ли ты піесы мои въ печати, а это для того, чтобы не подчивать тебя извѣстными тебѣ піесами, или, что французы называютъ: *la soupe réchauffée*. Въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 г. и въ *Россійскій Музеумъ* отсылалъ я нѣсколько моихъ стихотвореній, напр. *Ирина*, *Цефиза*, нѣсколько *эпиграммъ* и пр. и получилъ отъ ихъ издателя *Влад. Измайлова* письмо, исполненное лестныхъ одобреній. Посылаю теперь тебѣ двѣ піесы, которыя ты ожидаешь, напечатанныя нынѣшняго года въ послѣднемъ журналѣ; желаю, чтобы они тебѣ понравились — я ихъ перевелъ съ французскаго изъ сочиненій Паряи, у котораго они однакожь написаны въ прозѣ: это слабое возмездіе за твои прекрасные переводы съ Крылова и Капниста, въ которыхъ духъ авторовъ удержанъ совершенно; хвала и слава переводчику! — Дай Богъ, чтобы русскіе авторы нашли *взаправду* себѣ переводчиковъ на языкахъ и въ народахъ иностранныхъ. Кстати скажу тебѣ, что нѣкто *фонъ Боргъ*, студентъ Дерптскаго университета, рѣшился перевести на нѣмецкій языкъ лучшія сочиненія русскихъ авторовъ и отпечатать ихъ въ Дрезденскомъ журналѣ¹⁾. — *Освобожденіе Москвы* г. Дмитріева отпечатано пока въ послѣднемъ № *Музеума*, и переведено прекрасно! — Нашъ лицейскій воспитанникъ *Кюхельбекеръ*²⁾ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ разсужденіе о *древней русской поэзіи*, которое, какъ я думаю, также будетъ напечатано; воскликнемъ же съ тобой вмѣстѣ: хвала русскому языку и русскому народу! Последняя война до-

¹⁾ Намѣреніе это было выполнено; переводы Борга приобрѣли въ свое время заслуженную извѣстность.

²⁾ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ считался въ лицей однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и получилъ при выпускѣ серебряную медаль.

ставила ему много славы, и я увѣренъ, что иностранцы, разувѣрившіеся, что мы варвары, разувѣрятся также и въ томъ, что нашъ языкъ—варварскій; давно пора этому!

16 января 1816 г.

Пушкинъ и *Есаковъ*¹⁾ взаимно тебѣ кланяются—тебѣ и *Гофману*, а къ нимъ и я присоединяю свои комплименты. Кстати о *Пушкинѣ*: онъ пишетъ теперь комедію въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ; подъ названіемъ: *Философъ*. Планъ довольно удаченъ и начало, то есть 1-е дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи — и говорить нечего — а острыхъ словъ сколько хочешь! Дай только Богъ ему терпѣнія и постоянства, чтó рѣдко бываетъ въ молодыхъ писателяхъ: они то же, что мотыльки, которые не долго на одномъ цвѣткѣ покоятся, которые также прекрасны и также къ несчастію непостоянны; дай Богъ ему кончить — это первой большой *ouvrage*, начатый имъ, *ouvrage*, которымъ онъ хочетъ открыть свое поприще но выходѣ изъ лица. Дай Богъ ему успѣха—лучи славы его будутъ отсвѣчиваться и въ его товарищахъ.

17 февраля 1816 г.

Прошу покорно доставить мнѣ *Димитрія Донскаго*, не русскаго разумѣется, а нѣмецкаго. NB. Теперь *Есаковъ* въ городѣ и можетъ тебѣ кланяться самъ за себя, сколько ему угодно. Г-ну *Гофману* мое почтеніе.

Благодарю тебя, что ты насъ поздравляешь съ новымъ директоромъ: онъ уже былъ у насъ: если можно судить по наружности, то *Энгельгардтъ* человекъ *не худой*. Vous sentez la pointe. Не полѣнись написать мнѣ о немъ подробнѣе; это для насъ не будетъ лишнимъ. Мы всѣ желаемъ, чтобъ онъ былъ человекъ прямой, чтобъ не былъ къ однимъ *Engel*, а къ другимъ *hart*.

¹⁾ Семенъ Семеновичъ Есаковъ, вышедшій изъ лица въ гвардію, былъ послѣ полковникомъ артиллеріи и погибъ въ царствѣ польскомъ, въ 1831 году, во время войны.

Это, кажется, вздоръ, чтобъ насъ перевели въ Петербургъ¹⁾, хотя мы это сами слышали и отъ людей достойныхъ вѣроятія. Признаться, это извѣстіе не всѣмъ равно пріятно, и я самъ не желаю, чтобъ оно обратилось въ событіе: причинъ на то много, но болтать некогда. Прочти! прости! прости! *Lisez, pardonnez, adieu.*

28 февраля 1816 г.

Теперь, можетъ быть, въ эту минуту, ты посылаешь ко мнѣ *Димитрія Донскаго*, а я къ тебѣ желаемую тобою балладу: подивись проникательству дружбы; вопреки тебѣ самому, я узналъ, чего ты хочешь—это не *Козакъ*²⁾, а *Полякъ*, баллада нашего барона Дельвига.

Краткое извѣстіе о жизни и твореніяхъ сего писателя.

Антонъ Антоновичъ баронъ Дельвигъ родился въ Москвѣ 6 августа 1798 г. отъ благородной древней лифляндской фамиліи. Воспитанный въ русскомъ законѣ, онъ окончилъ (или оканчиваетъ) науки въ импер. лицей. Познакомясь рано съ музами, музамъ пожертвовалъ онъ большую часть своихъ досуговъ. Быстрыя его способности (если не гений), совѣты свѣдущаго друга, отверзли ему дорогу, которой держались въ свое время Анакреоны, Горации, а въ новѣйшіе годы—Шиллеры, Рамлеры, ихъ вѣрные подражатели и послѣдователи; я хочу сказать, онъ писалъ въ древнемъ тонѣ и древнимъ размѣромъ—*метромъ*. Сямъ метромъ написалъ онъ: къ *Діону*, къ *Лилетъ*, къ *больному Горчакову*—и написалъ прекрасно. Иногда онъ позволялъ себѣ отступленія отъ общаго правила, т. е. писалъ ямбомъ: *Полякъ* (балладу), *Тихую жизнь* (которую пришлю тебѣ), мастерское произведеніе и писалъ опять—прекрасно. Странно, что человекъ такого веселаго,

¹⁾ Отсюда видно, какъ рано въ лицей стали носиться слухи о переводѣ его въ Петербургъ. Они и послѣ возобновлялись не разъ и наконецъ осуществились въ 1844 году.

²⁾ У насъ есть и баллада *Козакъ*, сочиненіе А. Пушкина. *Mais on ne peut désirer ce qu'on ne connaît pas.* Voltaire. Zaïre. А. И.

шутливаго нрава (ибо онъ у насъ одинъ изъ лучшихъ остряковъ) не хочетъ блеснуть на поприщѣ эпиграммы.

Поклонись отъ меня г-ну *Гюфману* и поблагодари его за книгу *le printems d'un proscrit*, которую онъ принялъ на себя трудъ прислать ко мнѣ. Жаль, что я не могу ею воспользоваться; мнѣ нужно было *четвертое* изданіе, а оно къ несчастію еще хуже моего экземпляра; мой экземпляръ *третьяго*, его же — *перваго* изданія. *Есаковъ* перешлетъ къ нему ее обратно — это его дѣло; мой долгъ былъ пріятнѣе — мнѣ надлежало *благодарить*.

Читая твой анекдотъ, я вспомнилъ другой анекдотъ, который будетъ ему родной братецъ. Одна дама (видно все дамамъ пришлось грѣшнить) сказала, говоря о своемъ братѣ: *Il a reçu une poule* (пулю, вмѣсто *balle*) *dans le caviar de sa jambe* (въ икру ноги — *beau ruthénisme!*) *et on lui a passé la cavalerie* (т. е. кавалерственный орденъ) *à travers les épaules*. Этотъ кажется не хуже твоего!

А знаешь знаменитыя изреченія генерала Уварова? *Qui est-ce qui a commandé l'aile gauche?* спросилъ его Бонапарте при заключеніи мира въ прошедшія кампаніи. — *Je, Votre Majesté*, отвѣчалъ онъ со свойственнымъ ему безстрашіемъ. Въ другое время онъ спрашивалъ у французовъ съ нимъ бывшихъ *une pipe à regarder* — подозрную трубку, вмѣсто *lunette d'approche!*

20 марта 1816 г.

Браво, Фуссъ! вотъ и еще одно письмо — теперь нечего винить тебя въ неисправности, если только также продолжаться будетъ. За это вотъ тебѣ и награда или лучше двѣ награды: 1) мое письмо будетъ короче, 2) посылаю тебѣ съ нимъ двѣ *гусарскія* піесы нашего Пушкина — гусарскія потому, что въ нихъ дѣло идетъ о гусарахъ и о ихъ принадлежностяхъ¹⁾, обѣ прекрасны! Прочитай ихъ, покажѣсть еще не затопленъ наводненіемъ.

¹⁾ Одна — *Усы*, философическая ода, другая — *Слеза*. Обѣ приложены къ подлиннымъ письмамъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ впоследствии были напечатаны.

Какъ же это ты пропустилъ случай видѣть нашего Карамзина, безсмертнаго исторіографа отечества? Стыдно, братецъ, — ты бы могъ по крайней мѣрѣ увидѣть его хоть на улицѣ; но прошедшаго не воротить, а чему быть, тому не миновать, — такъ нечего пустого толковать! Ты хочешь знать, видѣлъ ли я его когда-нибудь? какъ будто желаешь найти утѣшеніе, если это по-длинно случилось. Нѣтъ, любезный другъ, и я не имѣлъ счастья видѣть его; и не находилъ къ тому ни разу случая. Мы надѣемся, однакожъ, что онъ посѣтитъ нашъ лицей; и надежда наша основана не на пустомъ: онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется; онъ знаетъ также и Малиновскаго....¹⁾ Поспѣшай же, о день отрадъ! Правда ль? Говорятъ, будто Государь пожаловалъ ему вдругъ чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 1-го класса и 60,000 руб. для напечатанія Исторіи. — Слава великодушному монарху! Горе зоиламъ генія!

Признаться тебѣ, до самаго вступленія въ лицей, я не видѣлъ ни одного писателя — но въ лицей видѣлъ я Дмитріева, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, Василя Пушкина — и Хвостова; еще забылъ: Нелединскаго, Кутузова, Дапкова. Въ публичномъ мѣстѣ быть съ ними гораздо легче, нежели въ частныхъ домахъ: вотъ почему это и со мною случилось. Прощай! не могу писать болѣе; скажу откровенно — я боленъ нѣсколько головою. Отвѣтъ твой возвратитъ мнѣ здоровье и силы и оживитъ мысли мои! Прощай еще разъ!²⁾

¹⁾ Иванъ Васильевичъ Малиновскій; племянникъ извѣстнаго начальника Москов. Арх. Ин. Д. Алексѣя Федоровича, — также воспитанникъ лицея. Онъ поступилъ въ гвардію, вышелъ въ отставку полковникомъ и поселился въ своей малороссійской деревнѣ. См. слѣдующую за симъ статью.

²⁾ Этимъ кончается находящееся въ моихъ рукахъ собраніе писемъ Илличевскаго. Я. Г.

IV.

СТАРИНА ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ¹⁾.

СВѢДѢНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ЛИЦЕНСТАХЪ 1-го КУРСА.

1. МАЛИНОВСКІЙ И ВАЛЬХОВСКІЙ.

«Можетъ-быть», замѣчаетъ Пушкинъ въ своихъ запискахъ²⁾, «когда нибудь появится цѣлый рядъ воспоминаній о лицейскомъ своеобразномъ бытѣ перваго курса, съ очерками личностей, которыя потомъ заняли свои мѣста въ общественной сферѣ».

Теперь, когда въ живыхъ остается уже не болѣе трехъ³⁾ изъ тридцати первенцевъ царскосельскаго лицея (слѣдовательно только $\frac{1}{10}$ цѣлаго курса), настаетъ время для такой біографической галереи. Въ послѣднее время опять не стало двоихъ изъ самыхъ близкихъ къ Пушкину товарищей: въ 1872 году умеръ Федоръ Федоровичъ Матюшкинъ, а въ 1873 Иванъ Васильевичъ Малиновскій, сынъ перваго директора лицея, по лѣтамъ старшій изъ всѣхъ первокурсниковъ: ему при поступленіи въ лицей уже было лѣтъ шестнадцать. Вышелъ онъ въ военную службу, но уже давно покинулъ ее и доживалъ вѣкъ въ деревнѣ, въ Харьковской губерніи. Съ нимъ и съ Пушкинымъ поэтъ былъ особенно друженъ въ лицей; ихъ обоихъ вспомнилъ онъ и на смертномъ одрѣ, сказавъ: «Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь ни Пушкина, ни Малинов-

1) Было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1875 и 1876 г.

2) См. *Атеней* 1859 года.

3) Это были (въ 1875 г.): князь А. М. Горчаковъ, С. Д. Комовскій и графъ М. А. Корфъ.

скаго: мнѣ бы легче было умирать». Въ первоначальной редакціи своихъ стиховъ 19 Октября (1825 года), онъ помянулъ было и Малиновскаго стихами, послѣ зачеркнутыми. Кончивъ обращеніе къ Пушкину, посѣтившему поэта въ деревнѣ, онъ говоритъ Малиновскому:

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты, нашъ казакъ и пылкій, и незлобный?
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?

Казаконъ Малиновскій слылъ между товарищами за свой горячій, необузданный нравъ, который вездѣ проявлялся задоромъ. Какъ сынъ директора, отличавшійся притомъ симпатическою личностію, онъ пользовался покровительствомъ начальства. Всѣхъ ниже по способностямъ и ученію были: Мартыновъ, Тырковъ, Бролю и Мясоѣдовъ. Послѣдній въ иллюстраціяхъ Илличевскаго изображался обыкновенно съ ослиною головою на человѣческомъ тѣлѣ; въ статьяхъ журнала *Лицейскій Мудрецъ* онъ являлся подъ именемъ Мясожорова, и ему приходилось читать тамъ жестокія истины о своемъ умѣ и характерѣ. Ему приписывали стихъ:

Блеснулъ на западѣ румяный царь природы¹⁾,

распространенный однимъ изъ товарищей въ извѣстное четверостишіе. Мясоѣдовъ, по выпускѣ изъ лицея, поступилъ въ армію, потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, кажется въ Тульской губерніи. Къ числу самыхъ способныхъ воспитанниковъ принадлежали: Масловъ, бывшій напослѣдокъ директоромъ департамента податей и сборовъ, Саврасовъ и Есаковъ. О Саврасовѣ ничего неизвѣстно. Есаковъ былъ благороднѣйшій человѣкъ, но во время польской кампаніи (1831) имѣлъ несча-

¹⁾ Впрочемъ, составляющій первоначально собственность Анны Петровны Буяной. См. объ этомъ статью В. П. Гаевского въ *Современникъ* 1863 г.: «Пушкинъ въ лицей и его лицейскія стихотворенія».

стіе потерять двѣ пушки подѣ какимъ-то мостомъ и съ отчаянія застрѣлился. Ломоносовъ умеръ посланникомъ въ Голландіи; за расположеніе къ пронырству; его въ лицѣ прозвали *кротомъ*. Илличевскій былъ остроумень, но вспыльчивъ, задоренъ и сварливъ. Особеннымъ прилежаніемъ отличался Вальховскій, который въ послѣдствіи породнился съ Малиновскимъ, женившись на сестрѣ его.

Владимиръ Дмитриевичъ Вальховскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ въ лѣтописяхъ лица. Въ первыя два десятилѣтія послѣ выпуска онъ быстрѣе всѣхъ товарищей шель въ гору, пока несчастныя обстоятельства не остановили его и не свели преждевременно въ могилу. О немъ при мнѣ ходило въ лицѣ много разказовъ, и мы приняли его съ большимъ почетомъ, когда онъ однажды, кажется въ 1830 году, посѣтилъ насъ. Сообщи о немъ нѣсколько подробностей, пользуясь между прочимъ рѣдкою брошюрою, напечатанною въ Харьковѣ въ 1844 году и присланною мнѣ тогда же Е. А. Энгельгардтомъ. Жаль только, что она относительно второй половины біографіи Вальховскаго касается почти исключительно однихъ внѣшнихъ обстоятельствъ его жизни.

Вальховскій поступилъ въ лицей изъ числа отличнѣйшихъ воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона и во все время продолжалъ заниматься съ особеннымъ прилежаніемъ, такъ что сами товарищи передъ выпускомъ пѣли:

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вальховскій будетъ первый.

Эти-то стихи, вѣроятно придуманные Пушкинымъ, конечно вспомнились ему, когда онъ, въ первоначальной редакціи 19-го октября, такъ началъ одну изъ строчъ:

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій будетъ первый.

При выпускѣ Вальховскій дѣйствительно получилъ первую золотую медаль. Скромный и щедущный, Вальховскій однакожъ и надъ способнѣйшими товарищами бралъ верхъ трудомъ и желѣзною волей. Чтобы успѣшнѣе работать, онъ сокращалъ часы сна и налагалъ на себя добровольный постъ: лишалъ себя по цѣлымъ недѣлямъ мяса, пирожнаго, чаю; чтобы упражнять тѣлесныя силы, взваливалъ иногда на плечи два толстѣйшіе словаря Гейма; чтобы болѣе успѣвать въ верховой ѣздѣ, онъ, во время приготовленія учебныхъ уроковъ, садился верхомъ на стулъ и наблюдалъ правильную посадку; наконецъ, чтобы усовершенствоваться въ произношеніи, онъ, подобно Демосѣену, клалъ въ ротъ камешки и отправлялся декламировать на царскосельское озеро. Всѣ эти странности и усилія надъ самимъ собою доставили Вальховскому два товарищескія прозвища: Суворочка и Sapientia. О немъ Иллличевскій писалъ въ 1815 году, по поводу посылки Фуссу портрета его вмѣстѣ съ портретами Мартынова и Пушкина: «Это портретъ Вальховскаго, одного изъ лучшихъ нашихъ учениковъ, прилежнаго, скромнаго, словомъ, великихъ достоинствъ и великой надежды; этого ты на портретѣ не видѣлъ, а примѣтилъ развѣ большой носъ и большіе усы».

Выпущенный изъ лицей въ гвардію, Вальховскій не побоялся подвергнуться еще разъ экзамену и избралъ мѣстомъ службы генеральный штабъ, въ который иначе не принимали. Отсюда начинается рядъ служебныхъ успѣховъ Вальховскаго; они исчислены въ указанной мною брошюрѣ. Упомяну только, что въ чинѣ поручика, въ 1820 году, онъ былъ командированъ въ Бухару при императорской миссіи подъ начальствомъ Негри, а по возвращеніи оттуда, черезъ годъ, удостоился личнаго доклада Александру I въ кабинетѣ государя и награжденъ пенсією въ 500 р.

Въ 1826 году ему велѣно состоять при генераль-адъютантѣ Паскевичѣ, при которомъ онъ впоследствии игралъ важную роль, такъ что ему даже приписывали часть успѣховъ и славы знаменитаго полководца. Подъ начальствомъ Паскевича онъ участвовалъ въ персидской кампаніи и не разъ отличался въ военныхъ

дѣйствіяхъ, а въ началѣ 1828 года былъ откомандированъ къ Персидскому шаху въ Тегеранъ и твердостію своею способствовалъ къ побужденію тамошняго правительства уплатить обѣщанные 10 мил. рублей контрибуціи. Позднѣе онъ съ такимъ же отличіемъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ. Есть однакоже слухъ, будто Вальховскаго вездѣ преслѣдовала какая-то роковая неудача, такъ что его появленіе считалось дурною примѣтой, и солдаты прозвали его *чернымъ ворономъ*: надобно знать, что у него были черные какъ смоль волосы и смуглое лицо.

По окончаніи польской кампаніи Вальховскій былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса; здѣсь онъ опять быстро подвигался по службѣ и находился въ четырехъ экспедиціяхъ и въ нѣсколькихъ опасныхъ дѣлахъ. Кромѣ того онъ занимался сводомъ матеріаловъ при составленіи проектовъ положеній о горцахъ. Съ 1832 года онъ служилъ подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира барона Розена и въ ноябрѣ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба Кавказскаго корпуса; но когда въ 1837 году государь лично посѣтилъ Закавказье и при этомъ главноуправлявшему краемъ были приписаны разныя упущенія, то невзгода постигла и начальника его штаба. Вальховскій былъ переведенъ бригаднымъ командиромъ въ западныя губерніи, а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ подъ начальство нерасположеннаго къ нему князя Варшавскаго, то и нашелся вынужденнымъ, скрѣпя сердце, выйти въ отставку. Онъ былъ уволенъ отъ службы въ февралѣ 1839 года и поселился въ харьковской деревнѣ¹⁾, по сосѣдству съ лицейскимъ товарищемъ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, но жилъ уже не долго: днемъ его смерти было 7 марта 1841 года.

Пушкинъ, во время своего закавказскаго путешествія, встрѣтился съ нимъ въ лагерѣ близъ Карса у Паскевича и записалъ:

¹⁾ Изюмскаго уѣзда, въ селѣ Стратилатовѣ.

«Здѣсь увидѣлъ я нашего Вальховскаго, запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною, какъ старыи товарищъ».

Скромность и добродушіе, которыя украшали Вальховскаго въ лицѣ, остались до конца его отличительными свойствами. Если случалось навести разговоръ на его походы, онъ никогда не выставлялъ своей личности. Никогда, говорить его біографъ, не упускалъ онъ случая помочь ближнему и дѣломъ, и совѣтомъ; а въ дѣлахъ правосудія, которыя ему нерѣдко приходилось производить, Вальховскій, строгій другъ правды и исполнитель закона, всегда старался облегчить участь обвиненнаго.

Пожизненную пенсію и аренду обращалъ онъ на очищеніе долговъ своего отца, на устройство дѣлъ родныхъ и на уплату подушныхъ за крестьянъ своей жены.

2. МАТЮШКИНЪ.

Въ стихотвореніи Пушкина *19-го октября* двѣ изъ самыхъ теплыхъ строфъ посвящены Матюшкину, которому онъ между прочимъ говоритъ:

Счастливый путь! Съ лицейскаго порога
 Ты на корабль перешагнулъ шутя...
 Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
 Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
 Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
 Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ.
 Ты простиралъ изъ-за моря къ намъ руку,
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ...

Зато и Матюшкинъ питалъ горячее сочувствіе къ геніальному товарищу и вполне понималъ его высокую природу. Когда роковая пуля сразила поэта, Матюшкинъ былъ въ Севастополѣ. Вѣсть объ этомъ несчастіи повергла его въ глубокую скорбь, и онъ могъ написать Яковлеву только слѣдующія строки: «Пуш-

шинъ убить! Яковлевъ! Какъ ты это допустилъ? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлевъ, Яковлевъ! Какъ могъ ты это допустить? Нашъ кругъ рѣдѣетъ; пора и намъ убираться... 14 февраля. Севастополь».

Въ Матюшкинѣ не было ничего блестящаго: онъ былъ скромный, даже застѣнчивъ и обыкновенно молчаливъ, но при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ нельзя было не оцѣнить этой чистой, правдивой и теплой души. Онъ до конца неизмѣнно хранилъ завѣтную привязанность къ лицу и къ своимъ товарищамъ и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые знали всего болѣе подробностей о лицейской жизни перваго курса. Видя, что кто-нибудь интересуется ими, онъ охотно передавалъ свои воспоминанія. Съ его словъ я успѣлъ кое-что записать, но къ сожалѣнiю, по свойственной человѣку привычкѣ откладывать, узналъ далеко не все, что могъ бы извлечь изъ бесѣдъ съ Матюшкинымъ.

Въ біографическихъ о немъ извѣстіяхъ насъ прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что онъ, нося вполнѣ русское имя, былъ реформатъ. Эта странность объясняется мѣстомъ его рожденія. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Матюшкинъ родился 10-го іюля 1799 года въ Штутгартѣ, гдѣ отецъ его былъ совѣтникомъ посольства и переводчикомъ. За неимѣніемъ тамъ русскаго священника, мальчикъ былъ окрещенъ по обряду реформатской церкви и на всю жизнь остался въ этомъ исповѣданіи. Мать его была рожденная Медеръ. Не знаю, когда именно она лишилась мужа; но въ 1810 году, стало-быть за годъ до поступленія сына въ лицей, она была уже классною дамою въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, и это положеніе, при покровительствѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, конечно облегчило г-жѣ Матюшкиной помѣщеніе сына въ новооткрытое заведеніе. Въ должности классной дамы она и оставалась до конца 1825 года, и день рожденія сына, 10 іюля 1831 года, былъ днемъ ея смерти.

При поступленіи въ лицей Матюшкинъ выдержалъ экзаменъ изъ языковъ: русскаго, французскаго и нѣмецкаго, изъ исторіи, географіи и ариеметики. Кромѣ того требовались познанія

«общихъ свойствъ тѣлъ» (т. е. кое-что изъ физики); оказалось, что онъ и объ этомъ предметѣ «имѣлъ понятіе».

За время его лицейскаго воспитанія сохранилось нѣсколько профессорскихъ отмѣтокъ о его занятіяхъ. Куницынъ, Карцовъ, Кайдановъ, де-Будри довольно согласно свидѣтельствуютъ въ пользу его способностей и прилежанія. Вотъ что первый изъ этихъ преподавателей записалъ въ 1815 году: «Появтенъ и прилеженъ, занимается науками съ разсужденіемъ. Успѣхи его становятся время отъ времени примѣтнѣе. Въ теченіе прошлаго года онъ превзошелъ многихъ изъ своихъ сверстниковъ. Добрый его нравъ и скромное поведеніе заслуживаютъ особенную похвалу». По отзыву гувернера Пилецкаго, Матюшкинъ былъ «весьма благонравенъ, при всей пылкости вѣжливъ, искрененъ, добродушенъ, чувствителенъ; иногда гнѣвенъ, но безъ грубости». При такихъ свойствахъ естественно, что Матюшкинъ сдѣлался въ лицѣ однимъ изъ любимыхъ товарищей. По-русски онъ говорилъ совершенно чисто, хотя и родился за границею; но въ иностранныхъ языкахъ онъ не былъ никогда силенъ; профессоръ французской литературы де-Будри отмѣтилъ однажды, что онъ любознателенъ и оказываетъ замѣтные успѣхи, но еще очень отсталъ (*quoiqu'il soit encore bien arriéré*). При выпускѣ онъ попалъ во второй разрядъ, т. е. получилъ только 10-й классъ.

Отличительною чертою Матюшкина съ дѣтства была его страсть къ морю. Мы не знаемъ, подъ какими вліяніями она развилась; но при оставленіи лица, онъ, по словамъ директора Энгельгардта, считалъ верхомъ счастья отправиться въ морское путешествіе. И Энгельгардтъ помогъ ему достигнуть этого счастья. Директоръ лица далъ очень благопріятный отзывъ о его познаніяхъ, особенно въ математическихъ наукахъ, и прибавилъ: «при твердости характера, нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ избираемомъ имъ образѣ жизни полезенъ будетъ».

Въ числѣ бумагъ, переданныхъ мнѣ Матюшкинымъ, я нашелъ и двѣ черновыя тетради, писанныя имъ въ первые дни по выпускѣ изъ лица. Въ одной изъ нихъ помѣщены два письма,

посланныя имъ къ товарищу по Московскому университетскому пансіону Сазоновичу, а въ другой записка его о путешествіи въ Москву и обратно. По эпохѣ и обстоятельствамъ, къ которымъ относятся эти документы, они для насъ любопытны, тѣмъ болѣе, что знакомятъ насъ и со степенью литературнаго образованія, вынесеннаго изъ лицъ однимъ изъ товарищей Пушкина, воспитанникомъ средней руки по оцѣнкѣ начальства. Вотъ что писалъ Матюшкинъ изъ Царскаго Села 10-го іюня 1817 года, на другой день послѣ выпускныхъ экзаменовъ¹⁾:

«Публичныя испытанія, которыя продолжались 16 дней, были причиною, что я не писалъ къ тебѣ уже около мѣсяца. Не пеняй на меня: ты знаешь, что я лѣнивъ писать письма. Вчера, любезный Сережа, былъ у насъ выпускъ. Государь на ономъ (т. е. на послѣднемъ экзаменѣ) присутствовалъ; постороннихъ никого не было. Все сдѣлалось такъ нечаянно, вдругъ. Я выпущенъ съ чиномъ коллежскаго секретаря. Ты конечно поздравить меня съ счастливымъ началомъ службы. Еще ничего не сдѣлавши, быть 10-го класса, конечно это много; но мы судимъ по сравненію: нѣкоторые выпущены титулярными совѣтниками. Но объ этомъ ни слова. Я вознагражденъ тѣмъ, что директоръ нашъ Е. А. Энгельгардтъ, о которомъ я писалъ тебѣ уже нѣсколько разъ, обѣщаль доставить мнѣ случай сдѣлать морское путешествіе. Капитанъ Головинъ отправляется на фрегатѣ Камчатка въ путешествіе кругомъ свѣта, и я надѣюсь, почти увѣренъ, идти съ нимъ. Наконецъ мечтанія мои быть въ морѣ исполняются! Дай Богъ, чтобы ты былъ такъ же счастливъ, какъ я теперъ. Одного мнѣ недостаетъ — товарищей: всѣ оставили Царское Село, исключая меня; я, какъ сирота, живу у Егора Антоновича. Но ласки, благодаренія сего человѣка, день ото дня, часъ отъ часу, меня болѣе къ нему привязываютъ: онъ мнѣ второй отецъ. Не прежде какъ получу извѣстіе о моемъ счастіи (ты меня понимаешь), не прежде я оставлю Царское. Шестилѣтняя привычка здѣсь жить дѣлаетъ

¹⁾ Приводимые ниже отрывки выписываются безъ всякаго измѣненія.

разлуку съ нимъ весьма трудною. Прощай, любезный Сазоновичъ, до радостнаго свиданія. Вотъ тебѣ наша прощальная пѣснь. Ноты я тебѣ не посылаю, потому что ни ты, ни я въ нихъ толку не знаемъ; но впрочемъ скажу тебѣ, что музыка прекрасна, — сочиненіе Terreg de Tergasin, а слова барона Дельвига. Ты объ нихъ самъ судить можешь: они стобятъ музыки».

(За этимъ въ рукописи слѣдуетъ цѣликомъ пѣсня: *Шесть мѣтъ*).

Второе письмо Матюшкина начинается размышленіями о сладости дружбы, о томъ, какъ было бы весело быть вмѣстѣ съ другомъ, бродить съ нимъ по пустыннымъ аллеямъ царскосельскаго сада, вспоминать о прошедшемъ счастливомъ времени и мечтать о будущемъ.

«Теперь я хожу одинъ, задумываюсь, мечтаю. Каждое дерево, каждая бесѣдка рождаютъ во мнѣ тысячу воспоминаній счастливаго времени, проведеннаго въ лицѣ. Царскосельскій дворецъ построенъ въ 1744 году графомъ Растрелли, напоминаетъ вѣкъ вкуса и роскоши, и несмотря, что время истребило яркую позолоту, коею были густо покрыты кровли, карнизы, статуи и другія украшенія, все еще можетъ похвастаться великолѣпнѣйшимъ изъ дворцовъ въ Европѣ. Еще видны на нѣкоторыхъ статуяхъ остатки сей удивительной роскоши, предоставленной дотолѣ однимъ внутренностямъ царскихъ чертоговъ. Когда императрица Елисавета пріѣхала со всѣмъ дворомъ своимъ и иностранными министрами осмотрѣть оковченный дворецъ, то всякій, пораженный великолѣпіемъ его, спѣшилъ изъявить государынѣ свое удивленіе; одинъ французскій министръ, маркизь де ла Шетарди, не говорилъ ни слова. Императрица, замѣтивъ его молчаніе, хотѣла знать причину его равнодушія и получила въ отвѣтъ, что онъ не находитъ здѣсь главной вещи — футляра на сію драгоценность. Я слышалъ также, что когда Екатерина приказала выкрасить зеленою краскою кровлю, то многіе подрядчики предлагали болѣе 20.000 червонныхъ за позволеніе собрать оставшееся на ней 'золото».

Кромѣ этихъ двухъ писемъ, сохранилось также черновое начало записокъ Матюшкина, которыя онъ, какъ говоритъ преда-

нѣ, собирався вести по совѣту и плану Пушкина. Приведу изъ нихъ только самое существенное.

Получивъ достовѣрное извѣстіе, что Головиннѣ беретъ его съ собой, Матюшкинѣ рѣшился съѣздить въ Москву проститься со своими; напередъ онѣ отправился въ Петербургъ за подорожной и отпускомъ и, доставъ ихъ, воротился въ Царское Село. «Поживши три дня у Егора Антоновича, пишеть онѣ, я отправился въ дорогу. Прощаясь съ мѣстомъ, гдѣ я, можетъ-быть, провелъ счастливѣйшее время жизни, гдѣ въ отдаленіи отъ родителей я вкушалъ всѣ пріятности сыновней любви, гдѣ, будучи принятъ въ кругъ счастливѣйшаго семейства, и я наслаждался его счастіемъ, — прощаясь съ Егоромъ Антоновичемъ и его семействомъ, я не могъ удержаться отъ слезъ.... Это было 2-го іюля. Не знаю, чтó я чувствовалъ, когда я прибылъ въ Ижору. Хотя я ѣхалъ въ Москву, хотя я ѣхалъ къ любимой мною матери, которую не видѣлъ шесть долгихъ лѣтъ, но я не радовался: какая-то непонятная грусть тяготила меня; мнѣ казалось, что я оставляю Царское Село противъ воли, по принужденію. Изъ Ижоры я спѣшилъ какъ можно скорѣе, чтобы (признаюсь) мнѣ не возвратиться назадъ».

Не продолжая здѣсь выписокъ, упомяну только вератцѣ, что на дорогѣ близъ Ижоры онѣ взялъ съ собою старика, который просилъ довести его до слѣдующей станціи: это былъ отставной дьячокъ села Грузина, принадлежавшаго графу Аракчееву. Онѣ началъ было рассказывать о своихъ дѣлахъ, но нашъ утомленный путешественникъ не въ силахъ былъ слушать и скоро уснулъ. Проснувшись, онѣ сталъ было раскаиваться въ предпріятомъ путешествіи; ему казалось, что онѣ «удаляется отъ своего счастья; но уже поздно! Счастіе невозвратно. Я долженъ удалиться. Слезы у меня катились изъ глазъ, и я къ ужасу своему увидѣлъ, что это не сонъ, но истина!»

Записки кончаются слѣдующимъ рассказомъ: «На станціи *Ранино* я имѣлъ удовольствіе увидѣть одного изъ старыхъ моихъ товарищей, Маслова. Онѣ выѣхалъ 24-мя часами прежде меня

изъ Москвы. Мы ѣхали нѣсколько станцій вмѣстѣ; но въ Бронницахъ онъ получилъ прежде меня лошадей, и такимъ образомъ мы разстались. Мнѣ запрягли послѣ, и очень худыхъ. Я видѣлъ, что мнѣ не проѣхать на нихъ и половины дороги: нечего дѣлать, надобно отъ нихъ какъ-нибудь избавиться. Къ счастью, ночевали по близости цыгане; первому, мнѣ встрѣтившемуся, я сунулъ полтину въ руки, и онъ, подошедъ къ извозчику, пророческимъ голосомъ ему объявилъ, что если онъ сегодня поѣдетъ, то одна лошадь у него падетъ. Ямщикъ такъ испугался, что тотчасъ распрягъ телѣгу и нанялъ за себя тройку. Вскорѣ я догналъ Маслова, перегналъ его и двумя днями ранѣе его, 30-го, увидѣлъ Царское Село. Городъ лежитъ на горѣ: всѣ улицы видны. Мнѣ казалось, что я давно тамъ не былъ; съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на высокіе златоглавыя куполы, на бѣлыя красивые домики; искалъ глазами тотъ, гдѣ живетъ мой благодѣтель, мой наставникъ, гдѣ живетъ его любезное семейство; нашелъ его, и не могъ спустить глазъ съ него.... Я забылъ Москву, когда увидѣлъ Царское Село».

Благодаря стараніямъ Энгельгардта, Матюшкинъ, по выпускѣ изъ лица, имѣлъ возможность вполне удовлетворить свою страсть къ морскимъ путешествіямъ. Плаваніе вокругъ свѣта считалось тогда дѣломъ великой важности; такія путешествія были еще рѣдки и поручались только людямъ, снискавшимъ особенное довѣріе: Головинъ прежде семь лѣтъ прослужилъ въ англійской службѣ. Матюшкинъ попалъ въ хорошую школу. Любопытно, что, при своей страсти къ морю, Матюшкинъ былъ въ сильной степени подверженъ морской болѣзни и такъ страдалъ отъ нея, что Головинъ, достигнувъ Англій, хотѣлъ было тамъ оставить своего молодого спутника и съ трудомъ уступилъ настоятельной просьбѣ взять его въ дальнѣйшій путь. И впоследствии Матюшкинъ никогда не могъ вполне избавиться отъ склонности къ морской болѣзни. Два года онъ съ капитаномъ Головиннымъ провелъ на шлюпѣ *Камчатка*, отправившемся въ сѣверо-американскія наши колоніи, а потомъ кругомъ свѣта. Въ

этой экспедиціи ему данъ былъ чинъ мичмана. По окончаніи ея, онъ опредѣленъ въ балтійскій флотъ и подъ командою лейтенанта барона Врангеля, съ 1820 по 1824 годъ, былъ употребленъ при описаніи сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири и для отысканія земель на Ледовитомъ морѣ. Въ описаніи своего путешествія Врангель не разъ отзывается съ похвалою о дѣятельности и распоряженіяхъ Матюшкина и сообщаетъ, въ видѣ особыхъ главъ, два журнала о совершенныхъ этимъ офицеромъ отдѣльныхъ путешествіяхъ — къ рѣкѣ Анголѣ (притокѣ Колымы) и по тундрѣ къ востоку отъ Колымы до самыхъ чукотскихъ кочевьевъ. Эти двѣ главы принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ страницъ книги Врангеля¹⁾. Послѣ этого Матюшкинъ съ барономъ Врангелемъ еще разъ совершилъ двухлѣтнее кругосвѣтное плаваніе.

Дальнѣйшее служеніе Матюшкина, въ продолженіе многихъ лѣтъ, происходило почти непрерывно на кораблѣ; мы видимъ его то въ Архипелагѣ, то въ Средиземномъ, то въ Черномъ морѣ. Въ 1830 году онъ былъ назначенъ командиромъ брига *Ахиллесъ*, на которомъ позже и крейсеровалъ въ греческихъ водахъ противъ идріотскихъ мятежниковъ, принадлежа къ эскадрѣ судовъ подъ начальствомъ адмирала Рикорда. 30-го іюня 1831 года, въ Монастырской бухтѣ острова Поро, часть этой эскадры, въ томъ числѣ и бригъ *Ахиллесъ*, атаковали крѣпость и два греческіе корвета, бывшіе въ то время во власти идріотскихъ мятежниковъ. По засвидѣтельствованію Рикорда въ донесеніи князю Меншикову, Матюшкинъ въ это время дѣйствовалъ не только съ отличною храбростію и благоразуміемъ, но съ изумительной быстротою, находчивостію и искусствомъ морского офицера. Другое военное дѣло, въ которомъ участвовалъ Матюшкинъ, было въ 1838 году сраженіе противъ горцевъ при взятіи мѣстечекъ Туапсе и Шапсухо. Тогда онъ командовалъ фрега-

¹⁾ См. Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и Ледовитому морю, Ф. Врангеля. С.-Петербургъ 1841 ч. I, стр. 252 и 272, и ч. II, стр. 75—114 и 230—279.

томъ *Брайловъ* въ эскадрѣ адмирала Хруцова, перевоза изъ одного пункта въ другой отряды сухопутныхъ войскъ для дѣйствій противъ горцевъ. Адмиралъ Лазаревъ отдалъ справедливость энергическимъ распоряженіямъ командовавшихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Матюшкинъ. Въ 1850 году, во время дѣйствій голштинцевъ противъ датчанъ, адмиралъ Матюшкинъ съ тремя судами успѣшно блокировалъ Кильскій заливъ, гдѣ находились голштинскіе корабли. Въ 1854 году, во время восточной войны, Матюшкинъ нѣкоторое время завѣдывалъ морскою частію въ Свеаборгѣ. Тогда онъ былъ уже (съ 1849 г.) контръ-адмираломъ и бригаднымъ командиромъ. Съ этихъ поръ онъ занималъ разныя административныя должности по морскому министерству: былъ вице-директоромъ инспекторскаго департамента, членомъ генераль-аудиторіата, предсѣдательствующимъ морского ученаго комитета и проч., наконецъ въ 1861 году былъ пожалованъ въ сенаторы.

Во время своей службы во флотѣ Матюшкинъ рѣдко бывалъ въ Петербургѣ. Въ сохранившихся протоколахъ лицейской годовщины 19-го октября, имя его въ первый разъ встрѣчается въ 1834 году.

Не берусь оцѣнивать дѣятельность и значеніе Матюшкина какъ морского офицера; объ этомъ существуютъ разныя мнѣнія и, можетъ-быть, со временемъ истина разъяснится. Приведу только довольно характеристическій разсказъ, слышанный мною отъ одного изъ сослуживцевъ Матюшкина по флоту. Одно время князь Меншиковъ, оцѣнивъ въ немъ одного изъ самыхъ образованныхъ морскихъ офицеровъ, сталъ оказывать ему особенное вниманіе; но какъ скоро скромный адмиралъ замѣтилъ это, онъ, по обыкновенію своему, сталъ уклоняться отъ благосклонности своего начальника и отступилъ на задній планъ.

Въ послѣдніе годы я имѣлъ довольно часто случай сходитьсь съ Матюшкинымъ, какъ членомъ комитета для сооруженія памятника Пушкину; въ этомъ комитетѣ онъ, вмѣстѣ съ графомъ М. А. Корфомъ, радушно присоединился къ дѣлу прославленія

памяти своего бывшего товарища. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ и первый подалъ мысль поставить памятникъ въ Москвѣ, гдѣ поэтъ родился и получилъ первыя неизгладимыя впечатлѣнія, опредѣлившія навсегда развитіе его генія въ духъ народности.

Матюшкинъ никогда не былъ женатъ. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ построилъ себѣ по московской желѣзной дорогѣ, близъ станціи Бологово, на берегу озера, изящную дачу *Замку*, которую очень любилъ, хотя и не жилъ въ ней, а отдавалъ ее въ пользованіе кому-нибудь изъ друзей своихъ. Самъ онъ проводилъ лѣто по большей части недалеко отсюда, въ семействѣ покойнаго друга своего, бывшего лицеиста, князя Эристова. Тамъ сохранилось о Матюшкинѣ самое теплое воспоминаніе, какъ о добромъ, сердечномъ человѣкѣ. Каждое утро ранехонько отправлялся онъ на свою дачу, присматривалъ за работами и только къ обѣду возвращался; дѣти домашнихъ бѣжали къ нему на встрѣчу; онъ любилъ и ласкалъ ихъ. Проведя тамъ лѣто 1872 года, но чувствуя большой упадокъ силъ, Матюшкинъ въ августѣ, по совѣту доктора, переѣхалъ въ Петербургъ для лѣченія. Кажется, онъ предчувствовалъ, что ему уже не возвратиться: обойдя весь садъ и сѣвъ въ экипажъ, онъ приказалъ ѣхать шагомъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на окрестность. Въ Петербургѣ онъ много лѣтъ сряду жилъ въ гостиницѣ Демуть, гдѣ занималъ комнату въ четвертомъ этажѣ. Тамъ онъ слегъ и уже не вставалъ болѣе: вечеромъ 16-го сентября онъ безъ страданій уснулъ навѣки.

Всѣмъ коротко знавшимъ Матюшкина дорогà память объ этой искреннемъ, прямодушномъ человѣкѣ, неизмѣнномъ въ своихъ привязанностяхъ, чуждомъ всякой суетности: онъ не дорожилъ успѣхами въ свѣтѣ и обществѣ, далеко не возвысился до той степени значенія и власти, которой могъ бы достигнуть при большемъ честолюбіи; но въ ряду первыхъ питомцевъ лица и его преданій этотъ другъ и почитатель Пушкина всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

3. ЛИЦЕЙСКІЯ ГОДОВЩИНЫ.

Прославленная Пушкинымъ годовщина 19-го октября праздновалась бывшими воспитанниками перваго курса лицея то у одного, то у другого изъ товарищей: сперва у Тыркова, потомъ у Михаила Лукьяновича Яковлева, въ домѣ II-го Отдѣленія, на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ еще и долго послѣ того находилась типографія этого отдѣленія, которою онъ управлялъ въ званіи ея директора. Яковлевъ, какъ самый пламенный читатель лицейскихъ преданій, былъ и постояннымъ распорядителемъ этихъ завѣтныхъ празднествъ. Самъ онъ назывался «лицейскимъ старостой», а квартира его «лицейскимъ подворьемъ». Каждый разъ, когда въ этотъ день собирались товарищи, составлялся протоколъ сходки, разумѣется, полушуточный, отчасти даже буфонскій. Нѣкоторые изъ такихъ протоколовъ сохранились и переданы мнѣ Матюшкинымъ, къ которому перешли по смерти Яковлева. Самый ранній изъ нихъ относится къ 1825 году¹⁾; здѣсь намарано Илличевскимъ нѣсколько неконченныхъ стиховъ и подписаны имена шестерыхъ присутствовавшихъ, въ такомъ порядкѣ: баронъ Корфъ, баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ. Эта годовщина потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что именно ее заочно отпраздновалъ Пушкинъ въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго знаменитыми стихами: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ»... За 1827-й годъ нѣтъ протокола, но къ 19-му октября этого года, относится, какъ извѣстно, прелестное привѣтствіе нашего поэта начинающееся стихомъ:

Богъ помочь вамъ, друзья мои....

¹⁾ По какой-то случайности я, при составленіи этой замѣтки въ 1875 году, не зналъ статьи В. П. Гаевского: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ пушкинское время», напечатанной въ *Отч. Запискахъ* 1861 года (т. 139). Какъ видно изъ этой статьи, до меня уже не дошли нѣкоторыя изъ бумагъ, бывшихъ въ рукахъ автора ея и содержавшихъ кое-какія дополнительныя свѣдѣнія особенно о празднованіи 19-го октября въ первые годы по выпускѣ лицействовавшихъ пушкинскаго времени и о стихахъ, которыми въ тѣ годы товарищи Пушкина, въ отсутствіи его, чествовали годовщину.

Покойный П. А. Плетневъ разсказывалъ, что за окончаніе 2-го куплета:

И въ мрачныхъ пропастьяхъ земли.

Пушкину были сдѣланы внушенія, которыя, въ связи съ официальнымъ дѣломъ, возникшимъ о стихахъ *Андрей Шенье*, могли вызвать стихотвореніе *Предчувствіе*:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ...

Слѣдующій за тѣмъ протоколъ помѣченъ 1828-мъ годомъ и писанъ весь рукою Пушкина, который, послѣ коронаціи императора Николая, снова могъ явиться въ Петербургѣ. Здѣсь Пушкинъ прилагаетъ къ своимъ товарищамъ непонятное на первый взглядъ прозвище *скотобратцы*. Оно объясняется помѣщенными при рукописномъ журналѣ *Лицейскій Мудрецъ* карикатурами, изображающими нѣкоторыхъ воспитанниковъ въ видѣ животныхъ. Это названіе было употребительно еще въ лицей и, сколько помню, встрѣчается въ самомъ текстѣ поименованнаго журнала.

«Собралися», такъ начинается Пушкинъ протоколъ 1828 года, «на пепелище скотобратца курнофеіуса Тыркова, по прозванію кирпичнаго бруса¹⁾, 8 человекъ скотобратцевъ». Затѣмъ они исчислены въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ниже подписались, именно: Дельвигъ, Илличевскій, Яковлевъ, Корфъ, Стевенъ, Тырковъ, Комовскій, Пушкинъ. При каждомъ имени и тутъ и тамъ поставлены одни и тѣ же прозвища, изъ которыхъ инныя составлены изъ уменьшительныхъ крестныхъ именъ: такъ Дельвигъ названъ Тося (Антонъ), Илличевскій—Олосенька (Алексѣй), Стевенъ, какъ финляндскій уроженецъ, названъ Шведомъ, а Пушкинъ — извѣстною уже изъ его біографіи кличкою Французъ, къ чему его же рукою прибавлено: «смѣсь обѣзіаны (sic) съ тигромъ».

¹⁾ Такъ онъ былъ прозванъ по своему тѣлосложенію и цвѣту лица.

Послѣ исчисленія участниковъ пирушки означено въ 11-ти юмористическихъ пунктахъ, чѣмъ они занимались, напр. «вели бесѣду, — пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ¹⁾, — пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ» (тутъ очевидно разумѣется прощальная пѣснь Дельвига); «Олосенька въ видѣ тамбуръ-мажора утѣшалъ собравшихся; Тырковіусъ безмолвствовалъ; толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновеніе скотобратцевъ». Не выписываю всѣхъ пунктовъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ потребовали бы слишкомъ мелочныхъ комментаріевъ. Послѣдній пунктъ былъ такъ изложенъ: «И завидѣли на дворѣ часъ 1-й, а въ стражу вторую скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику Императорскаго Лицея Пушкину, Французу, иже написа сію грамоту». Онъ собрался тогда въ деревню (см. Матеріалы для его біографіи, въ изданіи г. Анненкова, т. I, стр. 212) и повидимому въ ту же ночь долженъ былъ пуститься въ путь. Послѣ подписей, его же рукой набросаны стихи:

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ ура,
Прощайте, братцы: мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.

Изъ протоколовъ ближайшихъ за тѣмъ годовъ видно, что однажды Пушкинъ, хотя и находился въ Петербургѣ, не присутствовалъ на праздникѣ своихъ товарищей. Въ краткомъ протоколѣ 1831 года, писанномъ красивымъ почеркомъ Яковлева, у котораго собирались въ этотъ разъ, замѣчено: «Пушкинъ не былъ потому только, что не нашель квартиры. При заздравномъ кубкѣ, или заздравной чашѣ (продолжаетъ протоколъ), вспоминали пѣвца 19-го октября:

¹⁾ Обыкновенно Дельвигъ затягивалъ торжественно:
О Соломонъ,
Въ Библии первый пѣвецъ и первый мудрецъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй,
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая Муза,
Благослови! Да здравствуетъ лицей!»

Въ 1834 году, въ числѣ восьми собравшихся находился и Пушкинъ. Весь протоколъ ограничивается ихъ подписями, но при немъ сохранилась слѣдующая записка поэта, писанная поутру того же дня къ Яковлеву: «Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? Не правда ли»? Въмѣсто имени подписанъ номеръ лицейской комнаты Пушкина — № 14.

Послѣднее лицейское собраніе, въ которомъ онъ участвовалъ, было 19-го октября 1836 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до его трагической смерти. По странной случайности это была 25-я годовщина со дня основанія лицея. Во время приготовленій къ празднованію ея былъ поднятъ вопросъ, не устроить ли по этому случаю обычный праздникъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, напр. соединившись съ ближайшими изъ послѣдующихъ курсовъ. Эту новость настойчиво предлагалъ бывший директоръ лицея Е. А. Энгельгардтъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма Яковлева къ Пушкину, писаннаго за десять дней до годовщины:

«Сегодня утромъ былъ у меня Егоръ Антоновичъ съ предложеніемъ соединить по крайней мѣрѣ три выпуска для 19-го числа. Я ему рѣшительнаго отвѣта не сказалъ, а совѣтовалъ, чтобъ онъ завтра переговорилъ съ тобою.

«Послѣ обѣда было у насъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ совѣщаніе, и рѣшительно положено: *праздновать по прежнимъ примѣрамъ одному первому выпуску*. Пусть Егоръ Антоновичъ, какъ бывший директоръ лицея, соединяетъ подъ свои знамена 2-й, 3-й и прочіе выпуски и воздастъ честь и хвалу существованію лицея, но пусть насъ стариковъ оставитъ въ покоѣ.

«Егоръ Антоновичъ въ крѣпкой надеждѣ, что ты на его предложеніе согласишься. Конечно и нѣтъ причины повидимому отказать отъ соединенія трехъ выпусковъ; но вотъ задача, какъ

отстать отъ ветерановъ, которые рѣшительно объявили, что съ мнѣніемъ Энгельгардта согласиться не хотятъ? Итакъ, да здравствуетъ лицей, и да воскреснетъ его воспоминаніе чрезъ 25 лѣтъ между скотобратцами!» «№ 39».

«Пятница,
9-го Октября».

На это Пушкинъ отвѣчалъ Яковлеву:

«Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатипятилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи лицея. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19-го Октября. Объ этомъ не худо напомнить». «№ 14».

Послѣдними словами этой записки Пушкинъ намекаетъ на окончаніе своей первой годовщины:

Кому жъ изъ насъ подъ старость день лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный другъ!... и т. д.
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

Съ мнѣніемъ Пушкина согласились всѣ тѣ, которымъ послѣ сообщена была записка его, какъ показываютъ, сдѣланныя на ней номерами же, другія подписи: № 40, № 33, № 41 и № 35.

Такимъ образомъ 19-го Октября 1836 года состоялось обыкновенное, только нѣскольکو болѣе многочисленное, собраніе, котораго протоколъ опять весь писанъ рукой поэта. Замѣчательна грусть, которая, какъ мрачное предчувствіе, овладѣла имъ при этомъ случаѣ: она выразилась и въ самомъ протоколѣ, гдѣ уже не видно прежней кипучей веселости, и въ приложенныхъ къ нему прекрасныхъ стихахъ, начинающихся словами:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался....

Это стихотвореніе, впрочемъ не конченное, вскорѣ послѣ годовщины было отдѣльно напечатано, и оттискъ его пришить къ протоколу, который сообщаю здѣсь цѣликомъ.

«Праздновали дватцатипятилѣтіе (sic) Лицея» (слѣдуютъ подписи: «П. Юдинъ, П. Мясоѣдовъ, П. Гревениць, М. Яковлевъ, Мартыновъ, М. Корфъ, А. Пушкинъ, А. Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевень, К. Данзасъ» — всего 11 человекъ).

«Собрались», продолжаетъ Пушкинъ, «вышеупомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева и пировали слѣдующимъ образомъ:

1) Обѣдали вкусно и шумно.

2) выпили три здравія (по заморскому toasts):

а) за дватцатипятилѣтіе Лицея,

б) за благоденствіе Лицея,

с) за здоровье отсутствующихъ.

3) Читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей.

4) Читали старинные протоколы, пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ лицейскомъ у старосты Яковлева.

5) Поминали лицейскую старину.

(Рукою Яковлева приписано):

6) «Пѣли національныя пѣсни.

7) Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-тилѣтіе Лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ, но обѣщавъ докончить, списать и приобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу».

Примѣчаніе (Яковлева же): «Собрались всѣ къ половинѣ 5-го часа, а разошлись въ половинѣ 10-го».

Изъ нѣкоторыхъ подлинныхъ записокъ, приложенныхъ къ протоколамъ, можно заключить, что долго 1-й выпускъ праздновалъ лицейскую годовщину ужиномъ, и только съ 1835 года, по желанію многихъ, рѣшено было замѣнить ужинъ обѣдомъ.

Послѣ смерти Пушкина, въ самый годъ рокового событія (1837), Энгельгардтъ наканунѣ 19-го октября писалъ къ Яковлеву и приглашалъ его явиться на обѣдъ къ одному изъ бывшихъ воспитанниковъ 3-го выпуска, слѣдовательно возвратился къ прежней своей идеѣ собрать первые курсы вмѣстѣ. Неизвѣстно, былъ ли на этомъ обѣдѣ кто-либо изъ товарищей Пушкина, но въ 1838 году желаніе Энгельгардта вполнѣ осуществилось. Помѣщая здѣсь цѣликомъ предшествовавшее тому письмо его къ Яковлеву, такъ какъ оно любопытно во многихъ отношеніяхъ и по многимъ встрѣчающимся въ немъ выраженіямъ, которыя конечно не ускользнутъ отъ вниманія читателя:

«Подходитъ 19-е октября, день родной, лицейской, день дружбы и воспоминаній. Грѣшно бы было не праздновать его по древнему обычаю дружескою сходкою. Мы, т. е. первые четыре курса, собираемся у Ж., радушнаго холостяка и хлѣбосола. Я принялъ на себя пригласить старѣйшинъ лица 1-го курса; обѣщавъ, что они будутъ, и надѣюсь, что не выдадутъ стараго директора. — Этотъ общій обѣдъ не помѣшаетъ вамъ, если захотите, собраться и отдѣльно вечеромъ у кого-либо изъ первокурсныхъ, а уже на общую сходку надо явиться неотмѣнно. — Всѣхъ на все здѣсь оказалось на лицо только 27 человекъ: исключивъ изъ нихъ обыкновенныхъ дикарей, кружокъ нашъ будетъ очень не великъ; тѣмъ чувствительнѣе и больнѣе, еслибъ 1-й курсъ тутъ не участвовалъ.

«Итакъ, надѣясь на прежнее лицейство и увѣренный, что пустые расколы, которымъ нынѣ уже и причины нѣтъ, совершенно исчезли, я приглашаю тебя, любезный Яковлевъ, явиться непременно въ среду, въ 4 часа, къ Ж. на дружескую трапезу потряхнутъ стариной и, если по сердцу прійдетъ, помочь подтягивать наше родное Шестъ лѣтъ. — Право хорошо, хотя разъ въ году, сердце дружбою отогрѣть, чтобы не совсѣмъ остыло въ великосвѣтскомъ быту.

«Прощай, до свиданья. Отъ всего сердца твой старой другъ

«16 Октября 1838».

«Егоръ Энгельгардтъ».

Съ тѣхъ поръ сборные обѣды первыхъ выпусковъ вошли въ обычай и происходили нѣсколько лѣтъ сряду у того же лица, которое не хочется называть полнымъ его именемъ по прискорбной судьбѣ, постигшей его позднѣе и вскрывшей въ жизни его такія язвы, мысль о которыхъ тяжело соединять съ понятіемъ о лицейскомъ воспитаніи. Послѣ того сборные лицейскіе обѣды устраивались самимъ Энгельгардтомъ и на его счетъ, въ особомъ помѣщеніи на Васильевскомъ Островѣ, недалеко отъ квартиры, которую онъ занималъ много лѣтъ. По смерти его (въ 1862 г.) товарищи Пушкина сколько мнѣ извѣстно, регулярно уже не собирались 19-го октября, до позднѣйшаго времени, когда, по приглашенію 5-го, 6-го и 7-го курсовъ, которые издавна собиралось вмѣстѣ, къ нимъ присоединились немногіе пережившіе прочихъ первенцы лицея. Протоколы собраній 1-го выпуска прекратились со смертію Пушкина; подобные же велись постоянно въ 6-мъ выпускѣ.

Изъ сохранившихся бумагъ 1-го курса видно, что къ поддержанію стараго обычая праздновать лицейскую годовщину болѣе всѣхъ способствовали Пушкинъ и Яковлевъ, который, какъ музыкантъ и пѣвецъ, также обладалъ поэтической душою. Стихотворенія Пушкина, посвященныя годовщинѣ, и особенно первое изъ нихъ, въ которомъ высказана мысль о празднованіи этого дня до тѣхъ поръ, пока останется въ живыхъ хотя одинъ изъ товарищей, были въ этомъ случаѣ чуть ли не главнымъ связующимъ элементомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вообще личность и память великаго поэта много способствовали къ живучести и особенному колориту лицейскихъ преданій. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ важнаго значенія литературы въ исторіи человѣческихъ учрежденій, какъ и цѣлыхъ народовъ.

4. ГРАФЪ КОРФЪ.

Въ архивѣ лица сохранилось нѣсколько замѣтокъ, относящихся до пребыванія въ этомъ заведеніи скончавшагося 2-го января 1876 г. графа М. А. Корфа. При поступленіи туда, ему только что минуло 11 лѣтъ (род. 11 сент. 1800 г.), такъ что онъ былъ моложе всѣхъ своихъ товарищей; на приѣмномъ экзаменѣ онъ оказалъ познанія въ ариметикѣ, географіи, исторіи, въ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ — хорошія; а въ «познаніи общихъ свойствъ тѣлъ», т. е. въ первыхъ основаніяхъ физики, которыя между прочимъ отъ всѣхъ требовались, получилъ отмѣтку: «имѣетъ понятіе».

О его занятіяхъ и поведеніи записаны слѣдующія аттестаціи:

1) Адъюнктъ-профессора логики и нравственной философіи, Кувицына: «Понятіе имѣетъ острое, но съ нѣкотораго времени сдѣлался не такъ прилеженъ и болѣе разсѣянъ, а потому нѣкоторые изъ его товарищей превзошли его успѣхами въ теченіе прошлаго года. Но какъ сіе дано ему почувствовать и какъ онъ весьма чувствителенъ къ выговорамъ, то есть надежда, что онъ скоро исправится. Въ разсужденіи поведенія, по своей скромности и благородному обхожденію съ высшими и равными, заслуживаетъ онъ всякую похвалу». 2) Адъюнктъ-профессора географіи и исторіи, Кайданова: «Подаетъ о себѣ прекрасную надежду своими дарованіями, великою охотою къ ученію, примѣтными весьма хорошими успѣхами и своимъ благороднымъ поведеніемъ». 3) Адъюнктъ-профессора математики и физики, Карцова: «Рачителенъ не всегда въ одинаковой степени, имѣетъ хорошія дарованія и успѣваетъ очень изрядно». 4) Профессора французской словесности де-Будри: «Il est très intelligent, fort docile et bien appliqué. Ses progrès font espérer qu'il sera toujours pour le françois un des premiers de sa classe». (Т. е. очень способенъ, весьма послушенъ и прилеженъ. Его успѣхи подаютъ надежду, что по французскому языку онъ всегда будетъ однимъ изъ первыхъ въ клас-

сѣ). 5) Гувернера Пилецкаго: «Весьма благонравенъ, скромнень, нѣсколько робокъ».

Вотъ, сверхъ того, двѣ найденныя въ лицейскихъ спискахъ отмѣтки, къ нему же относящіяся:

1) «Воспитанники: Корфъ, Данзасъ, Корниловъ, Корсаковъ и Гурьевъ во время прогулки отставали отъ своихъ товарищей, и идучи мимо дворца, разсматривали пойманныхъ бабочекъ и производили шумъ. Слова и увѣщанія гувернера Ильи Степановича Пилецкаго, чтобы они сохраняли тишину и наблюдали порядокъ, нимало не имѣли на нихъ дѣйствія». 2) «Воспитанникъ Корфъ, сказавшись больнымъ передъ начатиемъ класса чистописанія, остался въ аркѣ и читалъ безъ позволенія книгу «Voyage de Platon en Italie». Сие было замѣчено г. директоромъ Василиемъ Федоровичемъ Малиновскимъ, и приказано ему отъ него сидѣть съ прочими воспитанниками въ классѣ».

Графъ Корфъ кончилъ курсъ въ 1817 году съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ серебряною медалью, и выпущенъ на службу въ министерство юстиціи.

Для біографіи Модеста Андреевича въ его молодые годы, какъ и вообще для первоначальной исторіи лицея чрезвычайно важна извѣстная уже по многимъ отрывкамъ записка, составленная имъ по поводу напечатанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1854 года статьи П. И. Бартенева о воспитаніи въ этомъ заведеніи Пушкина. Въ обширной запискѣ гр. Корфа помѣщены характеристики многихъ лицейскихъ товарищей и наставниковъ автора, — характеристики весьма замѣчательныя, хотя къ сожалѣнію и не всегда согласныя съ тѣмъ безпристрастнымъ отношеніемъ къ прошлому, какого мы были бы въ правѣ ожидать отъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ лицъ своего времени.

О человѣкѣ, занимавшемъ такое видное положеніе, какъ графъ Корфъ, трудно въ первыя минуты по смерти его сказать что-нибудь новое. Свѣдѣнія о главныхъ обстоятельствахъ жизни такихъ людей составляютъ общее достояніе; интересъ могутъ

представлять только подробности или такія стороны ея, которыя менѣе другихъ были доступны взорамъ публики.

Принадлежа къ числу лицъ, долгое время стоявшихъ весьма близко къ графу Корфу, я попытаюсь набросать нѣсколько воспоминаній о немъ. Уже въ годы моего воспитанія въ царскосельскомъ лицей, баронъ Модестъ Андреевичъ начиналъ пріобрѣтать извѣстность, а въ глазахъ лицейстовъ онъ уже тогда составлялъ одну изъ первыхъ знаменитостей, вышедшихъ изъ стѣнъ этого заведенія. Пушкинъ, князь Горчаковъ, Вальховскій и баронъ Корфъ, — вотъ имена, которыя всѣхъ чаще произносились у насъ, когда заходила рѣчь о прошломъ лица; про трехъ послѣднихъ говорили, что они *идутъ въ гору*. По выпускѣ моемъ отсюда въ 1832 году, мнѣ, совершенно неожиданно для меня самого, выпалъ жребій поступить подъ начальство Модеста Андреевича. Онъ занималъ въ то время постъ управляющаго дѣлами комитета министровъ, предсѣдателемъ котораго былъ князь Викторъ Павловичъ Кочубей. Лицейскій профессоръ И. П. Шульгинъ, обучавшій дѣтей князя, безъ моего вѣдома отрекомендовалъ меня ему, а князь выразилъ Модесту Андреевичу желаніе, чтобы я принять былъ на службу въ канцелярію комитета.

Вскорѣ баронъ Корфъ приблизилъ меня къ себѣ: нѣсколько лѣтъ сряду я жилъ у него въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ и получалъ непосредственно отъ него служебныя порученія; въ 1834 году, по назначеніи его государственнымъ секретаремъ, и я переведенъ былъ имъ въ канцелярію государственнаго совѣта. Должность свою онъ умѣлъ окружить какимъ-то особеннымъ блескомъ; пользуясь милостью и довѣріемъ Государя, умѣлъ пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ самыхъ вліятельныхъ членовъ Совѣта. Въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ онъ былъ добрымъ и любящимъ начальникомъ; отъ высшаго до низшаго всѣ могли ожидать справедливаго вниманія къ своимъ трудамъ и готовности помочь каждому въ нуждѣ. Порядокъ дѣлопроизводства былъ доведенъ до совершенства. Дѣла рѣшались безостановочно; во всѣхъ канцелярскихъ отправле-

ніяхъ господствовала величайшая точность; переписка бумагъ отличалась щегольскимъ изяществомъ; въ должность писцовъ привлекались искуснѣйшіе каллиграфы. Баронъ Корфъ не даромъ служилъ прежде подъ начальствомъ Сперанскаго старшимъ чиновникомъ II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи: онъ обладалъ мастерствомъ въ изложеніи самыхъ запутанныхъ дѣлъ; сжатость и ясность рѣчи достигли подъ его перомъ высшей степени, и это искусство усваивали себѣ болѣе или менѣе всѣ работавшіе подъ его руководствомъ. Такимъ искусствомъ особенно славился въ мое время Павелъ Андреевичъ Теубель, сперва бывшій начальникомъ отдѣленія въ комитетѣ министровъ, а впоследствии также переведенный барономъ въ государственную канцелярію.

Одно неодолимое желаніе вполне посвятить себя учено-литературной дѣятельности могло заставить меня отказаться отъ подобнаго положенія: послѣ семилѣтней службы подъ начальствомъ Модеста Андреевича, я, скрѣпя сердце, заявилъ ему однажды о своей рѣшимости принять предлагаемую мнѣ въ Финляндіи профессорскую кафедру. Съ дружескимъ участіемъ онъ представилъ мнѣ важность этого шага, но, видя мою твердость, пожелалъ мнѣ успѣха на новомъ поприщѣ, и мы разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, которыя никогда уже не измѣнялись. Да простить мнѣ читатель, если, говоря о человѣкѣ, столь много для меня значившемъ въ моей молодости, я не сумѣлъ вполне воздержаться отъ подробностей, лично меня касающихся.

Въ семействѣ графа Корфа продолжался тотъ же патриархальный бытъ, посреди котораго онъ выросъ въ домѣ своихъ родителей и который я еще засталъ у его матушки, рожденной Смирновой. Благочестіе, полное согласіе между членами семьи, гостепримство, доброта, ласка ко всѣмъ были отличительными чертами этого быта. Къ достойнѣйшей старушкѣ Ольгѣ Сергѣевнѣ съѣзжались разъ въ недѣлю всѣ родные и многіе друзья. То же происходило часто и въ домѣ Модеста Андреевича. Кто разъ сдѣлался вхожъ въ этотъ радушный кружокъ, могъ быть

увѣренъ, что онъ всегда найдетъ въ немъ ту же сердечную, участливую пріязнь. Какъ семьянинъ, графъ Модестъ Андреевичъ представлялъ рѣдкій образецъ и служилъ назидательнымъ примѣромъ младшимъ поколѣніямъ своего обширнаго родства. Правда, что ему дано было въ удѣлъ и необыкновенное семейное счастье: женившись уже 26-ти лѣтъ, онъ въ молодой супругѣ своей нашелъ драгоценнѣйшее сокровище — простоту души и неизмѣнно-любящее сердце; ихъ-то вліяніе, посреди охлаждающаго блеска почестей, не давало погаснуть въ немъ тому священному пламени, безъ котораго, на высшихъ ступеняхъ счастья, трудно сохранить полное сознаніе своихъ человѣческихъ обязанностей.

Рано начавшіеся для него служебные успѣхи не заглушили въ немъ развившейся еще въ лицѣ потребности духовныхъ интересовъ. Онъ съ постоянною любознательностію слѣдилъ за умственнымъ движеніемъ современнаго міра; особенно, ни одно сколько-нибудь замѣчательное произведеніе русской литературы не ускользало отъ его вниманія. Въ первое время моего сближенія съ нимъ, на горизонтѣ ея явилась крупною, хотя и не всегда свѣтлою, звѣздою «Библіотека для Чтенія» Сенковскаго. Баронъ Корфъ, по живости и впечатлительности своего ума, не могъ остаться равнодушнымъ къ новости ея содержанія и, быстро поглощая всякую вновь выходившую книжку этого журнала, искренно потѣшался шутовскимъ остроуміемъ его литературной лѣтописи. Чтеніе лучшихъ русскихъ журналовъ до конца жизни составляло любимое занятіе Модеста Андреевича. Издавна усвоивъ себѣ вредную привычку (которая впоследствии тяжело отозвалась на его здоровьи) проводить съ вечера долгіе часы за чтеніемъ въ постели, онъ успѣвалъ знакомиться и съ любопытнѣйшими явленіями иностранныхъ литературъ. Все новое, животрепещущее, сильно манило этотъ воспріимчивый, быстро схватывавшій умъ. Естественно, что при такихъ свойствахъ графъ Корфъ чувствовалъ неотразимую потребность въ обществѣ; онъ не любилъ уединенія и часто говорилъ, что ему необходима го-

родская жизнь съ ея свѣжими новостями, съ ея шумомъ и разнообразіемъ, что онъ вовсе не рожденъ для деревни. Блескъ двора и почестей, свѣтская жизнь и тревога имѣли для него особенную прелесть; но это не мѣшало ему быть добрымъ, сердечнымъ человѣкомъ, сочувствовать и помогать ближнему, поставленному судьбой въ менѣе благопріятныя внѣшнія условія.

Заслуги графа Модеста Андреевича русскому образованію въ качествѣ директора Императорской Публичной библіотеки такъ извѣстны всей Россіи, что распространяться о нихъ было бы излишне. Въ этой его дѣятельности, составившей эпоху въ исторіи нашего книгохранилища, особеннаго вниманія заслуживаютъ его близкія, можно сказать, какъ бы семейныя отношенія ко всѣмъ своимъ сотрудникамъ; смерть не изгладилла чувствъ любви и благодарности въ сердцахъ всѣхъ исполнявшихъ его обширныя предназначенія къ обогащенію библіотеки и устроенію въ ней новаго порядка.

До послѣднихъ лѣтъ жизни графъ Корфъ изумлялъ своею неутомимою дѣятельностью и быстротою въ работѣ. Только этимъ его преимуществомъ можно объяснить, какъ онъ, будучи строгимъ исполнителемъ всѣхъ родственныхъ и свѣтскихъ обязанностей, употребляя, слѣдовательно, довольно много времени на посѣщенія и на общество, успѣвалъ исписывать цѣлыя кипы бумаги. Говорю не объ однѣхъ служебныхъ его работахъ: онъ, кромѣ того, находилъ досугъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій вести свой дневникъ, тетрадами котораго занято множество картонокъ; исполнялъ по высочайшимъ порученіямъ разные историческіе труды; наконецъ, написалъ извѣстную біографію своего бывшаго начальника, потребовавшую многосложныхъ предварительныхъ изслѣдованій и обширной переписки. Вполнѣ ли вѣренъ его взглядъ на Сперанскаго, справедливъ ли тяжкій упрекъ въ неискренности, взводимый имъ на этого государственнаго чловѣка, — рѣшить потомство; но и независимо отъ этихъ вопросовъ, названная книга составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ приобрѣтеній русской литературы шестидесятихъ годовъ, не

только по обилію и новости свѣдѣній, ею распространенныхъ въ обществѣ, но и какъ памятникъ новаго духа, повѣявшаго на Россію съ первыхъ лѣтъ царствованія Александра II.

Входить въ обсужденіе государственныхъ заслугъ графа Корфа не считаю себя въ правѣ; для современниковъ еще рано произносить въ этомъ отношеніи рѣшительный приговоръ. Другимъ предоставляю также отыскивать тѣни въ свѣтломъ образѣ, оставленномъ личностью графа Корфа въ душѣ всѣхъ коротко его знавшихъ: я хотѣлъ только сообщить нѣкоторыя черты, по которымъ этотъ образъ всегда останется незабвенъ и дорогъ въ исторической галлерей русскихъ дѣятелей ¹⁾...

5. ДЕ-БУДРИ.

Изъ числа наставниковъ своихъ графъ Корфъ, такъ же какъ и Пушкинъ, съ особеннымъ уваженіемъ отзывался о преподавателѣ французской литературы *де-Будри*, которому, по словамъ его, воспитанники были много обязаны своимъ развитіемъ. О немъ не разъ уже были сообщаемы свѣдѣнія въ статьяхъ, посвященныхъ исторіи царскосельскаго лицея, но кажется, еще не было обращено вниманіе на некрологъ де-Будри, напечатанный въ концѣ 1821 года въ *Сынъ Отечества*, и потому не бесполезно будетъ сообщить здѣсь эту довольно любопытную замѣтку. Она перепечатывается съ оттиска, доставленнаго мнѣ почтеннымъ ветераномъ лицея, товарищемъ Пушкина и графа Корфа, Сергѣемъ Дмитріевичемъ Комовскимъ.

«23-го Сентября сего 1821 года скончался въ С.-Петербургѣ профессоръ французской словесности коллежскій совѣтникъ и кав. Давидъ Ивановичъ де-Будри. Онъ родился въ 1756 г. въ городѣ Нейштадтѣ (въ Швейцаріи) отъ поселившагося тамъ изъ Италіи доктора медицины и философіи Ивана М...а (Марата). Ученіе началъ въ нейштадтской гимназіи; а въ 1768 г., переселившись

¹⁾ Этотъ некрологъ графа Корфа былъ напечатанъ въ *Русской Старинѣ* 1876 г.

съ отцомъ своимъ въ Женеву, вступилъ въ гимназію сего города, гдѣ учился природному, латинскому и греческому языкамъ, также разнымъ наукамъ, кои преподаются въ гимназіяхъ, до 1773 года. Тогда переведенъ въ тамошнюю академію; въ оной занимался словесными и философскими науками, геометриєю, физикою и преимущественно теологією, которой былъ кандидатомъ въ то время, какъ вызвалъ его въ Россію 1784 г. покойный камергеръ Василій Петровичъ Салтыковъ для воспитанія своихъ дѣтей. По окончаніи сего воспитанія, г. Будри посвятилъ себя наставленію юношества въ пансіонахъ и частныхъ домахъ. Потомъ опредѣленъ учителемъ французской словесности въ 1803 г. въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ ордена Св. Екатерины, и въ 1806 г. въ С.-П.-Б. губернскую гимназію; а въ концѣ того же года учинилъ присягу на вѣчное подданство Россіи. Въ 1808 г. пожалованъ чиномъ 9-го класса. Въ 1811 г. произведенъ въ профессора 7-го класса и въ семъ званіи переведенъ изъ гимназіи въ Императорскій царскосельскій лицей. Въ томъ же году издалъ французскую грамматику съ російскимъ переводомъ, посвятилъ оную государю императору. Въ 1814 г. опредѣленъ для преподаванія французской словесности въ царскосельскій благородный пансіонъ. Въ 1819 г. получилъ чинъ коллежскаго совѣтника. За отличное усердіе къ службѣ удостоивался въ разное время (кромѣ орденовъ Св. Анны 2-го класса, котораго имѣлъ въ послѣдствіи брильянтовые знаки, и Св. Владиміра 4-й степени) особенныхъ наградъ отъ государя императора и государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, состоящихъ въ золотыхъ часахъ, табакеркахъ и брильянтовыхъ перстняхъ.

«Образованный умъ, благородное сердце, примѣрная кротость нрава и добродушіе пріобрѣли покойному любовь и уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ. Онъ имѣлъ друзей, для которыхъ память его пребудетъ навсегда драгоценною.

«Погребеніе сего почтеннаго мужа представляло трогательное зрѣлище. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, получившихъ воспитаніе въ лицѣѣ, сохраняя къ бывшему ихъ наставнику, и по смер-

ти его, чувствованія уваженія и признательности, и желая отдать послѣдній долгъ покойному, несли бранные останки его изъ церкви и сопровождали до кладбища. Въ несеніи гроба участвовалъ и директоръ лицея дѣйст. стат. сов. Энгельгардтъ.

6. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ ЛИЦЕѢ ПРИ ЭНГЕЛЬГАРДТѢ.

Въ исторіи лицея за періодъ ближайшій ко времени перваго выпуска, встрѣчается замѣчательный эпизодъ, до сихъ поръ мало извѣстный. Въ краткой исторіи этого заведенія, составленной г. Селезевымъ, упоминается только вскользь о еженедѣльныхъ вечернихъ собраніяхъ, бывшихъ у директора для литературныхъ бесѣдъ¹⁾. Теперь могу сообщить болѣе полныя о томъ свѣдѣнія изъ подлинныхъ бумагъ, полученныхъ мною отъ нашего бывшаго министра юстиціи Дмитрія Николаевича Замятина, вышедшаго изъ лицея, по окончаніи тамъ курса, въ 1823 году (это былъ 3-й выпускъ). Изъ этихъ бумагъ оказывается, что въ 1821 году Е. А. Энгельгардтъ задумалъ основать въ лицѣѣ, для содѣйствія литературному образованію молодыхъ людей, «общество лицейскихъ друзей полезнаго». Сохранившійся уставъ этого общества гласитъ, что *дѣйствительные* его члены избираются исключительно изъ лицейскихъ воспитанниковъ старшаго возраста; кромѣ того, есть члены *почетные*, избираемые изъ преподавателей и гувернеровъ; со временемъ же предполагалось приглашать въ общество, съ этимъ званіемъ, и постороннихъ лицъ. Президентъ общества есть директоръ лицея. Дѣйствительные члены обязаны, каждый въ свою очередь, прочесть въ собраніи какое-либо свое сочиненіе, а иногда и переводъ, и труды ихъ подвергаются общему обсужденію; при этомъ выражено желаніе, чтобы для большей пользы всѣ сочиненія писались на иностранныхъ языкахъ. Кромѣ частныхъ собраній, съ одними дѣйствительными членами, предполагаются и публичныя съ участіемъ всѣхъ воспитанниковъ

¹⁾ Историческій очеркъ бывшаго царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея. Составленъ И. Селезевымъ. Спб. 1861, стр. 148.

лицея, а со временемъ и преподавателей и постороннихъ лицъ; каждое публичное собраніе открывается рѣчью. Въ концѣ года, въ день рожденія «благословеннаго Основателя лицея», бываетъ чрезвычайное собраніе, на которое приглашается и публика. Каждый дѣйствительный членъ вноситъ ежегодно по два рубля на покупку словарей и другихъ книгъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи должна образоваться библіотека общества. Все происходящее въ частныхъ собраніяхъ остается между членами и ни подъ какимъ видомъ не должно быть разглашаемо или пересказываемо постороннимъ лицамъ; виновный въ нарушеніи этого правила исключается изъ общества.

При уставѣ, подписанномъ директоромъ и нѣсколькими воспитанниками лицея, сохранились и относящіяся къ засѣданіямъ бумаги. На первомъ собраніи, бывшемъ 11-го ноября 1821 года, предсѣдатель произнесъ небольшую рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой любопытно особенно окончаніе. «Предвижу, сказалъ директоръ, что это соединеніе, чисто литературное, приведетъ къ другому союзу, — нравственному, столь же полезному, и, почему не сказать этого? — еще болѣе интересному. Эта литературная связь еще болѣе укрѣпитъ узы довѣрія, откровенности и дружбы, которыя уже соединяютъ насъ и которыя — скажу съ гордостью — ни въ какомъ другомъ заведеніи не существуютъ въ такой степени между воспитателемъ и воспитанниками. Да, друзья мои, наши литературные вечера еще утвердятъ сердечный союзъ, который путемъ любви и благодарности, а не страха, производитъ прочное повиновеніе и послушаніе, союзъ сердець, который вознаграждаетъ меня за всѣ непріятности, сопряженныя съ совѣстливымъ исполненіемъ моей должности. На этихъ вечерахъ мы сблизимся, мы соединимся еще тѣснѣе, и союзъ, образовавшійся въ этомъ убѣжищѣ мира и дружбы, продлится, надѣюсь, и за предѣлами лицея. Наше желѣзное кольцо ¹⁾ будетъ символомъ того. Разстоянія и обстоятельства могутъ иногда удалить насъ

¹⁾ Кольцо, которое Энгельгардъ, при выпускѣ каждого курса, раздавалъ выходящимъ воспитанникамъ на память.

другъ отъ друга, но вполнѣ они не разлучать насъ. Пусть лицей будетъ намъ вѣчно дорогъ, пусть онъ останется нашимъ сборнымъ мѣстомъ. И когда меня уже въ немъ не будетъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ, и тогда, друзья мои, любите лицей, будьте соединены, какъ руки, обвитыя нашимъ кольцомъ».

Въ первомъ же засѣданіи были избраны должностныя лица общества, и званіе секретаря досталось Д. Н. Замятнину; затѣмъ назначена очередь чтеній. Вотъ нѣкоторыя изъ темъ, на которыя сочиненія были задаваемы и отчасти написаны. «Отвѣтъ другу на вопросъ: Если бы ты жилъ не въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то въ которомъ изъ предѣдущихъ желалъ бы ты жить?» — «Мысль о бытіи Высшаго Существа и о безсмертіи души составляютъ основу добродѣтелей и счастія человѣка». — «Отчего просвѣщеніе народовъ обыкновенно сопровождается испорченностью нравовъ? Можно ли утверждать, что образованіе влечетъ за собою упадокъ и ослабленіе народовъ и государствъ?» — «Сатирическая похвала клеветѣ». — «Очеркъ исторіи Мальтійскаго ордена¹⁾». — «Что вреднѣе для государства: частыя войны или дурное управленіе?» — «Причины побѣдъ Россіи надъ Швеціею», — «Взглядъ на главные перевороты въ русской исторіи». — «Объ общественномъ мнѣніи». — «Взглядъ на нравственное состояніе нынѣшней Европы». — «О *Мизантропѣ* Мольера». — «Взглядъ на законодательство Екатерины Великой».

Послѣднія четыре сочиненія, уцѣлѣвшія при протоколахъ общества, написаны секретаремъ его (Д. Н. Замятнинымъ); только одно изъ нихъ — четвертое — на русскомъ языкѣ, и по самому предмету своему оно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ краткомъ введеніи авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Наиболѣе важно то, что всѣ узаконенія Екатерины II имѣютъ общій, къ одной цѣли ведущій духъ и отличаются вообще единствомъ, точностію и полнотою. Подробное систематическое изложеніе ея мудраго законодательства мнѣ не по силамъ и не по лѣтамъ, а

¹⁾ Е. А. Энгельгардтъ былъ въ царствованіе Павла секретаремъ этого ордена.

потому я довольствуюсь однимъ только краткимъ обзорѣніемъ главнѣйшихъ частей онаго». Послѣ обстоятельнаго очерка законовъ и учрежденій Екатерины II, авторъ заключаетъ словами: «Слѣдуя во всѣхъ своихъ узаконеніяхъ однимъ началомъ съ великимъ преобразователемъ Россіи, Екатерина ознаменовала вторую блистательную эпоху нашего новѣйшаго законодательства. Нынѣ благополучно царствующій государь императоръ, слѣдуя великимъ симъ примѣрамъ, предпринялъ довершить начатое Петромъ и Екатериною важное дѣло. По восшествіи его на престолъ, одно изъ первыхъ попеченій его было воскресить комиссію составленія законовъ. Образование сего сословія изъ людей отличнѣйшихъ, неусыпное участіе, которое принимаетъ самъ монархъ въ ихъ трудахъ, и важные успѣхи въ самихъ трудахъ сихъ служатъ намъ порукою въ томъ, что великое дѣло систематическаго нашего законодательства, начатое Петромъ I, продолженное Екатериною Великою, довершено будетъ Александромъ Благословеннымъ».

Но общество собиралось уже нѣсколько разъ и еще не было утверждено высшимъ начальствомъ. Чтобы дать ему это окончательное освященіе, Энгельгардтъ лично испрашивалъ у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ разрѣшенія торжественно начать публичныя собранія въ день рожденія государя, 12-го декабря (1821). 6-го числа директоръ лицея получилъ отъ князя А. Н. Голицына слѣдующій собственноручный отвѣтъ:

«Милостивый государь мой, Егоръ Антоновичъ.

«По словесному вашему вопросу, можно ли 12-го декабря открыть общество изъ воспитанниковъ лицея для литературныхъ занятій, я сегодня докладывалъ государю императору, и его величеству угодно прежде видѣть правила, на которыхъ вы желаете оное устроить. Итакъ, ежели и послѣдуетъ разрѣшеніе государя, то я сомнѣваюсь, чтобъ къ 12-му числу вы могли получить отвѣтъ.

«По составленіи вами правилъ пришлите ихъ немедленно ко мнѣ, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
князь Александръ Голицынъ.

С. Петербургъ
5-го декабря 1821».

Отвѣтъ на это письмо, съ приложеніемъ проекта устава, былъ отправленъ Е. А. Энгельгардтомъ немедленно. Вотъ что писалъ директоръ:

«Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! По приказанію вашего сіятельства, мною сегодня полученному, честь имѣю препроводить при семъ проектъ правилъ, предполагаемыхъ для литературнаго сословія между воспитанниками лицея. Изъ общей фізіогноміи оныхъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что все сіе общество есть ничто иное какъ домашній способъ занять пріятнымъ и полезнымъ образомъ молодыхъ людей, готовящихся вступить въ дѣйствительную жизнь, пріучить ихъ нѣсколько къ общему порядку дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ и наконецъ пріучить ихъ къ необходимой способности объяснять и выражать мысли свои предъ публикою безъ робости, но и съ приличною скромностью. Все въ сихъ правилахъ содержащееся приспособлено преимущественно къ сей частной нашей цѣли, и мы, составляя оныя между собою, не дерзнули никогда полагать, чтобы оныя когда-либо могли удостоиться быть представленными государю императору, почему и не обращали особеннаго вниманія, какъ на слогъ, такъ и на расположеніе. Не менѣе того однако я долгомъ поставляю представить оныя вашему сіятельству безъ малѣйшихъ перемѣнъ или поправокъ.

«Впрочемъ, я пріемлю смѣлость возобновить предъ вашимъ сіятельствомъ всепокорнѣйшую мою просьбу удостоить сію бездѣлицу благосклоннаго вашего вниманія, и если самое дѣло не найдетъ препятствія, то я смѣю надѣяться, что ваше сіятельство

не откажете въ своемъ содѣйствіи къ исполненію столь естественнаго, какъ и похвальнаго желанія воспитанниковъ открыть свою бесѣду въ благословенный для нихъ день рожденія нашего Отца и Благотворителя, и такъ праздновать оный достойнѣйшимъ образомъ, стараніемъ ихъ соотвѣтствовать по мѣрѣ силъ своихъ благодѣтельнымъ его желаніямъ и попеченіямъ. Съ достоюльнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства милостиваго государя покорнѣйшій слуга Егоръ Энгельгардтъ.

Царское Село, декабря 6-го дня 1821 года».

Прошло 12-е декабря, прошелъ и Новый годъ, — а отвѣта отъ князя Голицына все не было. Наконецъ, 14-го января 1822 года, получено въ лицеѣ такое отношеніе:

«Милостивый государь мой, Егоръ Антоновичъ. Присланный при письмѣ вашего превосходительства отъ 6-го числа минувшаго декабря проектъ правилъ для учрежденія, между воспитанниками Императорскаго Царскосельскаго лицея, общества, подъ названіемъ: лицейскіе друзья полезнаго, доводилъ я до свѣдѣнія Государя Императора. Его Величество, по прочтеніи сихъ правилъ, соизволилъ признать учрежденіе такого общества между воспитанниками лицея неприличнымъ и ненужнымъ: во-первыхъ, потому что занятія, предполагаемыя для сего общества, будутъ слишкомъ ихъ развлекать и отнимать у нихъ время, необходимое на повтореніе уроковъ и на упражненія гораздо полезнѣйшія и существеннѣйшія по разнымъ предметамъ ученія; во-вторыхъ, самые такъ называемые литературные труды учащихся не могутъ еще никакъ составлять предмета чтенія для публичныхъ собраній, и собственныя ихъ сужденія о сочиненіяхъ и переводахъ должны быть еще столько недостаточны, что имъ слѣдуетъ болѣе слушать мнѣнія знающихъ и опытныхъ, нежели проявлять мысли свои о томъ, чему еще обучаются и чего потому основательно знать не могутъ; въ-третьихъ, позволеніе воспитанникамъ засѣдать въ собраніяхъ на ряду съ своими наставниками и воспитателями отниметь у нихъ должное уваженіе къ начальствующимъ надъ ними.

По всѣмъ симъ причинамъ Государю Императору не угодно учрежденіе такого Общества между воспитанниками.

Увѣдомля васъ о семъ, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою
Князь Александръ Голицынъ.

№ 3. Въ С. Петербургѣ 11 генваря 1822».

Письмо было получено Егоромъ Антоновичемъ 14-го числа. Въ тотъ же день онъ собралъ членовъ своего неодобреннаго монархомъ общества и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Милостивые государи! Сегодняшнее чрезвычайное собраніе наше имѣетъ предметомъ сообщить вамъ объявленную мнѣ чрезъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія высочайшую Его Императорскаго Величества волю относительно существованія нашего сословія. Я получилъ сегодня отъ его сіятельства князя А. Н. Голицына слѣдующее отношеніе».

По прочтеніи бумаги, директоръ лицея продолжалъ: «Повиновеніе волѣ начальства есть первая обязанность подданнаго, а потому и надлежитъ намъ теперь же прекратить существованіе сего общества. Протоколъ сего засѣданія есть послѣдній нашъ; въ оный внесется письмо г. министра и немедленное исполненіе, по оному сдѣланное. Всѣ понынѣ состоявшіеся протоколы, уставъ нашъ, сочиненія и прочія бумаги я возьму къ себѣ на сохраненіе въ особо запечатанномъ пакетѣ, и общество лицейскихъ друзей полезнаго болѣе не существуетъ! Мы тѣмъ исполнили долгъ повиновенія. Но съ тою же откровенностію, которою руководствуюсь я всегда въ обращеніи моемъ съ вами, друзья мои, я не скрою отъ васъ, здѣсь, въ дружескомъ кругу, что я съ чувствомъ сердечнаго прискорбія разрываю связь, отъ которой ожидали мы нѣкогда многихъ полезныхъ послѣдствій для насъ, для любезнаго нашего лицея и для будущей службы нашей Государю и Отечеству. Вы, конечно, всѣ дѣлите со мною сіе чувство, и я его не охуждаю, но я вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренъ, что вы послѣ-

дуете и совѣту и примѣру моему повиноваться безъ малѣйшаго роптанія волѣ высшаго начальства. Я требую отъ васъ, какъ начальникъ и какъ другъ, чтобы, вышедъ изъ сей комнаты, вы не позволили себѣ въ кругу прочихъ товарищей нашихъ никакихъ разсужденій насчетъ прекращенія нашего общества. «Оно прекращено по волѣ высшаго начальства»: вотъ все, что можемъ, что должны мы дозволить себѣ о семъ сказать.

Итакъ мы, какъ члены «Общества лицейскихъ друзей полезнаго», сегодня разлучаемся, но мы всегда останемся неразлучными лицейскими друзьями полезнаго; и здѣсь, въ лицей, пока мы вмѣстѣ, и въ свѣтѣ, гдѣ каждый пойдетъ отдѣльною стезею, да будетъ всегда единственнымъ и непоколебимымъ предметомъ нашихъ стараній, всей нашей жизни — польза, честь и слава нашего лица, Отечества и Государя, благодѣтеля нашего».

Происшедшія вскорѣ послѣ этого перемѣны въ судьбѣ лицей бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на строгость приговора, которому подверглись устроенныя Энгельгардтомъ собранія. Подобныя литературныя общества существовали тогда и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, чему первый примѣръ былъ поданъ Московскимъ университетскимъ пансіономъ. Уставъ или проектъ, откуда мною приведены главныя основанія, начинался словами: «Всѣ высшія учебныя заведенія, признавъ пользу, приносимую такъ называемыми литературными обществами, учредили такыя между собою. Они, безъ сомнѣнія, суть вѣрнѣйшія средства распространять кругъ нашихъ свѣдѣній и понятій, утвердить насъ въ приобрѣтенныхъ уже понятіяхъ, познакомить насъ самихъ съ недостатками и способностями нашими и вообще внушать охоту къ образованію. Увѣренныя въ сей истинѣ и возбуждаемые искренними чувствами любви и благодарности къ нашему отечеству и къ лицу, мы вознамѣрились послѣдовать примѣру тѣхъ заведеній и учредить у себя подобное общество». Итакъ, при всей справедливости изложенныхъ въ послѣднемъ письмѣ князя Голицына доводовъ для закрытія лицейскаго общества, нѣтъ сомнѣнія, что, въ первое время по назначеніи Энгельгардта дирек-

торомъ лицея, мысль объ учрежденіи въ немъ такихъ собраній была бы совершенно иначе принята Государемъ. Извѣстно, какимъ довѣріемъ пользовался долгое время Энгельгардтъ. При опредѣленіи его въ названную должность удостоились полнаго одобренія предложенныя имъ (написанныя въ кабинетѣ Аракчеева) условія, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ стояло слѣдующее: «Управленіе лицея сдѣлать совершенно независящимъ отъ всякаго посторонняго и раздробительнаго вліянія, такъ чтобы директоръ, не выходя изъ общихъ предѣловъ законныхъ, имѣлъ право распоряжаться во всемъ по усмотрѣнію и совѣсти своей, отдавая въ концѣ каждаго года отчетъ въ управленіи своемъ и подвергая себя строжайшей передъ Богомъ и Царемъ отвѣтственности за всякое злоупотребленіе своей власти¹⁾. Но извѣстно также, какъ измѣнились мало по малу воззрѣнія императора Александра Павловича въ слѣдствіе обнаруживавшихся на Западѣ общественныхъ движеній, находившихъ отголосокъ и въ нашемъ отечествѣ. Вотъ чѣмъ объясняется и перемѣна, происшедшая въ расположеніи Государя относительно Энгельгардта, къ чему, конечно, немало способствовало также вліяніе Аракчеева. Черезъ два мѣсяца послѣ запрещенія, объявленнаго въ письмѣ князя Голицына, лицей поступилъ подъ главное начальство великаго князя Константина Павловича и въ непосредственное вѣдѣніе начальника кадетскихъ корпусовъ графа Коновницына. Не прошло года, какъ, по случаю бывшаго въ лицей концерта, у Энгельгардта возникли пререканія съ военнымъ начальствомъ, памятникомъ которыхъ осталась продолжительная офиціальная переписка, кончившаяся тѣмъ, что директоръ лицея подалъ въ отставку и былъ уволенъ 23-го октября 1823 года.

¹⁾ *Русск. Архивъ* 1872 г., стр. 1475: «Воспомяніе о Е. А. Энгельгардтѣ» сына его, покойнаго Владимира Ег. Энгельгардта, воспитаника 5-го курса.

V.

ОЧЕРКЪ БЮГРАФИИ ПУШКИНА ¹⁾.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26-го мая 1799 года. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, принадлежалъ къ древнему дворянскому роду; въ молодости былъ онъ записанъ въ измайловскій полкъ, а потомъ, при императорѣ Павлѣ, служилъ въ гвардейскомъ егерскомъ; въ 1798 году онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Это былъ человекъ, который съ лоскомъ поверхностнаго французскаго образованія и свѣтскаго остроумія, соединялъ большое легкомысліе и отсутствіе строгихъ правилъ; но, не лишенный литературнаго таланта, онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, поэтомъ Василюемъ Львовичемъ, вращался въ кругу лучшихъ московскихъ писателей того времени. Жена его, Надежда Осиповна, происходила изъ семейства Ганнибаловъ, родоначальникомъ котораго былъ извѣстный арапъ Абрамъ Петровичъ, въ дѣтствѣ купленный для Петра Великаго въ Константинополь и награжденный при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ нѣсколькими помѣстьями; однимъ изъ нихъ было село Михайловское (Зуѣво) въ Псковской губерніи. Надежда Осиповна была женщина умная, но не обладала ни ровнымъ характеромъ, ни способностями доброй хозяйки. Дѣтство Александра Сергѣевича протекло частью въ Москвѣ, частью въ подмосков-

¹⁾ Читанъ въ засѣданіи общаго собранія Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 23-го февраля 1887 г.

номъ имѣнїи Захарьинѣ. Воспитателями его были иностранцы, но первыми уроками русскаго языка былъ онъ обязанъ своей бабушкѣ со стороны матери, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, и священнику Бѣликову. На 9-мъ году въ немъ начала развиваться страсть къ чтенію, находившая себѣ пищу въ богатой библіотекѣ отца его, состоявшей большею частью изъ французскихъ писателей 17-го и 18-го вѣка. Слухи о предстоящемъ учрежденіи царскосельскаго лицея подали отцу поэта мысль отдать его въ это учебное заведеніе, и лѣтомъ 1811 г. даровитый мальчикъ былъ отвезенъ дядею въ Петербургъ и помѣщенъ въ лицей при содѣйствіи Александра Ивановича Тургенева. 19-го октября послѣдовало открытіе лицея. вмѣстѣ съ Пушкинымъ принято было туда, по предварительному экзамену, 30 мальчиковъ, изъ которыхъ приблизительно треть получила приготовительное образованіе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ въ концѣ прошлаго столѣтія воспитывался Жуковскій и гдѣ подъ его вліяніемъ сильно развита была любовь къ литературѣ. Это направленіе перешло и въ лицей: между воспитанниками его скоро образовалось литературное общество, въ которомъ самое видное мѣсто занялъ Пушкинъ. Молодые писатели не только въ стѣнахъ лицея издавали рукописные журналы, но и посылали труды свои въ Петербургъ и въ Москву къ журналистамъ, которые охотно ихъ печатали.

Такимъ образомъ Пушкинъ еще на лицейской скамьѣ приобрѣлъ извѣстность своимъ блестящимъ талантомъ; тогда уже его оцѣнили Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ и кн. Вяземскій. Почти всѣ они видѣли Пушкина мальчикомъ еще прежде въ Москвѣ, въ домѣ отца его. Вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, въ новооткрытомъ лицейѣ происходили частыя перемѣны въ составѣ начальства и наставниковъ. Оттого и преподаваніе шло вообще безпорядочно. Пушкинъ, при своей страсти къ поэзіи, мало занимался уроками, но много читалъ и быстро развивалъ свое дарованіе, какъ видно изъ множества написанныхъ имъ въ лицей стихотвореній. Выпущенный въ 1817 году

съ чиномъ 10-го класса, Пушкинъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Славою своего таланта онъ уже обращалъ на себя общее вниманіе и примкнулъ къ кружку свѣтской молодежи, съ которою велъ разсѣянную жизнь, не ослабѣвая однакожь нисколько въ своемъ поэтическомъ творествѣ. Въ 1820 г. онъ кончилъ свою первую поэму *Русланъ и Людмила*, заимствованную изъ сказочнаго міра и начатую еще въ лицѣ. По этому случаю Жуковскій подарилъ ему свой портретъ съ надписью: «Ученику отъ побѣжденнаго учителя». Между тѣмъ нѣкоторыми слишкомъ вольными стихотвореніями, которыя, какъ все, что писалъ Пушкинъ, распространялись въ обществѣ, онъ навлекъ на себя неудовольствіе высшаго правительства и едва не подвергся ссылкѣ въ Сибирь или заточенію въ Соловецкій монастырь. Только благодаря заступничеству Карамзина и статсъ-секретаря Каподистріи, императоръ Александръ Павловичъ согласился смягчить наказаніе. Оставленный на службѣ, Пушкинъ отправленъ былъ въ подвѣдомственное коллегіи иностранныхъ дѣлъ попечительство колонистовъ южнаго края, находившееся въ Екатеринославѣ подъ управленіемъ генерала Инзова. Къ счастью своему, Пушкинъ нашелъ въ немъ глубоко просвѣщеннаго и добраго начальника, вполне появившаго свою задачу сохранить Россіи вѣренннй его попеченію драгоцѣнный талантъ: въ порывахъ и шалостяхъ Пушкина онъ видѣлъ одни юношескія увлеченія и обращался съ нимъ отечески, снабжая его книгами, а за проступки наказывая его только домашнимъ арестомъ съ лишеніемъ сапоговъ. Когда, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Екатеринославъ, заболѣвшему поэту представился случай съѣздить къ кавказскимъ водамъ съ семействомъ генерала Раевского, Инзовъ охотно отпустилъ Пушкина. Извѣстно, какъ плодотворно сдѣлалось для него это двухмѣсячное путешествіе, блестящимъ результатомъ котораго явилась поэма его *Кавказскій плѣнникъ*. На обратномъ пути съ Кавказа Пушкинъ провелъ три недѣли у Раевскихъ на южномъ берегу Крыма, въ прекрасномъ Юрзуфѣ, а потомъ короткое время въ имѣніи ихъ родныхъ (Давыдовыхъ)

Каменкѣ, Кіевской губ., откуда онъ опять вынесъ неизгладимыя на всю жизнь впечатлѣнія.

Между тѣмъ Инзовъ, получивъ новый постъ временного на-мѣстника Бессарабской области, переѣхалъ на жительство въ Кишиневъ, куда переведено было и управленіе колоніями южнаго края, а потому тамъ долженъ былъ поселиться и Пушкинъ. Въ этомъ городѣ, посреди пестраго полуазіатскаго населенія и хаотическихъ элементовъ еще не устроившагося быта, онъ пробылъ около трехъ лѣтъ (съ послѣднихъ чиселъ сентября 1820 по іюнь 1823 г.), ведя разнузданную и разгульную жизнь въ обществѣ то молдаванъ и грековъ, которыхъ множество бѣжало сюда вслѣдствіе возстанія Греціи, то лицъ военнаго сословія, принадлежавшихъ къ расположенному здѣсь штабу. Этотъ безпорядочный образъ жизни и пылкія страсти, которымъ поэтъ предавался, не мѣшали ему однакожъ, въ часы уединенныхъ занятій, находить въ поэзіи источникъ нравственнаго очищенія и самоусовершенствованія: онъ попрежнему много читалъ, изучалъ иностранныя литературы, дѣлалъ выписки изъ книгъ, которыя самъ пріобрѣталъ на скудныя средства свои, велъ дневникъ и написалъ многія изъ лучшихъ стихотвореній своихъ, между прочимъ свои превосходныя, свидѣтельствующія о возвышенномъ настроеніи, посланія: *Чаадаеву* и *Овидію*. Но важнѣйшими плодами его вдохновеній въ Кишиневѣ были его *Братья разбойники* и отзывающаяся сильнымъ вліяніемъ Байрона поэма *Бахчисарайскій фонтанъ*. Здѣсь же былъ уже задуманъ *Евгеній Онегинъ* и положено начало поэмѣ *Цыганы*. Поводомъ къ послѣдней послужило то обстоятельство, что за какую-то вину Пушкинъ былъ посланъ Инзовымъ въ Измаилъ; во время этой поѣздки онъ присоединился ко встрѣченному по дорогѣ цыганскому табору и кочевалъ съ нимъ нѣсколько дней.

Въ маѣ 1823 г. новоучрежденная должность Новороссійскаго генераль-губернатора замѣщена была графомъ М. С. Воронцовымъ; въ его же вѣдѣніе отошла и Бессарабская область. Пушкинъ причисленъ былъ къ канцеляріи генераль-губернатора

и переѣхалъ въ Одессу, какъ центръ мѣстнаго управленія. Можно представить себѣ, какое обаяніе должна была имѣть для него, послѣ Кишинева, жизнь въ этомъ, тогда уже богатомъ городѣ со всѣми прихотями европейской цивилизаціи, съ театромъ, итальянскою оперой, французскими ресторанами и живописнымъ видомъ на море. Но положеніе Пушкина совершенно измѣнилось въ отношеніи къ новому его начальнику, хотя также просвѣщенному, но строгому въ соблюденіи формальной стороны служебныхъ требованій. «Онъ видитъ во мнѣ коллежскаго секретаря», писалъ Пушкинъ въ Петербургъ, «а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое». Недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ были неизбѣжны; окончательный разрывъ между ними былъ вызванъ данною Пушкину командировкою для наблюденій надъ саранчою въ южныхъ степяхъ Новороссійскаго края. Графъ Воронцовъ имѣлъ при этомъ весьма благородную цѣль дать Пушкину случай отличиться по службѣ, но поэту такое порученіе показалось оскорбительнымъ: онъ сталъ выражать свое неудовольствіе колкими выходками и эпиграммами, которыя жадная молва разносила по всему городу. Тогда графъ Воронцовъ рѣшился удалить Пушкина изъ Одессы и написалъ управлявшему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде письмо, въ которомъ, сознавая, что поведеніе поэта во многомъ измѣнилось къ лучшему, представлялъ о необходимости перевести его на службу въ какую-нибудь другую губернію. Между тѣмъ въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо Пушкина къ одному пріятелю съ легкомысленною, но вовсе не серьезною фразою¹⁾, подавшею поводъ къ обвиненію его въ безвѣрїи. Послѣдствіемъ было то, что въ іюлѣ 1824 года Нессельроде сообщилъ гр. Воронцову высочайшее повелѣніе уволить Пушкина изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и отправить его въ псковское имѣніе родителей подъ надзоръ мѣстнаго начальства. Двухлѣтнее пребываніе его въ Михайловскомъ имѣло самое благотворное

¹⁾ «Школьническою шуткой», какъ впоследствии выразился самъ поэтъ въ одномъ письмѣ.

дѣйствіе на дальнѣйшее развитіе его характера и таланта. Уже въ Одессѣ онъ освободился отъ вліянія Байрона и принялся за изученіе Шекспира; тамъ окончилъ онъ поэму *Цыганы* и продолжалъ *Евгенія Онегина*, въ которомъ такъ ярко отразилось новое направленіе его поэзіи — изображеніе русской жизни и русской природы. Въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго онъ болѣе и болѣе знакомился съ произведеніями устной народной словесности, записывая пѣсни, сказки и пословицы, которыя слышалъ, между прочимъ, отъ своей старой няни, столь знаменитой Арины Родионовны. Въ то же время онъ углублялся въ изученіе отечественной исторіи, въ лѣтописи, и создалъ достойную Шекспира драму *Борисъ Годуновъ*, а вслѣдъ за нею исполненный веселости рассказъ *Графъ Нулинъ*.

Извѣстіе о событіяхъ 14-го декабря крайне взволновало Пушкина, тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ главными изъ участниковъ заговора. Онъ считалъ долгомъ чести лично явиться въ Петербургъ и уже выѣхалъ было изъ Михайловскаго, но въ началѣ же дороги перемѣнилъ намѣреніе и вернулся. Водареніе императора Николая оживило въ немъ надежды на прощеніе. Уже и прежде онъ просилъ о разрѣшеніи пріѣхать въ столицу для лѣченія мнимаго аневризма, но ему позволено было посѣщать только Псковъ. Теперь, съ перемѣною обстоятельствъ, онъ отправилъ, чрезъ псковскаго губернатора Адеркаса, всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ, принося повинную, общалъ ни въ чемъ не обнаруживать мыслей, противныхъ установленному порядку, представилъ и подписку въ томъ, что не принадлежалъ и не принадлежитъ ни къ какому тайному обществу. Въ концѣ августа мѣсяца, чрезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, на это прошеніе послѣдовала милостивая резолюція императора Николая привезти Пушкина, въ сопровожденіи фельдгегера, въ Москву, при чемъ однакожь было оговорено, что ему предоставляется ѣхать отдѣльно въ своемъ экипажѣ. 8-го сентября Пушкинъ прямо съ дороги привезенъ былъ въ Николаевскій дворецъ, гдѣ государь удостоилъ

его милостивато разговора и между прочимъ спросилъ, принялъ ли бы онъ участіе въ мятежѣ, еслибъ былъ въ Петербургѣ.— «Непремѣнно, государь, отвѣчалъ Пушкинъ: въ заговорѣ были всѣ друзья мои: одно отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога». — Отпуская Пушкина, государь объявилъ ему свою волю, чтобы онъ впредь все написанное представлялъ на собственную цензуру его величества. Во всю остальную жизнь свою поэтъ съ непритворнымъ благоговѣніемъ вспоминалъ эту аудіэнцію.

Время, проведенное имъ послѣ того въ Москвѣ, было для него настоящимъ торжествомъ: не только въ кругу литераторовъ, но и въ знатныхъ домахъ его принимали съ почетомъ, слушали съ восторгомъ его *Бориса Годунова*. При его главномъ участіи основался тогда же новый журналъ *Московскій Вѣстникъ*, въ которомъ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ. Но исключительное отношеніе, въ какое онъ поставленъ былъ къ цензурѣ, при необходимости обращаться въ каждомъ случаѣ къ гр. Бенкендорфу, было сопряжено для Пушкина съ непредвидѣнными затрудненіями, тѣмъ болѣе, что и цензурное вѣдомство иногда предъявляло свои права на разсмотрѣніе его трудовъ. Первою испытанною имъ непріятностью было письменно выраженное ему шефомъ жандармовъ неудовольствіе за чтеніе Бориса Годунова въ обществахъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія.

Въ маѣ 1827 года Пушкину позволено было жить въ Петербургѣ. Здѣсь начинается послѣднее десятилѣтіе его краткаго вѣка при совершенно новыхъ условіяхъ: на него обращены взоры не только всей Россіи, но и самого монарха, который, оцѣнивъ геніальнаго писателя, оказываетъ ему высокое благоволеніе. Въ полномъ сознаніи своихъ силъ, Пушкинъ развиваетъ отнынѣ дѣятельность, которая изумляетъ насъ какъ размѣрами своими, такъ и разнообразіемъ. За множествомъ мелкихъ его стихотвореній этой эпохи невозможно слѣдить въ краткомъ очеркѣ; можно указывать лишь на крупныя его произведенія. Въ 1828 г. онъ кончаетъ VII главу *Евгенія Онегина* и съ необыкновенной быстро-

той создаетъ *Полтаву*. Частыя перемѣны мѣстопребыванія и новыя обстоятельства жизни, не уменьшая его дѣятельности, служатъ ему только поводомъ къ новымъ твореніямъ.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Москву, въ 1828 году, онъ пораженъ красотою дѣвицы Наталіи Николаевны Гончаровой и въ слѣдующемъ году просить ея руки. Неполный успѣхъ этого предложенія подаетъ ему мысль предпринять второе путешествіе на Кавказъ, откуда онъ отправляется на театръ турецкой войны, къ фельдмаршалу графу Паскевичу, и памятниками этого любопытнаго эпизода его жизни являются впоследствии: замѣчательное описаніе *путешествія въ Арзрумъ* въ прозѣ и неконченная поэма *Галубъ* въ стихахъ. Въ 1830 году, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, онъ получаетъ согласіе Гончаровой, и 18-го февраля 1831 вѣнчается съ нею въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенья. По поводу предстоящей женитьбы, отецъ Пушкина выдѣлилъ ему свое родовое помѣстье Болдино (200 душъ) въ Нижегородской губерніи. Для вступленія во владѣніе этимъ имѣніемъ, поэтъ отправился туда осенью 1830 года, во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры. Эта поѣздка замѣчательна по множеству сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ, которыя были написаны тамъ въ короткое время. Къ числу ихъ принадлежали: нѣсколько *драматическихъ* трудовъ, *Повѣсти Вълкина*, *Домикъ въ Коломнѣ*, *Лѣтопись села Горохина*, *Моя родословная*. Тогда же окончена была послѣдняя глава *Евгенія Онегина*. Первое лѣто послѣ женитьбы проведено было въ дорогомъ Пушкину, по воспоминаніямъ, Царскомъ Селѣ. вмѣстѣ съ Жуковскимъ, прибывшимъ туда же съ высочайшимъ Дворомъ, Пушкинъ обратился къ новому для нихъ обоихъ роду поэзіи и написалъ нѣсколько сказокъ въ народномъ духѣ. Въ это же время написаны имъ двѣ патріотическія пьесы *Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина*. Болѣе и болѣе склоняясь къ историческимъ трудамъ, онъ тогда же возымѣлъ мысль приняться за исторію любимаго своего героя Петра Великаго, уже воспѣтаго имъ въ поэмѣ *Полтава*. Государь, одобривъ это предпріятіе, повелѣлъ открыть

ему доступъ въ государственные архивы. Вслѣдъ за тѣмъ Пушкинъ снова былъ зачисленъ, по высочайшей волѣ, въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 5,000 руб. асс. въ годъ. Эта милость доставляла ему существенную помощь въ его экономическихъ затрудненіяхъ, естественно увеличившихся со времени его женитьбы, при лежавшихъ на немъ долгахъ и дороговизнѣ столичной жизни съ потребностями нѣкоторой роскоши, къ которымъ привыкла молодая жена. Для удовлетворенія ихъ, деньги, выручавшіяся съ продажи его сочиненій, были далеко недостаточны, хотя книгопродавцы и журналисты уже довольно щедро оплачивали его рукописи.

Къ 1832 и началу 1833 г. относится повѣсть *Дубровскій*; къ послѣдному, кромѣ того: *Родословная моего героя*, *Мѣдный всадникъ*, *Русалка* и *Анджело*.

Съ зимы 1832 Пушкинъ посвящаетъ большую часть своего времени занятіямъ въ архивахъ. Встрѣтивъ, при этомъ, матеріалы для исторіи Пугачевского бунта, еще никѣмъ не затронутой, Пушкинъ рѣшился прежде всего обработать ее въ видѣ отдѣльнаго этюда, а рядомъ съ этой работой, какъ дополненіе ея, написалъ бытовую повѣсть изъ эпохи Пугачевщины, подъ заглавіемъ *Капитанская дочка*. Чувствуя необходимость побывать на сценѣ дѣйствія, онъ осенью 1833 г. испросилъ отпускъ въ Казань и Оренбургъ, осматривалъ мѣстности, спрашивалъ старожлоу, и въ концѣ ноября, возвратясь въ Петербургъ, представилъ государю въ рукописи свою *Исторію Пугачевского бунта*. Въ послѣдній день того же года императоръ Николай повелѣлъ выдать ему заимообразно 20 т. р. на напечатаніе этого труда и въ то же время пожаловалъ автора въ камеръ-юнкеры. На покрытіе же издержекъ, сопряженныхъ съ жизнью при Дворѣ и въ высшемъ обществѣ, ему, въ 1835 г., даровано было въ ссуду 30 т. руб. асс. безъ процентовъ, съ вычетомъ этого долга изъ его жалованья.

Въ 1836 г. къ прежнимъ занятіямъ и заботамъ Пушкина присоединились новыя. Низкій уровень, на которомъ находилась

наша литература и особенно критика, давно уже внушала поэту и друзьямъ его мысль основать свой особый органъ для противодѣйствія людямъ, присвоившимъ себѣ вредную монополію въ журнальномъ дѣлѣ. Съ этою же цѣлію Пушкинъ, по снятіи съ него опалы, принялъ горячее участіе, сперва въ *Московскомъ Телеграфѣ* Полевого, затѣмъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Погодина, а позднѣе въ *Литературной Газетѣ* барона Дельвига, въ которой, какъ прежде и въ *Телеграфѣ*, помѣщалъ колкія замѣтки противъ ложнаго направленія и меркантильнаго духа тогдашней журналистики. Къ этимъ соображеніямъ присоединялась и забота о матеріальныхъ выгодахъ, заставлявшая Пушкина мечтать объ изданіи политической и литературной газеты, для которой имъ уже была выработана и программа. Когда же этотъ планъ не удался, то онъ испросилъ разрѣшеніе издавать чисто литературный журналъ и основалъ трехмѣсячный *Современникъ*, котораго при жизни его, въ теченіе 1836 года, вышло четыре книги. Однакожь это изданіе, по своему спокойному и умѣренному характеру, не имѣло большого успѣха и не поправило дѣлъ Пушкина.

Между тѣмъ зависть и вражда къ поэту не дремали, подстрекаемая иногда съ его стороны язвительными выходками и стихами, отъ привычки къ которымъ онъ не могъ вполне отрѣшиться. Одно изъ такихъ стихотвореній¹⁾ навлекло на него непримиримую ненависть графа С. С. Уварова. Другимъ заклятымъ врагомъ Пушкина была одна дама высшаго круга, салонъ которой служилъ сборнымъ мѣстомъ всего дипломатическаго корпуса. Злорѣчіе, давно направленное противъ семейной жизни поэта, разразилось наконецъ, въ ноябрѣ 1836 года, оскорбительными для Пушкина подметными письмами. Къ несчастію онъ, при всей возвышенности своихъ помысловъ, при глубоко религіозномъ настроеніи, которое усвоилъ себѣ въ послѣдніе годы, не умѣлъ побѣдить мелкаго тщеславія и суетности, заставляв-

¹⁾ На выздоровленіе Жуулла.

шихъ его приносить столько жертвъ большому свѣту, не умѣлъ отнестись къ клеветѣ съ мудрымъ презрѣніемъ и хладнокровіемъ. Адскій умыселъ, руководившій неизвѣстнымъ авторомъ подметныхъ писемъ, вполне достигъ своей цѣли: кипя гнѣвомъ и ревностью, взволнованный до изступленія, Пушкинъ на оскорбленія отвѣчалъ оскорбленіями же и такимъ образомъ вынудилъ обвиняемаго имъ въ распространеніи тѣхъ писемъ иностранца Дантеса прислать ему вызовъ: несмотря на всѣ старанія друзей поэта, особенно Жуковского, предупредить кровавую развязку, дѣло кончилось дуэлью 27-го января 1837 года. Пушкинъ былъ смертельно раненъ въ правый бокъ пулею изъ пистолета и черезъ два дня скончался въ страшныхъ мученіяхъ. На смертномъ одрѣ онъ имѣлъ отраду испытать великодушное участіе государя, приславшаго къ нему лейбъ-медика Арндта и собственноручную записку, въ которой объявилъ ему милостивое прощеніе, совѣтовалъ умереть христіаниномъ и обѣщалъ свое покровительство его семейству. На погребеніе Пушкина выдано было 10,000 р. асс., съ его наслѣдниковъ сложенъ весь лежавшій на немъ долгъ и сверхъ того пожаловано 50 т. р. асс. на напечатаніе его сочиненій, съ продажи которыхъ выручка опредѣлена на составленіе отдѣльнаго капитала въ пользу дѣтей покойнаго. Въ то же время два сына его зачислены въ Пажескій корпусъ, и какъ имъ, такъ и вдовѣ, назначены пенсіи. Такъ проникательный монархъ умѣлъ оцѣнить заслуги русскому просвѣщенію великаго поэта, которому суждено было украсить его царствованіе.

Въ предыдущемъ изложеніи очерчены главнымъ образомъ вѣщнія обстоятельства жизни Пушкина. Обыкновенно біографіи писателей не представляютъ съ этой стороны большого разнообразія и интереса. Въ жизни Пушкина мы видимъ противное, благодаря его пылкой, страстной природѣ въ соединеніи съ геніальностью. Люди этого рода рѣдко уживаются со средою, въ которую они поставлены. Примѣромъ тому могутъ служить другіе два писателя: Ломоносовъ и Державинъ. Крутыя перемены въ жизни Пушкина были всякій разъ вызываемы его

столкновеніями съ дѣйствительностью. Какъ удаленіе его на югъ было слѣдствіемъ своенравныхъ увлеченій его таланта, какъ послѣдующая ссылка его въ деревню имѣла причиною неправильное его отношеніе къ чуждому для него служебному поприщу, такъ и виною самой смерти его было его ненормальное положеніе въ большомъ свѣтѣ. Такимъ образомъ вся жизнь Пушкина, съ краткими промежутками успокоенія, можетъ назваться бурною. Въ горнилѣ страстей развивался съ необычайной быстротою его гений, требовавшій непрерывной дѣятельности. Только этуго неодолимою потребностью творчества объясняется его плодовитость, позволившая ему въ краткій 25-тилѣтній срокъ (начиная съ 13-тилѣтнаго возраста) оставить потомству такое богатое литературное наслѣдіе, которое въ жизни менѣе сильнаго дарованія потребовало бы цѣлаго ряда десятилѣтій: многіе знаменитые писатели начали создавать важнѣйшія свои произведенія только съ того возраста, въ которомъ Пушкинъ кончилъ свое земное поприще. Слѣдя за развитіемъ этого мощнаго духа, мы не можемъ не замѣчать, какъ въ каждомъ изъ періодовъ его творчества, на которое жизнь его дѣлится самыми событіями, созданія его становятся все зрѣлѣе и глубже. Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется своими особыми чертами. Главныя изъ такихъ чертъ указаны выше, при описаніи его жизни. Въ послѣднемъ ея періодѣ гений его достигаетъ полной возмужалости и самостоятельности. Ложныя сужденія тогдашней близорукой и пристрастной критики уже не могутъ поколебать его сознанія въ своей исполинской мощи: онъ ищетъ одобренія въ одномъ собственномъ судѣ своемъ. Во всѣхъ родахъ литературы онъ является первостепеннымъ мастеромъ и неподражаемымъ художникомъ. Отъ лирической поэзіи онъ смѣло переходитъ къ эпосу и драмѣ на твердой національной почвѣ, и наконецъ останавливается почти исключительно на эпическомъ родѣ и на исторіи. Стихъ его, сохраняя прежнюю звучность и образность, пріобрѣтаетъ еще большую сжатость и изящную простоту. Такова и проза его, въ мужественной простотѣ своей достигающая небывалой прелести.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и душевное настроеніе его становится все возвышеннѣе и чище, и при сильномъ патріотическомъ одушевленіи принимаетъ глубоко-религіозный отгѣнокъ. Съ такими задатками совершенства чего нельзя было ожидать отъ поэта въ лучшую пору его жизни? Но не даромъ онъ, въ какомъ-то ясновидящемъ предчувствіи, лихорадочно спѣшилъ создавать; не даромъ мысль о смерти давно занимала его и все съ новой настойчивостью къ нему возвращалась. Судьба его была — явиться въ мірѣ русской мысли яркимъ метеоромъ и навѣки обогатить русскій народъ дивными дарами своего генія.

VI.

ЛИЧНОСТЬ ПУШКИНА, КАКЪ ЧЕЛОВѢКА ¹⁾.

Гоголь въ одномъ письмѣ къ старинному другу Пушкина, Нащокину, говорилъ: «Свѣтъ остается навсегда при разѣ установленномъ отъ него же названіи. Ему нѣтъ нужды, что у повѣсы была прекрасная душа, что въ минуты самыхъ повѣсничествъ сквозили ея благородныя движенія, что ни одного безчестнаго дѣла имъ не было сдѣлано, что бывшій повѣса уже давно умудренъ опытомъ и жизнію, что онъ уже не юноша, но отецъ семейства, выполняющій строго свои обязанности къ Богу и къ людямъ» и т. д. Эти слова были сказаны какъ будто съ мыслью о Пушкинѣ. Легкое направленіе поэзіи его въ первые годы по выпускѣ изъ лица, нѣкоторые стихи, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ Вольтера и другихъ писателей XVIII вѣка, принесъ дань юношескимъ увлеченіямъ, были причиною, что на Пушкина стали смотрѣть какъ на вольнодумца и безбожника. Эта репутація въ глазахъ многихъ оставалась за нимъ не только въ позднѣйшіе періоды его творчества, когда въ его образѣ жизни, въ его воззрѣніяхъ и общемъ направленіи его поэзіи давно совершился рѣшительный переворотъ, но, къ удивленію нашему, отчасти еще и теперь держится, по крайней мѣрѣ въ средѣ людей, которые никогда серьезно не изучали Пушкина. Между тѣмъ для

¹⁾ Читано въ собраніи Общества любителей російской словесности, въ Москвѣ, 7-го іюня 1880 года.

наблюдательнаго взора даже и въ молодости его сквозь видимое легкомысліе и беззабѣтную веселость проглядываетъ серьезное настроеніе и строгій взглядъ на жизнь. Такая противоположность отражалась и въ наружности Пушкина. Одинъ изъ современниковъ его¹⁾, рассказывая о первыхъ своихъ впечатлѣніяхъ при встрѣчѣ съ нимъ въ Кишиневѣ, говоритъ, что это былъ молодой человѣкъ необыкновенно живой въ своихъ приемахъ, часто смѣющийся въ избыткѣ непринужденной веселости и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе.

Въ Пушкинѣ уже съ ранняго возраста какъ будто таилось предчувствіе краткости отмежеваннаго ему вѣка: онъ спѣшилъ и жить и создавать, какъ бы угадывая, что ему предназначенъ жребій прославиться, наполнить міръ блескомъ своего имени и вдругъ погибнуть въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ: крайне щекотливое чувство чести много разъ заставляло его рисковать жизнью и наконецъ привело къ роковой развязкѣ. Пылкая природа его не знала мѣры еще въ годы его воспитанія. Изъ рассказовъ его лицейскихъ товарищей и наставниковъ извѣстно, что онъ, сознавъ свой талантъ, въ послѣднее время пребыванія въ лицей съ лихорадочнымъ жаромъ предавался страсти къ поэзій, день и ночь думалъ о стихахъ и даже разъ во снѣ сочинилъ два удачные стиха, включенные имъ потомъ въ одну изъ тогдашнихъ пьесъ его. Слывя въ лицей повѣсою, онъ однакожъ никогда не былъ празднымъ, съ удивительною быстротою навсегда усваивалъ себѣ все, что повидимому бѣгло читалъ или слышалъ. «Ни одно чтеніе, ни одинъ разговоръ, ни одна минута размышленія, говоритъ Плетневъ, не пропадали для него на цѣлую жизнь». Вопреки тому, что мы обыкновенно встрѣчаемъ даже въ даровитыхъ людяхъ, у Пушкина память была одинаково воспріимчива и для фактовъ и для словъ: онъ такъ же легко и прочно запоминалъ историческія событія и анекдоты о знаменитыхъ людяхъ, какъ и новые звуки и формы иностраннаго языка. Лицей-

¹⁾ В. П. Горчаковъ.

скія стихотворенія Пушкина представляютъ между прочимъ одну любопытную черту: въ нихъ можно найти слѣды того, что онъ уже тогда самъ понималъ неосновательность взгляда, который сквозь оболочку юношеской вѣтрености не замѣчалъ въ немъ совсѣмъ другого рода основы. Такъ еще передъ выходомъ изъ лица онъ говорилъ въ своемъ посланіи къ гусару Каверину:

Все чередой идетъ опредѣленной,
 Всему пора, всему свой мигъ;
 Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
 Смѣшонъ и юноша степенный...¹⁾.

Здѣсь 18-ти лѣтній поэтъ обнаруживаетъ уже замѣчательное самосознаніе и психологическую наблюдательность. О тогдашнемъ внутреннемъ мірѣ его даетъ понятіе читанная имъ на выпускномъ экзаменѣ пьеса «Безвѣріе». Во второй половинѣ ея изображено безотрадное состояніе невѣрующаго. Очень ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что эта пьеса, какъ написанная для случая, не можетъ служить вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительнаго образа мыслей поэта. Пушкинъ никогда не умѣлъ притворяться, не умѣлъ, особенно въ стихахъ, говорить что-нибудь для виду или для угожденія другимъ: правдивость и искренность составляли одну изъ господствующихъ сторонъ нравственнаго существа его; онъ самъ называлъ себя «врагомъ стѣснительныхъ* условій и оковъ».

По выходѣ изъ лица поэтъ посреди шумныхъ развлеченій столицы, въ кругу легкомысленныхъ друзей, не переставалъ читать и учиться; развитіе его души и таланта шло съ усиленной быстротой, и въ концѣ 1819 года, 20-ти лѣтъ отъ роду, онъ уже самъ сознавалъ въ себѣ новаго человѣка. Это прекрасно выразилось тогда же въ пьескѣ, напечатанной только девятью годами позже, подъ заглавіемъ «Возрожденіе», гдѣ онъ сравниваетъ

¹⁾ См. выше, стр. 33.

себя съ картиной мастера, надъ которой какой-то бездарный живописецъ намалевалъ было новое изображеніе:

Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей:
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Между тѣмъ однакожъ своенравный геній поэта увлекалъ его иногда къ созданіямъ, бывшимъ въ рѣзкомъ противорѣчій какъ съ собственными его основными понятіями, такъ и съ общественными условіями, посреди которыхъ онъ жилъ, и надъ головою его собралась грозная туча. Къ счастью, она не сдѣлалась для него гибельною: удаленіе его изъ Петербурга было чрезвычайно плодотворно и для поэзіи его и для нравственнаго перерожденія. Это событіе, безъ сомнѣнія, глубоко потрясшее впечатлительную душу юноши, не могло не пробудить въ немъ грустныхъ размышленій, не заставитъ его задуматься надъ жизнью и судьбой человѣка, а наглядное знакомство съ живописной природой юга Россіи, съ разнохарактерными племенами ея и съ провинціальнымъ обществомъ должно было дать новый, сильный толчокъ и такъ уже далеко опередившему годы развитію Пушкина. Въ Кишиневѣ, несмотря на множество случаевъ къ разсѣянной жизни, у него болѣе нежели въ столицѣ оставалось времени для занятій: это принужденное уединеніе естественно оживило въ немъ охоту къ умственному труду, и вотъ какъ самъ онъ отдаетъ отчетъ о томъ въ посланіи къ бывшему царскосельскому другу, гусару Чаадаеву:

Оставля шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ...

Въ уединеніи мой своенравный геній
 Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
 Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ дружень умъ,
 Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
 Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
 Мятежной младостью утраченные годы
 И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ...

Съ этихъ-то поръ особенно въ Пушкинѣ становится замѣтно сочетаніе рѣдкаго поэтического таланта съ любознательностью; онъ глубоко изучаетъ каждый предметъ, котораго коснется; потребность эта скоро приводитъ его къ заимствованію предметовъ для поэзіи изъ исторіи и наконецъ обращаетъ его къ чисто историческимъ трудамъ: плодомъ новаго направленія его былъ рядъ поэмъ, гдѣ съ каждымъ шагомъ видимо зрѣетъ и мысль его и художественное пониманіе. Можно сказать, что въ нихъ поэтъ уподобляется сказочному богатырю, растущему не по днямъ, а по часамъ: неудивительно, что самъ онъ какъ будто ежеминутно замѣчалъ полетъ времени надъ собою и на 22 году жизни уже готовъ былъ оплакивать улетѣвшую юность. «Я перевариваю воспоминанія», писалъ онъ въ эту пору Дельвигу, «и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, *подъ старость нашей молодости* какъ не воспоминаніями?» Въ 25 лѣтъ Пушкинъ является намъ уже совершенно остепенѣвшимъ, трудолюбивымъ, осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ. Изъ писемъ его, относящихся къ этой эпохѣ, когда онъ приступалъ къ созданію *Бориса Годунова*, видно, съ какою трезвостію ума, съ какимъ глубоко-критическимъ смысломъ онъ всматривался въ изучаемыя имъ произведенія отечественной и иностранной, особенно англійской литературы; уже Байронъ его не удовлетворяетъ и онъ все свое сочувствіе отдаетъ Шекспиру. Углубляясь въ русскія лѣтописи, онъ такъ опредѣляетъ ихъ характеръ, воспроизведенный имъ въ лицѣ Пимена: «умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ

власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышать въ сихъ драгоценныхъ памятникахъ время давно минувшихъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что такое добросовѣстное приготовленіе Пушкина къ выполненію его художественныхъ задачъ не могло не наложить печати зрѣлости не только на его талантъ, но и на всю нравственную физиономію его. Между прочимъ оно утвердило въ немъ правильный взглядъ на прошлое, на дѣятельность нашихъ предшественниковъ, и онъ въ своихъ замѣткахъ набросалъ эти слова, которыхъ нельзя довольно повторять въ наше время: «Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда нашего сердца?.. Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго». Когда явился его блестящій разсказъ *Графъ Нулинъ*, и журнальная критика обрадовалась случаю пощеголять своимъ цѣломудріемъ, то обвиненіе поэта въ безнравственности содержанія глубоко оскорбило его, какъ видно изъ найденныхъ въ его бумагахъ возраженій, въ которыхъ онъ объясняетъ своимъ противникамъ, что такое безнравственное сочиненіе и какая разница между нравственностью и правоученіемъ.

Рукописи Пушкина, оставшіяся послѣ его смерти, служатъ краснорѣчивыми документами его необыкновеннаго трудолюбія. По безчисленнымъ поправкамъ въ его произведеніяхъ можно судить, какъ не легко онъ удовлетворялся тѣмъ, что выходило изъ-подъ пера его, какъ шло къ нему самому названіе *взыскательный художникъ*, употребленное имъ въ одномъ изъ его сонетовъ, какихъ наконецъ усилій стоило ему то совершенство формы, та ровность отдѣлки, которыхъ онъ достигалъ во всѣхъ своихъ стихахъ. И это упорство въ работѣ тѣмъ изумительнѣе, что намъ извѣстно, какою пламенною душою онъ былъ одаренъ, какъ охотно онъ предавался развлеченіямъ общества и наслажденіямъ природою. Въ одной замѣткѣ его о разныхъ родахъ поэзіи наше вниманіе невольно останавливается на выраженіи: «Безъ постоянного труда нѣтъ истинно великаго».

Хотя Пушкинъ никогда не рисовался своими душевными качествами, но есть много доказательствъ его сердечной доброты и человѣколюбія. Такъ въ письмѣ къ брату своему Льву Сергѣевичу, писанномъ по поводу перваго извѣстія о петербургскомъ наводненіи 1824 года, онъ послѣ размышленій и шутокъ, вызванныхъ прискорбнымъ событіемъ, вдругъ перемѣняетъ тонъ: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ. Онъ вовсе не такъ забавенъ. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ онѣгинскихъ денегъ, но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго». Въ слѣдующемъ году, прочитавъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», что слѣпой священникъ перевелъ книгу Сираха и издастъ свой трудъ по подпискѣ, онъ поручаетъ брату подписаться на нѣсколько экземпляровъ. Его отношенія къ Льву Сергѣевичу были истинно братскія, — болѣе того: будучи 7-ю годами старше его, онъ питаетъ къ нему нѣжную, какъ бы родительскую любовь, выражающуюся то въ заботливости о его образованіи, то въ совѣтахъ житейскаго благоразумія. Сердясь на брата за легкомысліе и неряшество въ исполненіи порученій, онъ при первомъ свиданіи все забываетъ, платитъ долги его и не щадитъ хлопотъ, чтобы выводить его изъ затрудненій, въ которыя тотъ по своей винѣ безпрестанно попадаетъ.

Такое же сочувствіе внушаетъ намъ Пушкинъ постоянствомъ своей сердечной привязанности къ старой нянѣ, къ которой онъ такъ часто возвращается въ стихахъ своихъ, черты которой въ фантазіи его сливаются съ образомъ вдохновляющей его музыки, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ писанныхъ еще въ лицѣ:

Наперсница волшебной старины,

.....

Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ

Являлась ты веселою старушкой,

И надо мной сидѣла въ шупунѣ,

Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.

Ты, дѣтскую качая колыбель,

Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пелень оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.

Любящее сердце Пушкина просвѣчиваетъ и въ житейскихъ его отношеніяхъ и въ дружеской перепискѣ, даже въ добродушной шутливости ея. Въ его письмахъ къ Нащокину, относящихся къ счастливымъ годамъ его женитьбы, есть мѣста драгоцѣнныя по своей простотѣ и искренности. Такъ въ 1835 году, обрадованный полученіемъ длиннаго письма отъ московскаго друга своего, онъ ему отвѣчаетъ:

«Говорятъ, что несчастье хорошая *школа*: можетъ быть. Но счастье есть лучшей *университетъ*. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ добруму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, *какова и моя*, какъ тебѣ извѣстно!» Вотъ какъ Пушкинъ понималъ самого себя, и мы не можемъ не признать этой оцѣнки вѣрною.

Одну изъ отличительныхъ чертъ его личности составляло благородство, замѣчаемое въ поведеніи его еще въ юности, которую онъ въ одномъ стихотвореніи не даромъ назвалъ гордою. Покойный Плетневъ, бывшій въ весьма частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Пушкинымъ, свидѣтельствуетъ: «Въ жизни честь, можно сказать, рыцарская была основаніемъ его поступковъ, и онъ не отступалъ отъ своихъ понятій о ней ни одного разу въ жизни, при всѣхъ искушеніяхъ и перемѣнахъ судьбы своей». Равнымъ образомъ и въ его поэзіи серьезная и безпристрастная критика никогда еще не могла отыскать слѣдовъ нравственнаго униженія.

Въ глубинѣ души его смолоду теплилось искреннее религіозное чувство. Уклоненія его въ противоположную сторону были не болѣе какъ либо мимолетныя сомнѣнія, лпбо юношескія шалости, въ которыхъ онъ въ позднѣйшіе годы горько раскаивался. Любопытно имъ самимъ переданное замѣчаніе въ разговорѣ съ человѣкомъ другихъ убѣжденій: «Сердце мое склонно къ матеріализму, но умъ отвергаетъ его». Извѣстнымъ стихамъ его:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

могутъ быть противопоставлены не только его же стансы, написанные въ отвѣтъ на укоръ митрополита Филарета, но и другіе гораздо менѣе распространенные и болѣе ранніе стихи его:

Ты сердцу непонятный мракъ,
Пріють отчаянья слѣпого,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покова!
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не зная отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя.
Ты чуждо мысли человѣка,
Тебя страшится гордый умъ!..
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной!

Такое настроеніе сопровождалось въ душѣ Пушкина наклонностью къ суевѣрію и расположеніемъ объяснять самые простые житейскіе случаи таинственными причинами, что впрочемъ составляетъ естественную черту поэтическихъ, одаренныхъ богатою фантазією натуръ. Извѣстно, напр., какое значеніе онъ придавалъ совпаденію нѣкоторыхъ событій его жизни съ днемъ праздника Вознесенія. (Мимоходомъ замѣтимъ, что его собственное показаніе о рожденіи своемъ въ этотъ день подтверждаетъ вѣрность факта, что онъ родился въ четвергъ 26 мая, число, на которое падалъ этотъ праздникъ въ 1799 г.). О сочувствіи Пушкина къ религіозности свидѣтельствуетъ между прочимъ статья его о Байронѣ, въ которой онъ старается оправдать британскаго поэта отъ упрековъ въ безвѣріи и замѣчаетъ, что можетъ-быть скептицизмъ его былъ только временнымъ своенра-

віемъ ума, иногда идущаго противъ внутренняго убѣжденія. Съ лѣтами религиозное чувство Пушкина становилось все теплѣе, все явственнѣе отражалось въ его поэзіи. Въ послѣдніе годы жизни однимъ изъ любимыхъ занятій его сдѣлалось чтеніе евангелія и молитвъ православной церкви; нѣкоторыя изъ нихъ, поражавшія его своимъ поэтическимъ достоинствомъ, заучивались имъ наизусть; одна переложена была даже въ стихи.

Приходило къ концу второе десятилѣтіе самостоятельной жизни поэта со времени его выпуска изъ лицея. Нельзя безъ изумленія остановиться на томъ фактѣ, что все великое, совершенное Пушкинымъ въ литературѣ, есть плодъ только двухъ съ небольшимъ десятилѣтій дѣятельности — отъ 1814 до начала 1837 года. Его нѣкогда столь веселая и шаловливая муза принимала все болѣе задумчивый характеръ. Ничто не выражаетъ этого перехода такъ наглядно, какъ двѣ первыя строфы стиховъ, приготовленныхъ имъ къ послѣдней при жизни его лицейской годовщинѣ, въ 1836 году.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй;
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ,
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился,
Сталъ глуше звонъ его задравныхъ чашъ.
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ,
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Извѣстно, что Пушкинъ, при чтеніи этихъ стиховъ за столомъ, отъ волненія не могъ кончить ихъ, и пересѣвъ на диванъ, закрылъ лицо руками. Уже и за пять лѣтъ до того стихи, читанные имъ на лицейскомъ праздникѣ, отличались такимъ же отгѣнкомъ грусти: насчитавъ шесть опустѣвшихъ мѣстъ въ кругу своихъ товарищей, онъ задумчиво говорилъ:

И мнится, очередь за мною...
Зоветь меня мой Дельвигъ милый.

Давно уже его преслѣдовала мысль о смерти:

День каждый, каждую минуту
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ...

Своею кончиною Пушкинъ вполне искупилъ тѣ страстные порывы, тѣ заблужденія сердца и ума, которыя только въ глазахъ неумолимо-строгихъ судей его бурной молодости могутъ омрачить его память. Посреди страшныхъ мукъ на смертномъ одрѣ онъ явилъ и изумительную силу духа въ стойческомъ самообладаніи, и истинно-христіанскую кротость, и трогательную нѣжность семьянина. Побѣждая нестерпимую боль, онъ удерживался отъ стоновъ, чтобы не смущать жены, и говорилъ, что стыдно было бы дать пересилить себя такому вздору. Благодарность къ царю, прощеніе враговъ, заботливость объ оставляемой имъ семьѣ, полное примиреніе съ самимъ собою, таково было настроеніе, которое наполняло душу Пушкина въ послѣднія минуты жизни; такъ разстался онъ съ этимъ міромъ, гдѣ пожиравшее его пламя было для него источникомъ и столькихъ наслажденій, гдѣ онъ оставилъ столь блестящій и неизгладимый слѣдъ своего существованія на радость грядущимъ поколѣніямъ. Біографъ

Пушкина П. В. Анненковъ справедливо называетъ его кончину «событіемъ, исполненнымъ драматической силы и глубокой нравственной идеи».

Послѣ всего, что далъ Пушкинъ своему народу и человечеству, послѣ его труженической жизни, послѣ его мученической смерти у кого еще станетъ духу упрекать за ошибки юности эту почтенную тѣнь, являющуюся намъ въ двойномъ ореолѣ терпѣнія и страданія? Кто не благословитъ съ умиленіемъ память этого великаго писателя, навѣки связавшаго свое имя съ судьбами русскаго искусства?

VII.

ПРИГOTOВИТЕЛЬНЫЯ ЗАНЯТІЯ ПУШКИНА

• для историческихъ трудовъ ¹⁾.

Исторія Пугачевского бунта была издана Пушкинымъ въ концѣ 1835 года съ предисловіемъ, которое помѣчено: «2 ноября 1833 г. Село Болдино» ²⁾).

Въ этомъ предисловіи онъ говоритъ, что сверхъ официальныхъ документовъ, обнародованныхъ правительствомъ, и извѣстій иностранныхъ писателей, онъ пользовался нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Далѣе изъ этого же предисловія видно, что дѣло о Пугачевѣ осталось тогда не распечатаннымъ. Пушкинъ прямо упоминаетъ о томъ и изъявляетъ надежду, что будущему историку, которому позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправить и дополнить его трудъ.

Какими же рукописями пользовался Пушкинъ? Въ своемъ возраженіи на критику Броневского, напечатанную въ *Сынъ Оте-*

¹⁾ Напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1862 года.

²⁾ Объявленіе о продажѣ ея помѣчено въ фельетонѣ *Съверной Пчелы*, 29 декабря 1834 г., № 296. Цѣна книги была 20 р., а съ пересылкою 22 р. (ассигн.). Рукопись этого сочиненія, составляющая толстую листовую тетрадь, но только отчасти писанная самимъ Пушкинымъ, хранится нынѣ въ Императорской Публичной библиотекѣ. Предисловіе переписано рукой товарища Пушкина по лицу, М. Л. Яковлева. Между приложеніями подшиты печатные листы изъ книги: *Записки о жизни и службѣ Вибикова*.

чества, онъ говоритъ: «я прочелъ со вниманіемъ все что было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in folio разныхъ рукописей, указовъ, донесеній и пр.»

Въ матеріалахъ для біографіи Пушкина, изданныхъ Анненковымъ (стр. 360), сказано, что онъ получилъ право сноситься съ С.-Петербургскимъ архивомъ Инспекторскаго департамента и съ Московскимъ отдѣленіемъ его; что вмѣстѣ съ тѣмъ ему открытъ былъ главный Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которому посвятилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ 1836 г., и что съ сокровищами Государственнаго архива онъ ознакомился подъ руководствомъ и наблюденіемъ графа Д. Н. Блудова. Въ этихъ указаніяхъ не довольно точно обозначены эпохи и дѣли занятій Пушкина въ разныхъ архивахъ.

Главными и почти единственными рукописными источниками при названномъ трудѣ служили ему документы, хранящіеся въ архивѣ Инспекторскаго департамента Военнаго министерства, частью въ С.-Петербургѣ, частью въ Москвѣ¹⁾. Они состоятъ большею частію въ перепискѣ Военной коллегіи съ мѣстными начальниками, въ бумагахъ, касающихся преимущественно численнаго состава и передвиженія войскъ, въ манифестахъ Пугачева и допросахъ нѣкоторымъ изъ его сообщниковъ. Притомъ, въ этихъ книгахъ болѣе обильные матеріалы относятся только къ первой половинѣ бунта, которая потому и разработана у Пушкина съ большею полнотою и точностію нежели послѣдняя половина,—періодъ назначенія Панина, преслѣдованія Пугачева Михельсономъ, поимки самозванца, слѣдствія и суда надъ нимъ. Вотъ почему и изъ документовъ этой второй эпохи Пушкинъ не напечаталъ почти ничего въ приложеніяхъ къ своей книгѣ.

Въ возраженіяхъ на критику Броневскаго онъ говоритъ, что имѣлъ намѣреніе приготовить второе, болѣе совершенное изданіе своего труда. «Я собирался», сказано въ самомъ началѣ этой анти-

¹⁾ Съ разрѣшенія бывшаго военнаго министра Д. А. Милютина, я имѣлъ въ рукахъ двѣ толстыя переплетенныя книги здѣшняго архива Инспекторскаго департамента, которыми пользовался Пушкинъ.

критики, «при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности»... Вотъ почему уже вскорѣ послѣ напечатанія Исторіи Пугачевского бунта Пушкинъ, конечно побуждаемый критикою, сталъ искать новыхъ матеріаловъ для изученія этой эпохи. Между прочимъ, зная объ участіи Державина въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева, онъ обращался къ родственникамъ поэта съ просьбою позволить ему просмотрѣть записки, а можетъ-быть и другія бумаги покойнаго относящіяся къ пугачевщинѣ. Объ этомъ свидѣтельствуя слѣдующія строки изъ письма вдовы Державина Дарьи Алексѣевны къ К. М. Бороздину, отъ 28 іюля 1834 г., изъ села Званки: «Благодарю тебя, душа моя Константинъ Матвѣевичъ, за увѣдомленіе въ разсужденіи моей бумаги. И я твоихъ же мыслей — оставить оное до моего возвращенія, тѣмъ болѣе что оная бумага и переписана въ скорости быть не можетъ. И такъ скажи, душа моя, объ этомъ Леониду ¹⁾, дабы онъ извинился передъ Пушкинымъ и сказалъ бы ему, что прежде моего приѣзда удовлетворить его нельзя по причинѣ той, что оная бумага не одно пугачевское дѣло въ себѣ заключаетъ, слѣдственно посему надо прежде оную разсмотрѣть, а безъ себя оное мнѣ сдѣлать не возможно». Вѣроятно, и по возвращеніи Дарьи Алексѣевны въ городъ, бумаги ея мужа не были доставлены Пушкину: по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для предположенія, чтобъ онъ были въ рукахъ его.

Счастливѣе былъ онъ въ своихъ стараніяхъ найти доступъ къ актамъ Государственнаго архива. Здѣсь кстати прослѣдимъ весь ходъ дѣла по допущенію его къ разнымъ хранилищамъ этого рода.

23 іюля 1831 года графъ Бенкендорфъ, по высочайшему повелѣнію, увѣдомилъ графа Нессельроде, чтобъ онъ опредѣлилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ «извѣстнаго нашего поэта *титularнаго советника* Пушкина» съ дозволеніемъ отыскивать въ

¹⁾ Леониду Николаевичу Львову, племяннику Державина по женѣ. Бороздинъ былъ женатъ на сестрѣ этого Львова, Прасковѣ Николаевнѣ.

архивахъ матеріалы для исторіи Петра I. Къ этому Бенкендорфъ присоединилъ свою просьбу назначить Пушкину жалованье.

Въ этой бумагѣ чинъ Пушкина означенъ былъ ошибочно. Въ запискѣ, представленной государю 12 января 1832 г., графъ Нессельроде, докладывая, что во исполненіе высочайшей воли *коллежскій секретарь* Пушкинъ опредѣленъ въ коллегію и потомъ пожалованъ въ титулярные совѣтники, испрашивалъ благоугодно ли, чтобъ ему открыты были и всѣ секретныя бумаги, какъ-то: о первой супругѣ Петра, о царевичѣ Алексѣѣ, также дѣла бывшей тайной канцеляріи.

Государь рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, чтобы секретныя бумаги были открыты Пушкину не иначе какъ по назначенію графа Блудова¹⁾. Виѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было, чтобы Пушкинъ прочтеніемъ дѣлъ и составленіемъ изъ нихъ выписокъ занимался въ коллегіи и ни подъ какимъ видомъ не бралъ вообще ввѣряемыхъ ему бумагъ къ себѣ на домъ. Объ этомъ Нессельроде увѣдомилъ графа Дмитрія Николаевича 15 января, черезъ три дня послѣ доклада.

Между тѣмъ Пушкинъ возымѣлъ мысль написать исторію Суворова, и въ началѣ 1833 г. возникаетъ, вслѣдствіе этого, переписка по военному министерству. 8 февраля того же года графъ А. И. Чернышевъ, вѣроятно по поводу личнаго объясненія, просилъ его «увѣдомить, какія именно свѣдѣнія нужно будетъ ему получить» изъ этого министерства для сказанной цѣли. «Приношу вашему сіятельству», отвѣчалъ Пушкинъ, «искреннѣйшую благодарность за вниманіе оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго штаба:

- 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ.
- 2) Донесенія графа Суворова во время кампаніи 1794 г.
- 3) Донесенія его 1799 г.
- 4) Приказы его къ войскамъ.

¹⁾ Съ 1832 года министра внутреннихъ дѣлъ, а передъ тѣмъ товарища министра народнаго просвѣщенія и пр.

«Буду ожидать отъ вашего сіятельства позволенія пользоваться сими драгоценными матеріалами». (Письмо ошибочно помѣчено 7-мъ февраля, вѣроятно вмѣсто 9-го).

Означенныхъ тутъ дѣлъ въ здѣшнемъ архивѣ Инспекторскаго департамента не оказалось, и потому о нихъ тотчасъ же написано въ московское отдѣленіе архива, а между тѣмъ къ Пушкину отправлены 25 февраля, при отношеніи военнаго министра въ третьемъ лицѣ¹⁾, отысканныя здѣсь три книги, изъ которыхъ двѣ уже обозначены мною выше, а третья содержитъ письма и донесенія Суворова за 1789, 90 и 91 года.

Вскорѣ были присланы изъ Москвы донесенія Суворова во время кампаній 1794, 99 и частью 1800-го, а также реляціи его за два послѣдніе года. 8 марта эти матеріалы были препровождены къ Пушкину опять при такой же бумагѣ Военнаго министра, съ увѣдомленіемъ, что приказовъ Суворова къ войскамъ и слѣдственнаго дѣла о Пугачевѣ не находится и въ московскомъ отдѣленіи архива.

Пушкинъ въ тотъ же день отвѣчалъ графу Чернышеву:

«Доставленные мнѣ, по приказанію вашего сіятельства изъ московскаго отдѣленія Инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь беспокоить васъ еще одною просьбою: благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

«Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ Военную коллегію, такъ же какъ и рапортовъ князя Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его

¹⁾ «Его благородію А. С. Пушкину. Военный министръ, препровождая при семъ къ А. С. Пушкину три книги» и проч. Отпуски съ этого и другихъ отношеній къ Пушкину засвидѣтельствованы служившимъ тогда въ Военномъ министерствѣ М. Д. Деларю, также бывшимъ лицейскимъ воспитанникомъ и поэтомъ. Извѣстно, какъ онъ пострадалъ чрезъ нѣсколько времени за переводъ весьма невинныхъ стиховъ В. Гюго, напечатанный въ *Библи. для Чтенія*.

сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по конецъ того же года) приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодареніе.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣть быть» и проч.

Вслѣдствіе этого письма, были вытребованы изъ Москвы и доставлены Пушкину (29 марта) рапорты Бибикова, князя Голицына и Суворова за 1774 годъ; рапортовъ же Михельсона въ дѣлахъ Военнаго министерства не оказалось.

Бумаги, полученныя Пушкинымъ изъ этого вѣдомства и составлявшія двѣнадцать книгъ, оставались у него почти до конца 1835 г., то-есть еще годъ послѣ изданія сочиненія его о Пугачевскомъ бунтѣ. Въ сентябрѣ этого года дежурный генераль Главнаго штаба, графъ П. А. Клейнмихель, потребовалъ ихъ обратно, такъ какъ въ нихъ встрѣчалась по Инспекторскому департаменту надобность, Пушкину же онѣ, вѣроятно, болѣе не были нужны.

Пушкинъ въ то время находился въ Михайловскомъ. Приѣхавъ оттуда, онъ поспѣшилъ исполнить это требованіе, и 19 ноября написалъ къ генералу Клейнмихелю слѣдующее письмо:

«Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сіятельства графа Чернышева, возвращены мною въ Военное министерство.

«Обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ Главномъ штабѣ находится одна мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 г.). Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами: осмѣливаюсь просить на то соизволенія вашего высокопревосходительства.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть» и проч.

По приказанію генерала Клейнмихеля, въ архивѣ Инспекторскаго департамента наведена была справка объ упомянутой

Пушкинымъ книгѣ; но оказалось, что тамъ ея нѣтъ, и что она находится въ архивѣ Генеральнаго штаба (собственно Военно-топографическаго депо). Генераль Клейнмихель коротко отвѣчалъ Пушкину 29 января ¹⁾ 1836 года, что книги, которой онъ проситъ, «ни въ здѣшнемъ, ни въ московскомъ архивѣ Инспекторскаго департамента нѣтъ». Такимъ образомъ Пушкинъ, адресовавшись не туда, куда слѣдовало, не ознакомился съ книгой, которая дѣйствительно находится въ архивѣ Военно-топографическаго депо ²⁾, и этимъ кончилась переписка его съ военнымъ министерствомъ.

Переписка о дозволеніи пользоваться Государственнымъ архивомъ для исторіи Пугачевского бунта началась не прежде 1835 года, то-есть уже послѣ изданія книги объ этой эпохѣ. 2 февраля графъ Бенкендорфъ сообщилъ Д. В. Дашкову, какъ министру юстиціи, высочайшее повелѣніе о допущеніи камеръ-юнкера Пушкина въ сенатскій архивъ для прочтенія дѣла о Пугачевскомъ бунтѣ и составленія изъ него выписки.

Въ то время существовала временная комиссія для разбора дѣлъ сенатскаго архива, и такъ какъ на основаніи правилъ, данныхъ въ руководство этой комиссіи, пугачевское дѣло, какъ секретное, подлежало передачѣ въ Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, то Дашковъ испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія, какъ ему поступить относительно Пушкина. Государь приказалъ дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ въ восьми запечатанныхъ пакетахъ передать въ Государственный архивъ, и о допущеніи туда Пушкина увѣдомить графа Нессельроде, которому Дашковъ и сообщилъ объ этомъ 21 февраля.

Затѣмъ, конечно по соглашенію между обоими министерствами, дѣло о Пугачевѣ изъ сената доставлено было прямо къ Пушкину. Распечатавъ восемь связокъ, въ которыхъ оно заключалось, онъ не нашелъ въ нихъ главнѣйшаго, по его словамъ,

¹⁾ Роковой день кончины Пушкина въ слѣдующемъ году.

²⁾ См. статью мою: «*Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта*» во 2-й кн. *Записокъ Академіи Наукъ* 1862 года.

документа, — допроса, снятаго съ Пугачева въ Москвѣ. Поэтому Пушкинъ, письмомъ 28 августа того же года, просилъ завѣдывавшаго тогда Государственнымъ архивомъ Василія Алексѣевича Полѣнова, снестись о томъ съ начальникомъ архива Московскаго, А. Ѳ. Малиновскимъ, которому де вѣроятно извѣстно, гдѣ находится сей документъ.

Желаніе Пушкина было исполнено, хотя и не скоро. 20 сентября К. К. Родофиникинъ писалъ къ Малиновскому по этому предмету. Малиновскій отвѣчалъ, что въ Московскій архивъ никакихъ официальныхъ бумагъ о Пугачевѣ не поступало, но что въ архивской библиотекѣ находятся собранные приватно его предмѣстниками, Миллеромъ и Бантышъ-Каменскимъ, современные матеріалы: изъ портфеля Миллера шесть такихъ тетрадей, и томъ in-folio разныхъ бумагъ, внесенный въ архивъ Бантышъ-Каменскимъ въ 1808 году. Эти матеріалы были препровождены въ здѣшній Государственный архивъ, и конечно сообщены Пушкину.

По смерти его, графъ Бенкендорфъ, отношеніемъ 6 февраля 1837 г., просилъ графа Нессельроде доставить вѣдомость всѣмъ бумагамъ изъ разныхъ архивовъ, которыя были выданы Пушкину чрезъ министра Иностранныхъ дѣлъ. Нессельроде отвѣчалъ, что Пушкинъ занимался бумагами архивовъ въ самомъ домѣ министерства, для чего отведена была особая комната, и возвращалъ дѣла по мѣрѣ ихъ прочитыванія; не возвращенною же осталась только рукопись сочиненія Корба, которую графъ и просилъ доставить. За болѣзнію Бенкендорфа, Дубельтъ увѣдомилъ 24 марта, что между книгами и бумагами покойнаго поэта рукопись Корба не оказалась, и что онъ просилъ Жуковскаго возвратить эту рукопись, если она вполнѣдствіи отыщется.

Изъ всѣхъ этихъ сношеній видно, какъ серьезно нашъ геніальный писатель смотрѣлъ на предпринятый имъ трудъ, и какъ дѣятельно заботился объ усовершенствованіи его. Но, начавъ вскорѣ издавать журналъ, онъ не успѣлъ уже заняться разработкою новыхъ матеріаловъ, и самъ сомнѣвался въ возможности

передѣлать свою книгу; это видно изъ словъ той же антикритики, напечатанной въ 3-мъ томѣ *Современника* 1836 года. Пушкинъ тутъ говоритъ, что онъ рѣшился отвѣчать Броневскому, «тѣмъ болѣе что *Исторія Пугачевского бунта*, не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, *вѣроятно* не будетъ имѣть и второго изданія». Можно однакожь полагать, что такой строгій къ самому себѣ писатель какъ Пушкинъ рано или поздно возвратился бы къ своему труду, если бы тому не помѣшала ранняя смерть его; но какъ бы ни было, *Исторія Пугачевского бунта* осталась въ своемъ первоначальномъ видѣ. Недостатокъ знакомства съ самыми важными источниками не могъ не отразиться на этомъ сочиненіи, и надобно еще удивляться *относительному* обилію вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній собранныхъ Пушкинымъ, если вспомнить какъ мало времени онъ употребилъ на всю эту работу, и какъ мало имѣлъ навыка въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ иногда замѣтно, что онъ не вполне пользовался и тѣми матеріалами, какіе были въ рукахъ его, и довольствовался легкими, хотя и мастерскими очерками, когда можно было развить предметъ съ большею подробностью. Даже нѣкоторые изъ документовъ, имъ самимъ напечатанныхъ, остались у него какъ будто безъ приложенія къ дѣлу.

По словамъ самого Пушкина (въ отвѣтѣ Броневскому), онъ посвятилъ два года, то-есть 1833 и 1834, на составленіе *Исторіи Пугачевского бунта*. Принимая въ расчетъ другіе труды, которые занимали его въ то же время, мы должны значительно сократить этотъ срокъ. Вѣроятно, первый томъ, въ которомъ самый текстъ состоитъ только изъ 168 страницъ довольно разгонистой печати, былъ законченъ уже въ 1833 г., на что указываетъ и предисловіе, помѣченное 2-мъ ноября этого года. Въ 1834 же происходило печатаніе какъ этого тома, такъ и второго, содержащаго одни приложенія.

Я уже сказалъ, что въ этихъ приложеніяхъ заключаются почти одни извлеченія изъ дѣлъ Инспекторскаго департамента. О какихъ же 18 толстыхъ томахъ in-folio Пушкинъ въ отвѣтѣ

Броневскому говорить, что прочелъ ихъ со вниманіемъ? Не надо забывать, что этотъ отвѣтъ писанъ былъ уже спустя по крайней мѣрѣ полтора года послѣ появленія *Исторіи Пугачевскаго бунта*. Пушкинъ говоритъ тутъ не объ однѣхъ бумагахъ, прочитанныхъ до напечатанія этого труда, но и о тѣхъ, которыя онъ имѣлъ въ рукахъ уже послѣ, когда задумывалъ второе изданіе книги. Подъ этими 18 томами слѣдуетъ разумѣть, во-первыхъ, 2 тома изъ петербургскаго архива Инспекторскаго департамента, и 8 книгъ изъ московскаго отдѣленія этого архива; во-вторыхъ, 8 связокъ, впоследствии доставленныхъ Пушкину изъ сената и имъ распечатанныхъ.

Изъ словъ самого Пушкина въ его антикритикѣ, видно, что онъ придавалъ особенную цѣну второму тому своей книги. «Взглянувъ, говоритъ онъ, на приложенія къ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, составляющія весь второй томъ, всякій легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнаруженныхъ ¹⁾. . . Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго приѣма, конечно не за самую *Исторію Пугачевскаго бунта*, но за историческія сокровища къ ней приложенныя». Сверхъ этихъ документовъ Пушкинъ приложилъ къ своему труду портретъ Пугачева, карту, именной указатель и нѣсколько fac-simile.

¹⁾ Дополненія къ нимъ, собранныя мною изъ разныхъ архивовъ, напечатаны въ *Запискахъ Академіи Наукъ*. Изъ свѣдѣній, представленныхъ здѣсь, объясняются, между прочимъ, и слова, до сихъ поръ мало понятныя, въ предисловіи къ книгѣ Пушкина: «Сей историческій отрывокъ составлялъ часть труда, мною оставленнаго». Этимъ трудомъ была, какъ мы видѣли, задуманная поэтомъ *Исторія Суворова*.

VIII.

ЗАМѢТКА О ПЕРЕПИСКѢ ПУШКИНА СЪ ПЛЕТНЕВЫМЪ ¹⁾.

Всѣ письма Плетнева къ Пушкину отличаются однимъ общимъ характеромъ: это письма друга, который, не жалѣя ни трудовъ, ни времени, съ полнымъ самоотверженіемъ беретъ на себя всѣ матеріальныя заботы и хлопоты по печатанію и распространенію сочиненій великаго поэта, вполнѣ имъ понимаемаго и цѣнимаго. Сношенія съ Плетневымъ, начиная съ конца 1824 года, имѣли для Пушкина не одно нравственное и литературное, но столько же и практическое значеніе, чѣмъ и отличались они отъ сношеній его съ другими литераторами. Плетневъ былъ, такъ сказать, воспріемникомъ большей части его произведеній, велъ за него дѣла и счеты съ типографіями и книгопродавцами, и пересылалъ Пушкину, или, по желанію его, хранилъ у себя вырученныя деньги. Такъ, напечатавъ первое изданіе мелкихъ стихотвореній Пушкина по рукописи, доставленной его братомъ, и отправивъ къ нему нѣсколько экземпляровъ ихъ, Плетневъ въ январѣ 1826 года спрашиваетъ его: «Получилъ ли ты (непремѣнно увѣдомъ) пять экземпляровъ твоихъ Стихотвореній? Доволенъ ли изданіемъ? не принять ли этотъ форматъ, буквы и разстановку строкъ для будущихъ новыхъ изданій твоихъ поэмъ, разумѣется, кромѣ слѣдующихъ главъ Онѣгина?» Такъ Пушкинъ совѣтовался съ Плетневымъ и о 2-мъ изданіи своихъ стихотвореній.

¹⁾ Извлеченіе изъ статьи, напечатанной въ *Вѣстникъ Европы* 1881 года.

Въ письмѣ отъ 21 января 1826 года, въ которомъ онъ уведомляетъ поэта о ссудѣ 2000 руб. Дельвигу, онъ спрашиваетъ: «Что прикажешь дѣлать съ твоимъ богатствомъ? Переслать ли тебѣ все въ наличности, или въ видѣ какой-нибудь ватуры, или приступить къ какому-нибудь новому изданію?» Пушкинъ отвѣчаетъ: «Деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Они мнѣ нужны». Письмо это относится къ марту или началу апрѣля 1826 года.

Изъ приведеннаго отрывка уже видно, какъ много свѣдѣній эта переписка заключаетъ въ себѣ для исторіи внѣшней стороны творчества Пушкина. Кромѣ того, Плетневъ побуждалъ его къ дѣятельности, напоминалъ ему, что въ данную минуту было всего нужнѣе для его славы и матеріальной пользы, предлагалъ ему планы выгодныхъ сдѣлокъ, наконецъ, былъ посредникомъ въ важномъ дѣлѣ снятія съ него опалы. Вотъ нѣсколько примѣровъ всему этому. Въ августѣ 1825 года Плетневъ пишетъ: «Умоляю тебя отстать отъ лѣни и приняться за приготовленіе всѣхъ поэмъ къ новому изданію»... «Милый, прими совѣтъ мой! Я буду говорить тебѣ, какъ опытный человѣкъ въ дѣлѣ книготорговли и совершенно преданный выгодамъ твоимъ, почти столько же, какъ и твоей славы. Желаетъ ли ты получить денегъ тысячь до пятидесяти въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, или даже четырехъ, съ начала сентября до конца декабря? Вотъ единственное и вѣрнѣйшее средство». Прося затѣмъ о присылкѣ 2-й и 3-й главъ *Оньина*, исправленнаго списка мелкихъ стихотвореній и 5-ти поэмъ, Плетневъ продолжаетъ: «Если это все ты въ состояніи сдѣлать, то (я отвѣчаю честію), не требуя отъ тебя ни копейки за бумагу и печатаніе, доставлю тебѣ къ 1-му января 1826 года (какъ хочешь: въ разные ли сроки, или вдругъ къ этому одному сроку) не менѣе 50,000 рублей. Въ этомъ

«Меня мой разумъ увѣряетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то»¹⁾.

¹⁾ Изъ оды «Богъ», Державина.

Собираясь печатать мелкія стихотворенія Пушкина, Плетневъ 26 сентября 1825 г. посылаетъ ему списокъ ихъ въ порядкѣ, опредѣленномъ Жуковскимъ, проситъ пересмотрѣть его и говорить: «Я страстенъ аккуратностью: хотѣлъ бы, чтобы ты выставилъ годы противъ каждой ужъ пьесы, даже самой маленькой. Это будетъ удовлетворительнѣе для читателя»... «Мы много ставили годовъ *на обумъ*: все поправь что нужно. Тебѣ ужъ надобно тутъ похлопотать, когда ты связался со мною. Я человекъ премелочной. Люблю всякую бездѣлицу видѣть въ исправности... Тебѣ стыдно не быть заботливымъ и дѣятельнымъ, когда я началъ хлопотать, я, задавленный своею должностью». Вотъ еще отрывокъ изъ письма отъ 21 января 1826 года: «Умоляю тебя, напечатай одну или двѣ вдругъ главы Онѣгина. Отбоя вѣтъ: всѣ жадничаютъ его. Хуже будетъ, какъ простынетъ жаръ. Ужъ я и то боюсь: страшатъ меня, что въ городѣ есть списки второй главы. Теперь ты не можешь отговариваться, что ждешь Ползвѣзды. Она не выйдетъ. Присылай, душа!»

Въ этомъ же письмѣ Плетневъ въ первый разъ касается вопроса о разрѣшеніи Пушкину приѣхать въ Петербургъ, чтобы посоветоваться съ докторами. Именно, онъ такъ кончаетъ: «Пиши ко мнѣ обстоятельнѣе обо всемъ, что ты думаешь; не нужно ли также чего перемѣнить въ моихъ правилахъ въ разсужденіи изданій. Больше всего прошу тебя не забывать Карамзина и Жуковского. Они очень могутъ тебѣ быть полезными при твоёмъ *аневризмѣ*. Съ такой болѣзнію шутить не надобно». Какъ Пушкинъ самъ смотрѣлъ тогда на предстоявшее ему освобожденіе, котораго нетерпѣливо ожидалъ, видно изъ одного письма его къ Плетневу; но для уясненія этого письма, приведу напередъ отрывокъ изъ тѣхъ, на которыя оно служило отвѣтомъ:

«Мнѣ Карамзины поручили», писалъ Плетневъ 21-го января 1826 г., «очень благодарить тебя за подарокъ изъ твоихъ Стихотвореній. Карамзинъ убѣдительно просилъ меня предложить тебѣ, не согласишься ли ты прислать ему для прочтенія Годунова. Онъ никому его не покажетъ, или только тѣмъ, кому ты

велишь. Жуковскій тебя со слезами цѣлуетъ и о томъ же просить. Сдѣлай милость, напиши имъ всѣмъ по письмецу».

Затѣмъ, получивъ отъ Пушкина неисправный списокъ чего-то, вѣроятно *Дыгановъ*, и посылая ему тысячу рублей, Плетневъ 6-го февраля 1826 года, между прочимъ, пишетъ: «Ты отказываешься прислать Годунова затѣмъ, что некому переписать. Это странно. Вѣдь надобно же будетъ когда-нибудь объ этомъ похлопотать. Пригласи изъ Опочки дня на три къ себѣ какого-нибудь писаку и заплати ему за труды. Увидишь, что онъ всѣ твои стихи возьмется переписывать тебѣ.

«Ты все-таки не сказалъ мнѣ и не прислалъ ничего, что надобно печатать. Не далеко ужъ великій постъ. Это послѣднее время. Послѣ святой недѣли книжная торговля прекращается. Опять принужденъ будешь ждать зимы. Ужели ты въ нынѣшнюю зиму ничего не выдашь болѣе, кромѣ *Стих. Ал. Пуш.*? Сдѣлай милость, выпусти Онѣгина. Ужели не допрошусь я?.. Карамзинъ боленъ. Не худо бы тебѣ и навѣстить его письмомъ... Гвѣдичъ также плохъ здоровьемъ. Бѣда, какъ мы останемся безъ конца *Иліады*».

Отвѣтное письмо Пушкина носить помѣту 3-го марта, безъ означенія года, но на наружной сторонѣ его, на штемпелѣ опочечкой почтовой конторы, означено 4-е марта 1826. Письмо это, вѣроятно, не дошло до Плетнева, такъ какъ его нѣтъ между сбереженными имъ письмами нашего поэта: оно было доставлено владѣльцемъ подлинника, г. Мавроди, въ альманахъ *Русская Правда*, изданный на 1860 годъ въ Кіевѣ (стр. 65). Оно начинается словами: «Карамзинъ боленъ!—милый мой, это хуже много—ради Бога успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты, и т. д.

Съ апрѣля 1830 года начинается рядъ писемъ Пушкина въ бумагахъ, оставшихся послѣ Плетнева: именно, тутъ ихъ двадцать: первое писано изъ Москвы, когда Пушкинъ былъ помолвленъ и получилъ разрѣшеніе печатать *Бориса Годунова*, а по-

слѣднее относится къ осени 1835 года, какъ можно заключать по его содержанію. Вверху 1-й страницы рукой Плетнева надписано: *Михайловское*, а изъ біографіи поэта (Ann. I, 392) извѣстно, что онъ съ 26-го августа означеннаго года, дѣйствительно, взялъ отпускъ въ свою псковскую деревню. Изъ этого письма видно, что тогда мысль объ изданіи журнала у Пушкина еще окончательно не созрѣла: онъ затѣвалъ альманахъ, въ которомъ думалъ помѣстить свое «Путешествіе въ Арзрумъ» и повѣсть Гоголя «Коляска», два произведенія, вскорѣ послѣ того и появившіяся въ 1-мъ томѣ *Современника*.

Въ этомъ письмѣ, относительно Плетнева, особенно замѣчательно выраженіе: «Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось», выраженіе, показывающее, какъ Пушкинъ сознавалъ все, чѣмъ былъ обязанъ Плетневу. Извѣстное посвященіе, появившееся передъ 4-ю главою Евгенія Онѣгина (въ 1828 г.), было внушено столько же благодарностію, сколько и уваженіемъ къ душевнымъ свойствамъ Плетнева.

Кажется, постоянная и оживленная переписка между ними началась только въ концѣ 1824 года ¹⁾, когда Пушкинъ, напечатавъ поэму «Бахчисарайскій фонтанъ» въ Москвѣ при посредствѣ князя Вяземскаго, рѣшился издать первую главу «Онѣгина» въ Петербургѣ, и 29-го ноября 1824 писалъ къ своему великосвѣтскому пріятелю: «Братъ увезъ Онѣгина въ Пб. и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ (*т.-е. Вяземскомъ*) теряю вѣрнѣйшаго попечителя; но въ нынѣшнія обстоятельства всякой другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія». Вскорѣ послѣ того, въ концѣ января или въ началѣ февраля слѣдующаго года, Пушкинъ пишетъ къ Вяземскому: «Онѣгинъ печатается; братъ

¹⁾ Въ изданіи лит. фонда напечатаны, по черновымъ автографамъ, два неизвѣстныхъ до сихъ поръ письма Пушкина къ Плетневу, писанныя, одно въ 1822 году изъ Кишинева (№ 33), а другое въ 1824 — изъ Михайловскаго (№ 74).

и Плетневъ смотрять за изданіемъ». Сохранившаяся подлинная переписка Плетнева съ Пушкинымъ открывается извѣстіемъ, что «первый листъ Онѣгина весь уже отпечатанъ, числомъ 2,400 экземпляровъ». Письмо, откуда взяты эти слова, помѣчено: «22 января 1825», и тутъ же впоследствии рукою Плетнева приписано: «Первое изъ всѣхъ возвращенныхъ мнѣ». Значить, это собраніе писемъ Плетнева было возвращено ему послѣ смерти поэта при разборѣ его бумагъ. По смыслу приведенной надписи ясно, что были и болѣе раннія письма Плетнева къ Пушкину, но они, по крайней мѣрѣ въ окончательномъ видѣ, не сохранились.

Писалъ ли Пушкинъ къ Плетневу изъ Одессы, остается под сомнѣніемъ. Что кромѣ извѣстныхъ уже писемъ къ Плетневу изъ Михайловскаго послѣ того, какъ Пушкинъ переселился туда съ юга, посылались къ тому же лицу и другія, это доказываетъ, между прочимъ, переписка поэта со Львомъ Сергѣевичемъ, въ которой онъ то упоминаетъ объ отправленныхъ уже къ Плетневу письмахъ, то выражаетъ намѣреніе писать ему, но куда дѣвались эти письма, неизвѣстно.

Въ письмахъ Плетнева часто идетъ рѣчь о Дельвигѣ, и мы почерпаемъ изъ нихъ, между прочимъ, болѣе точное свѣдѣніе о времени, когда Дельвигъ въ 1825 году посѣтилъ Михайловское. Въ примѣчаніи къ перепискѣ Пушкина съ Вяземскимъ, напечатанной въ *Р. Архивъ* 1874 года, посѣщеніе это отнесено къ лѣту. Въ извѣстныхъ статьяхъ о Дельвигѣ (*Соврем.* 1854, № 9) г. Гаевскій ближе подходитъ къ истинѣ, относя эту поѣздку къ веснѣ. Изъ писемъ ко Льву Сергѣевичу видно, что еще въ ноябрѣ 1824 года Дельвигъ собирался ѣхать. «Торопи Дельвига», говорится въ письмѣ, сданномъ на почту 8-го декабря. Послѣ того, въ началѣ 1825, Пушкинъ ждетъ Дельвига вмѣстѣ съ Баратынскимъ и потомъ безпрестанно спрашиваетъ брата о Дельвигѣ. 14-го марта онъ пишетъ: «Дельвига жду... Мочи нѣтъ, хочется Дельвига». Въ великую пятницу и потомъ 17-го апрѣля: «Дельвига нѣтъ еще!» Наконецъ, во второй половинѣ апрѣля сказано: «Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду» (*Библиограф.* 1858, стр.

102 и 110)¹⁾. Изъ писемъ Плетнева мы узнаемъ, что Дельвигъ сперва, въ февралѣ, былъ задержанъ въ Петербургѣ прїѣздомъ къ нему отца, но что въ началѣ марта его уже тамъ не было и что онъ намѣревался, побывавъ прежде всего въ Михайловскомъ, съѣздить въ Бѣлоруссію, а на обратномъ пути опять остановиться въ деревнѣ своего товарища. 3-го марта Плетневъ писалъ: «Думаю, что вѣщунъ Д. возвратился изъ Витебска въ Михайловское. Поцѣлуй его за меня и скажи, что я не писалъ ему туда въ другой разъ, не надѣясь, чтобъ мое письмо его тамъ застало. Отъ него ты узнаешь, что съ Ольдекопомъ дѣлать нечего. Но все-таки твои новыя изданія у меня не выходятъ изъ головы. Они тебѣ дадутъ много. Подумай объ этомъ съ Д... Скажи Д., что мнѣ безъ него грустно. Я надѣюсь скоро принять его въ объятія — и съ новымъ вдохновеніемъ». Изъ всего этого можно заключить, что Дельвигъ былъ въ Михайловскомъ никакъ не позже 20-хъ чиселъ апрѣля мѣсяца.

¹⁾ Это письмо — безъ помѣты, но въ письмѣ къ князю Вяземскому, гдѣ сказано: «Дельвигъ у меня» и гдѣ также число не означено, помѣщена *Элеия на смерть Анны Львовны* (Р. Арх. 1874, стр. 152), отнесенная въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (1880 г.) ко времени около 22-го апрѣля.

IX.

ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОДЪ, ИМѢНІЕ ГОНЧАРОВЫХЪ.

(Письмо в. п. безобразова къ я. к. гроту, отъ 17-го мая 1880 года ¹⁾).

Вы желали, чтобы я сообщилъ вамъ то, что мнѣ извѣстно о посѣщенномъ мною (29-го и 30-го марта) селѣ «Полотняномъ Заводѣ» (имѣнія Гончаровыхъ) *по отношенію къ жизни А. С. Пушкина.*

Обязанный посѣтить *Полотняный заводъ* ²⁾, какъ весьма примѣчательное для моихъ экономическихъ изслѣдованій поселеніе въ Мѣдынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи (около 14 верстъ отъ станціи Троицкой по Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ), я совершенно случайно, передъ предстоявшимъ торжественнымъ чествованіемъ великаго нашего поэта, нашелъ здѣсь источники свѣдѣній, какъ мнѣ кажется, весьма драгоцѣнные для его біографіи.

Разработкою и даже ближайшимъ изученіемъ этихъ источниковъ я не могъ заняться во время очень краткаго моего пребыванія въ Полотняномъ заводѣ, гдѣ я долженъ былъ, согласно специальной задачѣ моего путешествія по Россіи, собрать свѣдѣнія совсѣмъ другого рода и откуда я долженъ былъ спѣшить въ другія сосѣднія средоточія промышленности.

¹⁾ Было напечатано въ журналѣ *Русская Мысль* 1881 года.

²⁾ Это мѣсто, — обширное торговое и промышленное село, похожее на городъ, — носитъ названіе «Полотнянаго Завода» потому, что тутъ когда-то былъ такой заводъ, котораго нынѣ нѣтъ и слѣдовъ. В. Б.

Жители Полотнянаго Завода, нынѣ крестьяне-собственники, издавна занимаются разными кустарными (домашними) и отхожими (главнѣйше овчиннымъ) промыслами¹⁾, и это село также издавна служитъ, торговою своею дѣятельностью и базарами, на которые еженедѣльно стекается много народа, значительнымъ торговымъ центромъ на довольно большомъ районѣ. Мѣстоположеніе Полотнянаго Завода — на берегу рѣки — прелестное и весьма вдохновительное для поэта.

Главный владѣлецъ Полотнянаго Завода — *Дмитрій Дмитриевичъ Гончаровъ* — родной племянникъ жены А. С. Пушкина; ему принадлежатъ здѣсь, кромѣ разныхъ земель и угодій, писчебумажная фабрика, существующая здѣсь съ 1718 года, помѣщичья усадьба съ великолѣпнымъ стариннымъ господскимъ домомъ (на самомъ берегу рѣки). Кромѣ г. Гончарова, есть въ этомъ имѣніи другой помѣщикъ, г. Ершовъ, владѣющій здѣсь также небольшою усадьбою и домомъ, но живущій постоянно въ Москвѣ. Крестьяне имѣютъ только усадебную осѣдность, т. е. домъ съ тѣсными дворами, и были, какъ фабричные посессионные люди, освобождены безъ земельного надѣла. Сверхъ этихъ дворовъ, вся земля принадлежитъ г. Гончарову.

Пушкинъ находился или, по крайней мѣрѣ, считался въ родствѣ съ Гончаровыми, предокъ которыхъ, *Анастасій Гончаровъ*²⁾, основатель писчебумажной фабрики, посадскій (купецъ или мѣщанинъ?) города Калуги, былъ въ близкомъ родствѣ съ Ганнибаломъ, арапомъ Петра Великаго. Въ исторіи Голикова упоминается объ основаніи Гончаровымъ писчебумажной фабрики въ Полотняномъ Заводѣ, при покровительствѣ и, можетъ быть, де-

¹⁾ См. объ этихъ промыслахъ и вообще объ экономическомъ значеніи Полотнянаго Завода прекрасную статью С. Я. Тимоховича, напечатанную въ *Трудахъ комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи*. С.-Петербургъ, 1879 года (изданіе Министерства Финансовъ). В. Б.

²⁾ Фабрика была устроена Гончаровымъ совмѣстно съ богатымъ соседнимъ землевладѣльцемъ Щепочкинымъ. Впослѣдствіи она вся перешла въ собственность Гончаровыхъ. В. Б.

нежныхъ пособіяхъ со стороны Петра Великаго¹⁾. Писчебумажная фабрика Гончаровыхъ была однимъ изъ тѣхъ промышленныхъ насажденій, которыми былъ такъ много озабоченъ императоръ. Его покровительство Аѳанасію Гончарову, очевидно, происходило отъ содѣйствія Ганнибала промышленнымъ предпріятіямъ своего родственника. Послѣ (или раньше?) устройства фабрики, Гончаровы, прикупивъ здѣсь земли, стали селить на ней бѣглыхъ людей, какъ это дѣлалось многими землевладѣльцами въ тѣ времена. Впослѣдствіи, такихъ людей собралось въ имѣніяхъ Гончаровыхъ до 12,000 душъ, которыя и были закрѣплены за ними на посессіонномъ правѣ, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ этомъ закрѣпленіи заключалось главное изъ оказанныхъ правительствомъ пособій, за которыми владѣльцы фабрики, остававшейся непрерывно въ родѣ Гончаровыхъ съ 1718 года до сихъ поръ, неоднократно въ прежнее время обращались, подобно многимъ нашимъ фабрикантамъ.

Изъ всѣхъ собранныхъ мною свѣдѣній о Полотняномъ Заводѣ и его писчебумажной фабрицѣ, я считаю нужнымъ сообщить здѣсь только то, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ Пушкину.

Пушкинъ часто и много живалъ здѣсь у Гончаровыхъ, какъ до своей женитьбы, такъ и послѣ нея. Это мѣсто полно преданій о немъ. Всѣ крестьяне знаютъ объ немъ и говорятъ. Самые старые изъ нихъ помнятъ его лично, по своимъ воспоминаніямъ. Въ семейномъ архивѣ Гончаровыхъ, сохраняемомъ въ большомъ порядкѣ нынѣшнимъ владѣльцемъ, находятся *десять писемъ Пушкина*, которыя были имъ адресованы къ дѣду его жены въ 1830 и 1831 годахъ (до и послѣ брака) и которыя я внимательно прочиталъ. Эти письма, весьма пространныя, весьма четко написанныя, очень интересны во многихъ отношеніяхъ, и въ особенности для характеристики Пушкина и его общественныхъ отношеній.

¹⁾ Кромѣ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ лично Д. Д. Гончаровымъ, см. объ этомъ книгу Карновича «Замѣчательныя богатства Россіи». В. Б.

Между этими письмами находится и то, въ которомъ Пушкинъ формально просилъ руки своей жены у ея дѣда, занимавшаго, вслѣдствіе душевной болѣзни ея отца, мѣсто полновластнаго главы семейства. При жизни этого дѣда, имя и отчество котораго я забылъ записать, огромное состояніе Гончаровыхъ всего болѣе возросло, но также и подвергнулось отъ его безразсудныхъ расходовъ наибольшему разстройству. Вся упомянутая переписка съ нимъ Пушкина вращается главнѣйше около оказанія денежной субсидіи фабрикѣ отъ казны; ходатайство объ этомъ дѣлѣ поручено Гончаровымъ Пушкину, во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ. Судя по письмамъ, Пушкинъ, относившійся къ Гончарову, какъ къ человѣку, въ рукахъ котораго, по неоднократному выраженію поэта, «вся его судьба» (т. е. согласіе на бракъ, долго ему не дававшееся), съ необыкновеннымъ «высокопочитаніемъ», всячески заискиваетъ въ этомъ человѣкѣ и старается быть всячески ему пріятнымъ. Поэтому онъ не отказывается хлопотать о субсидіи, входитъ объ этомъ въ сношенія съ разными высокопоставленными лицами, но при этомъ оговаривается, на случай неуспѣха, указывая на трудность дѣла, зависящаго отъ милости государя и ходатайства гр. Канкринна, и на недостаточно сильное свое общественное положеніе, въ особенности въ кругу высокопоставленныхъ лицъ. Въ разсказахъ поэта обо всемъ этомъ много любопытнаго, какъ для характеристики его самого, такъ и того времени; между прочимъ, меня поразило, съ какою удивительною прозаическою и чисто дѣловою отчетливостью и тщательностью онъ говоритъ о денежныхъ дѣлахъ. Послѣ женитьбы Пушкина Гончаровъ-дѣдъ былъ затрудненъ выдачею приданаго внучкѣ; Пушкинъ, какъ видно и изъ писемъ, находившійся самъ въ денежныхъ затрудненіяхъ, успокоиваетъ дѣда насчетъ приданаго, говоря, что, кромѣ любви жены и счастья съ нею, ему ничего больше въ жизни не нужно. Во всѣхъ письмахъ ярко высказывается страстная привязанность Пушкина къ своей женѣ. Въ каждомъ письмѣ до брака есть приписка, въ которой напоминаетъ дѣду о томъ, что въ его рукахъ

вся будущая судьба поэта. Въ первомъ письмѣ, вслѣдъ за бракомъ, въ которомъ есть и приписка Натальи Николаевны Пушкиной, объясняется блаженное состояніе его духа.

Какъ мнѣ было сказано Д. Д. Гончаровымъ, жена Пушкина (при жизни дѣда или также послѣ?) не получила никакого другого приданого, кромѣ бронзоваго памятника, воздвигнутаго Гончаровыми въ с. Полотняномъ Заводѣ въ честь посѣщенія его въ 1775 году императрицею Екатериною Великою¹⁾. Объ этомъ памятникѣ упоминается и въ читанныхъ мною письмахъ Пушкина къ А. Гончарову. Пушкинъ продалъ памятникъ въ казну для переплава (если я не ошибаюсь) металла на монетномъ дворѣ. Объ этомъ памятникѣ есть особая обширная переписка (цѣлая кипа связанныхъ бумагъ); ее мнѣ показывали, но, по недостатку времени, я съ ней не ознакомился. Кромѣ означенныхъ выше писемъ, я читалъ въ альбомѣ стихи Пушкина къ своей невѣстѣ и ея отвѣтъ, также въ стихахъ. По содержанію, весь этотъ разговоръ въ альбомѣ имѣетъ характеръ взаимнаго объясненія въ любви.

По преданію, въ саду господскаго дома была *пушкинская бесѣдка*, такъ называвшаяся еще при жизни Пушкина, какъ любимое его мѣсто. Эта бесѣдка, какъ говорятъ, была исписана его стихами; она исчезла не такъ давно.

Не такъ далеко отъ главнаго господскаго дома стоятъ на берегу рѣки *деревянный флигель*, слывшій до сихъ поръ въ народѣ подъ названіемъ *дома Пушкина*. Въ немъ поэтъ постоянно живалъ послѣ своего брака, пріѣзжая гостить къ Гончаровымъ. Внутреннія стѣны этого строенія, имѣющаго видъ маленькаго помѣщичьяго дома и довольно внимательно мною осмотрѣннаго, были исписаны Пушкинымъ; теперь отъ этого не осталось никакого слѣда, такъ же какъ и отъ всей здѣшней жизни Пушкина. Въ этомъ

¹⁾ Объ этомъ посѣщеніи въ одномъ изъ путешествій Екатерины сохранилось не мало воспоминаній въ домѣ и семейномъ архивѣ Гончаровыхъ. Между прочимъ сохраняется кресло, на которомъ она сидѣла, остановившись въ ихъ домѣ.

домъ, къ глубокому огорченію всякаго кто чтитъ память поэта, помѣщается нынѣ крестьянскій трактиръ, т. е. питейный домъ, сдаваемый помѣщикомъ въ аренду; должно упомянуть, что эта сдача началась гораздо ранѣе перехода имѣнія въ собственность нынѣшняго ея владѣльца, который самъ, какъ онъ мнѣ это говорилъ, скорбитъ о такомъ святотатствѣ. Вслѣдствіе людности Полотнянаго Завода, въ этомъ питейномъ заведеніи стоитъ непрерывный пьяный разгулъ крестьянской толпы, въ особенности въ базарные дни; всѣ посѣтители его знаютъ историческое значеніе этого мѣста, и я самъ отъ нихъ объ этомъ слышалъ. Молодецъ, бойко разливающий чай и водку за прилавкомъ, отвѣчаетъ всякому вопрошающему: «да-съ, тутъ жилъ Пушкинъ».

Еще печальнѣе, что подлѣ этого дома была прежде и не существуетъ теперь пристройка, нарочно сдѣланная для Пушкина, когда семейство его разрослось; въ ней жили его дѣти. Эта пристройка перенесена на другое мѣсто, и въ ней также устроены кабакъ, сдаваемый на аренду. Оба заведенія, совокупно еще съ третьимъ кабакомъ, даютъ значительный доходъ помѣщику (кажется, 2,000 руб.).

Къ сожалѣнію, только послѣ моего отъѣзда изъ Полотнянаго Завода, я слышалъ, что въ другомъ господскомъ домѣ Ершовыхъ, нынѣ запертомъ, есть также много воспоминаній о Пушкинѣ и сохранились даже стихи, написанные имъ на стѣнахъ.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно о Полотняномъ Заводѣ *по отношенію къ Пушкину*.

Въ заключеніе я долженъ присовокупить ко всему этому мое личное убѣжденіе, что необходимо *безотлагательное* и тщательное мѣстное изслѣдованіе въ Полотняномъ Заводѣ, безъ котораго мнѣ представляются даже невыслымыми никакіе новые труды по біографіи великаго нашего поэта. Безотлагательность такого изслѣдованія тѣмъ болѣе настоятельна, что устные преданія и личные воспоминанія жителей-стариковъ могутъ въ скоромъ времени навсегда погибнуть. Сверхъ того, такое изслѣдованіе теперь

весьма незатруднительно вслѣдствіе просвѣщеннаго гостепріимства и радушія нынѣшняго владѣльца Д. Д. Гончарова и его супруги; содѣйствіе ея (Ольги Карловны Гончаровой, урожденной Шлиппе) особенно нужно потому, что мужъ ея находится въ тяжкомъ болѣзненномъ состояніи. Оба они¹⁾ заявили мнѣ, что готовы оказать всякую личную свою помощь изслѣдователю и поставить въ его распоряженіе свои матеріалы.

Поѣздка въ Полотняный Заводъ очень легка и посѣщеніе его, вслѣдствіе радушія хозяевъ, весьма пріятно²⁾.

¹⁾ Адресъ ихъ: станція Троицкая, на Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ (Медынскаго у., Калужской губ.), с. *Полотняный заводъ*. В. Б.

²⁾ Въ изданномъ П. И. Бартевымъ собраніи относящихся къ Пушкину документовъ (*А. С. Пушкинъ*. I. Бумаги А. С. Пушкина, М. 1881) помѣщено между прочимъ девять писемъ поэта къ Гончаровымъ, полученныхъ издателемъ изъ Полотнянаго Завода. Они перепечатаны и въ изданномъ литературнымъ фондомъ собраніи сочиненій Пушкина. Я. Г.

Х.

КЪ РОДОСЛОВНОЙ ПУШКИНЫХЪ И ГАННИБАЛОВЪ.

Въ бумагахъ Плетнева нашелся, между прочимъ, писанный его рукою полный списокъ *Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ*. Онъ ничѣмъ не отличается отъ извѣстнаго текста этой записки, но послѣ заключительныхъ словъ ея: «Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ» слѣдуютъ двѣ замѣтки подѣ заглавiемъ: «Дополненiя или подробн. (ѣйшiй?) текстъ», которыхъ я не могъ отыскать въ изданiяхъ сочиненiй Пушкина, и потому печатаю ихъ здѣсь: онѣ списаны, очевидно, съ того же оригинала, какъ и самый текстъ названной записки.

«1) Онъ родомъ былъ изъ Абиссинiи, сынъ въ тогдашнiя времена сильнаго владѣльца, столь гордаго своимъ происхожденiемъ, что выводилъ оное прямо отъ Аннибала. Сей владѣлецъ, былъ вассаломъ Оттоманской имперiи, въ концѣ XVII столѣтiя взбунтовавшiйся противъ турецкихъ правъ, вмѣстѣ со многими другими князьями, утѣсненными налогами. Послѣ многихъ жаркихъ битвъ сила побѣдила. И сей Ганнибалъ, 8 лѣтъ, какъ меньшой сынъ владѣльца, вмѣстѣ съ другими знатными юношами, былъ отвезенъ въ залогъ, въ Константинополь. Жребiй сей долженъ былъ миновать отрока; но мать его была послѣдняя изъ 30 женъ африканскаго владѣльца. Прочiя княгини, поддержанныя своими связями, черезъ интриги родственниковъ, обманомъ посадили его на корабль, назначенный для отвоза залоговъ. Единственная, любимая сестра его, нѣсколько его старѣе, имѣла столько духу, что боролась за него. Она уступила силѣ, проводила его до лод-

ки, надѣясь его избавить просьбами или искупить жертвою всѣхъ своихъ драгоценностей. Но видя, что всѣ ея старанія были тщетны, бросилась она въ море и утонула. Въ самой глубокой старости текли слезы его въ воспоминаніе любви и дружбы — и всегда живо и ново представлялась ему сія картина. Вскорѣ послѣ Ганнибалъ привезенъ былъ въ Константинополь и вмѣстѣ съ другими юношами принять въ сераль султана, гдѣ пробылъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

«Петръ имѣлъ горестъ видѣть, что подданные его упорствовали къ просвѣщенію (sic), желалъ показать имъ примѣръ надъ совершенно чуждою породой людей и писалъ къ Шепелеву, своему посланнику, чтобы онъ прислалъ ему арапченка съ хорошими способностями. Сей (заодно съ визиремъ) съ немалою опасностію прислалъ ему трехъ. Между тѣмъ, одинъ изъ его братьевъ наследовалъ ихъ престарѣлому отцу. Въ сіе время посланникъ отправилъ къ Петру I-му Ибрагима Ганнибала, другого арапа, да еще одного рагузинца. Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ и принялся съ большимъ вниманіемъ за его воспитаніе, придерживаясь главной своей мысли. Петръ, по своей прозорливости, увидѣвъ тотчасъ расположеніе дѣтей, — Ганнибала, какъ живого, смѣлаго, назначилъ въ военную службу. Рагузинца, тихаго, разсудительнаго, глубокомысленнаго, въ статскую, и онъ былъ извѣстенъ въ послѣдствіи подъ именемъ графа Рагузинскаго.

«2) Его, по ходатайству Миниха, опредѣлили въ Перновскій гарнизонъ инженернымъ майоромъ. Тамъ онъ женился на дочери капитана Матвѣя фонъ-Шеберха, урожденнаго шведа, женатаго на лифляндкѣ фонъ-Альбедиль, и, вышедъ въ отставку, купилъ онъ себѣ около Ревеля деревню Каракула, гдѣ онъ жилъ съ своею фамиліею».

ХІ.

ПѢСНИ О СТЕВЬКѢ РАЗИНѢ.

Въ издававшейся въ 1881 году М. М. Стасюлевичемъ газетѣ *Порядокъ* (№ 11) покойный П. В. Анненковъ сообщилъ изъ бумагъ Пушкина былинну о Стевкѣ Разинѣ, которую принялъ за мастерское художественное произведеніе нашего поэта.

Вслѣдъ за тѣмъ П. Д. Голохвастовъ, въ № 11 газеты *Русь*, сопоставляя эту былинну съ извѣстными уже ранѣе многочисленными версіями ея, указалъ, что въ ней нѣтъ ничего пушкинскаго и ничего новаго, что она представляетъ просто одинъ изъ хорошихъ вариантовъ народнаго сказанія о Разинѣ. Въ концѣ своей замѣтки г. Голохвастовъ распространился о трудности опредѣлить, гдѣ именно могла быть записана эта былина.

По поводу послѣдняго замѣчанія мною была помѣщена въ № 13 газеты *Русь* небольшая статья слѣдующаго содержанія:

Относительно мѣста, гдѣ, и времени, когда Пушкинъ записалъ былинну, напечатанную въ № 11 *Порядка*, нѣкоторымъ указаніемъ можетъ служить окончаніе письма его къ брату Льву Сергѣевичу, писаннаго изъ Михайловскаго въ октябрѣ 1824 года. Тамъ онъ говоритъ: «Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно: посл(ѣ) об(ѣда) ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ахъ, Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стевкѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ

лицѣ Рус. ист.»¹⁾ По этимъ строкамъ можно догадываться, что эта былина принадлежала къ числу тѣхъ пѣсенъ и сказокъ, которыя Пушкинъ слышалъ въ Михайловскомъ, и что онъ эту былинку записалъ около времени, къ которому относится то письмо къ брату.

Лѣтомъ 1827 года Пушкинъ хотѣлъ помѣстить «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ» въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1828 годъ и послалъ ихъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими пьесами, къ Плетневу для представленія, черезъ графа Бенкендорфа, на высочайшую цензуру. По возвращеніи этихъ стихотвореній отъ государя, графъ Бенкендорфъ, въ августѣ мѣсяцѣ, написалъ Пушкину слѣдующее письмо:

«Представленные вами новыя стихотворенія ваши государь императоръ изволилъ прочесть съ особеннымъ вниманіемъ. Возвращая вамъ оныя, я имѣю обязанность изъяснить слѣдующее заключеніе: 1) *Ангелъ* къ напечатанію дозволяется; 2) *Стансы*, а равно 3) и третія глава *Евгенія Онгина* тоже. 4) *Графа Нулина* государь императоръ изволилъ прочесть съ большимъ удовольствіемъ и отмѣтить своеручно два мѣста, кои его величество желаетъ видѣть измѣненными, а именно два стиха: *порою съ бариномъ шалитъ и коснуться хочеть одяла*; впрочемъ прелестная пьеса сія дозволяется напечатать. 5) *Фаустъ и Мефистофель* позволено напечатать, за исключеніемъ слѣдующаго мѣста: *Дамодная болъзнь: она недавно вамъ подарена*. 6) *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ*, при всемъ поэтическомъ своемъ достоинствѣ, по содержанию своему неприличны къ напечатанію. Сверхъ того, Церковь прокликаетъ Разина, равно какъ и Пугачева».

Въ первомъ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина пѣсни эти все еще не могли быть напечатаны, и такимъ образомъ онѣ до сихъ поръ оставались неизвѣстны. Между тѣмъ въ бумагахъ Плетнева найдены мною рукописи со стихами о Стенькѣ

¹⁾ Соч. Пушкина, т. VII, стр. 87—88.

Разинѣ въ обложкѣ, на которой рукою Жуковского сдѣлана надпись:

«Народныя сказки.
Пѣсня Стеньки Разина».

Послѣднее заглавіе относится къ двумъ копіямъ различнаго происхожденія. Одна изъ нихъ обличаетъ руку писаря и содержитъ, съ небольшими вариантами, ту самую былинну, которую напечаталъ Анненковъ въ газетѣ *Порядокъ*.

Другая копія, написанная весьма тщательно рукою Погодина, заключаетъ въ себѣ слѣдующія три стихотворенія подъ заглавіемъ «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ»:

I.

Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой,
Выплывала востроносая лодка,
Какъ на лодкѣ гребцы удалые,
Казачи, ребята молодые.
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ, грозенъ Стенька Разинъ,
Передъ нимъ красная дѣвица,
Полоненая Персидская царевна.
Не глядитъ Стенька Разинъ на царевну,
А глядитъ на матушку на Волгу.
Какъ промолвить грозенъ Стенька Разинъ:
Ой ты гой еси, Волга мать родная!
Съ глупыхъ лѣтъ меня ты воспоила,
Въ долгу ночь баюкала, качала,
Въ волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казачковъ моихъ добромъ надѣлила —
Что ничѣмъ тебя еще мы не дарили.
Какъ вскочилъ тутъ грозенъ Стенька Разинъ,
Подхватилъ Персидскую царевну,

Въ волны бросилъ красную дѣвицу,
Волгѣ-матушкѣ ею поклонился.

II.

Ходилъ Стенька Разинъ
Въ Астрахань городъ
Торговать товаромъ.
Сталъ воевода
Требовать подарковъ.
Поднесъ Стенька Разинъ
Камки хрущатыя, { (sic: bis)
Камки хрущатыя —
Парчи золотыя.
Сталъ воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая,
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболія.
Ему Стенька Разинъ
Не отдастъ шубы.
Отдай, Стенька Разинъ,
Отдай съ плеча шубу.
Отдашь, такъ спасибо;
Не отдашь, повѣшу
Что во чистомъ полѣ,
На зеленомъ дубѣ,
Да въ собачьей шубѣ.
Сталъ Стенька Разинъ
Думу думати:
Добро, воевода,
Возьми себѣ шубу,
Возьми себѣ шубу,
Да не было бѣ шуму.

III.

Что ни конскій топъ, ни людская молвь,
 Не труба трубача съ поля слышится,
 А погодушка свищетъ, гудитъ,
 Свищетъ, гудитъ, заливаётся,
 Зазываетъ меня, Стеньку Разина,
 Погулять по морю, по синему:
 Молодецъ удалой, ты разбойникъ лихой,
 Ты разбойникъ лихой, ты разгульной буянь.
 Ты садись на ладьи свои скорыя,
 Распусти паруса полотняные,
 Побѣги по морю по синему.
 Пригоню тебѣ три кораблика:
 На первомъ кораблѣ красно золото,
 На второмъ кораблѣ чисто серебро,
 На третьемъ кораблѣ душа-дѣвица.

Эти три стихотворенія составляютъ художественную обработку матеріала, заимствованнаго изъ народной поэзіи. Напечатанныя Анненковымъ былины можно найти съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, между прочимъ въ книгѣ Н. И. Костомарова *Бунтъ Стеньки Разина* (Спб. 1859, стр. 116 и 117). Въ *Пѣсняхъ же о Стенькѣ Разинѣ*, въ первый разъ помѣщенныхъ мною въ газетѣ *Русь* и здѣсь перепечатанныхъ, трудно не признать тѣхъ самыхъ, о которыхъ подъ этимъ именно заглавіемъ говорится въ вышеприведенномъ письмѣ гр. Бенкендорфа.

Это тогда же было высказано И. С. Аксаковымъ въ слѣдующихъ строкахъ, предпосланныхъ моею замѣткѣ:

«**НЕСОМНѢННО ПУШКИНА.** Мы позволили себѣ поставить это заглавіе, такъ какъ убѣждены, что найденныя въ бумагахъ Пушкина и присланныя намъ Я. К. Гротомъ три пѣсни о Стенькѣ Разинѣ *никѣмъ инымъ*, кромѣ Пушкина, написаны быть не могли. Что онѣ не изъ усть, не со словъ народныхъ пѣвцовъ записаны, это видно съ перваго раза; тутъ видна рука худож-

ника, и великаго художника. Въ поясненіи П. Д. Голохвастова, помѣщаемомъ вслѣдъ за статьею Я. К. Грота, это положеніе доказывается, кажется намъ, вполне основательно».

«Поясненіе» г. Голохвастова вызвало съ моей стороны новую замѣтку, которая появилась въ № 15 *Руси*.

Всего убѣдительнѣе совпаденіе начала первой пѣсни съ словами, оставшимися въ памяти Погодина изъ чтенія Пушкина: «онъ началъ», говоритъ Погодинъ, «читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ *выплывалъ* ночью *по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ*». Пѣсня же начинается такъ:

«Какъ *по Волгѣ* рѣкѣ, по широкой,
Выплывала востроносая лодка».

Посылая свои воспоминанія о Пушкинѣ въ *Русскій Архивъ* при письмѣ отъ 23-го декабря 1864 года¹⁾, Погодинъ говоритъ, что для составленія ихъ онъ обращался, между прочимъ, къ своимъ запискамъ: этимъ, можетъ быть, и объясняется точность воспроизведеннаго имъ выраженія, въ которое вкралась только одна невѣрная подробность: «ночью». Вѣроятно, вскорѣ послѣ чтенія Погодинъ выпросилъ у Пушкина позволеніе списать его пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, можетъ статья въ надеждѣ украсить ими журналъ, мысль о которомъ уже зарождалась; тогда, сравнительно еще молодой человѣкъ, онъ переписалъ ихъ тѣмъ четкимъ и красивымъ почеркомъ, какимъ впоследствии писалъ только изрѣдка, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Но какъ же эта рукопись попала къ Плетневу? Когда приготавлилось первое посмертное изданіе сочиненій Пушкина, автографъ этихъ пѣсенъ могъ остаться въ рукахъ либо цензора, либо одного изъ издателей. По прошествіи многихъ лѣтъ, Михаилъ Петровичъ могъ забыть не только объ этомъ сообщеніи, но и о самомъ существованіи своего списка.

Справедливо П. Д. Голохвастовъ указываетъ еще на сход-

¹⁾ См. *Р. Арх.* 1865, стр. 95.

ство стихосложенія первой пѣсни Пушкина о Стенькѣ Разинѣ съ размѣромъ большей части пѣсенъ Западныхъ Славянъ.

Въ первомъ стихѣ третьей пѣсни: «Что ни конскій топъ, ни людская молвь», г. Голохвастовъ имѣлъ также полное основаніе найти подтвержденіе своей мысли, такъ какъ Пушкинъ, подражая народной поэзіи, легко могъ употребить выраженіе изъ сказки о Бовѣ Королевичѣ, разъ уже пригодившееся ему въ *Евгеніи Онегинѣ*.

Очень вѣско то соображеніе, что поэтъ, увлеченный восторгомъ своихъ слушателей, естественно продолжалъ читать въ этомъ обществѣ только свои собственные произведенія, точно такъ же какъ онъ не могъ представить на одобреніе государя записанныхъ имъ съ чужого голоса созданій народной поэзіи. Любопытно, что конецъ третьей изъ переписанныхъ Погодинымъ пѣсенъ представляетъ оборотъ сходный съ одною изъ напечатанныхъ Анненковымъ (подъ № 5) присказокъ. Именно, въ присказкѣ мы читаемъ:

За мной ходять трое сторожей.
 Первой сторожъ — родимой батюшка,
 Второй сторожъ — моя матушка,
 А третій сторожъ — молода жена.

Въ пѣснѣ же Пушкина:

Пригоню тебѣ три кораблика:
 На первомъ кораблѣ красно золото,
 На второмъ кораблѣ чисто серебро,
 На третьемъ кораблѣ душа-дѣвица.

Но пѣсенъ, которыя бы въ цѣломъ, даже и приблизительно, представляли такое же содержаніе, какъ эти пушкинскія, не встрѣчается ни въ одномъ сборникѣ.

Что касается заимствованныхъ Анненковымъ изъ бумагъ Пушкина народныхъ былинъ и пѣсенъ, то вслѣдствіе замѣтки г. Голохвастова я долженъ вѣсколько полнѣе высказаться относительно найденныхъ между рукописями Плетнева списковъ ихъ.

Въ этихъ спискахъ недостаетъ только 5-го и 6-го изъ напечатанныхъ въ *Порядкѣ* номеровъ. Затѣмъ № 1 почти совершенно тождественъ въ обоихъ текстахъ. Во всѣхъ трехъ первыхъ номерахъ у Плетнева постоянно встрѣчается *Сенька* вмѣсто *Стенька*. Въ слѣдующей тирадѣ № 2 два ряда точекъ, поставленные Анненковымъ, замѣнены однимъ стихомъ:

Закричалъ тутъ хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
 А мы счерпнемте воды изо Камы со рѣки:
Мы счерпнули воды изо Камы со рѣки.
 Припечалился хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
 Знать то знать, что мой сыночекъ во неволюшкѣ,
 Во неволюшкѣ въ бѣлокаменной тюрьмѣ сидитъ.
 Не печалься нашъ хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
 Бѣлу каменну тюрьму по кирпичу разберемъ,
 Твоего милаго сына изъ неволи уведемъ,
 Астраханскаго воеводу подъ судъ возьмемъ.

Въ первомъ стихѣ 3-го номера, въ плетневскомъ спискѣ, также пропущено имя города. Шестой стихъ читается такъ:

Поили, кормили, *пеленали*, лелѣяли.

Послѣ стиха: «По край моря за морьянина», слѣдуетъ:

Они прижили милаго.
 Она годъ живетъ и другой живетъ —
 На третій годъ стосковалася.

Остальные варианты едва ли стоить приводить: они заключаются только въ формахъ отдѣльныхъ словъ; напримѣръ, вмѣсто марьянинка — морьянка, вмѣсто марьянку — морьяинку, вмѣсто ляжетъ — лежитъ, и т. п.

Наконецъ въ № 4 вмѣсто:

Меня молодца не примолвили,

нашъ списокъ выражается такъ:

Пригласить меня молодца не примолвили.

Въ заключеніе замѣчу, что самое заглавіе: «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ», подѣ которымъ Погодинъ переписалъ читанныя Пушкинымъ стихотворенія, подтверждаетъ ихъ тождество съ тѣми, которыя поэтъ подѣ тѣмъ же заглавіемъ представилъ на цензуру государя, какъ видно изъ сообщеннаго выше письма графа Бенкендорфа.

Въ изданныя литературнымъ фондомъ сочиненія Пушкина не вошли приписываемыя ему *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ*. Кажется, почтенный редакторъ этого изданія не отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ вопросу о происхожденіи трехъ стихотвореній, напечатанныхъ въ газетѣ *Русь* по погодинскому списку: онъ даже не упомянулъ о нихъ и напечаталъ только былины, или пѣсни, *записанныя* Пушкинымъ (т. I, стр. 372)¹⁾. Между тѣмъ обстоятельство, что *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ* не сохранились между автографами Пушкина, не можетъ еще само по себѣ служить опроверженіемъ доводовъ, имѣющихся для признанія ихъ его произведеніемъ. Перечислимъ вкратцѣ эти доводы:

1) Пушкинъ читалъ въ Москвѣ свои *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ*, и Погодинъ запомнилъ нѣкоторыя слова изъ начала 1-й пѣсни.

2) Пѣсни, начинающіяся этими словами, сохранились въ копіи руки Погодина, написанной вѣроятно для напечатанія ихъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, но цензура не могла пропустить ихъ.

3) *Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ* позднѣе были представлены Пушкинымъ на разсмотрѣніе государя.

4) Для посмертнаго изданія соч. Пушкина копія Погодина подѣ тѣмъ же заглавіемъ была доставлена издателямъ ихъ, какъ видно изъ надписи, сдѣланной на ней однимъ изъ этихъ издателей, Жуковскимъ, и изъ того обстоятельства, что она осталась въ бумагахъ другого издателя, Плетнева; вмѣстѣ съ народными пѣснями, или былинами сходнаго содержанія, *записанными* Пушкинымъ, отъ которыхъ первыя отличаются своимъ художественнымъ характеромъ.

¹⁾ Въ хронологическомъ указателѣ произведеній Пушкина не отмѣчено что онѣ въ первый разъ были напечатаны въ газетѣ *Порядокъ*.

ХП.

АВТОГРАФЪ „19 ОКТЯВРЯ“ ¹⁾.

Въ Александровскомъ лицѣѣ хранится первоначальный текстъ стихотворенія *19-е Октября* (1825), замѣчательнаго по воспоминаніямъ лицейской жизни Пушкина. Этотъ автографъ подаренъ лицу, по просьбѣ бывшаго директора его Н. И. Миллера, однимъ изъ товарищей поэта, покойнымъ Михаиломъ Лукьяновичемъ Яковлевымъ ²⁾. Но приобрѣтеніемъ такой драгоценности лицей обязанъ еще другому товарищу Пушкина, именно графу М. А. Корфу, который, въ качествѣ директора Императорской Публичной библіотеки, имѣлъ право на эту рукопись, по общаю Яковлева; но такъ какъ библіотека уже имѣетъ много другихъ важнѣйшихъ автографовъ знаменитаго поэта, то гр. Корфъ, узнавъ о желаніи начальника лица, отказался отъ своего права въ пользу этого заведенія.

Въ томъ видѣ, какъ *19-е Октября* напечатано еще при жизни Пушкина, это стихотвореніе содержитъ въ себѣ восемнадцать строфъ. Въ такомъ же видѣ оно дошло еще неизданное до царскосельскаго лица въ 1827 году, когда профессоръ русской словесности Н. Ѡ. Кошанскій, бывшій наставникъ Пушкина, принесъ съ собою на кафедру эти стихи, какъ новость, только что полученную, и прочелъ ихъ своимъ слушателямъ. Извѣстно, что

¹⁾ Напечатано въ т. VI *Извѣстій Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ* (1857).

²⁾ 2-го марта 1855 года.
Сборникъ П Отд. Н. А. Н.

это стихотвореніе написано было Пушкинымъ въ 1825 году въ день основанія лицея, проведенный имъ тогда въ уединеніи Михайловскаго. Выраженное здѣсь предчувствіе, что поэтъ черезъ годъ будетъ опять въ столицѣ, въ кругу своихъ товарищей, основывалось, конечно, на надеждѣ его исходатайствовать себѣ разрѣшеніе посѣщать Петербургъ. Въ лицейской рукописи стихотвореніе состоитъ изъ 25-ти строфъ. Здѣсь мы въ самомъ началѣ, вслѣдъ за 1-ю строфою, находимъ цѣлыхъ пять, пропущенныхъ въ печатномъ текстѣ. Онѣ дѣйствительно слабѣ прочихъ, но любопытны тѣмъ, что представляютъ живыя подробности лицейскаго быта, которыя впослѣдствіи показались Пушкину слишкомъ частными или даже личными.

Стихъ:

«Чтобъ 30 мѣстъ насъ ожидали снова»

указываетъ на число воспитанниковъ перваго выпуска изъ лицея; собственно ихъ было 29 за удаленіемъ одного изъ товарищей Пушкина еще до окончанія курса¹⁾. Вскорѣ по оставленіи ими лицея принято за правило, чтобы въ каждомъ изъ двухъ курсовъ его (старшемъ и младшемъ) было только по 25 воспитанниковъ, чтó и продолжалось до преобразованія этого заведенія въ 1832 г.

Слѣдующіе за тѣмъ 3 стиха:

«Садитесь, какъ вы сажались тамъ,
Когда мѣста въ тѣни святаго крова
Отличіе предписывало намъ»

относятся къ тому, что воспитанники за столомъ должны были сидѣть въ порядкѣ, опредѣлявшемся ихъ поведеніемъ²⁾. Первое мѣсто, какъ видно изъ одной строфы, занималъ Вальховскій³⁾.

¹⁾ Константина Гурьева.

²⁾ Въ классѣ воспитанники сидѣли также въ опредѣленномъ порядкѣ, но только уже не по поведенію, а по успѣхамъ, и потому у каждаго преподавателя иначе.

³⁾ См. выше стр. 95.

Въ 9-й строфѣ, послѣднія слова подчеркнуты потому, что взяты, съ небольшимъ измѣненіемъ, изъ Дельвиговой прощальной пѣсни лицейскихъ воспитанниковъ, начинающейся стихами: «Шесть лѣтъ промчалось какъ мечтанье».

Въ строфахъ 5—11 встрѣчаются только отдѣльные стихи, отличающіеся отъ окончательной редакціи стихотворенія. 13-я опять пропущена въ печати. Послѣдніе зачеркнутые въ подлинникѣ стихи ея относятся къ тому обстоятельству, что Пущинъ, къ которому поэтъ здѣсь обращается, промѣнялъ званіе гвардейскаго офицера на скромное мѣсто въ губернской службѣ. Эти 4 стиха, какъ видно изъ автографа, поэтъ думалъ замѣнить другими, написанными у него внизу страницы и въ которыхъ онъ разумѣлъ Малиновскаго. Въ 20-й послѣдніе четыре стиха исключены впоследствии. Нѣкоторыя слова въ этихъ зачеркнутыхъ стихахъ требуютъ поясненія: «черный столъ» находился въ столовой отдѣльно отъ общаго стола и служилъ трапезою наказанныхъ; «словарь» составлялся воспитанниками и заключалъ въ себѣ характеристику всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу лица; «Лицейскій Мудрецъ» было заглавіе рукописнаго журнала, о которомъ выше сообщены уже свѣдѣнія¹⁾. Наконецъ изъ 22-й строфы выброшены первые четыре стиха, написанные въ честь Куницына.

Въ подлинникѣ всѣ поправки сдѣланы рукою поэта, отчасти чернилами, отчасти карандашомъ. Онѣ воспроизведены здѣсь совершенно согласно съ автографомъ; такая же точность соблюдена какъ въ правописаніи, такъ и въ самыхъ знакахъ препинанія. Имена: Корсаковъ и Матюшкинъ означены въ выноскахъ самимъ поэтомъ.

¹⁾ Стр. 48—50.

= 194 *смысла*

19-е Октября.

Nunc est bibendum. Hor.

1.

Роняетъ лёсъ багряный свой уборъ
 Дохнулъ морозъ на убранное поле
 Проглянетъ день какъ будто по неволѣ
 И скроется за край туманныхъ горъ...
 Пылай, каминь, въ моей пустынной кельѣ!
 А ты, Вино, осенней стужи другъ,
 Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье
 Минутое забвенье ^{нашихъ} горькихъ ~~многихъ~~ мукъ.

Товарищи! Сегодня праздникъ нашъ
 Завѣтный срокъ! Сегодня *тамъ*, далече,
 На ~~вѣрный~~ ^{любви} пиръ, на сладостное вѣче
 Стеклися вы при звонѣ мирныхъ чашъ —
 Вы собрались ^{мгновенно} чудесно молодѣя
 Усталый духъ въ минувшемъ обновить
^{говорить} Потелживать на языкѣ Лицея
 И съ жизнью ^{свободно} вновь безнечю пошались.

2.

На пиръ любви душой

Стремлюся къ вамъ, хожу межъ вами я...

Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю

Я

И праздника порядокъ учреждаю...

Я вдохновенъ о

Послушайте, послушайте, друзья:

Чтобъ 30 мѣсть насъ ожидали снова!

я

Садитесь вновь какъ вы сидели тамъ

въ тѣни святаго крова

Когда мѣста, ~~одно славнѣй друга,~~

предписывало

Отличіе присвоивало намъ.

3.

Спартанскою душой плѣняя насъ

воспитанный

Всегда хранимъ суровою Минервой

сядетъ

Пускай опять В — ~~будетъ~~ первой¹⁾

Послѣднимъ я, иль Бр — иль Д —²⁾

~~будутъ~~ явятся ъ

Но многія не ~~сядутъ~~ между нами...

Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ

Они придутъ; конечно надъ водами

Иль на холмѣхъ подъ сѣнью липъ густыхъ

1) Вальховскій.

2) Брольо и Данзасъ.

4.

Они твердятъ томительный урокъ
 Или романъ украдкой пожираютъ
 Или стихи влюбленные слогаютъ
 И по ть ^{звонокъ}
 Забывъ межъ тѣмъ полуденный уронъ
 Они придуть! — за праздные приборы
 Усядутся; напѣнять свой стаканъ
 Въ нестройный хоръ сольются разговоры
 И загремитъ веселый нашъ пѣанъ.

5.

Мечты, мечты! Со мною друга нѣтъ
 радостно ль бы я
 Съ кѣмъ могъ бы я запить виномъ разлуку
 Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
 И пожелать веселыхъ много лѣтъ —
 Я пью одинъ — вотще воображенье
 Вокругъ меня товарищей зоветъ
 Знакомое не слышно приближенье
 И милаго душа моя не ждетъ —

6.

Я пью одинъ — и на берегахъ Невы
 сегодня
 Меня друзья со вздохомъ именуютъ

Но многія-ль и тамъ изъ насъ прпують?

Еще кого не дощитались вы?

Кто измѣнилъ ^{толь сладостной} плѣнительной привычкѣ?

Кого отъ васъ увлекъ жестокой свѣтъ?

Чей гласъ умолкъ на братской переключкѣ?

Кто не пришелъ? кого межъ вами нѣтъ?

7.

^{шедь}
Онъ не придетъ, кудрявый нашъ пѣвецъ ¹⁾

Съ огнемъ очей, съ гитарой сладкогласной

Подъ лаврами Италіи прекрасной

Онъ мирно спитъ — ^{нашихъ Русскихъ Музъ} и дружескій рѣзецъ

Не начерталъ надъ ^{русскою} раннею могилой

Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ

Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой

^{бродя въ краю}
Сынъ Сѣвера на берегу чужомъ —

8.

^{Сидишь и}
Явился ль ты въ кругу своихъ друзей,

Чужихъ Небесъ любовникъ безпокойной? ²⁾

Иль снова ты проходишь тропикъ знойной

Иль вѣчный ледъ полунощныхъ морей?

¹⁾ Корсаковъ.

²⁾ Матюшкинъ.

Щастливый путь! Съ Лицейскаго порога
 Ты на корабль перешагнулъ шута
 И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
 О волнъ и бурь любимое дитя!

9.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
 Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы
 Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
 Среди бурныхъ волнъ мечтаются тебѣ^{лися}
 Ты простиралъ изъ за моря намъ руку
 Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
^{лишь одно повторялъ}
 И говорилъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ быть можетъ осудилъ!

10.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ
 Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
 Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
 Сростался онъ подъ сѣнью ^{-мудрыжъ} дружныхъ музъ
 Куда бы насъ не бросила судьбина
 И щастіе куда бъ не повело,
 Все тѣже мы; намъ цѣлый міръ чужбина
 Отечество намъ Сарское-Село.

11.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой
 За ^{судьбы} Опутанный въ сѣтяхъ нужды-суровой
 Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
 Уставъ, приникъ ласкающей главой...
 Съ любовію мечтой ~~чувствительной~~
~~Съ огнемъ любви печальной и мятежной~~
^{ой надеждой}
 Съ довѣрчивымъ незнаньемъ первыхъ лѣтъ
 Друзьямъ инымъ душой преданся нѣжной
^{не братскій}
 Но горекъ былъ холодный ихъ привѣтъ.

12.

И нынѣ здѣсь въ забытой сей глуши
 Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада
 Мнѣ сладкая готовилась отрада
 Троекъ изъ васъ друзей моей души
 Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный
 О П — нѣ ¹⁾ мой, ты первый посѣтилъ
 Ты усладилъ изгнанья день печальный
 Ты въ день его Лицея превратилъ.

13.

Мы вспомнили какъ ^{бъ} Вахку ² въ первый разъ
¹
 Безмолвную мы жертву приносили

¹⁾ Пущинъ.

15.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ
 Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
 Подъ бурею главою поникъ я темной
 И ждалъ тебя, Вѣщунъ Пермесскихъ Дѣвъ
 И ты пришелъ, Сынъ лѣни вдохновенный
 О Дельвигъ мой, твой голосъ ^{про}разбудилъ
 Сердечный жаръ такъ долго усыпленный
 И бодро я судьбу благословилъ

16.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ
 И дивное волненье мы познали
 Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали
 И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ
 Но я любилъ ^{уже}тѣжны рукоплесканья
 Ты ^{гордый}создавалъ ^{скромно}пѣлъ
 Ты-создавалъ для Музъ и для души
 Свей даръ,
 Стихи какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья
 Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

17.

Служенье Музъ не терпитъ Суеты,
 Прекрасное должно быть величаво

Но юность намъ совѣтуетъ лукаво
 И шумныя насъ радуютъ мечты —
 Ононмися — но поздно! и уныло
 Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ
 Скажи, Вильгельмъ ¹⁾, не толь и съ нами было
 Мой братъ родной по Музѣ по судьбамъ?

18.

Пора, пора! ^{душевныхъ} ~~сердечныхъ~~ нашихъ мукъ
 Не стоитъ мiръ; оставимъ заблужденья
^{снѣ}
 Сокроемъ жизнь подъ кровъ-единенья
 Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
 Приди; огнемъ волшебнаго разсказа
^{Сердечныя} ^ь ^{оживи}
 Преданiя души-возобнови
 Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа
 О Шиллерѣ, о славѣ, о любви —

19.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
 Предчувствую отрадное свиданье
 Запомните-жъ поэта предсказанье
^{съ} ^{и снова}
 Промчится годъ и къ вамъ-явлюся я

¹⁾ Кюхельбекеръ.

ъ онъ

Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній

.....

Промчится годъ ¹⁾ и я явлюся къ вамъ

О сколько слезъ и сколько восклицаній

И сколько чашъ подъятыхъ къ небесамъ!

20.

полнѣй

И первую, друзья, полнѣй!

И вею до дна! — Въ честь нашего союза!

Благослови, ликующая Муза!

Благослови!

Да здравствуетъ, да здравствуетъ Лицей!

~~И касседа уроки~~
Златія дни! и званія забавы.

.....

И чернѣй столъ, и бунты вечеровъ

И нашъ словарь, и плески мирной славы

И критики Лицейскихъ мудрецовъ! ²⁾

21.

вторую

1 О други съ мѣсть ~~бежалы~~ наливайте

2 Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря

3 Опять до дна, до капли выпивайте!...

Но за кого-жь?.. о други! угадайте...

4 Ура нашъ Царь! — такъ выпьемъ за Царя

¹⁾ Въ рукописи слово годъ пропущено.

²⁾ Т. е. сотрудниковъ журнала «Лицейскій Мудрецъ».

Онъ человекъ: имъ властвуетъ мгновенье

Онъ рабъ Молвы, сомнѣнья и страстей. —

Но такъ и быть

Простимъ ему не-правое гоненье:

Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

22.

Куницыну дань сердца и Вина!

Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень

Поставленъ имъ краеугольный камень

Имъ чистая лампада возжена...

Наставникамъ юность

~~Хвала и Вамъ, хранившимъ нашу младость~~

всѣмъ

И-честію и мертвымъ и живымъ

Къ устамъ подъявъ признательную чашу

Не помня зла, за благо воздадимъ.

23.

Пируйте-же пока еще мы тутъ

Увы! нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣеть

Кто въ гробѣ спитъ, кто дальний сиротѣеть

Судьба глядитъ, мы вянемъ, дни бѣгутъ —

Невидимо склоняясь и хладѣя

къ началу

Мы близимся къ-гробу своему...

Кому-жъ пзъ насъ подъ старость день Лицея

Торжествовать придется одному

24.

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
 Докучный гость и лишній и чужой
 и соединеній
 Онъ вспомнить насъ, дни юныхъ наслажденій
 Закрывъ глаза дрожащею рукой
 Пускай же онъ съ отрадой хоть печально
 Тогда
 Сей вѣрный день за чашей проведеть
 Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной
 Его проведь безъ горя и заботъ. —

Михайловское 1825 г.

Подпись на подлинномъ — чрезвычайно размашистый и неразборчивый парафъ.

ХІІІ.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ИЗДАНІЯМЪ ПУШКИНА.

Въ бумагахъ Плетнева сохранилось нѣсколько писанныхъ рукою князя Одоевскаго списковъ съ автографовъ Пушкина. Одоевскій былъ въ числѣ лицъ, разбиравшихъ рукописи поэта по смерти его и приготовлявшихъ новое изданіе его сочиненій. Между прочимъ тутъ на трехъ страницахъ въ листъ выписаны строфы *Евгенія Онтыина*, содержащія мѣстами неизвѣстные варианты къ тексту его и даже къ дополненіямъ, напечатаннымъ г. Якушкинымъ въ московскомъ изданіи Общества Люб. рос. сл. Сообщаю изъ этихъ выписокъ тѣ строфы, которыя вполне или отчасти являются здѣсь въ новомъ видѣ. Измѣненное или опущенное отмѣчаю курсивомъ.

Ко второй главѣ.

Къ строфѣ ХVІІІ (Якушк. стр. 248):

О двойка, ни дары свободы,
Ни *Фебъ*, ни *Омга*, ни *пвры*
Онтыина въ минувши годы
Не отвлекли бы отъ *игры*.
Задумчивый, всю ночь до *свѣта*
Бывалъ готовъ *онъ* въ эти *лѣта*
Допрашивать судьбы *завѣтъ*,
Налѣво *ляжетъ* ли *валетъ*.
Ужъ раздавался звонъ *обѣдень*;

Среди *разорванныхъ* колоды
 Дремалъ усталый банкومتъ,
 А онъ, *насмуренъ*, бодръ и блѣденъ,
 Надежды полнъ, закрывъ глаза,
Пускалъ на третьяго туза.

*

Ужъ я не тотъ *игрокъ нескромный*,
Скупой не вѣруя мечтѣ,
 Уже не ставлю карты темной,
 Замѣтя тайное руте.
 Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ;
 «Атанде», слово роковое,
 Мнѣ не приходитъ на языкъ;
 Отъ риѣмы также я отвыкъ.
 Что буду дѣлать? Между нами,
 Всѣмъ этимъ утомился я.
 Надняхъ попробую, друзья,
 Заняться бѣлыми стихами...
 Хотя имѣеть *кензельва* ¹⁾
 Большія на меня права.

КЪ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВѢ.

Къ строфѣ III (Як., стр. 253):

.....
 Несутъ на блюдечкахъ варенье
Съ одною ложкою для встѣхъ
(Въ деревнѣ нѣтъ иныхъ утѣхъ,
 Въ деревнѣ день есть цѣль ²⁾ обѣда).
 Поджавши руки, у дверей
 Сбѣжались *дѣвушки скорпый*
 Взглянуть на новаго сосѣда,

¹⁾ Сверху приписано: quinze elle va.

²⁾ А не *итѣ*, какъ напечатано въ дополненіяхъ къ *Евгенію Оньмину*.

*И на дворѣ толпа людей
Критиковала ихъ коней.*

За XXIII-ею предполагалась слѣдующая строфа, которой нѣтъ въ прежнихъ вариантахъ:

*Но вы, кокетки записныя,
Я васъ люблю, хоть это грѣхъ:
Улыбки, ласки указныя
Вы расточаете для всѣхъ,
Ко всѣмъ стремите взоръ пріятный;
Кому слова не въпрямую,
Того уверитъ поцѣлуй;
Кто хочетъ, воленъ, торжествуй.
Я прежде самъ бывалъ доволенъ
Единымъ взоромъ вашихъ глазъ;
Теперь лишь уважаю васъ,
Но холодной опытностью боленъ,
И самъ готовъ я вамъ помочь,
Но нѣмъ за двухъ и сплю всю ночь.*

Къ XXXV (Як., стр. 256):

*Теперь, какъ сердце въ ней забилося,
Заныло будто предъ бѣдой!
Возможно ль? что со мной случилось?
Зачѣмъ писала, Боже мой!
На мать она взглянуть не смѣетъ,
То вся горитъ, то вся блѣднѣетъ,
Весь день потупя взоръ молчить
И чуть не плачетъ, и дрожить.
Ввукъ няни поздно воротился,
Сосѣда видѣлъ онъ; ему
Письмо вручилъ онъ самому,
И чтожь сосѣдъ? — Верхомъ садился
И положилъ письмо въ карманъ.
Ахъ, чѣмъ-то кончится романъ?*

КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВѢ.

Къ XXXVIII¹⁾ (Як. 261):

Носилъ онъ русскую рубашку,
 Платокъ шелковый кушакомъ,
 Армякъ татарскій на распашку
И шляпу съ кровлею какъ домъ
Подвижный. Смиъ уборомъ чуднымъ,
 Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
 Весьма была огорчена
Псковская дама Дурина,
 А съ ней Мизинчиковъ²⁾. Евгенийъ,
 Быть можетъ, толки презиралъ,
А впрямь, ихъ не зналъ,
 Но все своихъ обыкновеній
 Не измѣнялъ въ угоду имъ:
 Зато былъ ближнимъ нестерпимъ.

КЪ ПЯТОЙ ГЛАВѢ.

Къ строфѣ XLIII, которая въ окончательномъ текстѣ *Евгенія Онгина* совсѣмъ пропущена, а въ примѣчаніи цитуемаго изданія напечатана безъ четырехъ первыхъ стиховъ (Як., 121):

Какъ гонитъ бичъ въ песку манежномъ
На кордъ гордыхъ кобылицъ,
Мужчины въ округъ мятежномъ
Погнали, дернуми двиницъ.
 Подковы, шпоры Пѣтушкова, и т. д.

КЪ ШЕСТОЙ ГЛАВѢ.

Строфы XV и XVI, пропущенныя въ окончательномъ текстѣ (Як., 131), печатаются здѣсь въ первый разъ:

Да, да, вѣдь ревности припадки —
Болъзнь, такъ точно какъ чума,

¹⁾ Въ дополненіяхъ ошибочно означено: XXXVII.

²⁾ Противъ имени *Дурина* на поляхъ приписано: «Дирина», а противъ имени *Мизинчиковъ* — «Пальчиковъ».

Какъ черный спмнъ, какъ мжорадка,
 Какъ поврежденіе ума.
 Она горячкой пламенъетъ,
 Она свой жаръ, свой бредъ имъетъ,
 Сны злые, призраки свои.
 Помилуй Богъ, друзья мои!
 Мучительный нтъ въ мръ казни
 Ея терзаній роковыихъ.
 Повърьте мнъ: кто вынесъ ихъ,
 Тотъ ужъ конечно безъ боязни
 Взойдетъ на пламенный костеръ,
 Иль шею склонитъ подъ топоръ.

*

Я не хочу пустой укорой
 Могилы возмущать покой;
 Тебя ужъ нтъ, о ты, которой
 Я въ буряхъ жизни молодой
 Обязанъ опытомъ ужаснымъ
 И рая мигомъ сладострастнымъ.
 Какъ учатъ слабое дитя,
 Ты душу нъжную, мутя,
 Учила горести глубокой.
 Ты нъгой волновала кровь,
 Ты воспаляла въ ней любовь
 И пламя ревности жестокой;
 Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
 Почій, мучительная тнь!

Строфа XXXVIII, также до сихъ поръ неизданная (Як., 142):

Исполня жизнь свою отравой,
 Не сдѣлавъ многого добра,
 Увы, онъ могъ безсмертной славой
 Газетъ наполнить нумера.

Уча людей, мороча братій
 При громъ плесковъ иль проклятій,
 Онъ совершитъ мой грозный путь,
 Дабы въ послѣдній разъ дохнуть
 Въ виду торжественныхъ трофеевъ,
 Какъ нашъ Кутузовъ иль Нелсонъ,
 Иль въ ссылкѣ, какъ Наполеонъ,
 Иль быть повѣшенъ, какъ Рыльцевъ.

Выписанныя здѣсь строфы принадлежатъ очевидно къ первоначальнымъ редакціямъ соотвѣтственныхъ главъ. Нѣкоторыя изъ этихъ строкъ были цѣликомъ забракованы Пушкинымъ при окончательной отдѣлкѣ главы, и такимъ образомъ замѣняющія ихъ въ напечатанномъ текстѣ заглавныя цифры означаютъ дѣйствительные пропуски.

Между оставшимися у Плетнева списками руки князя Одоевскаго есть и другія произведенія Пушкина, особенно многія сцены изъ *Бориса Годунова*, нѣкоторые изъ рассказовъ Н. К. Загряжской и проч. (съ отмѣтками на поляхъ: «не пропущено ценз. комитетомъ»); но всѣ эти извлечения уже нашли мѣсто въ позднѣйшихъ изданіяхъ нашего поэта. Сохранились также *народныя сказки* (въ прозѣ, какъ онѣ выходили изъ устъ рассказчика); онѣ переписаны рукой писаря, но такъ неграмотно, что ими въ настоящемъ видѣ трудно пользоваться.

Въ октябрѣ 1880 года И. П. Хрущовъ сообщалъ мнѣ доставшуюся ему отъ покойнаго Д. В. Полѣнова тетрадь стихотвореній лицейстовъ перваго выпуска съ отмѣткою: «Эта тетрадь принадлежала Матюшкину». Въ ней я не нашелъ почти ничего новаго, и выписалъ изъ нея только дополненія къ сказкѣ Пушкина *Бова*, которыя въ настоящее время уже напечатаны, да слѣдующую его же эпиграмму на одного изъ лицейскихъ гувернеровъ, до сихъ поръ (сколько мнѣ извѣстно) нигдѣ не появляющаяся:

ПОРТРЕТЪ.

Вотъ короузикъ нашъ, монахъ,
 Поэтъ, писецъ и воинъ.
 Всегда, за все, во всѣхъ мѣстахъ,
 Крапивы онъ достоинъ.
 Съ Мартыномъ ¹⁾ попь онъ записной,
 Съ Фроловымъ ²⁾ математикъ;
 Вступаетъ Энгельгардтъ-герой —
 И вмигъ онъ дипломатикъ.

Прилагаю нѣсколько замѣтокъ для комментарія къ сочиненіямъ Пушкина.

Въ статьѣ его о Дельвигѣ (V, 159) ³⁾ есть слѣдующій отзывъ: «Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены какъ нѣкоторое чудо». Анненковъ думаетъ, что въ этихъ словахъ Пушкинъ разумѣлъ самого себя; но едва ли онъ въ 1831 г., когда они писались, могъ имѣть такое скромное понятіе о своемъ талантѣ: не вѣрнѣе ли предположить, что онъ тутъ разумѣлъ Иличевскаго, къ которому такое сужденіе совершенно подходитъ? Извѣстно, что онъ подавалъ большія надежды своими первыми опытами.

Въ ноябрѣ 1828 г. Пушкинъ изъ Малинниковъ (Твер. губ.) писалъ Дельвигу (VII, № 206): «Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито». Эта замѣчательно смышленная

¹⁾ Мартынъ Степ. Пилецкій Урбановичъ, первый по времени инспекторъ классовъ въ лицей, мистикъ и иллюминатъ.

²⁾ Степанъ Степ. Фроловъ, третій по порядку инспекторъ классовъ, который передъ вступленіемъ Энгельгардта временно исправлялъ должность директора лица.

³⁾ Всѣ послѣдующія ссылки дѣлаются по изданію литературнаго фонда.

собака, которую долго показывали за деньги, впоследствии куплена была въ Карлсбадѣ нашимъ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ Татищевымъ и имъ подарена императору Николаю, который переименовалъ ее *Гусаромъ*. Она была такъ понятлива, что иногда замѣняла камердинера. Когда государю угодно было позвать къ себѣ кого-нибудь изъ жившихъ во дворцѣ, онъ только отдавалъ приказаніе о томъ *Гусару*: собака мигомъ бѣжала къ названному лицу и теребила его за платье; всѣ уже знали, что это значитъ. Когда она околѣла, кажется, въ 40-хъ годахъ, ее похоронили въ Царскомъ Селѣ, въ собственномъ государевомъ саду около колоннады, и поставили надъ нею родъ памятника. (Слыш. отъ князя Трубецкого).

Въ одномъ изъ стихотвореній В. Л. Пушкина есть мѣсто, въ которомъ съ перваго взгляда можно предполагать отношеніе къ его знаменитому племяннику; именно, въ посланіи къ графу Ф. И. Толстому говорится:

«Любезный Вяземскій, достойный Феба сынъ,
И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,
Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ».

Увѣренность, что здѣсь надо разумѣть Александра Сергѣевича, который смолоду признавалъ Вольтера своимъ любимымъ писателемъ, была не разъ выражаема въ печати. Между тѣмъ такое толкованіе оказывается невѣрнымъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, когда именно это посланіе было написано¹⁾; но во всякомъ случаѣ оно не можетъ относиться къ послѣднему періоду жизни Василя Львовича (1827—1830), когда Александръ Сергѣевичъ бывалъ въ Москвѣ. Въ посланіи говорится все о лицахъ, находящихся въ этомъ городѣ: авторъ сѣдуетъ, что не

¹⁾ Не имѣя подъ рукою всѣхъ журналовъ, въ которыхъ участвовалъ В. Л. Пушкинъ, мы лишены покуда возможности привести въ извѣстность то, гдѣ первоначально было напечатано это стихотвореніе.

можетъ быть на обѣдѣ у Толстого, и утѣшаетъ его тѣмъ, что у него будутъ гостями Вяземскій, Пушкинъ и Шаликовъ; но мы знаемъ, что Александръ Сергѣевичъ, съ поступленія въ лицей до сентября 1826 г., въ Москвѣ не бывалъ. Предположить же, что стихотвореніе это относится къ позднѣйшему времени, нельзя, потому что тогда Василій Львовичъ уже не могъ приписывать своему племяннику исключительнаго пристрастія къ Вольтеру и называть его балагуромъ. Эти два качества, напротивъ, идутъ какъ нельзя болѣе къ Алексѣю Мих. Пушкину, извѣстному остро слову и волтеріанцу, о пріятельскихъ же отношеніяхъ между нимъ и Васильемъ Львовичемъ свидѣтельствуемъ между прочимъ пьеса послѣдняго: «На случай шутки А. М. Пушкина»¹⁾.

Въ 1876 г., въ Миланѣ напечатана въ 16 д. л. итальянская драма подъ заглавіемъ: «Puschkin. Dramma in 4 atti e in versi di Pietro Cossa». Петръ Косса (род. 1830, ум. 1881) извѣстенъ многими произведеніями, имѣвшими на сценѣ большой успѣхъ, особенно же драмами *Nerone* и *Messalina*. Пьеса «Пушкинъ» была въ первый разъ представлена въ Миланѣ, въ 1869 г., а потомъ въ Триестѣ въ 1874, и по поводу этого послѣдняго представленія появилась въ *Русскомъ Архивѣ* того же года (кн. IV, стр. 01096) замѣтка русской дамы, бывшей въ числѣ зрителей. Похваливъ игру актеровъ, наша соотечественница не могла одобрить содержанія и справедливо отозвалась, что въ пьесѣ много вздору, но еще не довольно строго отнеслась къ нелѣпостямъ, которыми она наполнена. Авторъ драмы изъ біографіи Пушкина знаетъ одни имена, всѣ же обстоятельства и отношенія совершенно перепуталъ. У него Пушкинъ, женившись, держитъ у себя въ домѣ любовницу-цыганку, въ Наталью же Николаевну влюбленъ князь (il principe) Инзовъ, съ которымъ и стрѣляется Пушкинъ, прѣ чемъ секундантомъ поэта — баронъ Дельвигъ!

¹⁾ Подробными свѣдѣніями объ А. М. Пушкинѣ мы обязаны Л. Н. Майкову, сообщившему ихъ недавно въ изданіи *Сочиненій К. Н. Батюшкова* (III, 686—690). О В. Л. Пушкинѣ см. тамъ же обширное примѣчаніе г. В. Савитова (II, 512—525).

Послѣ такой вѣрности фактамъ нечего уже искать въ пьесѣ какихъ-либо достоинствъ, и достаточно только отмѣтить для Puschkiniana попытку итальянскаго писателя воспользоваться біографіей нашего поэта для фантастическаго сочиненія въ формѣ драмы.

Въ 40-хъ годахъ, занимая кафедру русской исторіи и литературы въ гельсингфорскомъ университетѣ, я переписывался съ П. А. Плетневымъ и иногда обращался къ нему съ вопросами о Пушкинѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ его объясненій:

«*Вастолу* Виланда перевелъ какой-то бывшій нѣкогда учитель Пушкина; онъ состоялъ въ первые годы членомъ Общества Соревнователей просвѣщенія и благотворенія. Послѣ служилъ онъ въ военномъ министерствѣ чиновникомъ, и, по общей слабости чиновниковъ изъ класса ученыхъ, попивалъ. Ему-то Пушкинъ и позволилъ назвать себя издателемъ его перевода».

«Пушкинъ въ 1825 г. назвалъ Вильгельма (т. е. Кюхельбекера) братомъ *по судьбамъ*¹⁾ отъ того, что жилъ тогда въ Михайловскомъ, не имѣя права возвратиться въ Петербургъ или въ Москву; Вильгельмъ же, по возвращеніи изъ Парижа (куда ѣздилъ въ качествѣ секретаря съ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ), гдѣ въ Атенеѣ прочелъ онъ нѣсколько либеральныхъ лекцій о русской литературѣ, принужденъ былъ убраться куда-нибудь подальше отъ центра администраціи: А. Тургеневъ и Жуковскій передали его Ермолову. Вотъ отъ чего и сказалъ Пушкинъ:

«Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа²⁾»...

«Но Вильгельмъ разсорился съ Ермоловымъ, и осенью 1825 г. возвратился на бѣду свою въ Петербургъ».

¹⁾ Въ стихотвореніи: 19-е октября:

Скажи, Вильгельмъ, не толь и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ.

²⁾ Въ томъ же стихотвореніи.

«*Домикъ въ Коломнѣ* для меня съ особеннымъ значеніемъ. Пушкинъ, вышедши изъ лица, дѣйствительно жилъ въ Коломнѣ надъ Корфами близъ Калинкина моста, на Фонтанкѣ, въ домѣ, бывшемъ тогда Клокачева. Здѣсь я познакомился съ нимъ. Описанная гордая графиня была дѣвица Буткевичъ, вышедшая за семидесятилѣтняго старика — графа Стройновскаго (нынѣ она уже за генераломъ Зуровымъ). Слѣдовательно, каждый стихъ для меня есть воспоминаніе или отрывокъ изъ жизни».

По ходатайству опеки, завѣдывавшей по смерти Пушкина изданіемъ сочиненій его, разосланъ былъ ко всѣмъ предводителямъ дворянства слѣдующій циркуляръ попечителя С.-петербургскаго учебнаго округа. Сообщаю его во всей точности по сохранившемуся въ бумагахъ Плетнева печатному экземпляру:

«Милостивый Государь,

«Вашему извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго года Россійская словесность лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ талантовъ, ее украшавшихъ. Преждевременная кончина Пушкина поразила горестію друзей Литтературы и Отечественной славы, и Государь Императоръ, первый покровитель всѣхъ высокихъ дарованій въ своемъ Государствѣ, изъявивъ особенное милостивое участіе въ судьбѣ покойнаго, осыпалъ своими монаршими щедротами оставленное имъ въ сиротствѣ семейство.

«Для усиленія Всемиловѣйше дарованныхъ оному пособій, опека, учрежденная надъ малолѣтними дѣтьми умершаго Поэта, приступила по соизволенію Его Императорскаго Величества къ изданію новаго полнаго собранія всѣхъ доселѣ напечатанныхъ сочиненій его. Публика уже извѣщена о семъ ею: но я, съ своей стороны, зная сколь много творенія хорошихъ писателей способствуютъ совершенствованію языка, образованію вкуса и вообще возвышенію чувства изящнаго, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность, согласно съ изъявленнымъ мнѣ желаніемъ опеки, покорнѣйше просить Ваше принять участіе въ раз-

дачѣ билетовъ на собраніе сочиненій Пушкина всѣмъ любителямъ Литтературы, всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія среди Дворянства Вами предводимаго. Кажется, нельзя сомнѣваться, что Русскіе всѣхъ сословій, всегда на поприщѣ славы и добра одушевляемые примѣромъ своего Монарха, захотятъ и въ семъ случаѣ, почтивъ память великаго поэта, съ тѣмъ вмѣстѣ способствовать и обезпеченію благосостоянія сиротъ, дѣтей его.

«Увѣренный въ благосклонномъ дѣятельномъ участіи Вашего
въ семъ дѣлѣ, я поручилъ Канцеляріи моей
доставитъ къ Вамъ нѣсколько билетовъ на собраніе сочиненій
А. С. Пушкина.

«Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію
Вашего

С.-Петербургъ.
Маія 1837».

XIV.

Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину¹⁾.

Отъ имени комитета, принявшаго на себя заботы по сооруженію памятника Пушкину, имѣю честь представить краткую исторію этого дѣла.

Мысль о памятникѣ великому поэту въ первый разъ была пущена въ ходъ изъ среды бывшихъ воспитанниковъ царскосельскаго лицея по поводу приготовленій, въ 1860 г., къ празднованію пятидесятилѣтняго юбилея его, при чемъ мѣсто будущему монументу предназначено было въ Царскомъ Селѣ, въ саду, нѣкогда принадлежавшемъ лицу. Сборъ пожертвованій по подпискѣ, съ высочайшаго разрѣшенія тогда же открытой по представленію директора лицея Н. И. Миллера, въ немногіе годы доставилъ 13,359 руб. Въ то же время художниками Лаврецькимъ и Бахманомъ составленъ былъ проектъ памятника, уже и осуществленный первымъ изъ нихъ въ модели довольно обширныхъ размѣровъ, помѣщенной въ залѣ Александровскаго лицея.

Мало по малу однакожь притокъ пожертвованій сталъ оскудѣвать и вскорѣ совершенно прекратился. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда на обычномъ лицейскомъ обѣдѣ, 19-го октября 1870 г., одинъ изъ участниковъ его воспользовался случаемъ

¹⁾ Читанъ мною 5-го іюня 1880 г. въ публичномъ засѣданіи комитета по сооруженію памятника, въ залѣ Московской Городской Думы, и напечатанъ на другой день въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

возобновить вопросъ о памятникѣ нашему поэту. Предложеніе это встрѣтило большое сочувствіе, и тутъ же, по мысли К. К. Грота, рѣшено было учредить, для дальнѣйшаго веденія дѣла, комитетъ изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ лицея. По ходатайству августѣйшаго попечителя его, принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, предположеніе наше удостоилось одобренія государя императора, и такимъ образомъ въ февралѣ 1871 г. составился, подъ главнымъ вѣдѣніемъ его высочества, комитетъ для сооруженія памятника Пушкину изъ слѣдующихъ семи лицъ, бывшихъ воспитанниковъ:

1-го выпуска лицея: статсъ-секретаря барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа и адмирала Э. Э. Матюшкина.

6-го выпуска: академика Грота.

7-го выпуска: статсъ-секретарей К. К. Грота, Н. А. Шторха и д. ст. с. А. И. Колемина.

Седьмымъ членомъ избранъ былъ воспитанникъ лицейскаго пансіона, вышедшій въ 1829 г., статсъ-секретарь, управлявшій дѣлами Комитета министровъ Э. П. Корниловъ, которому выпалъ жребій принять самое дѣятельное участіе въ окончательныхъ распоряженіяхъ по постановкѣ и открытію памятника.

Да позволено мнѣ будетъ, при этомъ случаѣ, почтить сердечнымъ воспоминаніемъ трехъ членовъ нашего комитета, исторгнутыхъ смертью изъ среды его прежде окончанія дорогого имъ дѣла. Особенно потрудился въ немъ младшій изъ нихъ, Н. А. Шторхъ: по своему посту въ IV-мъ Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи онъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ комитета и храненіемъ суммъ, составлявшихся изъ приношеній на памятникъ. По смерти его, въ декабрѣ 1878 г., заботы эти принялъ на себя К. К. Гротъ, а послѣ отъѣзда его, по болѣзни, въ минувшемъ году за границу, Э. П. Корниловъ. Оба они не могли обойтись безъ непосредственной помощи IV-го Отдѣленія Собственной канцеляріи его величества, и комитетъ съ особеннымъ удовольствіемъ свидѣтельствуетъ, какъ много онъ обязанъ, со времени кончины Н. А. Шторха, просвѣщенному содѣйствію

барона А. Ф. Гюне. Всею счетною частію непосредственно занимался помощникъ бухгалтера К. К. Тимоеевъ.

Два старшіе члена, потерю которыхъ мы оплакиваемъ, были достойные товарищи Пушкина, графъ Корфъ, умершій въ началѣ 1876 г., и адмиралъ Матюшкинъ, съ дѣтства связанный съ поэтомъ узами нѣжнѣйшей дружбы. По кончинѣ его, въ сентябрѣ 1872 г., комитетъ съ высочайшаго соизволенія избралъ членомъ своимъ воспитанника 6-го курса лицея, сенатора М. Н. Похвиснева.

Въ исторіи нашего дѣла Матюшкинъ памятенъ тѣмъ, что онъ первый подалъ мысль избрать мѣстомъ сооруженія Москву. Я упомянулъ, что первоначально рѣшено было поставить памятникъ въ царкосельскомъ лицейскомъ саду; но комитетъ, находя это мѣсто слишкомъ уединеннымъ, считалъ необходимымъ прискаты другой, болѣе отвѣчающій цѣли пунктъ. Въ Петербургѣ, уже богатомъ памятниками царственныхъ особъ и знаменитыхъ полководцевъ, мало было надежды найти достойное поэта, достаточно открытое и почетное мѣсто. Между тѣмъ нельзя было не согласиться съ Матюшкинымъ, что постановка памятника Пушкину въ Москвѣ, гдѣ безпрестанно толпятся, смѣняясь, уроженцы всѣхъ странъ Россіи, особенно была бы способна придать ему значеніе вполне народнаго достоянія. Съ другой стороны, связи Пушкина съ Москвою были нисколько не слабѣе, если еще не сильнѣе тѣхъ, которыя роднили его съ Петербургомъ. Въ Москвѣ онъ родился, и до 12-тилѣтняго возраста прожилъ частью въ самомъ городѣ, частью въ подмосковномъ селѣ Захаровѣ¹⁾. Здѣсь онъ ознакомился съ народнымъ бытомъ и языкомъ, сблизился съ самимъ народомъ. Здѣсь нашелъ онъ могучее противодѣйствіе тому французскому воспитанію, которое онъ, по духу времени, получалъ въ родительскомъ домѣ: въ деревнѣ ему полюбилися крестьянскія пѣсни, хороводы и пляски.

¹⁾ Собственно *Захарыинъ*, но въ просторѣчьи употребительнѣе принятая въ текстѣ форма этого имени, которую обыкновенно употреблялъ и самъ Пушкинъ.

Въ сосѣднемъ съ Захаровомъ историческомъ селѣ Вязѣмахъ онъ слышалъ преданія, впервые пробудившія въ немъ любовь къ русской старинѣ. По родственнымъ и дружескимъ связямъ своего отца, онъ съ дѣтства вступилъ въ кругъ московскихъ литераторовъ, къ которому, кромѣ дяди его Василья Львовича, принадлежали Карамзинъ, Дмитріевъ, Тургеневъ, Жуковский; понятно, какъ общество этихъ людей должно было дѣйствовать на развитіе литературныхъ вкусовъ и авторскаго направленія въ отрочѣ. Послѣ своего помѣщенія въ лицей Пушкинъ долго не былъ въ Москвѣ. По окончаніи шестилѣтняго воспитанія въ этомъ заведеніи онъ не пробылъ въ Петербургѣ и трехъ полныхъ лѣтъ; а за тѣмъ наступилъ періодъ его страннической жизни, продолжавшійся опять шесть лѣтъ. Но въ Москвѣ же, съ новымъ царствованіемъ, началось его общественное возрожденіе, когда императоръ Николай, послѣ коронаціи, вызвавъ его изъ деревни, милостиво положилъ конецъ его изгнанію и объявилъ себя его цензоромъ. Наконецъ, въ Москвѣ же онъ встрѣтилъ ту, съ которою рука объ руку вступилъ на новый путь жизни, введшій его въ невѣдомый прежде міръ идей и нравственныхъ ощущеній. Тамъ совершилась и самая женитьба Пушкина. Около этого времени и въ немногіе остальные годы жизни своей онъ часто бывалъ въ Москвѣ и принималъ дѣятельное участіе въ ея литературномъ движеніи. Есть мнѣніе, будто онъ не любилъ своего родного города; можетъ быть, увлекаясь остроуміемъ, онъ иногда дѣйствительно подшучивалъ надъ Москвой, точно такъ же какъ въ другія минуты бранилъ Петербургъ, видя въ немъ «скуку, холодъ и гранитъ». Но нигдѣ въ сочиненіяхъ его мы не находимъ слѣдовъ серьезнаго нерасположенія къ Москвѣ. Напротивъ, въ нихъ часто выражается его сочувствіе къ ней. Въ примѣръ того можно привести особенно VII-ую главу *Евгенія Онегина*, передъ которою онъ помѣстилъ нѣсколько эпиграфовъ изъ разныхъ поэтовъ въ похвалу Москвѣ, а потомъ самъ съ горячею любовью обращается къ ней, называя ее *своею*. «Благослови Москву Россія», сказалъ онъ въ стихотвореніи *Наполеонъ*.

Празднымъ и ребяческимъ дѣломъ было бы хотѣть сравнительно опредѣлить, которая изъ обѣихъ столицъ имѣла болѣе правъ на памятникъ Пушкина; но изъ сказаннаго достаточно видно, до какой степени Москва была близка поэту, и какъ много было оснований избрать въ настоящемъ дѣлѣ древнюю столицу, это средоточіе Россіи въ духовномъ, какъ и въ физическомъ смыслѣ¹⁾. По всеподданнѣйшему докладу принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, государь императоръ, согласно съ ходатайствомъ комитета, 20-го марта 1871 г., всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: «чтобы помятникъ Пушкина поставленъ былъ не въ Царскомъ Селѣ, какъ прежде указано было, а въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія поэта, гдѣ монументъ его получить въполнѣ національное значеніе».

Затѣмъ комитету надлежало сообразить, въ какомъ именно пунктѣ Москвы всего приличнѣе воздвигнуть памятникъ. По этому поводу членъ комитета К. К. Гротъ въ концѣ 1871 г. вызвался съѣздить туда для совѣщанія съ наиболѣе интересующимися дѣломъ мѣстными жителями. При его участіи, у князя В. А. Черкаскаго состоялось собраніе изъ слѣдующихъ лицъ: городского головы Лямина, И. С. Аксакова, П. И. Бартенева, М. Н. Каткова, П. И. Миллера, М. П. Погодина и Ю. Θ. Самарина. Послѣ недолгихъ преній комитету предложено было на выборъ два мѣста, именно: либо край Тверского бульвара противъ Страстнаго монастыря, либо новообразованный въ то время скверъ при Страстномъ бульварѣ. Комитетъ отдалъ предпочтеніе первому изъ названныхъ двухъ пунктовъ. Выборъ этотъ, по одобреніи его московскимъ генераль-губернаторомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, удостоился высочайшаго утвержденія 17-го іюня 1872 г., и съ согласія Общей

¹⁾ Это замѣчаніе было вызвано полемическими статьями, появлявшимися въ газетахъ, когда въ началѣ дѣятельности комитета стало извѣстнымъ рѣшеніе его поставить памятникъ Пушкину въ Москвѣ. Въ этихъ статьяхъ доказывалось, что право на такое сооруженіе принадлежитъ предпочтительно Петербургу.

Думы рѣшено было отрѣзать отъ Тверскаго бульвара подъ памятникъ около 30-ти сажень по прямой линіи. На этомъ-то мѣстѣ и воздвигнуто открытое нынѣ сооруженіе.

Далѣе комитету предстояло составить новый проектъ памятника, такъ какъ для выполненія прежняго требовалась такая сумма (именно 89,000 руб.), на полученіе которой комитетъ въ то время не могъ разсчитывать. Притомъ и по замыслу своему проектъ этотъ не вполне отвѣчалъ тому идеалу простоты и единства созданія, который желательно было видѣть осуществленнымъ въ памятникѣ поэта, столь отличавшагося именно этими чертами творчества въ своихъ произведеніяхъ. Желая въ то же время послужить русскому искусству вызовомъ наличныхъ представителей его къ участію въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ, комитетъ въ 1872 г. открылъ восьмимѣсячный конкурсъ, предлагая всѣмъ русскимъ ваятелямъ представить скульптурныя модели обѣихъ частей памятника: пьедестала и статуи поэта, причемъ за наиболѣе удовлетворительные проекты назначено шесть премій различныхъ размѣровъ.

Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, въ мартѣ 1873 г. явилось 15 моделей, которыя и были выставлены на общественный судъ въ залѣ Опекунскаго Совѣта. Для оцѣнки ихъ, равно какъ и прежде для составленія программы конкурса и проекта моделей, комитетъ приглашалъ къ совмѣстнымъ съ нимъ совѣщаніямъ извѣстнѣйшихъ художниковъ изъ среды не только скульпторовъ, но и живописцевъ. Организованная такимъ образомъ комиссія присяжныхъ нашла, что хотя ни одна изъ представленныхъ моделей не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ программы, однакожъ нѣкоторыя изъ нихъ, по относительнымъ достоинствамъ своимъ, заслуживаютъ награды, и премій присуждено на 3,500 р. слѣдующимъ художникамъ, гг. Опекушину, Забѣлѣ, Шредеру, Боку и Ильенку.

Затѣмъ признано нужнымъ учредить новый конкурсъ, который и состоялся тѣмъ же способомъ и на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ. Представленнымъ вслѣдствіе того въ мартѣ 1874 г.

19-ти моделямъ устроена была опять публичная выставка, на этотъ разъ въ залѣ Академіи Наукъ. Приглашенные для обсуждения ихъ вмѣстѣ съ комитетомъ эксперты изъ художниковъ и литераторовъ и теперь не признали ни одной модели достойною полного одобренія, но присудили, по произведенной баллотировкѣ, второстепенныя преміи, всего на 2,000 руб., тремъ изъ составившихся скульпторовъ, именно гг. Опекушину, Забѣлѣ и Боку.

Такъ какъ послѣ двухъ, не приведшихъ къ цѣли конкурсовъ, учреждать третій казалось бесполезнымъ, то вмѣсто того, по совокупному опредѣленію комитета и экспертовъ, предложено было двумъ составителямъ наиболѣе удавшихся моделей, гг. Опекушину и Забѣлѣ, изготовить въ увеличенномъ размѣрѣ двѣ новыя модели, исправивъ прежнія по указаніямъ небольшой комиссіи экспертовъ, составленной, подъ предсѣдательствомъ профессора архитектуры Д. И. Гримма, изъ художниковъ: по скульптурной части Лаврецкаго, по живописи Кёлера и Крамского. Представленныя вслѣдствіе того въ маѣ 1875 г. двѣ модели выставлены были въ помѣщеніи постоянной художественной выставки. Комитетъ, по обсужденіи ихъ вмѣстѣ съ приглашенными имъ экспертами, находилъ въ обѣихъ положительныя достоинства, но въ виду необходимости рѣшиться въ пользу одной изъ нихъ, отдалъ предпочтеніе модели г. Опекушина, какъ соединявшей въ себѣ съ простотою, непринужденностью и спокойствіемъ поэтыпъ, наиболѣе подходящій къ характеру наружности поэта.

Выгѣпленная по этой модели колоссальная статуя, окончательно еще усовершенствованная по замѣчаніямъ экспертизы, представлена была принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ на воззрѣніе государя императора и, удостоенная высочайшаго его величества одобренія, отлита изъ бронзы на заводѣ покойнаго Когуна, въ С.-Петербургѣ.

Для постановки памятника и другихъ строительныхъ работъ избранъ былъ г. Опекушинымъ, по предоставленному ему праву, архитекторъ И. С. Богомоловъ; для каменныхъ же работъ комитетъ пригласилъ подрядчика А. А. Барина. Наблю-

деніе за работами и извѣщеніе комитета о ходѣ ихъ принялъ на себя постоянно живущій въ Москвѣ, бывшій воспитанникъ 6-го курса лицея П. И. Миллеръ.

Ограничиваясь этими немногими свѣдѣніями о ходѣ сооруженія памятника, я долженъ присоединить къ нимъ краткій отчетъ въ употребленіи собранныхъ по подпискѣ денежныхъ средствъ.

Когда комитетъ начиналъ свою дѣятельность, имѣвшаяся въ распоряженіи его сумма, вмѣстѣ съ накопившимися процентами, составляла 18,000 руб. съ небольшимъ. Для возобновленія сбора пожертвованій напечатано было въ газетахъ приглашеніе, и вслѣдъ за тѣмъ приступлено къ раздачѣ подписныхъ книжекъ. Но прежде всего мы должны съ благоговѣйною признательностью упомянуть о томъ милостивомъ участіи, какое въ этой подпискѣ соизволили принять августѣйшіе члены императорскаго семейства. Частныя приношенія начали поступать со всѣхъ сторонъ. Кромѣ множества отдѣльныхъ лицъ, успѣшному сбору значительно содѣйствовали редакціи главныхъ повременныхъ изданій и нѣкоторые книгопродавцы. Комитетъ, положивъ въ основаніе своихъ дѣйствій два коренныя начала — гласность и строгую отчетность — вскорѣ сталъ печатать въ газетахъ свѣдѣнія о постепенномъ приращеніи своихъ средствъ, и мало по малу собранная имъ сумма возросла до 83,922 руб. 61 коп. Впослѣдствіи итогъ всей суммы съ накопившимися на нее процентами составилъ 106,575 р. 10 к. ¹⁾.

Такъ какъ еще при первоначально открытой подпискѣ мѣстомъ храненія стекавшихся пожертвованій избрано было IV Отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи, то туда же и теперь окончателно поступали собираемая комитетомъ суммы. Самыми крупными расходами были слѣдующіе:

¹⁾ Въ этой суммѣ заключаются между прочимъ 23,652 руб. 49 коп., составившіяся: 1) изъ процентовъ, начисленныхъ въ С.-Петербургскомъ банкѣ; 2) изъ процентовъ, полученныхъ по процентнымъ бумагамъ, приобретеннымъ комитетомъ, и 3) изъ разности между суммою, затраченною комитетомъ на покупку процентныхъ бумагъ, и суммой, вырученною чрезъ ихъ продажу.

На преміи по двумъ конкурсамъ издержано .	5,500 р. — к.
Академику Опекушину за вылѣпку гипсовой статуи уплачено	20,000 » — »
Архитектору Богомолу	5,500 » — »
Подрядчику Баринову	40,016 » 53 »
За отливку статуи изъ бронзы на заводѣ Когуна	15,745 » — »
Всего издержано, считая и болѣе мелкіе расходы	87,510 » 16 »
За всѣми расходами остается въ распорженіи комитета	19,064 » 94 »

Имѣющейя въ остаткѣ суммѣ должно быть придумано назначеніе возможно согласное съ желаніями жертвователей и близкое къ главной цѣли сбора, что и будетъ предметомъ обсужденія комитета, какъ скоро онъ найдетъ возможность собраться въ болѣе полномъ составѣ¹⁾.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить глубочайшую благодарность комитета всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и отдѣльнымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ему трудомъ или пожертвованіями въ исполненіи задачи, которую онъ принялъ на себя предъ обществомъ. Ихъ просвѣщенному вниманію, довѣрію и участію обязанъ онъ тѣмъ, что могъ съ успѣхомъ довести до конца дѣло, конечно почетное и отрадное для каждого русскаго, но представлявшее и свои несомнѣнныя трудности. Пушкинскій комитетъ почитаетъ себя счастливымъ и гордится тѣмъ, что ему суждено было, подъ всемиловѣйшимъ покровительствомъ государя императора и при высокомъ содѣйствіи принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, послужить орудіемъ

¹⁾ Въ январѣ 1881 г. состоялось это засѣданіе комитета при участіи нѣсколькихъ приглашенныхъ имъ постороннихъ лицъ, преимущественно изъ среды литераторовъ. Изъ многихъ предложенныхъ тутъ способовъ употребленія сбереженной суммы большинствомъ голосовъ избрано было учрежденіе при Академіи Наукъ преміи, которая съ 1882 г. и была уже присуждена три раза.

этого истинно народнаго предпріятія, совершеннаго по частному почину, безъ всякой примѣси бюрократическаго или приказнаго характера, безъ дополнительныхъ пособій отъ казны и притомъ со сбереженіемъ довольно значительной суммы.

Нынѣ, по прошествіи семи лѣтъ со времени открытія памятника Пушкину, дополню этотъ очеркъ нѣкоторыми, не лишенными интереса, подробностями частнаго свойства.

Въ день обычнаго лицейскаго обѣда первыхъ семи курсовъ, 19-го октября 1870 года, меня сильно занималъ вопросъ, не сдѣлать ли на предстоящемъ собраніи товарищей предложенія принять энергическія мѣры къ возобновленію прекратившейся подписки на памятникъ Пушкину. Съ одной стороны я предвидѣлъ, что вслѣдствіе того на меня ляжетъ значительная доля заботъ и труда по этому предпріятію, съ другой — хотѣлось послужить общественному и патріотическому дѣлу. Доброе побужденіе превозмогло; мысль моя была принята всѣми съ восторгомъ, и тотчасъ же, по предложенію моего брата, Константина Карловича, рѣшено образовать комитетъ изъ среды лицейстовъ. Изъ воспитанниковъ 1-го курса положено было, сверхъ названныхъ въ очеркѣ двухъ лицъ, графа Корфа и Матюшкина, пригласить въ члены и князя Горчакова. Съ этимъ порученіемъ отправились къ нему братъ мой и Н. А. Шторхъ, но князь Горчаковъ не нашелъ возможнымъ согласиться на ихъ просьбу, ссылаясь на свои занятія и, кажется, на свое здоровье.

Во время открытія памятника, газеты называли предсѣдателемъ комитета то Ѳ. П. Корнилова, то меня. Но комитетъ, съ самаго учрежденія своего, не имѣлъ официальнаго предсѣдателя. Принцъ Ольденбургскій, въ вѣдѣніи котораго состоялъ комитетъ, участія въ его засѣданіяхъ не принималъ. Предсѣдательствовалъ обыкновенно либо старшій изъ наличныхъ членовъ, либо тотъ, кто завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ. Обязанность веденія протоколовъ и переписки пала естественно на меня. Собирались

сперва у графа М. А. Корфа, а по кончинѣ его (въ началѣ 1876 г.) — у Н. А. Шторха; когда же и его не стало, — то у К. К. Грота. Съ отъѣздомъ послѣдняго, въ 1879 г., по болѣзни, за границу, насъ осталось въ Петербургѣ всего трое: Ѡ. П. Корниловъ, М. Н. Похвисневъ¹⁾ и я. Мы стали собираться у Похвиснева. На открытіе памятника онъ ѣхать не могъ, такъ какъ разстроенное его здоровье требовало безотлагательнаго путешествія къ минеральнымъ водамъ, и такимъ образомъ представителями комитета при открытіи памятника могли явиться въ Москву только Ѡ. П. Корниловъ и я. Со времени заключенія контрактовъ съ г. Опекушинымъ и подрядчикомъ Бариновымъ, когда на попеченіи комитета остались одни хозяйственныя распоряженія, составленіе протоколовъ и вся офиціальная часть были переданы мною въ руки Н. А. Шторха. Теперь же, когда работы по сооруженію памятника стали приближаться къ концу, большую часть практическихъ заботъ по этому дѣлу принялъ на себя Ѡ. П. Корниловъ.

Сперва предполагалось открыть памятникъ уже осенью 1879 г., именно 19-го октября; но встрѣтились неожиданныя обстоятельства, замедлившія окончаніе работъ. Главное препятствіе состояло въ томъ, что при постановкѣ угловыхъ монолитовъ для устройства лѣстницы кругомъ пьедестала, съ однимъ изъ нихъ случилась неудача: при опущеніи онъ упалъ и раскололся. Для возможно скорой замѣны его мы прибѣгнули къ совѣтамъ профессоровъ Академіи Художествъ А. И. Рязанова и Д. И. Гримма, которымъ комитетъ уже и прежде много обязанъ былъ за ихъ просвѣщенное содѣйствіе всякій разъ, когда онъ обращался къ ихъ знаніямъ и опытности. Теперь, согласно съ ихъ указаніями, архитектору Богомолу удалось замѣнить поврежденный монолитъ двумя новыми камнями такъ искусно, что черта соединенія ихъ, при самомъ тщательномъ вниманіи, съ трудомъ можетъ быть замѣчена.

¹⁾ Бывшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Затѣмъ, днемъ открытія памятника назначено было 26-е мая 1880 г., годовщина рожденія Пушкина. Въ этотъ день предполагалось устроить въ Москвѣ торжественный обѣдъ, на который должны были собраться литераторы и депутаты отъ учреждений и обществъ; приняты были мѣры для устройства порядка въ отпращиваніи по этому случаю поѣздовъ Николаевской дороги. Въ типографіи Академіи Наукъ уже были напечатаны приглашительныя повѣстки на означенный день. Совѣщаюсь съ Ѡ. П. Корниловымъ и В. П. Гаевскимъ, какъ предсѣдателемъ литературнаго фонда, о церемоніалѣ открытія памятника. Между тѣмъ со мною вступаетъ въ сношеніе С. А. Юрьевъ, какъ предсѣдатель Общества любителей россійской словесности, которое пожелало взять въ свои руки устройство празднествъ по случаю открытія памятника. Ректоръ Московскаго университета, Н. С. Тихонравовъ, телеграммою увѣдомляетъ меня о согласіи на мою просьбу предоставить комитету университетскую актовую залу для публичнаго засѣданія въ день торжества. Отъ имени комитета печатается въ газетахъ объявленіе о приглашеніи къ отправленію въ Москву депутацій. Черезъ нѣсколько дней мы получаемъ отъ Московской городской думы предложеніе воспользоваться ея заломъ для торжественнаго засѣданія и приема депутацій, и по согласенію съ ректоромъ университета принимаемъ это предложеніе. Мая 22-го я отправляюсь въ Москву, куда статсъ-секретарь Корниловъ уѣхалъ уже нѣсколькими днями ранѣе. На желѣзной дорогѣ узнаю отъ начальника петербургской станціи горестное извѣстіе о кончинѣ императрицы Маріи Александровны утромъ того же дня; но такъ какъ по предварительному условію меня ждуть въ Москвѣ, то я не могу отложить своей поѣздки. Послѣ бывшей тамъ, въ день моего пріѣзда, панихиды по усопшей государынѣ, совѣщаюсь съ митрополитомъ Макаріемъ и Ѡ. П. Корниловымъ о порядкѣ открытія и освященія памятника. Вслѣдъ за тѣмъ Ѡ. П. и я являемся къ генералъ-губернатору князю В. А. Долгорукову, который удостоиваетъ насъ самаго любезнаго приема и приглашаетъ ежедневно къ своему столу, за кото-

рымъ всегда будутъ для насъ готовые приборы. Между тѣмъ по поводу постигшей Россію тяжкой утраты, министръ внутреннихъ дѣлъ (гр. Лорисъ-Меликовъ) телеграфировалъ князю, что «открытіе памятника отлагается на нѣкоторое время», и скоро послѣ того, по соглашенію князя съ нами, днемъ открытія было избрано 3-е іюня. Въ предположеніи вернуться къ этому числу въ Москву мы уѣхали въ Петербургъ, чтобы 28-го мая присутствовать на погребеніи императрицы. Но 31-го мая послѣдовала, по недоразумѣнію, новая отсрочка дня открытія: случилось, что старая телеграмма князя Долгорукова къ принцу Ольденбургскому о томъ, что открытіе отложено, была принята за вновь полученную. Вслѣдствіе этой ошибки, предназначенный 1-го іюня льготный поѣздъ желѣзной дороги отмѣненъ былъ въ ту самую минуту, когда на станцію пріѣзжали депутаты, чтобы занять свои мѣста, а нѣкоторые уже и расположились въ вагонахъ. Можно представить себѣ впечатлѣніе, произведенное этимъ неожиданнымъ распоряженіемъ. Что касается меня, то я все-таки поѣхалъ (Корниловъ былъ уже въ Москвѣ), такъ какъ на другой день мы обѣщались быть на обѣдѣ, который московскіе лицеисты давали намъ, какъ членамъ комитета по сооруженію памятника. 3-го іюня генералъ-губернаторомъ получено было изъ Петербурга по телеграфу извѣстіе, что открытіе окончательно разрѣшено на 6-е іюня. 4-го прибылъ въ Москву для участія въ торжествѣ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, которому мы съ Корниловымъ въ тотъ же день и представились въ зданіи Воспитательнаго Дома. Въ невольномъ замедленіи открытія памятника его высочество признавалъ хорошую сторону, такъ какъ оно дало возможность сдѣлать, не торопясь, всѣ приготовленія къ празднеству. Дальнѣйшихъ подробностей не касаюсь: все относящееся къ описанію пушкинскихъ дней собрано въ книгѣ, изданной подъ заглавіемъ: *Вѣнокъ на памятникъ Пушкину*.

XV.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ДЛЯ БИОГРАФИИ ПУШКИНА.

Цѣль этого хронологического перечня — служить пособіемъ не однимъ будущимъ біографамъ Пушкина, но и вообще внимательнымъ читателямъ его, особенно пользующимся таими изданіями, гдѣ сочиненія его расположены не въ повременномъ порядкѣ. Такъ какъ я не во всѣхъ показаніяхъ имѣлъ возможность руководствоваться первоначальными источниками, то въ нѣкоторыхъ (впрочемъ, надѣюсь, не во многихъ) числовыхъ данныхъ могутъ встрѣтиться неточности, исправленіе коихъ будетъ подлежать имѣющимъ доступъ къ подлиннымъ документамъ. Недостаточныя свѣдѣнія легко могутъ быть пополнены. На общезвѣстные матеріалы болѣею частью не ссылаюсь. Изъ сочиненій Пушкина занесу въ перечень только важнѣйшія или находящіяся въ связи съ его біографіей.

1696. Рожденіе Абрама (Ибрагима) Петр. Ганнибала (по Лонг., *P. A.* 1864, стр. 185; — по А. С. Пушкину, *Соч.* V, 151¹), Ган. родился 1688).
1705. Поступленіе Абр. Ганнибала на службу къ Петру В.
1707. Крещеніе Абр. Ганнибала Петромъ В. въ Вильнѣ.
1716. Отправленіе Абр. Ганнибала въ Парижъ на воспитаніе.
1723. Возвращеніе Абр. Ганнибала въ Россію и опредѣленіе его въ бомбардирскую роту преображенскаго полка.
— Февр. 17. Рожденіе Льва Александр. Пушкина, дѣда поэта, женатаго во второмъ бракѣ на Ольгѣ Чичериной. (Она ум. 1790).
1727. Отправленіе Абр. Ганнибала съ порученіемъ въ Сибирь.
1731. Возвращеніе Абр. Ганнибала изъ Сибири и отправленіе его Минскомъ въ деревню.
1734. Вторая женитьба Абр. Ганнибала на Христинѣ Шёбергъ.
1735. Рожденіе Ивана Абрамовича Ганнибала.
1740. Рожденіе Петра Абрам. Ганнибала.

¹) Всѣ ссылки на сочиненія Пушкина дѣлаю по изданію литературнаго фонда, означая только томъ и стран., а въ VII томѣ и № письма; но когда для отысканія письма достаточно одной даты его, то другого указанія не прибавляю.

1742. Рожденіе Осипа Абрамовича Ганнибала. •
— Абрамъ Петр. Ганнибалъ пожалованъ въ генераль-майоры и назначенъ ревельскимъ оберъ-комендантомъ.
1762. Іюня 8. Отставка Абрама Петр. Ганнибала по прошенію.
— При водареніи Екатерины II Левъ Александр. Пушкинъ (дѣдъ поэта), служившій въ артиллеріи, остается вѣренъ Петру III.
1765. Сент. 2. Письмо Екатерины II къ Абр. Ганнибалу о доставленіи ей плана канала между Москвою и Петербургомъ (Ан. *Мат.* ¹) 292).
1770. Апр. 27. Рожденіе Василія Львов. Пушкина. († 1830).
— Взятіе Наваррина Иваномъ Абр. Ганнибаломъ.
1771. Во время чумы въ Москвѣ рожденіе Николая Ник. Раевского (впосл. генерала). Мать его — рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова.
1775. Авг. 12. Рожденіе въ Ригѣ Егора Ант. Энгельгардта († 1862).
1779. Построеніе Херсона Иваномъ Абр. Ганнибаломъ.
1781. Смерть Абрама Петр. Ганнибала на 86-мъ году (по Лонг.; — по А. С. Пушкину на 93-мъ).
1790. Смерть Льва Александр. Пушкина (род. 1723).
1797. Рожденіе Екат. Никол. Раевской, въ замуж. съ 1821 г. Орловой. (*Барт. II. въ Южн. Рос.*, стр. 52).
1798. Рожденіе въ Петербургѣ Ольги Серг. Пушкиной (въ замуж. Павлицевою).
— Авг. 6. Рожденіе барона А. А. Дельвига въ Москвѣ († въ Пб. 1831).
— Сергѣй Львов. Пушкинъ оставляетъ военную службу (гвард. егерскій полкъ, въ который перешелъ изъ измайлов. при имп. Павлѣ).
1799. Марія Алексѣевна Ганнибалъ, бабушка поэта, продаетъ село Кобринно и приобретаетъ подмосковное сельцо Захарьино. Все семейство переѣхало на жительство въ Москву и съ тѣхъ поръ дѣто проводитъ въ Захарьино до 1811 г.
— Мая 26 (день Вознесенія). Рожденіе въ Москвѣ Александра Сергѣевича Пушкина.
1801. Рожденіе Ник. Ник. Раевского (младшаго).
— Окт. 12. Смерть Ивана Абр. Ганнибала (род. 1735).
1802. Рожденіе Ник. Серг. Пушкина (ум. 1807).
1806. Рожденіе Льва Серг., впосл. женатаго на Елиз. Александр. Загряжской. (Онъ ум. 1852).
— Смерть Осипа Абрам. Ганнибала (род. 1742), дѣда поэту, женат. на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамб. воеводы, двоюр. сестрѣ дѣду поэта Льву Александр. (См. 1723).
1807. Смерть Николая Серг. Пушкина (род. 1802) и погребеніе его въ Вязьмахъ.
1810. Авг. 12. Имп. Александръ I утверждаетъ постановленіе о царско-сельскомъ лицѣѣ.
1811. Янв. 11. Постановленіе о лицѣѣ обнародовано.

¹) Анненкова *Матеріалы для біографіи Пушкина* цитую по второму, отдѣльному ихъ изданію.

1811. Июнь. Первая публикація о приѣмѣ воспитанниковъ въ лицей.
 — Авг. 12. А. С. Пушкинъ сдаетъ экзаменъ для поступленія въ лицей.
 — Сент. 22. Подписана императорская грамота лицейю.
 — Окт. 19. Открытіе царскосельскаго лицей.
 — » 23 (понед.) Начало преподаванія въ лицей.
 — Продажа сельца Захарыпа.
1812. Авг. 27. Рожденіе Нат. Никол. Гончаровой (см. письма Пушкина, *Соч.* VII, 320, № 348).
1814. Янв. 27. Открытіе въ Софій лицейскаго благороднаго пансіона.
 — Марта 23. Смерть перваго директора лицей, Вас. Ѳеод. Малиновскаго.
 — Мая 8. За болѣзнію проф. Н. Ѳ. Кошанскаго, назначеннаго исправлять должность директора, управленіе лицеемъ поручено конференціи.
 — Мая 19. Адъютантъ Галпчъ временно замѣняетъ больного Кошанскаго (по 1-е июня 1815 г.).
 — Юля 4 (субб.) Первое напеч. стихотв. Пушкина *Другу стихотворцу* появилось въ № 13 *Вѣстника Европы*.
 — Сергѣй Львов. Пушкинъ, вновь поступивъ на службу, состоитъ въ Варшавѣ начальникомъ комиссаріатской комиссіи резервной арміи.
 — Сент. 13. Управленіе лицеемъ возлагается на директора лиц. пансіона Гауэншильда, а вслѣдъ за тѣмъ, по увольненіи его, на инспектора Фролова.
 — Сент. 28. Гауэншильдъ вступаетъ въ должность директора лицей.
1815. Янв. 8. Экзаменъ въ лицей для перехода въ старшій курсъ; Пушкинъ читаетъ *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* въ присутствіи Державина.
 — Апрель. Полная подпись пмени поэта *Александръ Пушкинъ* является въ первый разъ въ № 4 *Россійскаго Музеума* подъ стихотв. *Воспоминанія въ Ц. С.*
1816. Янв. 9. Въ лицей членамъ конференціи предписано поочередно управлять заведеніемъ.
 — Янв. 27. Указъ о назначенія директоромъ лицей Ег. Ант. Энгельгардта (род. 12 авг. 1775, ум. 15 янв. 1862). Воспом. о немъ *Р. Арх.* 1872, стр. 1462—1491.
 — Марта 4. Энгельгардтъ вступаетъ въ должность директора лицей (остается въ ней по 31 окт. 1823 = 7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ).
 — Марта, послѣ 22-го. Посѣщеніе Пушкина въ лицей Карамзиннымъ съ кн. Вяземскимъ и В. Л. Пушкинымъ (см. выше, стр. 62, и письмо Кар. отъ 21 марта въ *Немзд. соч.* его).
 — Поступленіе въ лицей П. Е. Георгіевскаго адъютантомъ Кошанскаго.
1817. Юня 9. Выпускъ Пушкина изъ лицей, 19-мъ воспитанникомъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря (10-го класса).
 — Юня 10. Отношеніе кн. А. Н. Голицына къ гр. Нессельроде объ удостоеніи чинами выпущенныхъ изъ лицей воспитанниковъ (Пушкина и Юдина 10-мъ классомъ) и объ опредѣленіи Пушкина и Юдина въ коллегію иностр. дѣлъ съ содерж. по 700 р. въ годъ.

1817. Юля 13. Высочайшій указъ о томъ же.
 — » 15. Служебная присяга Пушкина.
 — Юля 3. Прошеніе Пушкина на высоч. имя объ отпускѣ его по 15-е сент. въ Псковскую губ. «для приведенія въ порядоѣ домашнихъ дѣлъ». (*Р. Стар.* 1887, № 1).
 — Юля 8. Паспортъ Пушкину за подписью Нессельроде на отпускъ въ Псков. губ.
 — Сент. 1. Письмо Пушкина къ кн. Вяземскому о недавнемъ возвращеніи (до срока) въ Петербургъ.
 — Сент. 4. Пушкинъ проводитъ день съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и Плещеевымъ въ Царскомъ Селѣ и сочиняетъ съ ними два экспромта. (*Соч. Бат. I, 255*).
 — Сент. 10 (?) Стихотв. *Прощаніе съ Тригорскимъ*.
 1818. Февр. Пушкинъ лежитъ въ горячкѣ. (См. его замѣтку о чтеніи Исторіи Карамзина, V, 40).
 — Смерть бабушки Пушкина Марьи Алексѣевны Ганяпбаль (по *Родосл.* кн. Долгорукова; по Барт. 1817, по Ан. 1819).
 1819. Юля 9¹⁾. Прошеніе Пушкина на высоч. имя объ отпускѣ въ Петербург. губ. на 28 дней «по собственнымъ дѣламъ». (*Р. Стар.* 1887, № 1).
 — Юля 10. Паспортъ Пушкину, за подписью Нессельроде, на этотъ отпускъ.
 1820. Въ мартѣ или апрѣлѣ окончаніе и печатаніе поэмы *Русланъ и Людмила*, начатой еще въ лицей и писанной въ квартирѣ отца, на Фонтаннѣ между Изм. и Калинк. мостами, близъ Покрова.
 — Жуковскій даритъ Пушкину свой портретъ съ подписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя» и т. д.
 — П. проигрываетъ Всеволожскому 1000 р. и въ уплату отдаетъ ему рукопись своихъ стихотвореній.
 — Мая 4. Приказъ Нессельроде о выдачѣ Пушкину 1000 р. на проѣздъ въ Екатеринославъ къ генералу Инзову, попечителю колоній южнаго края (род. 1768 г., ум. 1845 г.).
 — Мая 5. Письмо графа Каподистрія, за подписью Нессельроде, къ Инзову въ Одессу объ *отпускѣ* (un semestre) Пушкина и прикомандированіи его къ канцелярш Инзова сверхъ штата (*Р. Ст.* 1887, № 1).
 — Мая 5. Отъѣздъ Пушкина съ письмомъ Каподистрія къ Инзову въ Екатеринославъ (поэма *Русланъ и Людмила* допечатывалась).
 — Мая 15. Цензурное разрѣшеніе Тимковского на напечатаніе *Русл. и Людм.*
 — Мая послѣднія числа. Отъѣздъ Пушкина изъ Екатеринослава на Кавказъ съ семействомъ Раевскихъ, выѣхавшихъ изъ Кіева 19-го мая.
 — Юля 15. Инзовъ временно назначенъ намѣстникомъ Бессарабской обл. на мѣсто уволеннаго въ отпускъ Бахметева, вслѣдствіе

¹⁾ Это число не подтверждается частною перепискою Пушкина: уже 9-го юля (?) онъ пишетъ А. И. Тургеневу изъ Михайловскаго (VII, 4, № 3).

чего канцелярія попечительства о колоніяхъ переведена въ Кишиневъ.

1820. Іюня 26. На Кавказѣ (въ Пятигорскѣ?) окончень эпиллогъ къ *Рус. и Людм.*
- Авг. Начать *Кавказскій Пльнникъ.*
 - » первыя чїсла. Пушкинъ съ Раевскими ѣдетъ съ Кавказа въ Крымъ.
 - Авг. 21. Одинъ изъ черновыхъ набросковъ *Кавказскаго Пльнника* (Барт. Ю. Р. 38).
 - Сент. Стихотв. «Погасло дневное свѣтило».
 - » Пушкинъ проводитъ Раевскихъ изъ Юрзуфа въ село Каменку, Кіев. губ. Чигир. у.
 - Сент. 21. Прїѣздъ Пушкина въ Кишиневъ изъ Каменки. Ср. ноябрь 1822 г.
 - Сент. 24. Письмо Пушкина къ брату Льву Серг. о двухмѣсячномъ пребываніи на Кавказѣ, переѣздѣ оттуда моремъ въ Керчь и Феодосію и трехнедѣльномъ гощеніи въ Юрзуфѣ.
 - Окт. Стихотв. *Черная шаль* (Липр., Р. Арх. 1866, стр. 1247).
 - Дек. 4. Письмо Пушкина въ Гнѣдичу изъ Каменки, куда онъ вторично поѣхалъ изъ Кишинева.
1821. Зимой. Поѣздка Пушкина въ Кіевъ на свадьбу М. О. Орлова съ Ев. Ник. Раевской.
- Февр. 8. Стихотв. *Земля и море* написано въ Кіевѣ.
 - » 14. Стихотв. *Муза.*
 - » 20. Пушкинъ, прїѣхавъ изъ Кіева въ Каменку, оканчиваетъ поэму *Кавказскій пльнникъ.*
 - Февр. 21. Ал-дръ Ипсиланти съ двумя св. братьями и съ Георг. Кантакузеномъ прибылъ изъ Кишинева въ Яссы (письмо Пушкина къ А. Н. Раевскому—мартъ 1821 г., VII, 18, № 11).
 - Февр. 22. *Элегія* «Я пережилъ свои желанья».
 - » Пушкинъ былъ въ Одессѣ (VII, 19, № 11).
 - Марта 5. Начало рѣзни въ Яссахъ.
 - » 11. Ал-дръ Ипсиланти перешелъ Прутъ и поднялъ знамя возстанія.
 - Марта 23. Пушкинъ извѣщаетъ Дельвига объ окончаніи *Кавказскаго пльнника.*
 - Марта 24. Благодарить Гнѣдича за присылку экземпляра *Руслана и Людмилы.* (См. выше, стр. 67).
 - Апр. 2—9. Кишиневскій дневникъ (V, 147).
 - » 6—20. Посланіе къ *Чаадаеву.*
 - » 11. Стихотв. *Къ моей чертальницѣ.*
 - » 13. Запросъ Каподистріи изъ Лайбаха Инзову о поведеніи Пушкина. (*Р. Стар.* 1887, № 1).
 - Апр. 28. Одобрительный отвѣтъ Инзова Каподистріи о Пушкинѣ и просьба о высылкѣ поэту содержанія по 700 р. въ годъ (тамъ же).
 - Май. Пушкинъ, съ дозволенія Инзова, ѣдетъ въ Одессу, гдѣ и остается около мѣсяца.

1821. Мая 15. Эпиграфъ въ *Кавказскому пльнику* написанъ въ Одессѣ (Варт. Ю. Р. 76).
- Май или июнь. Стихотв. *Кинжалъ*.
 - Юля 18. Пушкинъ въ Кишиневѣ узнаеть о смерти Наполеона и вскорѣ создаетъ стихотв. *Наполеонъ*.
 - Сент. 21. Предлагаетъ Гречу купить для *Сына Отеч.* отрывокъ *Кавказскаго пльника*.
 - Ноябрь. 7. Высылка Катенина изъ Петербурга (VII, 49, № 38).
 - Дек. 9—23. Пушкинъ сопровождаетъ Липранди въ служебной его поѣздѣ въ Аккерманъ и Измаилъ (Р. А. 1866, стр. 1271).
 - Дек. 26. Кончатъ посланіе къ *Овидію*.
 - Около того же вр. *Братья разбойники* (VII, 58, №№ 45 и 46).
 - » » » » Дуэль съ *Зубовымъ* изъ-за карты (Варт. Ю. Р. 97).
1822. Января 1. Пушкинъ на праздникъ по поводу открытія устроеннаго М. Ѳ. Орловымъ манежа дивизіи его (Варт. Ю. Р. 97).
- Января. Дуэль Пушкина со Старовымъ (Варт. Ю. Р. 93—96. Ср. у *Липранди*, Р. А. 1866, стр. 1416—1421).
 - Февр. Ссора съ Балшемъ (Ю. Р. 95—97).
 - Марта 1. *Письмъ о вѣщель Олеть*.
 - Мая 13. *Птичка*.
 - Юня. Гнѣдичъ покупаетъ у Пушкина право на изданіе *Кавк. пльника*, получ. имъ при п. 22 апр. (см. выше, стр. 68, и VII, 33, № 25).
 - Юль. Инзову поручено, оставаясь въ Кишиневѣ, исправлять должность начальника Новороссійскаго края вмѣсто уволеннаго въ отпускъ генераль-губернатора Ланжерона.
 - Послѣ іюня. Путешествіе Пушкина въ Измаилъ (Ю. Р. 110, а по Липр. между февр. и июлемъ, Р. Арх. 1866, стр. 1284).
 - Авг. послѣднія числа. Появленіе *Кавказскаго пльника*.
 - Осень. Созданіе *Бахчисарайскаго фонтана*.
 - Ноябрь. Послѣдняя поѣздка Пушкина въ Каменугу (Ю. Р. 113).
1823. Января 13. Француз. письмо Пушкина изъ Кишинева къ Нессельроде съ просьбою объ отпускѣ въ Петербургъ (Р. Стар. 1887, № 1).
- Февр. 21. Всеподдан. докладъ (француз.) Нессельроде о просимомъ Пушкинымъ отпускѣ (тамъ же).
 - Марта 27. Письмо Нессельроде къ Инзову объ отказѣ государя на просьбу Пушкина (тамъ же).
 - Мая 7. Въ должность Новороссійскаго генераль-губернатора назначенъ графъ Мих. Сем. Воронцовъ.
 - Мая 9. Первое начало *Евг. Онткина*.
 - Мая. Пушкинъ, находясь съ разрѣшенія Инзова въ Одессѣ, пріять на службу къ гр. Воронцову.
 - Юня 13. Письмо къ А. А. Бестужеву изъ Кишинева о присланной Пушкину *Полярной Звѣздѣ*.
 - Юля первыя числа (ранѣе 4-го). Переѣздъ Пушкина на житье въ Одессу (Липр. Р. Арх. 1866, 1480).
 - Юль—8 декабря. Двѣ первыя главы *Евгенія Онткина*.

1823. Авг. 19. Первое письмо Пушкина из Одессы къ Вяземскому.
 — » 25. Письмо Пушкина къ брату о переходѣ на службу въ Одессу и о *Бахчис. фонтанѣ*. Жалоба на отца.
 — Окт. 14. Пушкинъ поручаетъ Вяземскому 2-е издание *Русл. и Людмилы* и *Кавказ. Пльн.* (VII, 53, № 42).
 — Окт. 22. Кончена 1-я глава *Евгенія Оньина*.
 — » конецъ. Начата вторая гл. *Евг. Оньг.* (VII, 56, № 44).
 — Нояб. 4. Пушкинъ посылаетъ Вяземскому рук. *Бахчис. фонтана* и упоминаетъ объ оконч. 1-й гл. *Евг. Оньг.*
 — Дек. 8. Кончена вторая гл. *Евг. Оньг.* въ Одессѣ.
 — Дек. }
 1824. Янв. } Поэма *Цыганы*.
 — » или февраль. Поѣздка Пушкина съ Липранди въ Бедеры (Липр. *F. Арх.* 1866, 1460).
 — Февр. 8 Начало 3-й главы *Евгенія Оньина*.
 — Марта 23. Письмо гр. Воронцова къ гр. Нессельроде о необходимости удалить Пушкина изъ Одессы.
 — Мая 19. Стихотв. *Иностранкѣ*.
 — Юня 29. П. хочетъ купить у Всеволожскаго тетрадь стиховъ, которую продалъ ему передъ своею высылкою изъ Петербурга (VII, 82, № 69).
 — Юля 8. Нессельроде сообщаетъ Воронцову высоч. повелѣніе объ увольненіи Пушкина отъ службы.
 — Юля 11. Письмо Нессельроде къ Воронцову о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ Псковъ.
 — Юль. Стихотвореніе *Къ морю*.
 — » 29. Подписка Пушкина, что онъ обязуется ѣхать безостановочно по предписанному маршруту въ Псковъ.
 — Юля 29. Одесскій градоначальникъ доноситъ гр. Воронцову, что Пушкинъ завтра отправляется въ Псковъ по полученному имъ маршруту.
 — Юля 30. Пушкинъ выѣзжаетъ изъ Одессы, получивъ 389 руб. прогонныхъ и 150 р. не доданнаго жалованья.
 — Авг. 9. Прибытіе Пушкина въ Михайловское, гдѣ онъ застаётъ своихъ родителей.
 — Авг. 12. Воронцовъ изъ Симферополя увѣдомляетъ Нессельроде о томъ, что Пушкинъ отправленъ въ Псковъ.
 — Сент. 26. Стихотв. *Разговоръ съ книгопродавцемъ*.
 — Около того же времени. Два посланія къ цензору.
 — Осенью (сент.—окт.). Пушкинъ поручаетъ Плетневу издать 1-ую главу *Евгенія Оньина* (*Соч. Плетн.* III, начало переписки съ Пушк.; ср. VII, 94, № 82).
 — Окт. П. ведетъ записки и записываетъ сказки. Просить у брата истор. извѣстія о Стенькѣ Разинѣ (См. выше, стр. 184, и VII, 86, № 75).
 1824. Окт. 2. Окончаніе III-й гл. *Евгенія Оньина*.
 — » 10. Окончаніе поэмы *Цыганы*.
 — Окт. Пушкинъ вызванъ въ Псковъ, чтобы представиться мѣст-

- ному начальству (губернат. Адеркасъ, опочед. предвод. двор. Пещуровъ).
1824. Окт. 31. Отчаянное письмо Пушкина къ Жуковскому о своемъ положеніи въ семействѣ.
- Ноябрь. Сергѣй Льв. Пушкинъ изъ Петербурга отказывается отъ возложенной на него обязанности наблюдать за поведеніемъ сына.
 - Ноябрь. Смерть тети поэта Анны Львовны Пушкиной (VII, 95, № 82).
 - Ноября 19. Встрѣча поэта съ дѣдомъ его Петромъ Абр. Ганнибаломъ (V, 22).
 - Въ концѣ года начата драма *Борисъ Годуновъ*.
 - » » » въ Петербургѣ издано въ первый разъ собраніе стихотв. Пушкина. (*Соч. Плетн.* III, 335).
 - Дек. 29. Цензоръ Бирюковъ подписалъ дозволеніе печатать I-ую гл. *Евг. Он.*
 - Декабр. 31. ххш строфа IV-й главы *Евгенія Онгина*.
1825. Января 11. Приѣздъ Ив. Ив. Пущина въ Михайловское.
- » Стихотв. *Андрей Шенье*.
 - » Въ *Ств. Пч.* объявлено объ ожидаемомъ выходѣ I-й главы *Евг. Он.*
 - Март. 27. Пушкинъ посылаетъ брату новую рукопись своихъ стихотвореній для напечатанія 2-мъ изданіемъ.
 - Апр. 7. П. служитъ заупокойную обѣдню по Байронѣ (VII, 123, № 109).
 - Апр. 20-я числа. Приѣздъ Дельвига въ Михайловское. Около того же времени элегія на смерть Анны Львовны Пушкиной (VII, 126, № 112).
 - Апр. П. посылаетъ съ Дельвигомъ 2-ю главу *Евг. Он.* Вяземскому.
 - Юнь. Смерть москов. литератора Алексѣя Мих. Пушкина (VII, 135, № 119).
 - Юнь. Пушкину разрѣшено ѣздить въ Псковъ (VII, 135, № 120).
 - Юля 19. Стихотв. «Я помню чудное мгновенье» къ Аннѣ Петр. Кернъ.
 - Юля 29. Письмо Пушк. къ д-у Мойеру съ просьбою не приѣзжать въ Псковъ.
 - Авг. 12. Предисловіе Лемонте къ изданію басенъ Крылова во франц. переводѣ (V, 26).
 - Авг. Окончаніе IV-й главы *Евгенія Онгина*.
 - » 17. П. увѣдомляетъ Жуковскаго объ успѣшномъ ходѣ сочиненія *Бориса Годунова*.
 - Сент. По просьбѣ матери Пушкина, ему позволено ѣздить въ Псковъ и даже жить тамъ.
 - Сент. 14. Пушкинъ увѣдомляетъ Катенина, что четыре пѣсни *Онгина* готовы.
 - Сент. 24. Письмо къ Вяземскому о встрѣчѣ съ кн. Горчаковымъ.
 - Окт. 19. Лицейская годовщина: «Роняетъ глѣсъ багряный свой уборъ».
 - » 30. Свадьба бар. Дельвига.

1825. Воображаемый разговор съ императоромъ Александромъ I.
 — Стихотв. *Зимній вечерь*.
 — Зимой окончаніе *Бориса Годунова*.
 — Окончаніе пьесы: *Графъ Нулинъ*.
 — Дек. Пушкинъ сожигаетъ всѣ свои тетради (V, 148).
 — Начата 4-ая глава *Евг. Онегина*.
1826. Янв. 3. Кончена 4-ая глава *Евг. Онегина*.
 — » Появленіе 1-го изданія *Стихотвореній* Пушкина.
 — Февр. Въ письмѣ къ Катенину первая мысль объ изданіи трехмѣсячнаго журнала (VII, 175, № 163).
 — Апр. 14. Плетневъ собирается приступить къ печатанію *Цыгановъ*.
 — Мая 11. Всеподд. прошеніе Пушкина о позволеніи ѣхать въ одну изъ столицъ пли за границу (VII, 177, № 166).
 — Іюля 24. До Пушкина доходитъ извѣстіе о казни 5-ти декабристовъ 13-го іюля.
 — Іюля 29. *Элеия* на смерть г-жи Ризницъ († 1825): «Подъ небомъ голубымъ».
 — » 30. Всеподд. прошеніе Пушкина о снятіи съ него ошачи отправлено эстл.-мъ, инфл.-мъ и иск.-мъ ген.-губернаторомъ Пауллуччи къ гр. Нессельроде.
 — Авг. Плетневъ приступилъ къ печатанію 2-й главы *Евг. Он.* (Соч. Пл. III, 345).
 — Авг. 28. Высочайшее повелѣніе, объявленное Дибичу, о вызовѣ Пушкина въ Москву (VII, 185, прим. къ № 176).
 — Авг. 31. Отношеніе Дибича къ иск. губернатору Адеркасу объ отправленіи Пушкина въ Москву.
 — Сент. 3. Письмо губернат. Адеркаса къ Пушкину объ отправленіи его въ Москву. — Стихотв. *Пророкъ* (?).
 — Сент. 4 (вечер.). Отъѣздъ Пушкина изъ Пскова въ Москву.
 — » 8. Представленіе Пушкина въ Москвѣ императору Николаю.
 — » 30. Гр. Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину высоч. повелѣніе изложить свои мысли о народномъ воспитаніи.
 — Ноября 9. Возвращеніе Пушкина изъ Москвы въ Михайловское (VII, 186, № 178).
 — Ноября 15. Пушкинъ окончилъ записку о народномъ воспитаніи, составленную имъ по высоч. повелѣнію (см. сент. 30).
 — Ноября 20. Вторичный пріѣздъ Пушкина изъ деревни въ Москву.
 — » 29. Письмо Пушкина къ гр. Бенкендорфу изъ Пскова съ приложеніемъ рукописи *Бориса Годунова*.
 — Ноября 29. П. собираетъ опять въ Москву.
 — Декабря 13. Стихи *И. И. Пушкину*.
 — Декабря 22. Стансы: «Въ надеждѣ славы и добра» (въ Москвѣ).
1827. Февр. 19. Пушкинъ пишетъ VII главу *Евг. Он.*
 — Стихотв. *Талисманъ*.
 — Май, начало. Пушкину разрѣшено пребываніе въ Пб. (Ан. *Мат.* 167).
 — Іюнь Пушкинъ въ Петербургѣ.
 — Іюля 14. Стихи *Языкову*: «Къ тебѣ собираюсь я давно».

1827. Юл. 16. Стихотв. *Арionъ*.
 — » 20. Жалоба Бенкендорфу на Ольдекопа (VII, 194, № 191).
 — » 27. Стих. *Три ключа*.
 — Письмо изъ Михайловскаго къ Дельвигу: Пушкинъ пишетъ *Арану Петра В.*
 — Авг. 15. Стихотвор. *Поэтъ*.
 Въ Москвѣ знакомство съ Мпцкевичемъ (род. 24 дек. 1798 въ Новогрудкѣ; ум. 26 нояб. 1855 въ Константинополѣ).
 — Окт. 14. Пушкинъ въ Боровичахъ проигрываетъ проѣзжему 1,600 р., а на слѣдующей станціи встрѣчается съ Кюхельбекеромъ (V, 51).
 — Окт. 19. Липецкая годовщина: «Богъ помочь вамъ, друзья мои».
 — Осенью. Замятка *О Байронѣ*.
 — Дѣло кандидата Московскаго университета Леопольдова по поводу списка стихотворенія *Андрей Шенье* (I, 343).
 — Конецъ года. Смерть 70-лѣтней няни Арины Родионовны въ домѣ Ольги Серг. Павлищевой (II, 26).
1828. Стихотв. *Друзьямъ* («Нѣтъ, я не льстець...»)
 — Февр. 12. Предисловіе ко 2-му изданію *Руслана и Людмилы*.
 — Мартъ. Первая встрѣча П-на съ Н. Н. Гончаровой (VII, 219, № 222).
 — Апр. Ссора съ Великопольскимъ, авторомъ «сатиры на проколовъ» (VII, 201, прим. къ № 200).
 — Апр. Просьба въ письмѣ къ Бенкендорфу объ опредѣленіи въ дѣйствующую армию противъ турокъ (тамъ же, прим. къ № 201).
 — Апр. 21. П. проситъ позволенія ѣхать въ Парижъ.
 — » Предисловіе ко 2-му изд. *Кавказскаго Пѣтнника*.
 — Мая 9. Пушкинъ на пароходѣ провожаетъ знакомаго. Стихи To Dawe Esq.
 — Мая 19. Стихотв. *Воспоминаніе*.
 — » 26 (день рожденія П.) Стихотв. «Даръ напрасный».
 — Стихотв. *Предчувствіе*: «Снова тучи падо мною».
 — Окт. 3 — до 20-хъ чиселъ. Созданіе поэмы *Полтава* въ П-бургѣ.
 — Окт. 19 — 20. Въ ночь отъѣздъ Пушкина въ деревню (см. выше, стр. 110, и II, 54).
 — Окт. 27 до послѣднихъ чиселъ ноября Пушкинъ въ Малининкахъ, тверскомъ имѣніи Вульфа, сына Пр. А. Осиповой.
 — Ноябрь. 4. Кончена VII гл. *Евг. Онгина*.
 — » 9. Стихотв. *Амчаръ, древо ада*.
 — » 10. Стихотв. *Отвѣтъ Катенину*.
 — Дек. 29. Посвященіе Плетневу 4-й и 5-й главъ *Евг. Он.*
1829. Янв. 30. Пушкинъ посылаетъ Раевскому *Бор. Год.* съ замѣчаніями о трагедіи.
 — Янв. 31. Предисловіе къ поэмѣ *Полтава*.
 — Стихотв. къ *А. П. Кернъ*: «Когда твои младыя лѣта».
 — Марта 4. Подорожная, выданная Пушкину на проѣздъ до Тифлиса и обратно (Ann. *Мат.* 208).
 — Марта 9. Отъѣздъ Пушкина въ Москву (*Р. Стар.* 1874, т. X, 703) и затѣмъ печатаніе въ Пб., подъ надзоромъ Плетнева, *Полтавы* (*Соч. Плет.* III, 348).

1829. Мая 9. Выѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Петербургъ (VII, 211, № 212).
- Май. Пушкинъ сватается въ Москвѣ за Нат. Ник. Гончарову.
 - » 15. Пушкинъ въ Георгіевскѣ начинаетъ журналъ путешествія въ Арзрумъ.
 - Мая 22. Во Владикавказѣ онъ продолжаетъ дневникъ путешествія.
 - Июнь. Путь около двухъ недѣль проводитъ въ Тифлисѣ.
 - » 13. Прибытіе Пушкина въ русскій лагерь.
 - » 18. Обѣдъ у Паскевича въ Арзрумѣ.
 - » 27. Присутствуетъ при взятіи Арзрума.
 - Июля 19. Выѣздъ Пушкина изъ Арзрума.
 - » 20. Плетневъ представляетъ Бенкендорфу реп. *Бориса Год.* (Р. Стар. 1874. т. X, 705).
 - Авг. 1. Пушкинъ въ Тифлисѣ на обратномъ пути.
 - » 6. Выѣздъ изъ Тифлиса.
 - » 10. Во Владикавказѣ на обратномъ пути,
 - Сент. 7. Стихотв. *Делибашь*.
 - » 8. Пушкинъ на Горячихъ минеральныхъ водахъ.
 - » 16. Смерть генерала Н. Н. Раевского (V, 71).
 - » 20. Стихотв. *Кавказъ*.
 - Окт. Проѣздъ черезъ Москву. Холодный приемъ у Гончаровыхъ. (VII, 221).
 - Окт. 2. Строфы X — XII къ 8-ой главѣ *Евг. Онтгина*.
 - » 4. Стихотв. *Дорожная жалоба*.
 - » 29. Стихотв. *Обвалъ*.
 - Нояб. 2. Въ Михайловскомъ стихотв. «Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?»
 - Нояб. 3. Стихотв. *Зимнее утро*.
 - » середина. Возвращеніе въ Петербургъ.
 - Дек. 14. Стихотв. *Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ*.
 - » 24. Начало VIII гл. *Евгенія Онтгина*.
 - » 26. Стансы: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». Эпиграммы на Каченовскаго и Надеждина.
1830. Сотрудничество въ *Литературной Газетѣ* Дельвига.
- Янв. 7. Пушкинъ чрезъ гр. Бенкендорфа проситъ позволенія ѣхать за границу или сопровождать нашу миссію въ Китай.
 - Янв. 18. Ходатайство чрезъ Бенкендорфа за вдову ген. Раевского.
 - » * 19. Стансы митрополиту Филарету: «Въ часы забавъ плъ праздной скуки».
 - Марта 12. Приѣздъ Пушкина въ Москву (Письмо оттуда къ Вяз. VII, 216, № 219).
 - Мартъ. Избраніе Пушкина въ члены Общества люб. рос. словесн.
 - » 30. Бенкендорфъ требуетъ объясненія объ отъѣздѣ Пушкина въ Москву безъ спроса. (VII, 220, прим. къ № 223).
 - Апр. Начало переписки Пушк. съ Н. И. Гончаровой, матерью невесты (VII, 220, № 225).

1830. Апр. Плетневъ продаетъ Смирдину право на изданіе соч. Пушкина (*Соч. Плетн.* III, 350).
- Апр. 16. Пушкинъ проситъ чрезъ Бенкенд. разрѣшенія жениться и напечатать *Бориса Годунова* безъ измѣненій.
 - Апр. 28. Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину разрѣшеніе государя на просьбы отъ 16 апр. (VII, 223, прим. къ № 226).
 - Мая 2. Пушкинъ благодаритъ Вяземскаго за поздравленіе и извѣщаетъ его о своемъ намѣреніи издавать литературно-политическую газету.
 - Мая 6. Помолвка Пушкина.
 - Мая 12—13. Замятка: «Участь моя рѣшена: я женюсь». (IV, 346).
 - Во второй половинѣ мая Пушкинъ посѣтилъ имѣніе Гончаровыхъ Полотняный Заводъ, Медынскаго у., въ 16 верстахъ отъ Калуги.
 - Мая 26. Посѣщеніе Пушкина въ Полот. Заводѣ двумя калужскими мѣщанами. (Барт. *Пушк.* II, 150).
 - Май. Стихотв. *Къ Вельможѣ* (вн. Юсупову).
 - Юнь. Пушкинъ опять въ Москвѣ, откуда онъ переписывается съ дѣдомъ невѣсты о денежныхъ дѣлахъ (VII, 228, №№ 233 и 234).
 - Юля 1. Стихотв. *Поэту*.
 - » 9. Стихотв. *Мадонна*.
 - » 20. Въ письмѣ къ невѣстѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, Пушк. рекомендуетъ своего брата.
 - Авг. 20. Смерть Василя Львовича Пушкина на другой день послѣ свиданія съ племянникомъ, который опять въ Москвѣ и посылаетъ письма къ Гончаровымъ въ Полотн. Заводъ (VII, 233, №№ 239 и 240).
 - Авг. 31. Грустное письмо къ Плетневу и отъѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Болдино, Нижегород. губ. (выдѣленное ему отцомъ съ 200 душъ), отсюда письма идутъ до конца ноября, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ.
 - Сент. 8. Элегія «~~Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье~~»
» 25. Окончаніе VIII гл. *Евгенія Онткина*.
 - Окт. *Повѣсти Бѣлкина*.
 - » 10. *Домикъ въ Коломнѣ*.
 - » 16. *Моя родословная*.
 - » 22. Пушкину разрѣшено напечатать *Бориса Годунова* подъ собственною его отвѣтственностію (*Р. Стар.* 1874, т. X, 705).
 - Окт. 23. Драм. сцены: *Скупой рыцарь*.
 - » 26. *Моцартъ и Салгерн*.
 - » 31 — } *Исторія села Горохина*.
 - Ноябрь 1. }
» 4. *Каменный Гость*.
 - » 27. Стихотв. «Для береговъ отчизны дальней».
 - Въ теченіе ноября появленіе въ Петербургѣ *Бориса Годунова*.
 - Осень: *Пиръ во время чумы*.
Романсъ «Я здѣсь, Инезилья».
Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ.

1830. Дек. 5. Возвращеніе изъ Болдина въ Москву. Отрывокъ изъ записокъ П. В. Нащокина.
- Дек. 12. Стихотв. *Герой*.
1831. Проѣздомъ изъ Болдина Пушкинъ остается въ Москвѣ до конца апрѣля.
- Январь. Къ Новому году вышла *Борисъ Годуновъ*.
- » 14. Смерть Дельвига.
- » 18. Пушк. благодарить Бенкендорфа за отзывъ государя о *Бор. Годуновъ*.
- Января 19. Пушкинъ узнаетъ о смерти Дельвига (VII, 257, №№ 269 и 270).
- Проѣзда Пушкина въ Захарьино передъ женитьбою.
- Январь 31. Письмо Плетнева къ Пушкину о первыхъ трудахъ Гогаля. (*Соч. Пл.* III, 365).
- Февр. 18. Свадьба Пушкина въ Москвѣ.
- Марта 26. Планы Пушкина въ письмѣ къ Плетневу.
- Апр. Пушкинъ проситъ Плетнева нанять ему квартиру въ Царскомъ Селѣ (VII, 266, № 282).
- Май. Пушкинъ на нѣсколько дней въ Петербургѣ.
- » 25. Переселеніе Пушкина въ Царское Село.
- Юль. Приѣздъ Двора въ Царское Село. Пушкинъ посылаетъ Плетневу ркп. *Повѣстей Бѣлкина*.
- Юль. Въ письмѣ къ Бенкендорфу Пушкинъ ходатайствуетъ о позволеніи издавать политич. и литературный журналъ и заниматься въ государственныхъ архивахъ (VII, 277, № 296).
- Юля 22. Пушкинъ извѣщаетъ Плетнева, что государь назначилъ ему жалованье и открылъ доступъ въ архивы для составленія исторіи Петра Великаго.
- Юля 23. Письмо Бенкендорфа къ Нессельроде объ опредѣленіи Пушкина въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и позволеніи ему заниматься въ архивахъ для исторіи Петра В. (См. выше, стр. 160).
- Авг. 2. Стихотв. *Клеветникамъ Россіи*.
- » Знакомство съ Гоголемъ.
- Сент. Печатаніе *Повѣстей Бѣлкина*.
- » 5. Стихотв. *Бородинская годовщина*.
- » Изданіе брошюры: *Три стихотворенія на взятіе Варшавы*.
- » *Сказка о попѣ и его работникахъ; о царѣ Салтанѣ*.
- Окт. 3. Письмо Овѣгина къ Татьянѣ, вошедшее въ VIII-ю главу романа.
- Окт. 22. Возвращеніе Пушкина въ Петербургѣ.
- Ноябрь. Пушкинъ хлопочетъ объ изданіи *Свѣ. Цветовъ* для братьевъ Дельвига.
- Ноябрь 14. Пушкинъ снова зачисленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 5000 р.
- Дек. 6. Приѣздъ Пушкина въ Москву по денежнымъ дѣламъ (отпускъ на 28 дней). Живетъ у Нащокина (письмо къ женѣ 16 дек., VII, 297, № 318).

1831. Конецъ дек. Возвращеніе въ Петербургъ.
1832. Январь 7. Напечатаніе *Анчара* безъ разрѣшенія государя и замѣчаніе Бенкендорфа. (Письмо къ графу, VII, 299, № 320).
- Январь 12. Во всеподд. докладной запискѣ Нессельроде, донося, что Пушкинъ опредѣленъ въ коллегію иностр. дѣлъ съ производствомъ въ тит. сов., испрашиваетъ высоч. повелѣнія о его занятіяхъ въ архивѣ (см. выше, стр. 161).
 - Съ этого времени Пушкинъ прилежно посѣщаетъ архивы.
 - Февр. 24. Пушкинъ благодаритъ письмомъ къ гр. Бенк. за книгу, получ. отъ государя, и проситъ позволенія разсмотрѣть бібліотеку Вольтера.
 - Февр. 29. Пушкину разрѣшено разсмотрѣть бібліотеку Вольтера.
 - Апрель. Начата *Русалка*.
 - Мая 19. Рожденіе Маріи Александровны П-ной (въ замуж. Гартунгъ).
 - Іюля 11. Пушкинъ извѣщаетъ Погодина, что получилъ разрѣшеніе издавать политическую газету.
 - Сент. 16. Пушкинъ даетъ Тарасенко-Отрѣшкову довѣренность на званіе редактора политич. и литературной газеты.
 - Сент. 21 (среда). Приѣздъ Пушкина въ Москву.
 - » 27. Пушкинъ съ Уваровымъ посѣщаютъ Моск. университетъ на лекціи проф. П. И. Давыдова. (*Изъ унив. восп. Гончарова. В. Е. 1887, апр., стр. 502*).
 - Окт. около 15-го. Возвращеніе Пушкина въ Петербургъ.
 - » 20. Оконч. первой части повѣсти *Дубровский* (VII, 311 № 336).
 - Окт. 29.
 - Ноябрь 2 — } Продолженіе повѣсти *Дубровский*.
 - Дек. 29. }
 - Около того же времени начаты *Пѣсни западныхъ Славянъ*.
1833. Январь 1 — Февр. Продолженіе *Дубровскаго*.
- » 7. Пушкинъ избранъ въ члены Росс. Академіи.
 - Въ томъ же мѣсяцѣ начата *Капит. дочка* (кончена въ августѣ).
 - Февр. 6. Оконченъ *Дубровский*.
 - » 9. Письмо къ гр. Чернышеву съ просьбою о доставленіи бумагъ относительно Суворова (см. выше, стр. 161).
 - Марта 9. Пушкинъ приглашаетъ Погодина въ сотрудники по историческимъ занятіямъ (VII, 314, № 340).
 - Лѣто на Черной рѣчкѣ.
 - — Кончается пѣсни *Западныхъ Славянъ*.
 - Іюля 6. Рожденіе Александра Александровича Пушкина (восприемникомъ Нащокинъ).
 - Іюля 30. Письмо къ гр. Бенкендорфу съ просьбою о дозволеніи ѣхать въ нижегор. деревню и посѣтить Казань и Оренбургъ для задуманнаго романа.
 - Къ осени готовы матеріалы для *Ист. Пу. б.*, вчернѣ *Капит. дочка*, *Русалка* и *Дубровский* (Ан. Мат. 351).
 - Авг. 12. Пушкину разрѣшенъ просный отпускъ въ Казань и Оренб.

1833. Авг. около 20-го. Отъѣздъ изъ Черной рѣчки въ Москву. (Письмо къ жемѣ изъ Торжка 21 авг.).
- Авг. 25. Приѣздъ Пушкина въ Москву (VII, 319, № 347).
- » 29. Отъѣздъ изъ Москвы въ Нижній.
- Сент. 2. Пушкинъ въ Нижнемъ (VII, 321, № 349).
- » 5 — 8. Пребываніе въ Казани (*Каз. Вѣст.* 1844, № 2).
- » 10 — 14. Пребываніе въ Симбирскѣ.
- » 12. Посѣщеніе деревни Лыкова.
- » 18. Приѣздъ въ Оренбургъ.
- » 23. Отъѣздъ изъ Уральска. (VII, 327, № 356).
- Окт. 1. Приѣздъ въ Болдино, гдѣ П. остается до второй половины ноября (Барт. *Пушк.* II, 150).
- Окт. 28. Двѣ баллады изъ Мпцкевча.
- » 29. Вступленіе къ *Мѣдному Всаднику*.
- » 30. Письмо Пушкина къ жемѣ, въ которомъ онъ описываетъ свой день въ Болдино.
- Окт. 30—31. Окончаніе *Мѣдн. Всадника. Родословная моего героя*.
- Нояб. 24. Возвратясь въ П-бургъ, П. начинаетъ свой дневникъ.
- Дек. 6. Проситъ чрезъ Бенкендорфа разрѣшенія участвовать въ смрдинской *Библиот. для чтенія польск. обывоченной цензурой и* представить государю рукопись *Исторіи Пул. бунта*.
- Дек. цензура не пропускаетъ *Мѣднаго Всадника*.
- ~~— Дек. 30. Пушкинъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры (VII, 339, № 369).~~
1834. Марта 6. Пушкину пожаловано 20,000 р. на печатаніе *Исторіи Пул. бунта* (V, 203).
- Марта 16. Пушкинъ у Греча участвуетъ въ совѣщаніи объ изданіи Энциклоп. словаря Плюшара (тамъ же).
- Апр. 14. Отъѣздъ Натальи Ник. къ роднымъ въ калужскія имѣнія (Пожотн. Заводъ и Ярополецъ).
- Апр. до августа переписка П. съ Нат. Ник. изъ Петербурга.
- Апр. Запрещеніе Полевому издавать *Телеграфъ* (VII, 348, № 380).
- Июнь. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа проситъ въ суду 15,000 р. на два года (VII, 358, № 393).
- Июля 3. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа беретъ назадъ просьбу объ отставкѣ, поданную за нѣсколько дней.
- Июля 4. Пушкинъ начинаетъ печатать *Исторію Пул. бунта*.
- Авг. 10. Стихотв. *Мицкевичъ* («Онъ между нами жилъ»).
- » во второй половинѣ. Отъѣздъ Пушкина въ Калугу и затѣмъ Болдино для устройства своихъ дѣлъ по этому имѣнію.
- Сент. 13. Приѣздъ Пушкина въ Болдино (VII, 370, № 410).
- Окт. 18. Возвращеніе въ Петербургъ (VII, 372, № 414).
- » 19. Участвуетъ въ празднованіи 19 октября (см. выше стр. 111).
- » Поступленіе въ продажу *Исторіи Пул. бунта*.
- Въ этому же году относятся: Повѣсть *Пиковая дама*.
- » » » *Кирджали*.
- » » » Приготовленіе матеріаловъ для исторіи

1835. Янв. 26. Просить позволенія чрезъ Бенкенд. прочесть пугач. дѣло.
 — » Возвращаетъ Бантышъ-Каменскому матеріалы, которыми пользовался (VII, 376, № 418).
 — Февр. 2. Гр. Бенкенд. сообщаетъ министру юстиціи Дашкову о допущеніи Пушкина въ сенатскій архивъ для прочтенія дѣла о пугачевскомъ бунтѣ (см. выше, стр. 164).
 — Февр. 21. Дашковъ сообщаетъ гр. Нессельроде о допущеніи Пушкина въ Госуд. архивъ для прочтенія пугачевского дѣла (см. тамъ же).
 — Апр. 7. Стихотв. *Полководецъ*.
 — » 14. Письмо къ Дмитріеву о критикѣ исторіи пугач. бунта.
 — » Изданіе 4-й части *Стихотвореній*.
 — Мая 3—24. Отпускъ въ Москву.
 — » 14. Рожденіе Григорія Александровича Пушкина.
 — Юня 1. Пушкинъ просить позволенія отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню.
 — Юля 29. Бенкендорфъ увѣдомляетъ, что по просьбѣ Пушкина государь даетъ ему въ ссуду 30,000 руб. съ вычетомъ пхъ изъ его жалованья (VII, 380, № 425).
 — Авг. 15. *Сцены изъ рыцарскихъ временъ*.
 — » 27. Пушкинъ получилъ отпускъ въ Москву до дек. 23 и ѣдетъ въ калуужское имѣніе жены, а потомъ въ Болдино, но возвращается въ Пб. уже къ 15 окт. по причинѣ болѣзни матери.
 — Авг. 28. Письмо Пушкина къ В. А. Полѣнову объ указаніи, гдѣ хранится допросъ, сдѣланный съ Пугачева въ Москвѣ (см. выше, стр. 165).
 — Сент. 7. Отъѣздъ изъ Петерб. въ Михайловское.
 — » 26. Стихотв. «Вновь я посетилъ».
 — » Стихотв. *На выздоровленіе Лукулла*.
 — Осень. *Египетскія ночи* (стихотв. *Клеопатра* начато 1825).
 — Окт. Изъ Парижа полученъ гравированный портретъ Пугачева (VII, 389, № 436).
 — Окт. Прошеніе въ цензурн. комитетъ объ опредѣленіи отношеній къ нему Пушкина (VII, 386, № 433).
 — Окт. Пушкинъ рѣшается издавать журналъ (VII, 387, № 434).
 — Ноябрь. 19. Возвративъ бумаги, полученные изъ воен. мин., просить у Клейнмих. книгу съ письмами и донесеніями Библикова (см. выше, стр. 165, и VII, 389, № 437).
 — Дек. 29. Объявленіе въ *Сѣв. Пчелѣ* о продажѣ *Исторіи Пуг. бунта*.
 — » 31. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа просить разрѣшенія издавать трехмѣсячный журналъ.
1836. Февр. Переписка съ Хлюстинымъ по поводу изданія *Восточн. и критики Сенковскаго* (VII, 392, № 443, и Барт. *Пушкинъ II*, 73).
 — Февр. 26. по конецъ марта Пушкинъ въ Москвѣ.
 — Марта 24. Пушкинъ просить Жюбара не печатать франц. перевода стихотв. *На вызд. Лукулла*.
 — Конецъ марта и нач. апр. Переписка съ кн. Одоевскимъ о печатаніи *Современника*. Вскорѣ послѣ того отъѣздъ въ Святогор. монастырь съ тѣломъ матери и затѣмъ въ Михайловское.

1836. Марта 31. Цензурное одобреніе 1-го тома *Современника*.
 — Апр. 3. Статья о Радищевѣ.
 — » 14. Письмо Пушкина къ Языкову изъ Михайловскаго послѣ погребенія тѣла матери: просить Языкова сотрудничать въ *Современникѣ*.
 — Апр. 14. Письмо къ Погодину съ предложеніемъ сотрудничать въ *Соврем.* и отъѣздъ въ Петербургъ.
 — Апр. вторая половина въ Петербургъ.
 — Мая 2 ночью. Приѣздъ Пушкина въ Москву для посѣщенія архивовъ и для хлопотъ по *Современнику* (VII, 399, №№ 455 и 456).
 — Мал 11. Посѣщаетъ Московскій архивъ мин. иностр. дѣлъ.
 — » 23. Приѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Петерб. на Кам. остр. За нѣсколько часовъ рожденіе Натальи Александровны Пушкиной (въ замужствѣ Дубельтъ, а во 2-мъ бракѣ гр. Меренбергъ).
 — Авг. 21. Стихотв. *Памятникъ*.
 — Окт. 13. Баронъ Корфъ сообщаетъ Пушкину списокъ иностранныхъ сочиненій по исторіи Россіи.
 — Окт. 19. Письмо Пушкина къ Чаадаеву о его «философическомъ письмѣ» въ *Телескопѣ*.
 — Окт. 19. П. въ послѣдній разъ на празднованіи лицейской годовщины (см. выше, стр. 111). «Была пора: нашъ праздникъ молодой»...
 — Нояб. 4. Пушкинъ получаетъ три экземпляра оскорбительнаго анонимаго письма.
 — Нояб. 21. Пушкинъ извѣщаетъ о томъ гр. Бенкендорфа, и тогда же пишетъ Геккерену.
 — Дек. 29. Пушкинъ присутствуетъ въ торжеств. собраніи Академіи Наукъ.
1837. Янв. 27. Письмо къ секунданту Дантеса, д'Аршіаку.
 — » — Письмо къ Ишимовой.
 — » — Дуэль съ Дантесомъ.
 — » 29. Кончина Пушкина.
 — Февр. 6. Гр. Бенкендорфъ проситъ Нессельроде доставить вѣдомость всѣмъ бумагамъ, выданнымъ Пушкину (см. выше, стр. 165).
 — Мая 25. Некрологъ Пушкина, сост. Мицкевичемъ (въ газ. *Globe*).
1843. Смерть Н. Н. Раевского младшаго.
 1845. Смерть Инзова.
 1848. Смерть Сергѣя Львовича Пушкина.
 1852. Смерть Льва Серг. Пушкина въ Одессѣ (*Львов. Отзвѣтъ*, стр. 124).
 1854. Смерть П. В. Нащокина.
 1859. Апр. 3. Смерть И. И. Пущина.
 1862. Янв. 15. Смерть Е. А. Энгельгардта.
 1880. Юня 6. Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ.
 — Юля 8. Смерть лицеиста С. Д. Комовскаго.
 — Смерть гр. Елизаветы Ксаверіевны Воронцовой (рожд. Браницкой).
 1881. Авг. 17. Учрежденіе при Академіи Наукъ пушкинской преміи.
 1883. Февр. 28. Смерть послѣдняго лицеиста 1-го курса, вн. А. М. Горчакова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Замѣтки о Пушкинѣ лицейскихъ товарищей его.

Покойный Анненковъ, собираясь въ 1851 году писать біографію Пушкина, набросалъ рядъ вопросовъ относительно его жизни, особенно во время пребыванія въ лицей. Эти вопросы сообщилъ онъ зятю Пушкина Николаю Ивановичу Павлищеву, который передалъ ихъ лицейскому товарищу поэта Сергѣю Дмитріевичу Комовскому. Въ отвѣтъ на эти вопросы Комовскій составилъ записку о пребываніи Пушкина въ лицей, но, не полагаясь на свою память, счелъ нужнымъ передать свои воспоминанія, вмѣстѣ съ вопросами Анненкова, на судъ товарищей и отправилъ тѣ и другія въ графу М. А. Корфу. Модестъ Андреевичъ, сдѣлавъ на поляхъ записки одно замѣчаніе, передалъ ее Михаилу Лукьяновичу Яковлеву, который со своими замѣтками сообщилъ ее Александру Алексѣевичу Корнплову, а этотъ возвратилъ ее Комовскому съ такимъ отзывомъ: «Съ моей стороны я не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній: написанное тобою я нахожу вѣрнымъ». Почерпая эти свѣдѣнія изъ подлинныхъ документовъ, полученныхъ мною отъ Федора Федоровича Матюшкина, перепечатаваю и сохранившуюся между ними записку Комовскаго вмѣстѣ съ приписками названныхъ лицъ.

1. ЗАПИСКА С. Д. КОМОВСКАГО.

1851.

А. С. Пушкинъ, при поступленіи въ лицей, особенно отличался необыкновенною памятью и превосходнымъ знаніемъ французской словесности. Ему стоило прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворенія, и онъ могъ уже повторить оное наизусть безъ всякой ошибки.¹⁾ Будучи 12-ти лѣтъ отроду, Пушкинъ не только зналъ на память всѣ лучшія творенія французскихъ поэтовъ, но даже самъ писалъ до-

¹⁾ Слова бывшаго гувернера Сергѣя Гавриловича Чирикова. С. К.

вольно хорошіе стихи на этомъ языкѣ. Упражненія въ словесности французской и російской были всегда любимѣйшія его занятія, въ конкъ онъ наиболѣе успѣвалъ. Кромѣ того, онъ охотно занимался и науками историческими, но не любилъ политическихъ и въ особенности математику¹⁾; почему вмѣстѣ съ другомъ своимъ б. Дельвигомъ²⁾ всегда находился въ числѣ послѣднихъ воспитанниковъ второго разряда и при выпускѣ изъ лицея получилъ чинъ 10-го класса. Не только въ часы отдыха отъ ученія въ рекреационной залѣ, на прогулкахъ, но нерѣдко въ классахъ и даже въ церкви³⁾ ему приходили въ голову разные поэтическіе вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось отъ улыбки, смотря по роду думъ, его записавшихъ⁴⁾. Набрасывая же мысли свои на бумагу, онъ удалялся всегда въ самый уединенный уголъ комнаты⁵⁾, отъ вѣтерныхъ грозъ обыкновенно перо и насупа брови, надувши губы, съ огненнымъ взоромъ читалъ про себя написанное. Кромѣ любимыхъ разговоровъ своихъ о литературѣ и авторахъ съ тѣми товарищами, кои тоже писали стихи, какъ-то съ б. Дельвигомъ, Илличевскимъ, Яковлевымъ⁶⁾ и Кюхельбекеромъ (надъ неудачною страстью коего дѣ поэзіи онъ любилъ часто подшучивать), Пушкинъ былъ вообще не очень общителенъ съ прочими своими товарищами и на вопросы ихъ отвѣчалъ обыкновенно лаконически.

Изъ профессоровъ и гувернеровъ лицея никто въ особенности Пушкина не любилъ и не отличалъ отъ другихъ воспитанниковъ; но всѣ болѣе его сатиры, эпиграммы и острыхъ словъ⁷⁾, съ удовольствіемъ слушая ихъ насчетъ другихъ. Такъ наприм. профессоръ математикъ Карцовъ отъ души смѣялся его пѣснями шуткамъ надъ лицейскимъ докторомъ Пешелемъ, который въ свою очередь охотно слушалъ его насмѣшки надъ Карцовымъ. Одинъ только профессоръ російской и латинской словесности Кошанскій, предвидя необыкновенный успѣхъ поэтическаго таланта Пушкина, старался все достоинство онаго приписывать отчасти себѣ и для того употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ можно болѣе познакомить его съ теоріею отечественнаго языка и съ классическою словесностью древнихъ⁸⁾, но къ послѣдней не успѣлъ возбудить въ немъ

¹⁾ Математика — наука не политическая, а исторію дѣйствительно любилъ. *М. Я.*

²⁾ Почему именно вмѣстѣ съ другомъ своимъ барономъ Дельвигомъ? *М. Я.*

³⁾ Это замѣчаніе, по мнѣнію моему, вовсе лишнее. *М. Я.* — Кошовскимъ же сдѣлана подстрочная ссылка: Замѣчаніе того же гувернера С. Г. Чирикова.

⁴⁾ Лицо Пушкина, и хода по комнатѣ, и сидя на лавкѣ, часто то хмурилось, то прояснялось отъ улыбки. *М. Я.*

⁵⁾ Не правда. Писалъ онъ вездѣ, гдѣ могъ, а всего болѣе въ математическомъ классѣ. *М. Я.*

⁶⁾ Имя Яковлева зачеркнуто имъ.

⁷⁾ Не помню и не знаю, кто боялся сатиры Пушкина; развѣ одинъ Пешель; но и этотъ только трусилъ. Остротъ Пушкинъ не говорилъ. *М. Я.*

⁸⁾ Такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Кошанскій — особенно въ первое время — всячески старался отворотить и удержать Пушкина отъ писанія стиховъ, частію, можетъ быть, возбуждаемый къ тому ревностію или завистію: ибо самъ писалъ и печаталъ стихи, въ которыхъ боялся соперничества возникающаго новаго гения. *М. Я.* — Противъ того же мѣста приписано рукой Яковлева: Рус-

такой страсти, какъ въ Дельвингѣ. Самъ Пушкинъ, увлекаясь свободнымъ почетомъ своего гения, не любилъ подчиняться классному порядку и никогда ничего не пекалъ въ своихъ начальникахъ.

Внѣ лица онъ знакомъ былъ съ нѣкоторыми *отчаянными* ¹⁾ гусарами, жившими въ то время въ Царскомъ Селѣ (Каверинъ, Молоствовъ, Саломирскій, Сабуровъ и др.). Въстѣ съ ними, тайкомъ отъ своего начальства, онъ любилъ приносить жертвы Бахусу и Венерѣ, волочасъ за хорошенькими актрисами графа Толстого и за субретками пріѣзжавшихъ туда на лѣто семействъ ²⁾; при чемъ проявлялись въ немъ вся пылкость и сладострастіе африканской породы ³⁾. Но первую платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила въ Пушкинѣ сестра одного изъ лицейскихъ товарищей его (фрейлина Катерина Павловна Бакунина). Она часто навѣщала брата своего и всегда пріѣзжала на лицейскіе балы. Прелестное лицо ея, дивный станъ и очаровательное обращеніе произвели всеобщій восторгъ во всей лицейской молодежи. Пушкинъ съ чувствомъ пламеннаго юноши описалъ ея прелести въ стихотвореніи своемъ къ *Животисту*, которое очень удачно положено было на ноты лицейскимъ же товарищемъ его Яковлевымъ и постоянно пѣто до самаго выхода изъ заведенія. Вообще воспоминанія первыхъ счастливыхъ дней дѣтства Пушкина были причиною, что Александръ Сергѣевичъ во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ, и до конца жизни, всегда съ особымъ чувствомъ отзывался о лицей, о Царскомъ Селѣ и о товарищахъ своихъ по воспитанію. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что учебные подвиги Пушкина, какъ выше сказано, не очень были блистательны; по страсти Пушкина къ французскому языку (что, впрочемъ, было тогда въ духѣ времени), называли его въ насмѣшку *французомъ*, а по физиономіи и нѣкоторымъ привычкамъ *обезьяною* ⁴⁾.

По выходѣ изъ лицея Пушкинъ, сохраняя постоянную дружбу къ б. Дельвингу, всего хладнокровный и разсудительный характеръ ему нравился (несмотря на явное противорѣчіе съ его собственнымъ), посѣ-

скимъ языкомъ Пушкинъ занимался не потому, чтобы кто-нибудь изъ учителей побуждалъ его къ тому, а по страсти, по влеченію собственному. Пушкина талантъ началъ развиваться въ то время, когда Кошанскій, по болѣзни, былъ устраненъ и три (?) года въ лицей не былъ. Дельвингъ вовсе не Кошанскому обязанъ привязанностию къ классической словесности, а товарищу своему Кюхельбекеру. *М. Я.*

¹⁾ Это слово подчеркнуто, въ знакъ неодобренія, Яковлевымъ.

²⁾ Эта статья относится не до Пушкина только, а до всѣхъ молодыхъ людей, имѣющихъ пылкій характеръ. *М. Я.*

³⁾ Пушкинъ былъ до того женолюбивъ, что, будучи еще 15-ти или 16-ти лѣтъ, отъ одного прикосновенія къ рукѣ танцующей, во время лицейскихъ баловъ, взоръ его пылалъ, и онъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, какъ ретивый конь среди молодого табуна. *С. К.*—Описывать такъ можно только арабскаго жеребца, а не Пушкина, потому только, что въ немъ текла кровь арабская. *М. Я.*

⁴⁾ И даже смѣсью *обезьяны съ тигромъ*. *С. К.*—Какъ кого звали въ школѣ, въ насмѣшку, должно оставаться въ одномъ школьномъ воспоминаніи старыхъ товарищей; для читающей же публики и странно и непонятно будетъ читать въ биографіи Пушкина, что его звали обезьяной, смѣсью обезьяны съ тигромъ. *М. Я.*

щаль преимущественно литературныя общества Карамзина ¹⁾, Жуковского, Воейкова, графа Блудова, Тургенева и т. п. Впрочемъ, онъ болѣе и болѣе полюбилъ также и разгульную жизнь ²⁾ служителей Марса, дѣвъ веселія и модныхъ женщинъ, нынѣшнихъ львицъ, или, какъ очень удачно выразился, вѣжета, Загоскинъ, — *вольнотпущенныхъ женъ* (femmes épanchées).

Рядомъ съ этою запискою сохранился на особомъ полулистѣ писанный также рукою Комовскаго очеркъ начала біографіи Пушкина (его дѣтства); но я не перепечатаваю его, такъ какъ онъ весь вошелъ въ *Матеріалы* Анненкова. Какъ дополненіе къ предыдущей запискѣ сообщаю еще отрывокъ изъ письма, написаннаго Комовскимъ къ Ѳ. П. Корнилову въ отвѣтъ на приглашеніе комитета пріѣхать въ Москву къ открытію памятника Пушкину. Сожалѣя, что онъ по слабости здоровья ³⁾ не можетъ принять участія въ этомъ народномъ торжествѣ, Сергій Дмитриевичъ вспоминаетъ знаменитаго товарища и между прочимъ говоритъ:

Пушкинъ, привезъ съ собою изъ Москвы огромный запасъ любимой имъ тогда французской литературы, началъ ребяческую охоту свою — писать одни французскіе стихи — переводить на чисто-русскую, очищенную имъ самимъ почву. Затѣмъ, едва познакомившись съ юною своею музою, онъ сталъ поощрять и другихъ товарищей своихъ писать: русскія басни (Яковлева), русскія эпиграммы (Илличевскаго), терпѣливо выслушивалъ тяжеловѣсные гекзаметры барона Дельвига и снисходительно улыбался клопштовскимъ стихамъ неуклюжаго нашего Кюхельбекера. Самъ же поэтъ нашъ, удаляясь верѣдко въ уединенныя залы лица или въ тѣнистыя аллеи сада, грозно насуя брови и надувъ губы, съ искусаемымъ отъ досады перомъ во рту, какъ бы усленно боролся иногда съ прихотливою кокеткою музою, а между тѣмъ мы всѣ видѣли и слышали потомъ, какъ всегда легкій стихъ его вылеталъ подобно «пуху изъ устъ Эола».

2. ЗАПИСКА ГРАФА М. А. КОРФА ⁴⁾.

1854.

Уставъ о лицѣхъ сочинялъ Сперанскій, тогда государственный секретарь и на высшемъ апогеѣ довѣрія къ нему императора Александра. У

¹⁾ Посѣщая его еще въ лицѣхъ, Пушкинъ написалъ, по совѣту его, куплеты, пѣтыя въ Павловскѣ при празднованіи, сколько помнится, взятія Парижа, и за эти стихи удостоился получить отъ императрицы Маріи Феодоровны золотыя съ цѣпочкою часы при милостивомъ отзывѣ на имя *воспитанника лица, Пушкина. С. К.*

²⁾ Пушкинъ велъ жизнь болѣе беззаботную, чѣмъ разгульную. Такъ ли кутить большая часть молодежи? *М. Я.*

³⁾ С. Д. Комовскій скончался вскорѣ послѣ открытія памятника, именно 8 іюля 1880 года.

⁴⁾ См. выше стр. 5 и 37. Копія съ этой записки передана авторомъ на храненіе въ Чертковскую бібліотеку. Другой списокъ съ нея предоставленъ имъ,

насъ въ рукахъ подлинное письмо его о томъ къ старпку Масальскому, отцу вышшняго литератора, отъ 4 февраля 1815 года. Упавшій Сперанскій оканчивалъ тогда свое заточеніе въ селѣ своемъ Великопольѣ близъ Новгорода, и на вопросъ Масальскаго, въ какое бы заведеніе помѣститъ ему сына, отвѣчалъ совѣтомъ отдать мальчика въ лицей, прибавляя: «Училище сіе образовано по уставу его написать мною, хотя и присвоили себѣ работу сію другіе. Не безъ самолюбія скажу, что оно соединяетъ въ себѣ несравненно болѣе выгодъ, нежели всѣ наши университеты».

— Помѣщеніе для лицей отведено было собственно *во дворѣ* по особенной совѣтѣмъ причинѣ, именно потому, что и весь лицей образованъ былъ для воспитанія въ немъ царскихъ братьевъ великихъ князей: Николая и Михаила Павловичей. Начальная о томъ идея не получила своего осуществленія только потому, что при самомъ открытіи лицей, т. е. въ концѣ 1811 года ¹⁾, отношенія наши къ Наполеону представлялись уже въ самыхъ грозныхъ краскахъ и мысли Императора Александра приняли другое направленіе. Это я имѣлъ счастье неоднократно слышать самъ и отъ императора Николая Павловича и отъ великаго князя Михаила Павловича. Его величество называлъ меня иногда въ шутку: «*mon camarade manqué*».

— В. Ѡ. Малиновскій былъ человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управленія какою-нибудь частію, тѣмъ болѣе высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Значеніе свое онъ получилъ, кажется, отъ того, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Аванасьевича Самборскаго, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучителя и духовника великихъ князей Александра и Константина Павловичей и наконецъ духовника великой княгини Александры Павловны, по вступленіи ея въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ венгерскимъ ²⁾. Есть впрочемъ вся вѣроятность

въ 1874 году, въ полное мое распоряженіе. Печатаю ее, ссылаюсь на мнѣніе, высказанное мною о ней выше, на стр. 117. Строгость сужденій гр. Корфа о Пушкинѣ, о его родныхъ и нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ наставниковъ лицей не можетъ въ настоящее время служить препятствіемъ къ обнародованію этой записки, такъ какъ самыя рѣзкія мѣста ея, особенно касающіяся именно нашего поэта и близкихъ къ нему лицъ, уже не разъ появлялись въ печати. Ранѣе или позже она должна была сдѣлаться извѣстною во всемъ своемъ объемѣ. Невключеніе ея въ настоящій сборникъ имѣло бы видъ слѣплаго пристрастія къ памяти поэта и къ мѣсту его воспитанія. Здѣсь же приговорамъ автора противопоставляются сочувственные отзывы, разсѣянные на страницахъ предлагаемаго труда. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣщаются между прочимъ возраженія покойнаго П. А. Вяземскаго, съ которыми замѣтки графа Корфа напечатаны были въ газетѣ *Берегъ* княземъ П. П. Вяземскимъ. Въ запискѣ опускаю только цифры, означающія въ подлинникѣ ссылки на статью г. Бартенева, а также немногія замѣтки, не заключающія въ себѣ ничего новаго или интереснаго, въ родѣ напримѣръ свѣдѣнія, что книга Жозефа де Местра «*Lettres et opuscules*» имѣется въ Публичной библіотекѣ. *Я. Г.*

¹⁾ Вспомнимъ, что уставъ лицей изданъ былъ болѣе нежели за годъ до того — 12-го августа 1810 года. *М. К.*

²⁾ Этотъ Самборскій, котораго я зналъ лично прекраснымъ, маститымъ старцемъ, съ аннинскою лентою, послѣ кончины великой княгини, долго жилъ въ

думать, что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря Сперанскаго, который издавна былъ очень близокъ къ Самборскимъ и въ ихъ домѣ впервые познакомился съ тою, которая послѣ сдѣлалась его женою: сиротою бѣднаго англійскаго пастора Стивенса.

— Лицей содержался богато только сначала, но послѣ ничуть не богаче другихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній и, конечно, бѣднѣе пажелы, въ то время, пажескій корпусъ. Вначалѣ намъ сдѣлали прекрасные синіе мундиры изъ тонкаго сукна, съ теперешнимъ воротникомъ, и при нихъ бѣлые панталоны въ обтяжку съ ботфортами и трехугольными шляпами, и сверхъ того для будней синіе форменные сюртуки съ красными воротниками ¹⁾. Но когда настала война 1812 года съ ея огромными расходами, заставившими, вѣроятно, сократить и штатную сумму лицея, все это стало постепенно отпадать ²⁾. Сперва, вмѣсто бѣлыхъ панталонъ съ ботфортами, явились сѣрые брюки; потомъ, вмѣсто трехугольныхъ шляпъ, фуражки; наконецъ, вмѣсто форменныхъ синихъ сюртуковъ, сѣрые статскаго покроя, чѣмъ особенно мы очень обижались, потому что такая же форма была тогда и для малолѣтнихъ придворныхъ пѣвчихъ въ службѣ. Впослѣдствіи хотя и возстановились синіе форменные сюртуки, но все прочее осталось какъ порѣшилъ роковой 1812-й годъ, а сверхъ того, казенное платье было такъ плохо и шилось на такіе долгіе сроки, что всѣ, кому сколько-нибудь дозволяли средства, имѣли свое, прочіе же и въ дворцовую церковь являлись въ заплаткахъ. Столъ — за обѣдомъ три, а въ праздники четыре, и за ужиномъ два блюда — никогда не былъ хорошимъ, а иногда бывалъ и чрезвычайно дурнымъ, хотя одно время готовилъ его, чѣмъ очень хвастались, поваръ, служившій нѣкогда Суворову. Первые эконома или, по оффиціальному ихъ титулу, «инспекторы хозяйственной части», Эйлеръ ³⁾ и Камарашъ, были очевидные жида, и по наружности и по образу дѣйствія, я думаю и по происхожденію; потомъ эта должность уже не замѣщалась и исправлялъ ее сперва помощникъ эконома, истый уже русскій, Золотаревъ ⁴⁾, который былъ еще хуже жидовъ, и потомъ съ званіемъ просто «эконома» нѣмецъ Ротастъ, нѣсколько

Петербургѣ, на покой, занимаясь преимущественно агрономіею. Онъ сохранилъ отъ времени пребыванія своего за границею много англійскихъ навыковъ и — право не *отращивать бороды*, за что считался между своею братіею немножко еретикомъ. *М. К.*

¹⁾ Замѣчательно, что вначалѣ все платье на насъ шилъ собственный портной гоударя, русскій мужикъ съ бородою, Мальгинъ, котораго я видывалъ, кажется, еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ глубокой старости. *М. К.*

²⁾ Въ біографіи Энгельгардта (*Р. Архивъ* 1872) сказано, что эти перемены были введены имъ съ педагогическою цѣлью, а не изъ экономіи. *И. Г.*

³⁾ Леонтій Карловичъ Эйлеръ, племянникъ знаменитаго академика, былъ честнѣйшій человекъ и служилъ впослѣдствіи при петербургской таможнѣ. Въ этой должности онъ съ 1820-хъ почти до 1840-хъ годовъ жилъ на Вас. остр. около биржи, гдѣ я въ молодости его посѣщалъ по старинному знакомству моего дѣда съ математикомъ Эйлеромъ. *И. Г.*

⁴⁾ Сына его я засталъ въ 1823 году въ лицейскомъ пансіонѣ, гдѣ этотъ молодой человекъ и оставался еще долго отчаяннымъ лѣнтяемъ и послѣднимъ во всѣхъ отношеніяхъ воспитанникомъ. *И. Г.*

лучше предмѣстниковъ¹⁾. Золотаревъ былъ постоянно предметомъ жестокихъ насмѣшекъ и преслѣдованій цѣлаго лица, и какъ часто мы бывало таскали его за рыжіе бабенбарды, пригѣвая:

«Ты выдумалъ похабны ясты,
 Запряталъ въ пироги дѣварсты»...

Чтобы окончить очеркъ *богатаго* нашего содержанія, прибавлю, что одно время, кажется тоже въ экономическомъ 1812 году, насъ, вмѣсто чая, поили сбитнемъ, и что часть бѣлья была отнюдь не лучше части верхняго платья.

— Нельзя сказать, чтобы лицеисты составляли высшій курсъ, а пансіонеры низшій. Это было справедливо только въ отношеніи къ тому небольшому числу воспитанниковъ, которые изъ пансіона переходили въ лицей, а всѣ прочіе ованчивали свое ученіе въ самомъ пансіонѣ, почти по тому же курсу, и выпускались оттуда на службу только однимъ чиномъ ниже. Нельзя также сказать, чтобы лицеисты и пансіонеры *безпрестанно* видѣлись между собою, чему препятствовало и самое разстояніе, потому что лицей былъ во дворцѣ, а пансіонъ въ Софіи, въ зданіяхъ теперешняго Александровскаго кадетскаго корпуса²⁾. Мы видались только случайно на прогулкахъ, иногда же по воскресеньямъ и праздникамъ знакомые хаживали изъ одного заведенія въ другое; но in corpore лицеисты посѣщали пансіонъ, и наоборотъ, только разъ или два въ году, когда бывали въ томъ или другомъ заведеніи театральныя представленія или танцы. Сверхъ того надо замѣтить, что лицей считался въ отношеніи къ пансіону какъ бы гвардіею, и лицеисты въ массѣ всегда чуждались пансіонеровъ, смотря на нихъ даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

— Лицей былъ устроенъ на ногу высшаго, окончательнаго училища, а принимали туда, по уставу, мальчиковъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, съ самыми ничтожными предварительными свѣдѣніями. Намъ нужны были сперва *начальные* учителя, а дали тотчасъ *профессоровъ*, которые, притомъ, сами никогда нигдѣ еще не преподавали. Насъ надобно было раздѣлать, по лѣтамъ и по знаніямъ, на классы, а посадили *всѣхъ вмѣстѣ* и читали, напримѣръ, нѣмецкую литературу тому, кто едва зналъ нѣмецкую азбуку. Насъ — по крайней мѣрѣ въ послѣдніе три года — надлежало специально готовить къ будущему нашему назначенію, а вмѣсто того, до самаго конца, для всѣхъ продолжался какой-то *общій* курсъ, полугимназическій и полууниверситетскій, *обо всемъ на свѣтъ*: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже высшее богословіе — все это занимало у

¹⁾ Остававшійся въ этой должности еще и при мнѣ и послѣ меня Кухонною частью завѣдывала его жена, и мы были довольны получаемой пицей. Если и случались вспышки неудовольствія, выражавшіяся напр. бросаніемъ пировъ, то ихъ надо скорѣе приписать нашей избалованности, нежели дѣйствительно дурному содержанію. *Я. Г.*

²⁾ Слѣдуетъ прибавить: «для малолѣтнихъ». Впослѣдствіи тамъ помѣщалось юнкерское стрѣлковое училище. *Я. Г.*

насъ столько же, иногда и болѣе времени, нежели нравовѣдѣніе и другія науки политическія. Лицей былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью *всего этого вмѣстѣ* и, вопреки мнѣнію Сперанскаго, смѣю думать, что онъ былъ заведеніемъ не соответствовавшимъ ни своей *особенной*, ни вообще *какой-нибудь* цѣли.

— Георгіевскій къ Кошанскому былъ назначенъ адъюнктомъ, и тогда какъ Кошанскій продолжалъ преподавать намъ русскую и латинскую словесность, Георгіевскій, помогая ему въ томъ, имѣлъ специально курсъ эстетики. Оба были, впрочемъ, далеко не орлы, и конечно не имъ лицей обязанъ своими поэтами. Кошанскій, преданный слабости къ крѣпкимъ напѣткамъ, отъ которой, въ наше время, нѣсколько разъ подвергался бѣлой горячкѣ, былъ родъ жеманнаго и чопорнаго франта, ревностно ухаживавшаго за прекраснымъ поломъ, любившій говорить по-французски, впрочемъ довольно смѣшно, и обращавшійся къ намъ всегда съ словомъ: *Messieurs*, которое онъ выговаривалъ: *месьёсь*. И Пушкина и другихъ онъ жестоко преслѣдовалъ за охоту писать стихи и за всякую попытку въ этомъ родѣ, кажется, немножко и изъ зависти, потому что самъ кропалъ вирши ¹⁾. Георгіевскій съ своей стороны былъ схоластъ и педантъ, который не умѣлъ ничего сказать просто и отличался самымъ надутымъ краснорѣчіемъ ²⁾. Всякая фраза оканчивалась у него стереотипнымъ «п тому подобное», ни къ селу ни къ городу, и среди этихъ его порывовъ къ уподобленіямъ, намъ не разъ случалось слышать съ кафедръ возгласы въ родѣ слѣдующаго: «Богъ, господа, и тому подобное» ³⁾.

— Кайдановъ, воспитанникъ тогдашняго Педагогическаго института,

¹⁾ Замѣчанія на этотъ слишкомъ строгій отзывъ о Кошанскомъ см. выше, стр. 55—59. *Я. Г.*

²⁾ И этого отзыва не могу вполне подтвердить. Петръ Егоровичъ Георгіевскій, поступивъ въ лицей очень молодымъ человѣкомъ, вначалѣ могъ дѣйствительно имѣть приписываемые ему здѣсь недостатки; преподаваніе его и въ наше время страдало нѣкоторою сухостью; но мы уважали его какъ прекраснаго человѣка, справедливаго, скромнаго, деликатнаго, и не замѣчали въ немъ ничего подобнаго желанію блистать краснорѣчіемъ. Впрочемъ при насъ онъ уже не читалъ эстетики, а преподавалъ только латынь и русскую литературу. *Я. Г.*

³⁾ На него мы сочинили слѣдующіе стихи:

Предположивъ и дальше
На грацію намекъ,
Ну-съ, Августинъ богословъ,
Профессоръ Бутервекъ.

* * *

Предположивъ и дальше
На грацію намекъ,
Надъ печкою богословъ,
А въ пекчѣ Бутервекъ.

* * *

Потомъ Ниобы группа,
Кореджіевъ тѣмосвѣтъ,
Прелестна граціозность
И счастливы — онъ поэтъ. *М. К.*

по окончаніи въ немъ курса отправленъ былъ, вмѣстѣ съ своими товарищами: Кунцинымъ и Карцовымъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія, за границу, и слушалъ въ Геттингенѣ знаменитаго въ свое время Герена, но сѣмя великаго учителя пало здѣсь на бесплодную почву. Вышедшіе потомъ въ печать курсы Кайданова обличили вполне степень его высоты, хотя впрочемъ онъ училъ все-таки нѣсколько лучше нежели писалъ¹⁾. Нашъ историкъ имѣлъ кое-какія смѣшныя странности, къ которымъ должно причислить, между прочимъ, французскій его выговоръ, гдѣ, слѣдя латинскому произношенію, онъ обозначалъ каждую букву. Такъ, изъ *guerre des grenouilles* у него всегда выходило: гверъ де греновиль. Другая странность у него была, что, обращаясь къ кому-нибудь изъ насъ, онъ слово «господишь» всегда ставилъ послѣ фамиліи: Корфъ господишь, Пушкинъ господишь, и т. д. Сверхъ того, обходясь очень вѣжливо съ порядочными воспитанниками, онъ немилосердно ругалъ плохихъ, особенно лѣнтяя Ржевскаго, котораго терпѣть не могъ. Не проходило лекціи, гдѣ бы ему не доставалось такъ: «Ржевскій господишь, животина господишь, скотина господишь», и все это съ самымъ малороссійскимъ выговоромъ и интонаціею²⁾.

— Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ вполне предаваться самой пысканной лѣни, но кто и хотѣлъ, тому не много открывалось способовъ, при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части преподавателей, которые столько же далеки были отъ исполненія устава, сколько и вообще отъ всякой рacionales системы преподаванія. Въ слѣдующіе курсы, когда они пообтерлись на насъ, дѣло пошло, я думаю, складнѣе: но, несмотря на то, нашъ выпускъ, болѣе всѣхъ запущенный, по результатамъ своимъ вышелъ едва ли не лучше всѣхъ другихъ, по крайней мѣрѣ несравненно лучше всѣхъ современныхъ ему училищъ. Одного имени Пушкина довольно, чтобы обезсмертить этотъ выпускъ; но и кромѣ Пушкина, мы, изъ ограниченнаго числа 29-ти воспитанниковъ, поставили по нѣскольку очень достойныхъ людей почти на всѣхъ пути общественной жизни. Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ: по

1) Лекціи Кайданова были дѣйствительно гораздо удовлетворительнѣе его учебника; мы ихъ любили и слушали со вниманіемъ. Я. П.

2) Ржевскій — малый добрый и не глупый, но съ которымъ въ лѣности могъ спорить развѣ только Дельвигъ, — писалъ иногда кой-какіе стишонки. На него былъ сочиненъ у насъ, за живо, слѣдующая эпитафія — акростихъ. М. К.

Родясь какъ всякій человѣкъ,
Жизнь отдалъ праздности, труда какъ зла страшился,
Ѣлъ съ утра до ночи, подъ вечеръ спать ложился;
Вставъ, снова Ѣлъ да пилъ, и такъ провелъ весь вѣкъ.
Счастливецъ! на себя онъ злобы не навлекъ;
Кто впрочемъ изъ людей былъ вовсе безъ порока?
И онъ писалъ стихи, къ несчастію безъ прока.

Кому принадлежалъ этотъ акростихъ, не помню, но едва ли онъ имѣлъ законнаго отца: такія пьесы, равно какъ и то, что мы называли *національными тиснями*, импровизировались у насъ обыкновенно изустно цѣлою толпою, и уже потомъ ихъ кто-нибудь записывалъ для памяти. М. К.

крайней мѣрѣ на паставникамъ нашимъ, на надзирателямъ не можетъ быть приписана слава такого результата. Мы мало учились въ классахъ, но много въ чтеніи и въ бесѣдѣ, при безпрестанномъ треніи умовъ, при совершенномъ отсѣченіи отъ насъ всякаго внѣшняго разсѣянія. Основательнаго, глубокаго, въ нашихъ познаніяхъ было, конечно, не много; но поверхностно мы имѣли идею обо всемъ и были очень богаты блестящимъ *всезнаніемъ*, которымъ такъ легко и теперь, а тогда было еще легче, отыгрываться въ Россіи. Многому мы, разумѣется, должны были доучиваться уже послѣ лица, особенно у кого была собственная охота къ науцѣ и кто, какъ на примѣръ я, оставилъ школьную скамью въ 17 лѣтъ.

— Куницынъ былъ, конечно, даровитѣ своихъ товарищей и въ особенноти говорилъ складнѣе, хотя безъ большого изящества; сверхъ того у него было жьвое воображеніе и онъ обилывалъ разсказами, сравненіями и т. п. Но все это было замѣтно въ немъ болѣе вначалѣ, пока онъ преподавалъ намъ нравственную философію; послѣ, при переходѣ въ римское и русское право, въ политическую экономію и финансы, онъ сталъ все болѣе и болѣе остывать къ своимъ предметамъ, а мы къ его лекціямъ. Притомъ система его преподаванія была самая негодная. При неизмѣнн въ то время никакихъ печатныхъ курсовъ, онъ самъ писалъ свои записки, а мы должны были ихъ списывать и изучать *слово въ слово*, совершенно *въ долбязку*, такъ что при отвѣтахъ на его вопросы не позволялось измѣнять ни единой буквы: отъ этого, въ тѣхъ именн предметахъ, гдѣ наиболѣе должно было изощряться разумніе и способность свободно изясняться, мы обращались въ совершенныя машины. Послѣ Куницынъ служилъ, вмѣстѣ со мною, во II Отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи, гдѣ наиболѣе былъ употребленъ въ сводамъ по межевой частн; но работы его выходили такъ плохи, что многія изъ нихъ Сперанскій тайнѣ передавалъ поправлять бывшему ученику бывшего профессора.

— Каѳедры философіи (кромя такъ называемой *нравственной*) у насъ не было; эстетику преподавалъ Георгіевскій; Галичъ никогда профессоромъ лица не былъ. Этотъ предобрый, но презабавный чудакъ преподавалъ въ лицей, во время *бѣлыхъ горячекъ* Кошанскаго, русскую и латинскую словесность, и мы хотя очень надъ нимъ подсмѣивались, однако и очень его любили за почти младенческое простосердечіе и добродушіе. Онъ, помнится, былъ товарищъ Куницына, Кайданова и Карцова и по Педагогическому институту, и по заграничной ихъ поѣздкѣ. Впослѣдствіи у него, по случаю изданныхъ имъ философскихъ системъ и пр., завязалась жаркая журнальная полемика съ Гречемъ, что однакоже не помѣшало послѣднему, когда нашъ философъ впалъ въ болѣзнь и нищету, взять его къ себѣ въ домъ и на свои хлѣбы. Здѣсь Галичъ и умеръ въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

— Карцовъ былъ профессоромъ математическихъ наукъ и физики. Послѣдняя была даже его спеціальностію, а математику онъ зналъ и преподавалъ довольно плохо, въ чемъ мы особенно убѣдились, когда назначенъ былъ къ нему адъюнктомъ молодой студентъ Архангельскій, математикъ въ душѣ, умѣвшій придавать этому сухому предмету жизнь и даже что-

то въ родѣ поэзіи¹⁾. Впрочемъ математикѣ всѣ мы вообще сколько-нибудь учились только въ первые три года; послѣ, при переходѣ въ высшія ея области она, смертельно всѣмъ надоѣла, и на лекціяхъ Карцова каждый обыкновенно занимался чѣмъ-нибудь постороннимъ: готовился къ другимъ предметамъ, писалъ стихи или читалъ романы, которыхъ разными потаенными путями мы всегда умѣли доставать пропасть, вопреки строгому шпионству и наушничеству матери нашего Бакунина (теперь тверского губернатора), жившей постоянно въ Царскомъ Селѣ и неослабно слѣдившей, для охраненія нравственности своего, впрочемъ совсѣмъ не цѣломудреннаго сына, за нашими лектурами. Во всемъ математическомъ классѣ шелъ за лекціями и зналъ что преподавалось одинъ только Вальховскій. Сначала общая невнимательность всѣхъ прочихъ ужасно бѣсила Карцова; онъ долго бранился, жаловался, старался возстановить порядокъ и дисциплину въ своемъ классѣ; но, видя наше упорство не сдѣлаться математиками, наконецъ покорился судьбѣ или нашей непреклонной волѣ, и въ послѣднее время не вызывалъ уже никого болѣе къ отвѣтамъ кромѣ Вальховскаго, и ни съ кѣмъ другимъ не занимался; къ выпускному же экзамену роздалъ каждому изъ насъ опредѣленные роли, авес гёрлікве, которыя всѣ мы превосходно выучили. Самъ онъ былъ человѣкъ неглупый, острый, язвительный; мы любили его бесѣду, наполненную множествомъ анекдотовъ и колкостей на счетъ ближняго, т. е. царевосельскихъ жителей, потому что при нашемъ монастырскомъ затворничествѣ мы никого болѣе не знали. Бывало, когда онъ придетъ въ классъ, всѣ соберутся вокругъ него и, до начатія уединенной его бесѣды съ Вальховскимъ, помираютъ со смѣха отъ его, вовсе не математическихъ разсказней²⁾. Нашъ Иглицевскій написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

Повѣрь, тебя измѣрить разомъ
 Не мудрено, мой другъ чернякъ;
 Ты математикъ — *минусъ* разомъ
 Ты злой насмѣшникъ *плюсъ* д.

¹⁾ Архангельскій былъ въ числѣ старыхъ преподавателей, которыхъ я сталъ еще въ лицей; но онъ вскорѣ, уже въ годъ моего поступленія, умеръ отъ водяной. Я зналъ его еще въ лицейскомъ пансіонѣ, но онъ рѣдко приходилъ на лекціи по болѣзни, которая выражалась на лицѣ его смертельною блѣдностью. Всегда серьезный, строгій и вспыльчивый, онъ внушалъ страхъ и высокое понятие о своей учености. Разъ одинъ изъ воспитанниковъ, не знавшій урока, удостоился отъ него клички: «гнилой горшокъ», и разсказъ объ этой выходкѣ профессора часто повторялся. Не могу не вспомнить, что вскорѣ послѣ моего поступленія въ лицей Архангельскій, на одной изъ своихъ лекцій, аттестовалъ меня вошедшему въ классъ директору какъ «имѣющаго весьма основательныя познанія въ математикѣ». И дѣйствительно, пока проходились низшія ея части, я, благодаря урокамъ покойнаго П. Е. Бѣликова (который училъ и русскому языку) въ лицейскомъ пансіонѣ, отличался успѣхами, но когда пришла пора дифференціаловъ и интеграловъ, я сталъ охлаждать къ математикѣ и наконецъ совсѣмъ пересталъ ею заниматься. Я. Г.

²⁾ Это отчасти продолжалось и при насъ. Часто даже, въ классѣ, въ отвѣтъ на его остроты, раздавался общій хохотъ, въ угожденіе профессору. При своей тучности онъ естественно не любилъ никакого напряженія, и иногда, сидя

Но эта игра словъ совсѣмъ не отвѣчала истинѣ въ отношеніи къ *уму* Карцова.

— Исправлявшій директорскую должность Гауэншильдъ, былъ, можетъ быть, столь же хорошій профессоръ, сколько онъ былъ дурнымъ учителемъ пеще худшимъ директоромъ. Родомъ изъ Австріи, онъ не нравился намъ уже потому, что былъ *нѣмецъ* и очень смѣшно изъяснялся по-русски. Сверхъ того, при довольно заносчивомъ нравѣ, онъ былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный. Доказательствомъ общей къ нему ненависти служить слѣдующая *національная пѣсня*, которая пѣвалась хоромъ, на голось гремѣвшаго тогда по цѣлой Россіи «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковского, — безъ всякаго секрета и только что не самому Гауэншильду въ лицо. Первые четыре стиха пѣлись *adagio* и *sotto voce*; потомъ темпъ ускорялся, а съ нимъ повышались и голоса, которые, наконецъ, переходили въ совершенную бурю. Разумѣется, что тутъ имѣлись въ виду не поэтическія красоты и не прелести гармоніи, а только выраженіе общаго чувства:

Въ лицейской залѣ тишина,
Диковинка межъ нами:
Друзья, къ намъ лѣзетъ сатана
Съ лакрицей за зубами ¹⁾.
Друзья, сберегитесь гурьбой,
Дружнѣ въ руки палку,
Лакрицу сплюснемъ за щекой,
Дадимъ австрійцу свалку.
И кто послѣдній въ классахъ вретъ,
Не зная вѣкъ урока,
«Побѣда» первый заоретъ,
На нѣмца грянувь съ бога.

* * *

Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
Покроетъ вѣчной пылью?
Пилецкій, пастыръ душъ съ крестомъ,
Иконниковъ съ бутылкою ²⁾,
Съ жидовской рожей экономъ,
Нашъ Эйлеръ знаменитый;
Зерновъ съ преломленнымъ носомъ,
Съ бородкою небритой ³⁾;

спиною къ доскѣ, не вставая чертилъ на ней свои поясненія. Однимъ изъ любимыхъ его выраженій, для насмѣшки надъ незнающими, было: «а + b равно красному барану», или: «тяпъ да ляпъ, и состроилъ корабль». Во французскомъ языкѣ онъ еще перещеголялъ Кайданова, и въ насмѣшку надъ лѣнивцами говаривалъ: «пуръ пассеръ ле тампсъ». *Я. Г.*

¹⁾ Гауэншильдъ имѣлъ привычку вѣчно жевать лакрицу. *М. К.*

²⁾ См. выше, стр. О Пилецкомъ и Иконниковѣ будетъ рѣчь ниже.

³⁾ См. выше, стр. 50.

Съ очкамъ лисей Соколовъ ¹⁾
 И Гакенъ криворотый ²⁾
 Докажутъ сплу кудаконъ, —
 И пѣмца за ворота!

Лекціи свои Гауэншिल्дъ всегда читалъ на французскомъ языкѣ: это объяснялось тѣмъ, что нѣкоторые изъ насъ, и даже многіе, не знали ни слова по-нѣмецки; но все же странно было, что одинъ живой языкъ преподавался на другомъ, еще страннѣе послѣ, когда дѣло дошло уже до высшей литературы и ея исторіи. Для нѣмецкаго языка находился у насъ, впрочемъ очень недолго, еще и адъюнктъ, Ренненкампфъ, изъ хорошей дворянской фамиліи ³⁾. Онъ служилъ прежде въ военной службѣ, въ которую и отъ насъ опять поступилъ, и памятенъ мнѣ болѣе по шалостямъ, которыя мы себѣ съ нимъ позволяли.

— Дельвицъ не могъ подавать примѣра Пушкину въ отношеніи къ нѣмецкому языку, потому что, вопреки своей нѣмецкой фамиліи, самъ зналъ его не больше Пушкина. Насъ точно по временамъ заставляли говорить по-нѣмецки и по-французски, для чего назначались опредѣленные дни; но это былъ почти одинъ фарсъ. Съ утра дежурный гувернеръ вручалъ кому-либо изъ воспитанниковъ билетъ, который надлежало передавать первому, захваченному въ тотъ день въ русскомъ разговорѣ; этотъ захваченный передавалъ опять билетъ тому, котораго удавалось ему съ своей стороны поймать въ подобной запрещенной бесѣдѣ, и такъ далѣе, до извѣстнаго часа, по наступленіи котораго тотъ, у кого окончательно оказывался билетъ, подвергался наказанію. Это значило вызывать товарищей къ не совсѣмъ, конечно, нравственному шпионству и обману, но на дѣлѣ выходило иначе. Тотъ, кому первому давался билетъ, обыкновенно держалъ его у себя все время до опредѣленнаго часа, и въ продолженіе этого времени никто и не думалъ говорить иначе какъ по-русски; только въ послѣднія роковыя минуты начиналась ловля разными хитростями; случалось же и такъ, что въ опредѣленному часу билетъ совсѣмъ пропадалъ безъ вѣсти.

— Преподаватели обонхъ иностранныхъ языковъ нисколько не имѣли болѣе частаго обращенія съ лицеистами, нежели другіе. Де-Будри не жилъ даже въ Царскомъ Селѣ, а пріѣзжалъ туда только на тѣ дни, когда бывали его лекціи. Свѣдѣніе, будто онъ переводилъ съ лицеистами «Недоросля», можетъ быть, относится къ послѣдующимъ выпускамъ, но при насъ этого не было. Де-Будри, забавный коротенькій старичокъ, съ толстымъ брюхомъ, съ насаленнымъ, слегка напудреннымъ парикомъ, кажется никогда не мывшійся и развѣ только однажды въ мѣсяцъ перемѣнявшій на себѣ бѣлье, — одинъ изъ всѣхъ данныхъ намъ наставниковъ вполне

¹⁾ Родъ ключника при экономѣ, потомъ помощника гувернера.

²⁾ Бывшій прежде морской офицеръ, котораго прославили необыкновеннымъ знатокомъ французскаго языка и приставили къ намъ гувернеромъ для упражненія въ этомъ языкѣ, а между тѣмъ онъ говорилъ: «allont au parc», и deux выговаривалъ діо.

³⁾ Одинъ изъ тѣхъ дюжинныхъ гувернеровъ, коимъ былъ ввѣренъ нравственный за нами надзоръ. NB. Всѣ эти примѣчанія принадлежатъ М. К.

понималъ свое призваніе и, какъ человѣкъ въ высшей степени практической, наиболѣе способствовалъ нашему развитію, отсюда не въ одномъ познаніи французскаго языка. Пока Кунциньнъ заставлялъ насъ долбить теорію логики со всѣми ея схоластическими формулами, Де-Будри училъ насъ ей на самомъ дѣлѣ. Онъ дѣйствовалъ непосредственно и постоянно на высшую и важнѣйшую способность — способность правильного мышленія, а черезъ нее и на другую способность логическаго, складнаго и отчетливаго выраженія мыслей словомъ. Не могу согласиться, чтобы уроки Де-Будри были для насъ всѣхъ *веселые*: напротивъ, онъ былъ очень строгъ и взыскателенъ и, какъ бы въ отмщеніе за то, что въ его классѣ, подъ его аргусовымъ глазомъ, нельзя было и думать о какомъ-нибудь стороннемъ занятіи, мы дразнили его разными школьными продѣлками; но *теперь* каждый изъ насъ, конечно, отдаетъ полную справедливость благотворному вліянію, которое онъ имѣлъ на наше образованіе. Де-Будри былъ для насъ и учителемъ декламации. Помню, что какъ-то, въ послѣдніе уже годы, намъ вздумалось сыграть предлинную и довольно скучную драму: «L'abbé de l'Érée», въ которой всѣ женскія роли были передѣланы имъ же, Де-Будри, въ мужскія и *любовники* превращены въ *друзей*. Бодрый старичокъ цѣлый мѣсяцъ мучилъ насъ, по этому случаю, репетиціями, и былъ для насъ, поддѣльныхъ актеровъ, совершенно тѣмъ же самымъ, что князь Шаховскій для настоящихъ. И декламация обогнъ, какъ поклонниковъ старой школы, была въ одномъ родѣ: слышомъ высокопарна и на ходуляхъ.

— Чириковъ былъ лицомъ очень замѣчательнымъ въ лицей, хотя больше по своей въ немъ, такъ сказать, *непрерывности*, нежели по какимъ-нибудь необыкновеннымъ достоинствамъ. Онъ вошелъ въ лицей со днемъ его открытія, то есть 19 октября 1811-го г., и, переселясь потомъ съ нимъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ глубокой старости, оставилъ службу при лицей и вскорѣ за тѣмъ умеръ. Первый по времени гувернеръ нашъ, первый также учитель рисованія, онъ былъ человѣкъ довольно ограниченный, очень посредственный гувернеръ, очень плохой рисовальщикъ и, при всемъ томъ очень любимый лицеистами за ровный и пріятный характеръ, за обходительность, за нѣкоторое достоинство, не позволявшее намъ таить съ нимъ шалостей, на которыя мы пускались съ другими; наконецъ и за сочувствіе къ нашимъ литературнымъ занятіямъ, въ которыхъ онъ находилъ вкусъ, потому что самъ былъ поэтъ, впрочемъ еще болѣе плохой нежели гувернеръ и рисовальщикъ. Еще прежде лицей онъ писалъ, но кажется не печаталъ, длинныя трагедіи въ стихахъ, которыя ходили и читались у насъ въ рукописяхъ. Одна была подъ заглавіемъ: «Герой Сѣвера», и кому-то изъ нашихъ вздумалось это заглавіе произведенія перенести на самого автора. Съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, мы всегда звали его «Героємъ Сѣвера», и этотъ собрикетъ очень льстилъ его самолюбію. Разумѣется, впрочемъ, что и на него, при всемъ добромъ къ нему расположеніи умовъ, не обходилось безъ эпиграммъ. Вотъ главная, сочиненная общипмъ трудомъ и которую мы часто пѣвали на голосъ: «Ахъ, скучно

мнѣ на чужой сторонѣ» — только *не въ лицо ему*, какъ то бывало съ другими гувернерами ¹⁾):

Я во Питерѣ бывалъ,
Изъ Царскаго туда ѣзжалъ ²⁾.
Персъ я родомъ ³⁾
И походомъ
Я на Выборгской бывалъ.

* * *

Я дежурный когда ⁴⁾,
Надѣваю фракъ тогда;
Не дежурный —
Такъ мишурный
Надѣваю свой халатъ.

* * *

Вотъ ужъ девять бьетъ часовъ,
Я отъ сна встаю здоровъ:
Позѣваю,
Позываю
Всѣхъ Матвѣевъ, слугъ monkъ ⁵⁾.

* * *

И кривой ко мнѣ идетъ,
И *казенный* чай несетъ,
И подносить,

¹⁾ Чириковъ былъ уже давно женатъ, когда у него, въ мое время, родился первый ребенокъ, названный Сергѣемъ. Мы тотчасъ примѣнили къ новорожденному стихи изъ *Горя отъ ума*:

Сергѣй Сергѣичъ! запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали! *Я Г.*

²⁾ Въ то время, когда между Царскимъ Селомъ и Петербургомъ, вмѣсто желѣзной дороги и даже шоссе, была еще только прегадкая булыжная мостовая, поѣздка въ столицу, для такихъ *филистеровъ* какъ Чириковъ, считалась почти геркулесовскимъ подвигомъ. *М. К.*

³⁾ Чириковъ увѣрялъ, что родъ его происходитъ изъ Персіи, и точно, въ физиономіи своей онъ имѣлъ что-то восточное. *М. К.*

⁴⁾ Гувернеры дежурили при насъ черезъ день и тогда проводили съ нами цѣлыя сутки, имѣя впрочемъ право раздѣваться и ложиться на ночь, но съ обязанностию обойти нѣсколько разъ коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены были наши комнаты. Въ этихъ комнатахъ верхняя половина дверей была съ рѣшеткою, завѣшленною только до половины, такъ что, нѣсколько приподнявшись, можно было видѣть, что мы дѣлали и ночью. Въ дежурства гувернеры были совершенно свободны и могли и вставать утромъ, когда хотѣли. Къ этому обстоятельству относится слѣдующая строфа. *М. К.*

⁵⁾ У насъ между *дядьками*, какъ называлась наша прислуга, было двое Матвѣевъ, изъ которыхъ одинъ кривой. Дядьки прислуживали и гувернерамъ, жившимъ въ лицейѣ. Чирикова квартира была въ верхнемъ этажѣ галереи, соединявшей лицей съ дворцомъ. *М. К.*

Выпить просить,
И себѣ остатковъ ждечь.

* *
* *

Когда въ халатѣ я хожу,
Порядокъ въ домѣ завожу:
Крысъ пугаю,
Обдуваю
Въ шапки *въ деньки* я дѣтей.

* *
* *

А во фракѣ какъ хожу,
Дома цѣлый день сплужу:
Идутъ въ саднѣхъ,
Такъ я — дядекъ
Посылаю за себя.

— Калининъ, по времени служенія его въ лицей, былъ pendant къ Чирикову. Прежде малолѣтній придворный пѣвчій, онъ поступилъ въ лицей также въ день его открытія и, служивъ при немъ еще долѣе Чирикова, умеръ всего кажется, годъ или два тому назадъ ¹⁾. У насъ онъ былъ, сначала до конца, только учителемъ чистописанія; но съ 1814 г., когда въ лицей, сверхъ нашего курса, учредился еще второй изъ новобранцевъ (21 человекѣ), помѣщавшійся хотя въ томъ же зданіи, но совершенно отдѣльно. Калининъ былъ, при сохраненіи прежней должности у насъ, опредѣленъ туда гувернеромъ и продолжалъ носить это званіе по конецъ своего поприща, подвигавшійся постепенно до статскихъ совѣтниковъ. Трудно вообразить себѣ высокопарнѣйшаго, болѣе отвлеченнаго въ своихъ фразахъ, глупца и невѣжду. Большой ростомъ, съ сенаторскою осанкою и поступью, съ огромнымъ лицомъ, вѣчно отражавшимъ какъ будто глубокую думу и очень лишь рѣдко подергивавшимся легкою, нѣсколько презрительною къ человечеству усмѣшкою, Калининъ всякій вздоръ, выходившій изъ его устъ, — другого изъ нихъ ничего и не выходило, — обладалъ въ громкія и величественныя слова и съ этой стороны имѣлъ еще первенство надъ Георгіевскимъ, у котораго, на днѣ такихъ же высокопарныхъ фразъ, таились по крайней мѣрѣ довольно основательныя познанія, тогда какъ Калининъ былъ бездонный невѣжда, и про него, еще съ большимъ правомъ, можно было повторить сказанное когда-то объ одномъ изъ нашихъ министровъ: «C'est immense — ce qu'il ne sait pas!» Между тѣмъ онъ былъ человекъ не злой, и какъ все его каллиграфическое вліяніе на насъ ограничивалось двумя часами въ недѣлю, въ которые онъ еще болѣе чинилъ намъ перьевъ на все остальное время, не желая учить насъ, то мы и его довольно любили. Но съ другой стороны онъ представлялъ слишкомъ богатый сюжетъ для эпиграммъ, чтобы не

¹⁾ Онъ умеръ въ 1851 г. Очеркъ его біографіи см. въ *Памятной книжкѣ* лица на 1856 г. Я. Г.

потѣшить надъ нимъ вдоволь молодого нашего воображенія. Въ длинномъ рядѣ кулетовъ, гдѣ выводили каждаго изъ лицейскихъ преподавателей и наставниковъ въ первомъ лицѣѣ, Калиничъ представлялъ съ слѣдующими, точно со словъ его скопированными возгласами:

Читали ль Россіяды
Вы новый переводъ?
Прилежнѣе буквальность
Извольте замѣчать.

* * *

Какъ Енисей излучистъ!
Здѣсь бился Витгенштейнъ,
Сего я полководца
Въ газетахъ не видалъ.

А вотъ и нѣсколько ругательныхъ на него колкостей, которыя принадлежали, кажется, Илличевскому, но были усвоены всѣмъ:

1.

Бѣда моя, бѣда. Я точно какъ Ефремъ.
Рисую съ одного, а угождаю всѣмъ:
Архипово лицо на Фоку выдетъ схоже,
Климъ узнаетъ себя въ Терентіевой рожѣ.
Я написалъ осла: Калина пристаесть,
Что де его портретъ.

2.

Какъ правильны у васъ фигуры:
Съ антиковъ вѣрно сняли вы? —
Нѣтъ, сударь, писаны съ натуры:
Вотъ Фотій нашъ безъ головы¹⁾. —

3.

Вы лица славно написали:
Не съ бюстовъ ли вы ихъ снимали? —
Нѣтъ, сударь, кромѣ одного;
Я снялъ съ Калинича его.

4.

Калина, я тебя нарисовалъ Калиной,
И недоволенъ ты трудомъ;
Какъ быть, я самъ виновъ въ томъ:
Мнѣ должно бы нарисовать тебя дубиной.

¹⁾ Калиничъ назывался Фотій Петровичъ. М. К.

Калиничъ имѣлъ, впрочемъ, два неоспоримыя достоинства: 1) онъ прекрасно писалъ, или, лучше сказать, рисовалъ буквы: вслѣдствіе того, всѣ наши грамоты на медали и похвальныя листы были переписаны его рукою, что и общааетъ увѣковѣчить его память, по крайнен мѣрѣ до послѣднихъ этихъ листовъ; 2) онъ, по прежнему своему званію, очень недурно пѣлъ, и когда, въ послѣдніе годы нашей лицейской жизни, у насъ сформировался свой хоръ, служилъ нашимъ юношескимъ басамъ очень полезно октавою.

— Нельзя сказать, чтобы внѣшнія политическія событія отвлекли отъ лица вниманіе высшаго правительства. И въ грозу 1812 г., какъ нынѣ въ грозу 1854-го, только слабодушные впадали въ отчаяніе п съ нимъ въ апатію. Прочіе, всякъ кому былъ дорогъ свой долгъ, сохраняя надежду на Провидѣніе, на внутреннія силы Россіи и на единодушную приверженность великаго русскаго народа къ вѣрѣ и престолу, продолжали дѣйствовать, по силамъ и разумѣнію, на предназначенномъ каждому поприщѣ. Многіе, лишенные возможности нести жизнь свою въ священную брань за отечество, именно въ неумышломъ исполненіи своихъ обязанностей, какъ бы ничто не разстроилось въ общемъ механизмѣ государства, полагали выраженіе своего патриотизма. Къ числу такихъ принадлежалъ и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, по крайней мѣрѣ, сколько намъ замѣтно было въ отношеніи къ лицу. И прежде и послѣ онъ продолжалъ очень часто пріѣзжать къ намъ изъ Петербурга и входить во всѣ подробности, а директоръ его департамента, Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, самъ писатель и переводчикъ Лонгина «о высокомъ», также очень нерѣдко бывалъ въ Царскомъ Селѣ, почасту испытывалъ насъ, задавалъ намъ сочиненія, просматривалъ ихъ и даже не разъ читывалъ, вмѣсто Кюшанскаго, лекціи русскаго и латинскаго языка.

— Эффеетъ войны 1812 г. на лицейство былъ дѣйствительно необыкновенный. Не говоря уже о жадности, съ которою пожиралась и комментировалась каждая реляція, не могу не вспомнить горячкхъ слезъ, которыя мы проливали надъ Бородинскою битвою, выдававшееся тогда за побѣду, но въ которой мы истинетивно видѣли другое, и надъ паденіемъ Москвы. Какъ гордился бывало я, видя почти въ каждой реляціи имя генералъ-адъютанта барона Корфа, одного изъ отличнѣйшихъ въ то время кавалерійскхъ генераловъ, и какое взамѣнъ слезъ пошло у насъ общее ликованье, когда французы двинулись изъ Москвы! Впрочемъ, стихи Пушкина:

Вы помните: текла за ратью рать;

Со старшими мы братьями прощались, и пр.

были не поэтической прирасою. Весною и лѣтомъ 1812 года почти ежедневно шли черезъ Царское Село войска и насъ особенно поражалъ видъ тогдашней дружины съ крестами на шапкахъ и иррегулярныхъ казачьихъ полковъ съ бородами. Подъ осень насъ самихъ стали собирать въ походъ. Предполагалось, въ опасеніи непріятельскаго нашествія и на сѣверную столицу, перевести лицей куда-то дальше на сѣверъ, кажется въ Архан-

гельскую губернію или въ Петрозаводскъ ¹⁾). Явился Мальгинъ примѣрять намъ китайчатые тулупы на овечьемъ мѣху; но побѣды Витгенштейна скоро возвратили насъ опять къ нашимъ форменнымъ шинелямъ и походъ не состоялся, что, при всемъ нашемъ патриотизмѣ, не оставило насъ нѣсколько подосадовать. Молодежь любить перемѣну...

— Баронъ Эльснеръ имѣлъ кафедру военныхъ наукъ для тѣхъ изъ насъ, которые предназначались въ военную службу. Нѣмецъ родомъ, онъ преподавалъ у насъ свой предметъ по-французски, и хотя свободно владѣлъ этимъ языкомъ, но имѣлъ пресмѣшное произношеніе: fusil у него всегда выходило fisul, и т. п.

Учитель фехтованія Вальвиль, настоящій французъ во всѣхъ отношеніяхъ, былъ очень нами любимъ, хотя успѣхи въ его предметѣ были не велики.

Теперь де Фергюзонъ былъ сынъ богатаго, потомъ разорившагося варшавскаго банкира и училъ насъ, въ послѣдній только годъ, не музыкѣ собственно, а лишь только пѣнію. Это было дѣломъ директора Энгельгардта, который хотѣлъ доставить кусокъ хлѣба своему старинному другу. Теперь, хорошій учитель пѣнія, хотя самъ безъ всякаго голоса, не только училъ насъ, но и сочинялъ для насъ разные духовные концерты, то-есть большею частію перелагалъ съ разными вариациями и облегченіями концерты Бортиянскаго. Въ его классѣ соединялись оба курса лицея, старшій и младшій, что иначе ни на лекціяхъ, ни въ рекреационное время никогда не бывало. Тепперу же принадлежитъ и музыка извѣстной прощальной пѣсни Дельвига: «Шесть лѣтъ протичалось какъ мечтаиье», живущей и теперь еще, черезъ сорокъ почти лѣтъ, въ стѣнахъ лицея. Теперь былъ большой оригиналъ, но человѣкъ образованный и пріятный, и намъ очень нравились и его бесѣды и его классы. Онъ былъ женатъ на дочери банкира Северина, родной сестрѣ г-жи Вельо, къ дочери которой Sophie, вышедшей потомъ за генерала Ребиндера, но тогда еще дѣвицѣ, очень благоволилъ императоръ Александръ ²⁾. Всѣ эти семейства жили постоянно въ Царскомъ Селѣ, и у Теппера былъ тамъ свой домикъ, возлѣ князьшней дачи князя Бярятинскаго, принадлежащій теперь г-жѣ Липранди (послѣ она вышла за графа Игельстрома). Вечеромъ онъ обыкновенно зазывалъ къ себѣ кого-нибудь изъ насъ, человѣкъ трехъ или четырехъ: пили чай, болтали, пѣли, *музыцировали*, и эти простые вечера были намъ чрезвычайно по вкусу.

Учитель танцованія Эбергардъ слѣдовалъ въ хронологическомъ порядкѣ за Гюаромъ и Биле. Обо всѣхъ ихъ сказать много нечего. Первому по времени, Гюару, было кажется лѣтъ 70, когда онъ училъ насъ гавоту,

¹⁾ Педагогическій институтъ былъ на время переведенъ туда съ директоромъ его Энгельгардтомъ. Я. Г.

²⁾ Императоръ Александръ очень часто бывалъ у г-жи Вельо, но сверхъ того назначались уединенныя свиданія въ Баболовскомъ дворцѣ. Вотъ стихи по этому случаю въ нашей антологіи:

.....
Что съ участіемъ твоей, прекрасная, сравнится?

Весь міръ у ногъ его—здесь у твоихъ онъ ногъ. М. К.

минуэту и тому подобнымъ танцамъ своей эпохи; Биле, больше нежели танцами, занимался нашимъ нравственнымъ образованіемъ, рассказывая мальчикамъ скромные французскіе анекдоты, а Эбергардъ, я думаю, живъ еще и теперь и чуть ли не дотанцовался до высокоблагороднаго чина.

Докторъ Пешель—весельчакъ, старавшійся острить, другъ всего царскосельскаго *бомонда* (хорошъ онъ былъ!), между тѣмъ добрый человекъ, о которомъ могли отзываться дурно развѣ только его больные; онъ забавлялъ насъ своими анекдотами, невипнѣйшими нежели французскіе Биле, своими, большею частію неудачными *боммотами* и уморительнымъ русскимъ языкомъ, а сверхъ того тѣшилъ своими гостинцами изъ латинской кухни, т. е. изъ казенной аутеки. Каждое первое число мѣсяца онъ являлся съ запасомъ дѣвпчьеи и бабьеи кожи, лагрицы и тому подобной гадости, которая однако очень намъ нравилась. При смѣшныхъ сторонахъ нашего эскулапа, въ эпиграммахъ на него, разумѣется, не было недостатка. Самая злая изъ нихъ, кажется Пушерна, родилась по слѣдующему случаю. Одинъ изъ нашихъ *дядекъ*, слѣдственно изъ участниковъ въ надзорѣ за нашею нравственностію, едва 20-тилѣтній Константинъ Сазоновъ, въ два года своей бытности въ лицей совершилъ въ Царскомъ Селѣ и окрестностяхъ шесть или семь убійствъ и былъ схваченъ и заподозрѣнъ въ прежнихъ — только при послѣднемъ, но и то не начальствомъ лицей, а полиціею!! Разумѣется, что когда дѣло обнаружилось, злодѣй былъ преданъ всей карѣ закона; но при этомъ досталось и Пешелю въ слѣдующей домашней нашей расправѣ:

Завтра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ:
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужъ смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель лѣваремъ моимъ!

Степанъ Степановичъ Фроловъ, отставной артиллеріи подполковникъ, не участвовавшій въ кампаніи 1812 года и все-таки претендовавшій на установленную въ память ея серебряную медаль, какъмп-то судьбами сдѣлался извѣстенъ графу Аракчееву, и по мощному его слову, безъ малѣйшихъ съ своей стороны правъ и предшествій, былъ опредѣленъ къ намъ, во второй уже половинѣ нашего курса, инспекторомъ классовъ и нравственности, а потомъ временно исправлялъ даже и должность директора. Съ претензіями на умъ, на познанія, съ надутою фигурою, не имѣя никакаго достоинства и въ малѣйшаго характера, при томъ отчаянный игрокъ, этотъ Фроловъ, послѣ назначенія директоромъ Е. А. Энгельгардта испавшій опять въ инспекторы и оставшійся до нашего выпуска, былъ однимъ изъ самыхъ типическихъ лицъ въ пошломъ сборищѣ нашихъ менторовъ. Передѣлавъ постепенно его грубую, но слабую солдатскую натуру на нашъ ладъ, возвысивъ его, такъ сказать, до себя: ибо, когда онъ обтерся немного въ нашемъ обществѣ, то не могъ не почувствовать, что каждый изъ насъ и умнѣе его и болѣе его знаетъ, — мы

обратили его въ совершенное посмѣшище и издѣвались надъ нимъ открыто, ему самому въ лицо. Его нелѣпости и пошлости лучше всего выражены въ слѣдующей національной пѣснѣ, которая пѣлась, если и не передъ нимъ, то по крайней мѣрѣ передъ всѣми гувернерами, потомъ даже и передъ самимъ Энгельгардтомъ:

Ты былъ директоромъ лица,
 Хвала, хвала тебѣ Фроловъ ¹⁾!
 Теперь ты уже сталъ пигмеемъ,
 Ты съ Ожаровскимъ ²⁾ крысь гоняешь,
 Чулкова сказки восхваляешь,
 Ты съ Камарашемъ на дуэли,
 Ты ищешь друга въ Кокюэль ³⁾.
 Ребята напились ромомъ,
 За то Тому ⁴⁾ прогнали съ громомъ.
 Дѣтей ты ставишь на колѣни ⁵⁾,
 Отъ графа (*Разумовскаго*) слушаешь ты ценн.
 Вотъ Гауэншильдъ стучится въ двери,
 Фроловъ играетъ роль за....;
 Яды (?) австріецъ подпускаетъ,
 Фроловъ рукой въ отвѣтъ мотаешь.
 По поведенью мы хлебаемъ ⁶⁾,
 А все молитву просыпаемъ.
 Ты первый ввелъ звонка тревогу
 И въ три ряда повелъ насъ къ Богу ⁷⁾,
 Завелъ въ лица чай и булки ⁸⁾,
 Умножилъ классныя прогулки.
 Ты подарилъ насъ кислымъ квасомъ,
 За ужиномъ мычишь ты басомъ;
 На верхъ пускалъ насъ по билетамъ ⁹⁾,
 Цензуру учредилъ газетамъ;
 Швейцара ссорилъ съ юнкерами ¹⁰⁾,
 Насъ познакомилъ съ чубуками ¹¹⁾,

¹⁾ Это былъ общій gain послѣ *каждо* стиха, и потому я далѣе его пропускаю.

²⁾ Управлявшій до Захаржевскаго Царскимъ Селомъ.

³⁾ Одинъ изъ гувернеровъ — французъ, котораго никто изъ насъ терпѣть не могъ, и наконецъ мы заставили его прогнать.

⁴⁾ Дядька, купившій для шалуновъ ромъ.

⁵⁾ Изобрѣтенное имъ наказаніе.

⁶⁾ Фроловъ разсадилъ насъ за столомъ по нумерамъ нашимъ въ поведеніи

⁷⁾ Прежде мы стояли за молитвою въ рассыпную, а онъ установилъ насъ въ три шеренги.

⁸⁾ Т. е. возобновилъ, послѣ сбитія.

⁹⁾ Т. е. въ наши одиночныя комнаты. Прежде мы ходили туда и тамъ занимались свободно, ни у кого не спрашиваясь.

¹⁰⁾ Съ лейбъ-гусарскими, которыхъ онъ запретилъ пускать въ лица.

¹¹⁾ При Фроловѣ, который цѣлый день курилъ, и изъ насъ многіе стали курить, что имъ не запрещалось. (Все это примѣчанія *М. К.*)

Очистилъ мѣсто Константинову ¹⁾,
 Левонтья чуть не выгналъ въ синну ²⁾,
 Отъ насъ не спишь за банкомъ ночи.
 Съ людьми пѣз всей воюешь мочи.
 Предъ париченкомъ ³⁾ ты въ халатѣ,
 Передъ очками ⁴⁾ ты въ парадѣ;
 Ты въ страхѣ хлопаешь глазами,
 Ты острякамъ грозилъ тузами.
 Нашелъ ты фйгуру ⁵⁾ въ фигурѣ
 И умъ въ женѣ, болтушкѣ, дурѣ.
 Кадетскихъ хвалишь грамотеевъ ⁶⁾,
 Твой другъ п баринъ Аравчевъ;
 Французскимъ забросалъ Вальвпля,
 Эмплеіей зовешь Эмпля ⁷⁾.
 Медали въ вѣчной ты надеждѣ,
 Ты математикомъ былъ *прежде*,
 Для мѣсть съ герольдіей сносился,
 Сибѣнптъ Захарова ⁸⁾ просился,
 Хотѣлъ убить Наполеонку
 И безъ штановъ оставилъ Лонку ⁹⁾.
 Кадетъ сѣкалъ на барабанѣ,
 Статьи умножилъ въ Алкоранѣ ¹⁰⁾.
 Мннистръ позднеью спохватился:
 Фролова лпстѣ оборотился:
 Тебѣ въ лицо поють куплеты,
 Примп же милосствво это.

Мартынъ Степановичъ Пилецкій-Урбановичъ — первый, по времени, инспекторъ нашъ: пбо Фроловъ явился только третьимъ — былъ чело-
 вѣкъ совѣмъ другого разбора. Съ достаточнымъ образованіемъ, съ боль-
 шимъ даромъ слова и убѣжденія, онъ былъ святошею, мистикомъ и пллю-
 минатомъ, который отъ всѣхъ чувствъ обыкновенной человѣческой при-
 роды, даже отъ врожденной любви къ родителямъ, старался обратить

¹⁾ Т. е. вышеупомянутому Сазонову, котораго онъ опредѣлилъ дядькою.

²⁾ Леонтій или Людвигъ Камерскій, изъ поляковъ, любимый нашъ дядька порядочный впрочемъ плутъ, живившійся на нашъ счетъ.

³⁾ Глупый, еще глупѣе Калинича, гувернеръ Эбергардъ, который ходилъ въ рыжемъ парикѣ.

⁴⁾ Энгельгардтъ.

⁵⁾ Такъ онъ всегда выговаривалъ.

⁶⁾ Онъ прежде служилъ при которомъ-то изъ кадетскихъ корпусовъ.

⁷⁾ Фроловъ, въ жизни ничего не читавшій, воображалъ, по сходству зву-
 ковъ, что Эмиль Руссо есть женщина.

⁸⁾ Захаровъ — тогда совѣтникъ царскосельскаго дворцоваго правленія.

⁹⁾ Имѣніе его, помнится въ Смоленской губерніи, откуда онъ бѣжалъ при приближеніи французовъ.

¹⁰⁾ Въ невѣжествѣ своемъ ссылаясь иногда на Алкоранъ, какъ на законъ нравственности, онъ взваливалъ на бѣднаго Магомета такіе афоризмы, кото-
 рые тому и въ умъ не приходили. (Прим. 1 — 10 принадлежать М. К.).

насъ исключительно — къ Богу, и если бы мы долѣе остались въ его рукахъ, непремѣнно сдѣлалъ бы изъ насъ иезуитовъ, или то, что нѣмцы называютъ Корfhänger. Не знаю, по какому случаю его уволили, но онъ съ своею длинною и высокою фигуурою, съ горящимъ всѣми огнями фанатизма глазомъ, съ кошачьими походкою и приемами, наконецъ съ жестоко-хладнокровною и провнческою, прикрытою видомъ отцовской нѣжности, строгостію, долго жилъ въ нашей памяти какъ бы какое-нибудь привидѣніе изъ другого міра. Любопытно, что онъ послѣ служилъ слѣдственнымъ приставомъ въ петербургской полиціи и наконецъ, въ 1837 г., за участіе въ мистическихъ изувѣрствахъ извѣстной Татариновой, былъ высланъ изъ столицы и заключенъ въ монастырь. Онъ живъ еще и теперь въ глубокой старости, живетъ опять въ Петербургѣ, почти безъ куска хлѣба и недавно являлся ко мнѣ съ просьбою о пособіи изъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

Преемникъ Пилецкаго, Василій Васильевичъ Чачковъ, совершенно ничтожный и безгласный, только промелькнулъ у насъ, оставивъ очень мало по себѣ воспоминаній. Лѣтъ черезъ 25 послѣ того, онъ все еще былъ только совѣтникомъ Псковской казенной палаты, но теперь вѣроятно давно уже не существуетъ.

Трико, баронъ Савенъ и Эртель не имѣли никакого къ намъ прикосновенія, состоявъ только при *второмъ*, совершенно, какъ я уже сказалъ, отдѣленномъ отъ насъ курсѣ. Но Алексѣй Николаевичъ Иконниковъ былъ, напротивъ, вмѣстѣ съ Чириковымъ, первымъ по открытіи лица гувернеромъ нашимъ. Въ этомъ добромъ, благородномъ, умномъ и образованномъ человѣкѣ всѣ хорошія качества подавлялись неодолимою страстію къ вину, доходившею до того, что когда водка переставала уже казаться ему средствомъ довольно возбуждательнымъ, онъ выпивалъ залпомъ по дѣльнымъ селянкамъ Гофманскихъ вапелъ! Литераторъ и писатель, Иконниковъ сочинялъ для насъ, въ началѣ нашего лицейскаго поприща, небольшія пьесы, которыя разыгрывались нами, съ ширмами вмѣсто кулисъ и въ форменныхъ нашихъ сюртукахъ и мундирахъ, передъ всею царскосельскою публикою. Помню, что въ одной такой пьесѣ, названной важется «розою безъ шиповъ» и относившейся къ тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, главную роль занималъ нашъ товарищъ Масловъ, но послѣ перваго дѣйствія ему сдѣлалось дурно, и тогда во второмъ продолжалъ за него, безъ всякаго предупрежденія зрителей, самъ сочинитель пьесы, не только съ другою совѣтъ фигуурою и проч., но даже и въ другомъ, партикулярномъ своемъ костюмѣ, а къ тому же и мертвецки пьяный, сбывая всѣхъ другихъ актеровъ, потому что зналъ только главные моменты и не помнилъ ни точныхъ словъ, ни репликъ. Мистифицированной публикѣ должно было самой догадаться, что Масловъ и Иконниковъ, въ такихъ разныхъ видахъ, — одно и то же лицо. Добрый и несчастный Иконниковъ оставался у насъ не долго, и куда послѣ дѣлся, не знаю.

Наконецъ Зерновъ и Селецкій-Дзюрдзъ, которые, съ титуломъ помощниковъ гувернеровъ, стояли почти въ уровень съ дядьками, были подлые и гнусные глупцы, съ такими ужасными рожами и манерами, что никакой порядочный трактирщикъ не взялъ бы ихъ къ себѣ въ полове. Послѣдній

былъ первымъ момъ паставникомъ въ куреніи; по какъ самъ онъ курилъ отвратительный тютювъ и ничего другого п мнѣ дать не могъ, то у меня съ первой трубки сдѣлалась такая рвота, что на цѣлые мѣсяцы отбילו охоту повторять эти опыты.

— Живо помню праздникъ, данный въ Павловскѣ, по возвращеніи императора Александра изъ Пармжа, въ нарочно устроенномъ для того императрицею-матерью при «розовомъ павильонѣ» большомъ залѣ. Сперва былъ балетъ на лугу передъ этимъ павильономъ, гдѣ декорациі образовались изъ живої зелени, а задняя стѣна представляла окрестности Пармжа и Монматръ съ его вѣтряными мельницами, работы славнаго декоратора Гонзаго. Потомъ былъ балъ въ сказанной большой залѣ, убранной сверху до низу чудесными розовыми гирляндами — произведеніемъ воспитанницъ Смольнаго монастыря, — тѣмъ же самыми гирляндами, которая я теперь еще, старая и поблеклая, украшаютъ старую и полуразвалившуюся залу... Нашъ «Агамемнонъ», изложитель Наполеона, миротворецъ Европы, сіялъ во всемъ величій, какое только доступно человѣку; кругомъ его блестящая молодежь, въ эполетахъ и аксельбантахъ, едва только возвратившаяся изъ Пармжа съ самыми свѣжими лаврами, пожатыми не на одномъ только полѣ битвъ, и среди этой пестрой, ликующей толпы счастливая Мать, гордящаяся своимъ Сыномъ и его Россією... Какъ все это свѣжо еще въ моей памяти, даже до краснаго кавалергардскаго мундира, въ которомъ танцовалъ государь, — и гдѣ все это осталось послѣ сорока лѣтъ!... Нашъ, скромныхъ зрителей, привели изъ Царскаго Села полюбоваться этими диковинками, разумеется, пѣшкомъ. На балетъ мы смотрѣли изъ сада, на балъ — съ окружавшей (и теперь еще окружающей) залу галлерей. Потомъ ловели обратно, точно такъ же пѣшкомъ, безъ чаю, безъ яблочка, безъ стакана воды. Еще сохранилась въ моей памяти отъ этого праздника одна, совершенно противоположная сцена, оставившая сильное впечатлѣніе въ моемъ отроческомъ умѣ. Несмотря на нашъ походъ и на присутствіе при праздникѣ все время на ногахъ, мы пробыли тутъ до самаго конца. Когда царская фамилія удалилась, подъѣздъ наполнился множествомъ важныхъ лицъ въ мундарахъ, въ звѣздахъ, въ пудрѣ, ожидавшихъ своихъ каретъ, и для насъ начался новый спектакль — разъѣздъ. Вдругъ изъ этой толпы вельможъ раздается по пѣскольку разъ зовъ одного и того же голоса: «холопъ! холопъ!!!»... Какъ дико и странно звучалъ этотъ кличъ изъ временъ царей съ бородами, въ сравненіи съ тѣмъ утонченнымъ европейскимъ праздникомъ, котораго мы только-что были свидѣтелями!

— Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, начавшій поздно учиться по-русски и отъ того, хотя и пзучившій этотъ языкъ въ совершенствѣ, но сохранившій въ выговорѣ явные слѣды нѣмецкаго происхожденія, сверхъ того представлявшій и по фигурѣ и по вѣсѣмъ приемамъ живої типъ нѣмца, или того, что мы называемъ «колбасникомъ», — Кюхельбекеръ, говорю, былъ предметомъ постоянныхъ и неотступныхъ насмѣшекъ цѣлаго лицевъ за свои странности, неловкости и часто уморительную оригинальность. Длинный до безконечности, притомъ сухой и какъ-то странно пзвивавшійся вѣсѣмъ тѣломъ, что и навлекло ему этикетъ «глиста», съ экс-

центрическимъ умомъ, съ пылыми страстями, съ необузданною вспыльчивостью, онъ, почти полупомѣшанный, всегда готовъ былъ на самыя «курьезныя» продѣлки и разъ даже, ни съ того, ни съ другого, попробовалъ утопиться, впрочемъ, именно въ такомъ пруду, гдѣ нельзя бы было утонуть и мыши. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ плодовитыхъ нашихъ стихотворцевъ, и хотя въ стихахъ его было всегда странное направление и отчасти странный даже языкъ, но при всемъ томъ, какъ поэтъ, онъ едва ли стоялъ не выше Дельвига и долженъ былъ занять мѣсто непосредственно за Пушкинымъ. Послѣ выпуска онъ метался изъ того въ другое, выбралъ наконецъ педагогическую карьеру, былъ преподавателемъ русской словесности въ разныхъ высшихъ заведеніяхъ, издавалъ, вмѣстѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, журналъ, помнится «Мнемозину» и какъ въ немъ, такъ и въ другихъ продолжалъ печатать свои стихотворныя произведенія. Все это кончилось исторіею 14-го декабря. Кюхельбекеръ, схваченный уже на побѣгѣ, въ Варшавѣ, былъ отправленъ въ крѣпостныя работы въ Свеаборгъ и оттуда на поселеніе въ Сибирь; гдѣ женился на поселянкѣ и недавно умеръ. Сынъ его воспитывается теперь въ одной изъ петербургскихъ гимназій подъ фамиліею Васильева. Впрочемъ, и въ Сибири поэтический гений его не совѣмъ умолкалъ, и во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ была напечатана въ одномъ журналѣ присланная имъ оттуда полутрагедія и полудрама въ шекспировскомъ родѣ, подъ заглавіемъ «Кикиморы» — разумѣется, безъ имени автора. Въ лицѣ, повторяю, онъ былъ мѣстою самыхъ колкихъ эпиграммъ и ни на кого, ни изъ товарищей, ни изъ наставниковъ, не было ихъ столько написано. Вотъ для образца нѣсколько изъ нихъ, не страждущихъ, по крайней мѣрѣ, какъ прочія, непристойностямъ:

1.

Дамону доказать хотѣлось,
 Что правосудье къ чорту дѣлосъ;
 Плутягинъ подъ судомъ;
 Хваталкинъ подъ вѣнцомъ;
 Того колесовали,
 Того въ Сибирь сослали,
 А Клятъ, «Теласко» сочинивъ,
 Живъ!

2.

Я дѣло доброе сегодня учинилъ
 И радъ тому не мало:
 Какой-то подъ угломъ продавецъ горько вылъ,
 И какъ не выть? Бумагъ для семги не достало
 И не въ чемъ продавать; товаръ межъ тѣмъ гниетъ.
 «Утѣшся, я сказалъ, бѣды великой нѣтъ:
 Дамонъ поэму издаетъ».

3.

Смотрите,
Тутъ докторъ, здѣсь поэтъ: бѣгите.

4.

Покойникъ Клитъ въ рай не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

5.

Пегасъ, павьюченный лапландскими стихами,
Натужился — и выскочила «Зами»¹⁾.

— Михайла Ивановичъ Пушкинъ, былъ братъ нашего товарища Ивана о которомъ скажу ниже. Михайла служилъ тогда въ гвардейскихъ конныхъ пѣонерахъ и за свѣдѣніе о заговорѣ 1825 г. былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ, а бумаги его схвачены слѣдователями и никогда уже не возвращались. Итакъ наши невпниные и, правду сказать, очень и неважные журналы, потому что они писались въ первые годы лица, гниютъ въ какомъ-нибудь секретномъ архивѣ, если не подверглись тогда же истребленію. Самымъ аристократическимъ изъ этихъ листковъ былъ «Неопытное перо», самымъ площаднымъ «Лицейскій Мудрецъ». Иллюстраціи вездѣ были замысловатѣе текста.

— Пушкинъ «читалъ охотно Апулея» — развѣ только въ переводѣ и то во французскомъ, потому что ни другихъ новѣйшихъ, ни тѣмъ болѣе древнихъ, онъ не звалъ²⁾.

Сомнѣніе о томъ, не бывалъ ли Пушкинъ, въ пребываніе свое въ лицей, въ Москвѣ, нѣкто лучше бывшихъ его товарищей разрѣшить не можетъ. *Во всѣ шесть лѣтъ* насъ не пускали изъ Царскаго Села не только въ Москву, но и въ близкій Петербургъ, и изытіе было сдѣлано для двухъ или трехъ, только по случаю и во время тяжелой болѣзни ихъ родителей, да еще, уже для всѣхъ, за нѣсколько дней до выпуска, чтобы снять каждому мѣрки для будущаго своего платья. И въ самомъ Царскомъ Селѣ, въ первые три или четыре года, насъ не выпускали порознь

¹⁾ Одно изъ его произведеній. М. Е.

²⁾ Извѣстно, что Пушкинъ впоследствии читалъ, по крайней мѣрѣ, Овидія и Горация въ подлинникѣ (см. выше, стр. 65) и выучился англійскому и итальянскому языку. Въ 1834 или 1835 году я встрѣтился съ нимъ въ англійскомъ книжномъ магазинѣ Диксона (въ нынѣшней Казанской, тогда Б. Мѣщанской ул.); онъ при мнѣ отобралъ всѣ новыя сочиненія, касавшіяся Шекспира, и велѣлъ доставить ихъ къ себѣ на домъ. Кстати, прибавлю здѣсь мимоходомъ, что выше, въ одномъ выпущенномъ мною замѣчаніи, авторъ этой записки свидѣтельствуетъ, что вопреки составившемуся какъ-то преданію, Пушкинъ въ дѣтствѣ никогда не былъ бѣлокуримъ, а еще при поступленіи въ лицей имѣлъ темнорусые волосы. Я. Г.

даже изъ стѣнъ лицея, такъ что когда прїѣзжали родители или родственники, то ихъ заставляли сидѣть съ нами въ общей залѣ или, при прогулкахъ, бѣгать по саду за нашими рядами. Инспекторъ и гувернеры считались лучшею, нежели родители, стражею для нашихъ правовъ, а мы видѣли выше, каковы были эти господа! Послѣ все перемѣнилось, и въ свободное время мы ходили не только къ Тепперу и въ другіе почтенные дома, но и въ кондитерскую Амбіеля, а также по гусарамъ, сперва въ одни праздники и по билетамъ, а потомъ и въ будни, безъ всякаго уже спроса, даже безъ вѣдома нашихъ приставниковъ, возвращаясь иногда въ глубокую ночь. Думаю, что иные пропадали даже и на *цѣлую* ночь, хотя со мною лично этого не случилось. Маленькій *тринкельдоль* швейцару мирилъ все дѣло, потому что гувернеры и лядьки всѣ давно уже спали. Но въ Петербургъ, повторяю, насъ пустили только однажды за мѣрками, хотя не поручусь, чтобы кто-нибудь не ѣзжалъ туда изрѣдка тайкомъ, до такой степени надзоръ былъ слабъ и распушенъ.

— Сколько помню, едва ли много присутствовало «важныхъ государственныхъ лицъ» на нашемъ тогдашнемъ (1815 г.) экзаменѣ. Были извѣстнѣйшіе въ то время профессора: Лоди, Кукольникъ, Плисовъ; были родители и родственники нѣкоторыхъ изъ насъ; была и обыкновенная царско-сельская публика; но вельможъ, кромѣ министра просвѣщенія и Державина, нивого у меня не осталось въ памяти¹⁾.

— Императоръ Александръ былъ при насъ въ лицей всего только *два раза*: при отертыи лицея и при нашемъ выпускѣ. Когда опредѣлили директоромъ Энгельгардта, къ которому государь питалъ въ то время особое благоволеніе и съ которымъ часто разговаривалъ, тогда и новый директоръ и мы, по его словамъ, долго питали надежду на высочайшее посѣщеніе, но она не сбылась. Зато мы очень часто встрѣчали государя въ саду и еще чаще видали его проходящимъ мимо нашихъ оконъ къ дому г-жи Вельо; наконецъ, видѣли его и всякое воскресенье въ придворной церкви, гдѣ для лицея было отведено особое мѣсто за лѣвымъ крылосомъ, впереди остальной публики. Но онъ никогда не говорилъ съ нами, ни въ массѣ, ни съ кѣмъ-либо порознь. Бывало только въ лѣтніе вечера 1816 и 1817 г., при Энгельгардтѣ, когда мы имѣли уже постоянный хоръ и пѣвали у-директора на балконѣ²⁾, государь подходилъ къ садовой рѣшеткѣ близъ лѣстницы у дворцовой церкви и, облокотясь на нее, слушалъ по нѣскольку минутъ наше пѣніе. И хотя балконъ съ этой стороны былъ задернутъ парусиною, но мы всегда узнавали, черезъ тайныхъ-соглядатаевъ, близость государя и бывало тотчасъ начинали пѣть «Боже Царя храни!» по тогдашнему тексту и тогдашней англійской мелодіи.

— Кружокъ, въ которомъ Пушкинъ проводилъ свои досуги, состоялъ изъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка. Вечеромъ, послѣ классныхъ ча-

¹⁾ См. выше, стр. 62 и 83.

²⁾ Директоры лицея занимали тотъ домъ, который стоитъ и теперь особнякомъ, одинъ фасомъ къ бывшему зданію лицея, а другимъ къ саду. Тянуційся оттуда длинный низенькій флигель до самой Большой (теперь Средней) улицы, также принадлежалъ лицейю: въ немъ жили профессора и помѣщались кухня, баня и другія службы. Часть профессоровъ и гувернеры имѣли квартиры въ самомъ лицей. М. К.

совъ, когда прочіе бывали или у директора, или въ другихъ семейныхъ домахъ, Пушкинъ, ненавидѣвшій всякое стѣсненіе, пировалъ съ этими господами на распахку. Любимымъ его собесѣдникомъ былъ гусарь Каверинъ, одинъ изъ самыхъ лихихъ повѣсъ въ полку¹⁾.

— Любопытно мнѣніе одного генія о другомъ. Когда вышелъ «Русланъ и Людмила», Сперанскій былъ генераль-губернаторомъ въ Сибири и вотъ что онъ писалъ (16-го октября 1820 г. изъ Тобольска), по этому случаю, своей дочери, теперь вдовѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Фролова-Багрѣева: «Руслана я знаю по нѣкоторымъ отрывкамъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ замашку и крылья генія. Не отчаивайся; вкусъ придетъ: онъ есть дѣло опыта и упражненія. Самая неправильность подета означаетъ тутъ силу и предпримчивость. Я также, какъ и ты, замѣтилъ сей метеоръ. Онъ не безъ предвѣщанія для нашей словесности».

— Пожаръ въ лицей былъ въ 1820 г., и слѣдственно не могъ имѣть вліянія на нашъ выпускъ въ 1817 г. Последній былъ ускоренъ четырьмя мѣсяцами противъ опредѣленнаго шестилѣтняго срока по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, — можетъ быть для того, чтобы воспользоваться лѣтнимъ временемъ для необходимаго въ зданіяхъ ремонта.

— Пушкинъ прославилъ нашъ выпускъ, и если изъ 29 человекъ одинъ достигъ *безсмертія*, то это, конечно, уже очень, очень много. Но жизнь его была двоякая: жизнь поэта и жизнь человека. Біографическіе отрывки, которые мы о немъ имѣемъ, вышли всѣ изъ рукъ или его друзей, или слѣпыхъ поклонниковъ, или такихъ людей, которые смотрѣли на Пушкина черезъ призму его славы и даже, если и знали что-нибудь о моральной его жизни, то побоялись бы раскрыть еѣ передъ публикою, чтобы не быть побиты литературными камнями. Я не только воспитывался съ Пушкинымъ въ лицей, но и жилъ потомъ съ нимъ, еще лѣтъ пять, подъ одною крышею, каждый при своихъ родителяхъ, потому зналъ его такъ коротко, какъ мало кто другой, хотя связь наша никогда не переходила за обыкновенную пріятельскую. Начну съ того, что все семейство Пушкиныхъ было какое-то взбалмошное. Отецъ, пережившій сына и очень недавно еще умершій, принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ покойный министръ юстиці князь Лобановъ-Ростовскій называлъ *шалберами*, т. е. былъ довольно пріятнымъ собесѣдникомъ, на манеръ старинной французской школы, съ анекдотами и каламбурами, но въ существѣ человекѣмъ самымъ пустымъ, безтолковымъ, бесполезнымъ, и особенно безмолвнымъ работъ своей жены. Последняя — урожденная *Аннибалъ*, изъ потомства славнаго арапа Петра Великаго — была женщина не глупая, но эксцентрическая, вспыльчивая, до крайности разсѣянная и особенно чрезвычайно дурная хозяйка. Домъ ихъ представлялъ всегда какой-то хаосъ: въ одной комнатѣ богатая старинная мебель, въ другой пустая стѣны, даже безъ стульевъ; многочислен-

¹⁾ *Князь Вяземскій*: «Въ гусарскомъ полку Пушкинъ не *пировалъ* только на *распахку*, но сблизился и съ Чаадаевымъ, который вовсе не былъ гулякою; не знаю, что бывало прежде, но со времени переѣзда семейства Карамзиныхъ въ Царское Село, Пушкинъ бывалъ у нихъ ежедневно по вечерамъ. А дружба его съ Ив. Пущинымъ?»

ная, но оборванная и пьяная дворня; ветхіе рыдваны съ тощими влячами, пышные дамскіе наряды и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человѣка два, три лишнихъ, то всегда присылали къ намъ за приборами. Все это перешло и на дѣтей. Сестра поэта Ольга, въ зрѣломъ уже возрастѣ, ушла изъ родительскаго дома и тайно обвѣчалась — просто изъ романтической причуды и не имѣя предъ собою никакихъ существенныхъ препятствій — съ человѣкомъ гораздо ея моложе, по очень мало привлекательнымъ и совершенно прозаическимъ ¹⁾. Братъ Левъ, добрый малый, но также довольно пустой, въ родѣ отца, — воспитывался во всѣхъ возможныхъ заведеніяхъ, переходя изъ одного въ другое чуть ли не каждыя двѣ недѣли, чѣмъ и приобрѣлъ тогда въ Петербургѣ роль исторической извѣстности, и, наконецъ, не кончивъ курса ни въ одномъ, бросался изъ военной службы въ статскую, потомъ опять въ военную, потомъ опять въ статскую, служилъ и на Кавказѣ и въ Новороссійскомъ краѣ, и не такъ давно умеръ въ Одессѣ, кажется, членомъ тамошни. Вѣшнія судьбы старшаго брата, Александра, нашего поэта, всѣмъ извѣстны. Въ лицѣ онъ рѣшительно ничему не учился, но какъ и тогда уже блпсталъ своимъ дивнымъ талантомъ и, сверхъ того, начальниковъ пугали его злой языкъ и дѣія эпиграммы, то на его эпикурейскую жизнь смотрѣли сквозь пальцы, а по окончаніи курса выпустили его въ министерство иностранныхъ дѣлъ коллежскимъ секретаремъ — чинъ, который остался при немъ до могилы ²⁾. Между товарищами — кромѣ тѣхъ, которые, писавъ сами стихи, искали его одобренія и протекціи — онъ не пользовался особенною пріязнью. Въ лицѣ, гдѣ всякій имѣлъ свой собрикетъ, прозваніе Пушкина было *Французъ*, а если вспомнить, что онъ получилъ его въ эпоху «нашествія Галловъ», то ясно, что этотъ титулъ заключалъ въ себѣ мало лестнаго ³⁾. Вспыльчивый до бѣшенства, вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, съ необузданными африканскими страстями, избалованный отъ дѣтства похвалою и льстецами ⁴⁾, которые есть въ каждомъ кругу и каждомъ возрастѣ, Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды — ровной, систематической, сколько-нибудь связанной, у него совсѣмъ не было, какъ не было и дара слова, были только вспышки: рѣзкая острота, злая насмѣшка, какая-нибудь внезапная по-

¹⁾ Павлицевъ, служащій теперь въ Варшавѣ. М. К. — Этотъ эпизодъ подробно разсказанъ сыномъ покойной Ольги Сергѣевны: см. *Пушкинъ*, г. Бартевева II, 19. Я. Г.

²⁾ Въ концѣ 1831 или въ началѣ 1832 года Пушкинъ произведенъ былъ въ титулярные совѣтники: см. выше, стр. 161. Я. Г.

³⁾ *Кн. Вяземскій*: «Если слылъ онъ *Французомъ*, то вѣроятно потому, что по первоначальному домашнему воспитанію своему лучше другихъ товарищей своихъ говорилъ по-французски, лучше зналъ французскую литературу, болѣе читалъ французскія книги, самъ писалъ французскіе стихи и проч.; но видѣть тутъ какое-нибудь политическое значеніе — есть предположеніе совершенно произвольное и которое въ лицѣ, вѣроятно, никому въ голову не приходило».

⁴⁾ *Кн. Вяз.*: «Не думаю, чтобы Пушкинъ былъ издѣтства избалованъ *льстецами*. Какіе могли быть тутъ льстецы?»

этическая мысль; но все это лишь урывками, иногда въ добрую минуту, большею же частію или тривіальныя общія мѣста, или разсѣянное молчаніе¹⁾. Въ лицѣ оный превосходилъ всѣхъ въ чувственности, а послѣ въ свѣтѣ предался распутствамъ всѣхъ родовъ, проводя дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій²⁾. Должно дивиться какъ и здорově и талантъ его выдержали такой образъ жизни, съ которымъ естественно сопрягался и частыя гнусныя болѣзни, низводившія его не разъ на край могилы. Пушкинъ не былъ созданъ ни для свѣта, ни для общественныхъ обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы. У него господствовали только двѣ стпхи: удовлетвореніе плотскимъ страстямъ и поэзія, и въ обѣихъ оный — ушелъ далеко. Въ немъ не было ни вѣншей, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ, и оный полагалъ даже какое-то хвастовство въ отъявленномъ цинизмѣ по этой части: злыя насмѣшки — часто въ самыхъ отвратительныхъ картинахъ — надъ всѣми религіозными вѣрованіями и обрядами, надъ уваженіемъ къ родителямъ, надъ родственными привязанностями, надъ всѣми отношеніями — общественными и семейными — это было ему ни по чемъ, и я не сомнѣваюсь, что для бѣднаго слова оный иногда говорилъ даже болѣе и хуже, нежели въ самомъ дѣлѣ думалъ и чувствовалъ. Ни несчастіе, ни благотворенія императора Николая его не исправили: принимая одною рукою щедрые дары монарха, оный другою омокалъ перо для злобной эпиграммы!³⁾ Вѣчно безъ колеблѣн, вѣчно въ долгахъ, иногда почти безъ порядочнаго фрака, съ безпрестанными исторіями, съ частыми дуэлями, въ близкомъ знакомствѣ со всѣми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкинъ представлялъ типъ самаго грязнаго разврата. Было время, когда оный получалъ отъ Смирдина по червонцу за стихъ; но эти червонцы скоро уватывались, а стихъ, подъ которыми не стыдно бы было подписать имя Пушкина — единственная вещь, которою оный дорожилъ въ мѣрѣ — сочинялись не всегда и не легко. При всей наружной легкости этихъ прелестныхъ произведеній, оный мучился надъ ними по часамъ и суткамъ и въ каждомъ почти стихѣ было безчисленное множество помарокъ. Сверхъ того, оный писалъ только въ минуты вдохновенія, а такія минуты заставляли ждать себя по мѣсяцамъ. Женитьба нѣсколько его остепенила, но была пагубна для его гения. Прелестная жена, которая

1) *Кн. Вяз.*: «Былъ оный *вспыльчивъ*, легко раздраженъ,—это правда, но со всѣмъ тѣмъ оный, напротивъ, въ общемъ *обращеніи* своемъ, когда самолюбіе его не было задѣто, былъ особенно *любезенъ* и *привлекателенъ*, что и доказываются многочисленными пріятелями его. *Бесѣды систематической*, можетъ быть, и не было, но все прочее, сказанное о разговорѣ его,— несправедливо или преувеличено. Во всякомъ случаѣ, не было *тривіальныхъ общихъ мѣстъ*: умъ его вообще былъ здоровъ и свѣтлый».

2) *Кн. Вяз.*: «Сколько мнѣ извѣстно, оный вовсе не былъ *преданъ распутствамъ всѣхъ родовъ*. Не былъ монахомъ, а былъ грѣшенъ какъ и всѣ въ молодые годы. Въ любви его преобладала вовсе не *чувственность*, а скорѣе поэтическое увлеченіе, что впрочемъ и отразилось въ поэзіи его».

3) *Кн. Вяз.*: «Императору Николаю былъ оный душевно преданъ». — Чувства Пушкина къ государю выразились въ трехъ извѣстныхъ стихотвореніяхъ: *Стансы, Друзьямъ* («Нѣтъ, я не льстецъ») и *Герой. Я. Г.*

любила славу своего мужа болѣе для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ, предпочитала блескъ и бальную залу всей поэзіи въ мірѣ и, — по странному противорѣчію, — пользуясь всѣми плодами литературной извѣстности Пушкина, исподтишка немножко гнушалась тѣмъ, что она, свѣтская женщина *par excellence* — привязана къ мужу *homme de lettres*, — эта жена, съ семейственными и хозяйственными хлопотами, привела къ Пушкину ревность и отогнала его музу¹⁾). Произведенія его, съ тѣхъ поръ, были и малочисленнѣе и всѣ гораздо слабѣе прежняго. Бракъ не принесъ ему счастья, а если бъ онъ не женился, то, можетъ быть, мы и теперь еще восхищались бы плодами его болѣе зрѣлаго генія.

— Иванъ Ивановичъ Пушкинъ, со свѣтлымъ умомъ, съ чистою душою, съ самыми благородными наміреніями, былъ въ лицѣ любимцемъ всѣхъ товарищей. По выпускѣ оный поступилъ въ гвардейскую конную артиллерию; для пылкой души его, жаждавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время показалась, однакоже, слишкомъ мертвою и, бросивъ ея, вѣжется, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскаія мѣста, сперва въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ, съ наміреніемъ возвыситься и облагородить этотъ родъ службы, которому въ то время не посвящалъ себя еще почти никто изъ порядочныхъ людей. Но излишняя пылкость и ложный взглядъ на средства къ счастью Россіи стубили нашего любимца. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, вспыхнувшаго 14-го декабря 1825 г., былъ причисленъ во 2-му разряду преступниковъ, лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ каторгу. По окончаніи же срока, онъ теперь живетъ въ Сибири на поселеніи.

— Князь А. М. Горчаковъ былъ выпущенъ изъ лица не первымъ а вторымъ. Первымъ былъ Владимиръ Дмитріевичъ Вальховскій. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ сдѣлалъ несправедливость, единственно, чтобы показать отсутствіе всякаго пристрастія къ имени и связямъ Горчакова. Блестящія дарованія, острый и тонкій умъ, неукоризненное поведение, наконецъ самое отличное окончаніе курса безспорно давали ему право на первое мѣсто, хотя товарищи любили его, за нѣкоторую заносчивость и большое самолюбіе, менѣе другихъ. Вальховскій былъ человѣкъ разсудительный, дѣльный, съ большимъ характеромъ и съ жельзною волею надъ самимъ собою, наконецъ необыкновенно трудолюбивый, добродушный и скромный, за что мы и прозвали его «Sapientia»; но, не получивъ никакого предварительнаго воспитанія, онъ выучился всему, что зналъ, въ лицѣ, и отъ этого, при самыхъ неимовѣрныхъ успѣхахъ, не могъ достигнуть одинаковыхъ съ Горчаковымъ результатовъ. Послѣднему все давалось легко; первый каждый успѣхъ свой долженъ былъ брать приступомъ. Горчаковъ вышелъ блестящимъ во всѣхъ отношеніяхъ чело-
вѣ-

1) *Кн. Вяз.*: «Никакого особеннаго знакомства съ трактирами не было и ничего трактирнаго въ немъ не было, а еще менѣе *грязнаго разврата*. Жена его любила мужа вовсе не для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ и нимало не гнушалась тѣмъ, что была женою *d'un homme de lettres*. Въ ней вовсе не было чванства, да и по рожденію своему принадлежала она высшему аристократическому кругу».

комъ, Вальховскій — на видъ очень обыкновеннымъ, хотя подъ довольно прозаическою корою у него таилось свѣдѣній, дѣльности и добра. Зато и карьеры ихъ были совершенно различны. Горчаковъ всѣ 37 протекшій до сихъ поръ лѣтъ гражданской нашей жизни провелъ въ дипломатіи, въ которой имя его гремитъ теперь по всей Европѣ. Вальховскій, котораго мы рядомъ съ «Sapientia», звали и «Суворочкою» вышелъ изъ лицея въ военную службу. Онъ поступилъ прямо въ квартирмейстерскую часть (называвшуюся тогда *свитою*), былъ съ Мейендорфомъ въ Бухаріи и вообще началъ свое поприще съ большимъ отличіемъ. Исторія 14-го декабря — къ которой, впрочемъ, Вальховскій былъ прикосновенъ только слышанными разговорами — остановила было его ходъ; но, послѣ кратковременнаго заключенія, все опять пошло попрежнему. Онъ былъ посланъ съ подарками къ Персидскому шаху, участвовалъ въ персидской кампаніи, потомъ въ турецкой въ Малой Азійи и въ послѣдней игралъ даже значительную роль при князѣ Паскевичѣ, пока князь Паскевичъ не возненавидѣлъ его за то именно, что часть успѣховъ и славы полководца относили къ его подчиненному. Наконецъ Вальховскій назначенъ былъ на важный постъ начальника штаба Кавказскаго корпуса и, имѣвъ уже: 4-го Георгія, 1-го Станислава, 3-го Владимира и персидскаго Льва и Солнца, прежде всѣхъ лицейскихъ получилъ аннинскую ленту. Но когда, въ 1838 г., государь лично посѣтилъ Закавказье и при этомъ открылись разныя злоупотребленія и упущенія со стороны главноуправлявшаго краемъ барона Розена, то монаршій гнѣвъ налъ и на начальника его штаба: Вальховскаго смѣстили — бригаднымъ командиромъ куда-то въ Западныя губерніи; а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ и подъ начало къ ненавидѣвшему его князю Варшавскому, то напелся вынужденнымъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, совсѣмъ оставить службу. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ деревнѣ въ Харьковской губерніи рядомъ съ другимъ нашимъ товарищемъ, отставнымъ полковникомъ Маляновскимъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ и умеръ тутъ въ 1841 г., оставивъ послѣ себя одну только дочь ¹⁾.

— Исторія графа Силвестра Францовича Брогліо была собственно такова: по восстановленіи Бурбоновъ ему, правда, прислали фамильный орденъ Лиліи, который онъ и носилъ въ лицейскомъ мундирѣ, но изъ лицея онъ никогда не уѣзжалъ и оставался съ нами до общаго выпуска, при которомъ вышелъ офицеромъ арміи. Тогда онъ уѣхалъ во Францію, но изромъ никогда не былъ и, вѣроятно, вскорѣ послѣ того умеръ: ибо никто съ тѣхъ поръ ничего о немъ не слышалъ. Впрочемъ, личность нашего графа не имѣла ничего интереснаго. Крайне ограниченный въ способностяхъ, притомъ порядочный повѣса и очень вспыльчивый, онъ сталъ при выпускѣ, помнится, послѣднимъ и отличался только тѣмъ, что былъ косоглазъ и лѣвшя.

— Исключенный изъ лицея, въ самые еще первые годы, за греческіе вкусы былъ Константинъ Гурьевъ, который служилъ послѣ въ дипломатіи и уже очень давно какъ умеръ.

¹⁾ Очеркъ біографіи Вальховскаго см. выше, стр. 95.

— Публика при выпускных наших экзаменах состояла только из профессорских лиц и кой-каких царскосельских жителей второй руки. Даже из родителей или родственников наших почти никого тут не было. Окончательный экзамен наш вполне соответствовал образу нашего учения и надзора за нашею нравственностію. Подобно какъ въ математикѣ, и по большей части другихъ предметовъ сдѣлана была между воспитанниками разверстка определенныхъ ролей, и дурные отвѣты являлись только тогда, когда который-либо изъ профессоровъ сбивался въ своемъ расписаніи, или какой-нибудь лѣнивый ученикъ не хотѣлъ или не умѣлъ затвердить даже *послѣдняго* въ жизни своей урока. Посѣтители же вопросы не задавали, по той простой причинѣ, что ихъ не было, а тѣ, которые и были, могли только невѣжественно поклоняться бездѣйственной нашей фидетивной премудрости, или сами, какъ на примѣръ наши профессора, состояли участниками въ заговорѣ.

— По тогдашнему положенію, чину 10-го класса при выпускѣ соответствовало званіе арміи офицера, а въ гвардію удостоены были только тѣ, которые равнялись успѣхами и поведеніемъ съ получившими 9-й классъ. Ниже 10-го класса никто у насъ выпускать не былъ въ противоположность теперешнему порядку.

— Императоръ Александръ, пріѣхавшій насъ при вступленіи въ лицей, сопровождалъ и при выпускѣ, но уже не съ царскою фамиліею, не съ многочисленнымъ, какъ при открытіи дворомъ, а однимъ, въ присутствіи лишь преемника графа Разумовскаго, князя А. Н. Голицына. Каждый изъ насъ былъ представленъ царю поименно, и онъ изъ своихъ рукъ роздалъ намъ медали и похвальные листы. Бѣднѣйшимъ изъ выпускныхъ воспитанниковъ дано было одновременное денежное вспоможеніе въ различныхъ размѣрахъ, всѣмъ же назначено жалованье: титулярнымъ совѣтникамъ по 800 руб., коллежскимъ секретарямъ по 700, разумѣется, ассигнаціями, впредь до поступленія на штатныя мѣста съ высшими окладами. Пушкинъ получалъ его, какъ и всѣ, и получалъ, вѣроятно, очень долго, потому что никогда не занималъ штатнаго мѣста.

Директору нашему смертельно хотѣлось, чтобы государь прослушалъ нашу прощальную пѣснь — эту священную тризну разлуки и обѣтовъ нашей будущей жизни, лучшее что написали Дельвицъ и Тепперъ. Но его желаніе не исполнилось: государь удалился, и мы пропѣли наши «Шесть лѣтъ» передъ самими собою, потому что и Голицынъ ушелъ вслѣдъ за государемъ. Настоящій выпускъ былъ на другой день, т. е. 10-го іюня. Я оставилъ Царское Село невступно 17-ти лѣтъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ прегромнымъ аттестатомъ, въ которомъ только на половину было правды. Двое или трое были еще моложе меня, но большая часть вышла 20-ти, нѣкоторые и далеко за 20 лѣтъ. Многимъ, послѣ профессоровъ, пришлось еще брать уроки у учителей. Иныхъ не научилъ даже и опытъ жизни, и они остались тѣми же дѣтскими лицеистами, хотя безъ волосъ и безъ зубовъ.

— Во время нашей бытности въ лицей не было еще никакого лицейскаго сада, и отведенное послѣ подъ него мѣсто занято было церковною оградой, въ которой дико росло нѣсколько березъ и куда никогда не

ступала наша нога; слѣдственно п памяти тутъ ни чьей не могло быть. *Genio loci, au génie du lieu*, была просто фантастическая надпись, придуманная романтичскимъ Энгельгардтомъ, въ честь невидимаго духа-покровителя этихъ рошей, какого-нибудь воображаемаго Фавна: при чемъ никому и въ мысль не приходилъ Пушкинъ. Лучшее тому доказательство — подобная же надпись, красовавшаяся на подобной же пирамидѣ въ саду при домѣ, который имѣлъ Энгельгардтъ въ Царскомъ Селѣ, за долго еще до назначенія своего директоромъ лицея, когда имени Пушкина не зналъ никто въ мірѣ, кромѣ его товарищей.

II.

Секретныя донесенія о связяхъ между Пушкинымъ и Плетневымъ¹⁾.

1. Докладная записка дежурнаго генерала Потапова Дибичу, 4-го апрѣля 1826 года.

Поэма Пушкина *Цыганы* куплена книгопродавцемъ Иваномъ Сленинымъ и рукопись отослана теперь обратно къ сочинителю для какихъ-то перемѣнъ. Печататься она будетъ выйшимъ лѣтомъ въ типографіи министерства просвѣщенія.

Комиссіонеромъ Пушкина по сему предмету надворный совѣтникъ Плетневъ, учитель исторіи въ Военно-Сиротскомъ Домѣ, что за Обуховымъ мостомъ, и тамъ живущій.

О трагедіи *Борисъ Годуновъ* неизвѣстно, когда выйдетъ въ свѣтъ.

2. Записка С.-Петербургскаго генераль-губернатора П. В. Кутузова 16-го апрѣля 1826 года.

Учитель исторіи въ Императорскомъ Военно-Сиротскомъ Домѣ и російской словесности въ Пажескомъ корпусѣ, надворный совѣтникъ Плетневъ въ 1810 году поступилъ изъ духовнаго званія въ С.-Петербургскій Педагогическій институтъ студентомъ. Въ 1814 г. опредѣленъ учителемъ въ Военно-Сиротскій Домъ и съ сего времени продолжаетъ въ ономъ службу съ отличными усердіемъ. Онъ женатъ, имѣетъ отъ роду 33 года; поведенія весьма хорошаго, характера тихаго и даже робкаго, живетъ скромно.

Что касается до поэмы (sic) г. Пушкина *Цыганы*, то рукопись оной была составлена слѣдующимъ образомъ: служащій въ Департаментѣ На-

¹⁾ За сообщеніе этихъ любопытныхъ документовъ я обязанъ уважаемому изслѣдователю въ области новой русской исторіи, недавно избранному въ члены Академіи Наукъ, Н. О. Дубровину.

роднаго Просвѣщенія родной братъ Пушкина, при свиданіи съ нимъ, читалъ сію поему, выучилъ оную наизусть; потомъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, написалъ ее съ памяти и отдалъ книгопродавцу Сленину для напечатанія, а сей отослалъ уже оную къ автору для поправки стиховъ и смысла, но рукопись еще обратно не получена.

Относительно трагедіи *Борисъ Годуновъ* извѣстно, что Пушкинъ писалъ къ Жуковскому, что она не прежде имъ выдана будетъ въ свѣтъ, какъ по снятіи съ него запрещенія выгѣзжать въ столицу.

Г. Плетневъ особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣетъ, а знакомъ съ нимъ какъ литераторъ. Входя въ бѣдное положеніе Пушкина, онъ по просьбѣ его отдаетъ по комиссіи на продажу напечатанныхъ его сочиненія, и вырученныя деньги или купленныя на нихъ книги и вещи пересылаетъ къ нему.

3. Письмо Дибича къ С.-Петербургскому генералъ-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, отъ 23-го апрѣля 1826 года.

По докладу моему отношенія вашего превосходительства, что надворный совѣтникъ Плетневъ особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣетъ и знакомъ съ нимъ только какъ литераторъ, Государю Императору угодно было повелѣть мнѣ, за всѣмъ тѣмъ, покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, усугубить возможное стараніе узнать достоверно, по какимъ точно связямъ знакомъ Плетневъ съ Пушкинымъ и беретъ на себя ходатайство по сочиненіямъ его, и чтобъ ваше превосходительство изволило приказать имѣть за нимъ ближайшій надзоръ.

III.

Изъ переписки между товарищами Пушкина.

Къ числу товарищей Пушкина, сдѣлавшихъ, какъ говорится, блестящую карьеру, принадлежалъ Сергѣй Григ. Ломоносовъ. Поступивъ на службу въ «инострannую коллегію», онъ скоро получилъ мѣсто секретаря нашего посольства въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ впоследствии самъ достигъ званія посланника, а окончательно занялъ тотъ же постъ въ Нидерландахъ.

1. Письмо Серг. Григ. Ломоносова къ Комовскому изъ Вашингтона, отъ іюня 1820 г. (получено 30 августа).

Сегодня получилъ я, любезный Комовскій, дружеское письмо твое отъ 2-го марта, на которое спѣшу отвѣчать наскоро. Радуюсь сердечно, что ты доволенъ службою, а что лучше, судьбою. Дай Богъ всѣмъ лицейскимъ

счастья: благополучіе одного простирается на всѣхъ. Я не могу жаловаться на судьбу свою, доволенъ совершенно своимъ начальникомъ, который способствуетъ, сколько ему возможно, содѣлать пребываніе мое въ здѣшнемъ краѣ приятнымъ и полезнымъ. Съ другой стороны имѣю случай удовлетворить природное любопытство и приобрести новыя идеи отъ обозрѣнія всего здѣсь достопамятнаго. Съ декабря мѣсяца жилъ я въ Вашингтонѣ, и хотя соскучился въ ономъ отъ недостатка хорошаго общества и лишена всѣхъ удовольствій, изобилующихъ въ городахъ европейскихкихъ, но имѣлъ случай изслѣдовать ходъ здѣшняго правительства, о которомъ трудно имѣть ясное понятіе, не видѣвши онаго съ близи. Красны бубны за горами! Представительный образъ правленія имѣеть болѣе неудобностей, нежели полагаютъ сочинители конституцій, которыя вошли въ такую моду въ Европѣ. Чтѣ хорошо на бумагѣ или по теоріи,— трудно, часто невозможно въ исполненіи.

Ты желаешь имѣть извѣстія о здѣшнихъ ученыхъ обществахъ и богоугодныхъ заведеніяхъ. На досугѣ постараюсь собрать надлежащія свѣдѣнія и удовлетворить твоему любопытству. Скажу тебѣ вообще, что богоугодныя заведенія довольно въ хорошемъ состояніи, особенно сличая оныя съ нашими. Но замѣчено, что преступники наслаждаются въ тюрьмахъ слишкомъ хорошимъ содержаніемъ. Заключение не служитъ имъ наказаніемъ и многіе празднолюбцы находятъ свой расчетъ проводить время въ смиренныхъ домахъ, гдѣ они на всемъ готовомъ. Отъ сего мягкосердія происходятъ пагубнѣйшія слѣдствія. Заключение, вмѣсто того, чтобы исправить нравственность преступниковъ, поощряетъ ихъ къ новымъ преступленіямъ. Извѣстно, что со времени введенія въ Соединенныхъ Штатахъ сей системы мягкосердія число преступленій увеличилось невѣроятнымъ образомъ.

Прощай, любезный другъ: спѣшу, какъ ты видишь. Въ другой разъ на свободѣ побесѣдую съ тобой. Повлонись всѣмъ лицейскимъ, и не забудь напомнить обо мнѣ въ Царскомъ¹⁾. Повлонись любезнѣйшему Сергѣю Гавриловичу²⁾.

Весь твой

С. Ломоносовъ.

Ты у меня просилъ бездѣлицу на память: посылаю тебѣ медаль Вашингтона. Не пишу къ Матюшкину за недостаткомъ времени.

2. Письмо Бюхельбекера къ Комовскому, отъ 17 февраля 1823 г. изъ села Закупа.

Другъ мой, Сергѣй Дмитріевичъ! Твое милое письмо отъ 1-го февраля меня очень обрадовало, хотя ты и называешь планы мои планами сумасбродной мечтательности. Ты ихъ не знаешь: итакъ не суди о томъ, чего не знаешь; самого меня ты помнишь только прежняго; я во многомъ, многомъ переѣвился. Но ссориться, любезный мой, за одно или два выра-

1) Т. е. Энгельгардту и его семейству.

2) Лицейскому гувернеру и учителю рисованія Чирикову.

женія слишкомъ жесткiя отнюдь не стану съ тобою, потому что люблю тебя и вижу, что и ты принимаешь во мнѣ величественное участiе. Помни только, добрый Комовскiй, *audiat et altera pars* — особенно *pars infelix*. — *Pour votre second reproche que je suis l'ami de tout le monde, ma foi!* — какъ говаривалъ товарищъ нашъ Тирковъ — *ma foi!* я никогда не полагалъ, чтобъ я могъ заслужить упрекъ сей. Но еще разъ: не хочу и не стану ссориться съ тобою. — Благодарю тебя отъ всей души за письмо твое и за дружескiй совѣтъ служить въ Москвѣ при такомъ начальникѣ, каковъ князь Голицынъ. Но *comment faire?* — *Caput atro carbone notatum*, безъ связей, безъ всякихъ знакомствъ, въ Москвѣ, безъ денегъ! Егоръ Антоновичъ писалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ другое мѣсто, которое, конечно, также трудно получить, но не невозможно. Впрочемъ и твое письмо для меня можетъ быть полезнымъ: если не удастся о чемъ Энгельгардтъ для меня старается, поѣду на удачу въ Москву: авось судьба перестанетъ меня преслѣдовать! Мысль же къ тому будетъ подана мнѣ тобою, и твоему сердцу, конечно, будетъ приятно, если ты будешь первою отдаленною причиною переменъ моего жребiя! — Что говоришь ты мнѣ о женитбѣ, сильно, другъ мой, на меня подѣйствовало: вѣрь, и мнѣ наскучила бурная, дивная жизнь, которую велъ доселѣ по необходимости. Тѣмъ болѣе, что скажу тебѣ искренно, сердце мое не свободно, и я люблю — въ первый разъ — люблю взаимно. *Mais cela vous ne direz pas à mes parents: je ne veux pas que cette nouvelle leur cause de nouvelles inquiétudes.*

Твое письмо, милый мой Сергѣй Дмитриевичъ, я перешлю Энгельгардту: онъ взялся устроить мое счастье: и послѣ отческаго письма, которое писалъ онъ ко мнѣ, не хочу имѣть для него никакой тайны. Пусть онъ судить о твоёмъ проектѣ и рѣшить между нами и собственнымъ. Но надѣюсь, что ты похлопочешь, чтобъ онъ мнѣ обратно переслалъ твое братское посланiе: оно для меня слишкомъ дорого и не хочу потерять его. Обнимаю и цѣлую тебя.

Вѣрный другъ и товарищъ твой

Вильгельмъ.

NB. Получили ли вы въ С.-Петербургѣ мою трагедiю ¹⁾ и что объ ней говорить Дельвингъ? Напши мнѣ это, сдѣлай мнѣость!

IV.

Письмо дамы высшаго круга о смерти Пушкина ²⁾.

Nous avons tous été si douloureusement atterrés de la catastrophe sanglante qui a terminé la glorieuse carrière de Pouchkine, que pendant une

¹⁾ *Шекспировы души*. См. *Соч. Пушкин*. VII, стр. 166 и 168.

²⁾ Письмо это писано вскорѣ послѣ рокового событiя покойною княгиней Ек. Ник. Мещерской (дочерью Н. М. Карамзина). Оно было сообщено мнѣ ею самою въ 60-хъ годахъ.

dizaine ou une quinzaine de jours, à la lettre, *мы не могли отомниться*, et nos têtes comme nos coeurs ne pouvaient s'ouvrir à autre chose qu'à l'idée des tortures morales qui ont précédé cette fin tragique, et aux sentiments d'admiration, d'attendrissement et de douleur dont la mort si belle, si calme, si chrétienne et si poétique de Pouchkine a rempli l'âme de tous ses amis. Depuis le jour de mon arrivée ici, j'ai été frappée constamment de son état fiévreux et de l'espèce de contraction qui crispait sa physionomie et tout son être dès qu'il se trouvait en présence de son meurtrier actuel. Le contact continuel d'un monde malveillant, avide de scandale et de caquets, prodigue de commérages injurieux et de propos blessants, joint aux assiduités doublement coupables de Dantès depuis qu'il avait acheté l'impunité de ses torts passés par son incompréhensible mariage avec la belle-soeur de Pouchkine, toute cette grêle de dards lancés contre une organisation de feu, une âme loyale, fière, passionnée, a allumé un incendie que le vil sang de son ennemi ou son noble sang à lui pouvaient seuls éteindre. Sa conduite pendant ce duel fatal et jusqu'à son dernier soupir a été héroïque au dire même du Français qui a servi de second à Dantès, et qui, en racontant cette affaire, a ajouté: «Pouchkine seul s'est montré sublime pendant le duel, il a fait preuve d'un calme et d'un courage surhumains». Rapporté mourant chez lui, il n'a pas douté un instant de sa fin prochaine, et au milieu des plus atroces tortures physiques (qui ont fait frissonner même la vieille et insensible expérience d'Arendt), il n'a pensé qu'à sa femme et à la douleur qu'il lui causait. Entre chaque reprise de souffrances aiguës, il l'appelait, la consolait, il lui répétait qu'elle était innocente de sa mort, et que jamais un instant il ne lui avait retiré ni sa confiance ni son amour. Il a rempli ses devoirs de chrétien avec une onction et une profondeur de sentiment qui ont édifié jusqu'à son vieux confesseur, qui a répondu à quelqu'un qui l'interrogeait à ce sujet: *Я старъ, мнѣ уже не домо жить, на что мнѣ обманывать? Вы можете мнѣ не вѣрять, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой онъ имѣлъ*. En prenant congé de ses amis, qui tous entouraient son lit en sanglotant, il a dit: *Карамзиныхъ здѣсь нѣтъ?* On a fait tout de suite chercher Mme Карамзинъ, qui est arrivée au bout de quelques instants. En la voyant il lui a dit d'une voix faible, mais distincte: *Благословите меня*, et comme elle le bénissait de loin, il lui a fait signe d'approcher, il a baisé sa main. Il a demandé ses quatre enfants, qu'il a bénis l'un après l'autre; enfin, dix minutes avant d'avoir rendu le dernier soupir, comme il sentait le froid de la mort pénétrer peu à peu ses membres, il a dit: *Все кончено*, et comme on n'avait pas compris ce qu'il voulait dire, un de ses amis lui a demandé: *Что кончено?* — *Жизнь кончена*, a-t-il répondu avec une voix claire et distincte. Quelques instants après, sa tête s'est penchée, ses yeux se sont fermés, et son dernier souffle s'est exhalé sans effort et sans contraction. Lorsque ses amis et sa malheureuse femme se sont précipités sur son corps sans vie, ils ont été frappés de l'expression auguste et solennelle de sa physionomie. Un sourire de bonheur et d'ineffable sérénité errait encore sur ses lèvres, et sur son front siégeait le calme de la douce gravité d'une espérance sublime réalisée. Pendant

les trois jours que son corps a été exposé à la maison, une foule de tous les âges et de toutes les conditions roulait sans interruption ses flots bigarrés jusqu'au pied de son cercueil. Femmes, vieillards, enfants, écoliers, hommes du peuple, les uns vêtus de *туланы*, les autres même de haillons, venaient saluer les restes du poète chéri de la nation. C'était touchant à voir ces hommages plébéiens, tandis que nos salons dorés et nos boudoirs parfumés ont à peine donné une pensée ou un regret à sa courte et brillante carrière. Quelques-uns même ont retenti d'injurieuses épithètes et d'imprécations à la mémoire d'une gloire nationale et d'un mari victime de son honneur et sublime de courage, pour vanter la conduite chevaleresque d'un vil séducteur et d'un aventurier à *trois patries et à deux noms*. Allez, après cela, attacher du prix à l'opinion publique, ou au moins à l'opinion de notre société — elle jette de la boue à ce qui devrait faire sa gloire et s'exalte sur un amas de crotte qui finira par l'éclabotter. J'ai été tout ce temps tous les jours chez la femme, d'abord parce que j'éprouvais une espèce de douceur à rendre cet hommage à la mémoire de Pouchkine, et puis parce qu'en effet le sort de cette jeune femme, à force d'être douloureux, mérite toutes les sympathies. Au fond, elle n'a été coupable que d'une excessive légèreté et d'une fatale sécurité ou insouciance, qui lui faisait fermer les yeux aux combats et aux tortures auxquels son pauvre mari était en proie. Elle n'a jamais failli à l'honneur, mais sans s'en douter elle a déchiré longuement, éternellement l'âme susceptible et bouillante de Pouchkine: maintenant que le malheur a dessillé ses yeux, elle ne le sent que trop, et ses remords sont quelquefois déchirants. Dieu veuille que ses souffrances actuelles soient un baptême régénérateur et expiatoire pour son âme. En somme, elle n'a fait que ce que font tous les jours beaucoup de nos dames brillantes, qui n'en sont pas moins bien accueillies pour cela; mais elle a mis moins d'art qu'elles à dissimuler la coquetterie, et surtout elle n'a pas su comprendre que son mari était d'une autre trempe que les faibles et complaisants maris de ces dames.

Перевод:

«Мы были такъ жестоко потрясены кровавымъ событіемъ, положившимъ конецъ славному поприщу Пушкина, что дней десять или недѣли двѣ буквально не могли опомниться и ни умомъ, ни сердцемъ не были доступны ничему, кромѣ мысли о нравственныхъ мукахъ, предшествовавшихъ катастрофѣ, — кромѣ чувствъ удивленія, грусти и скорби, которыя эта прекрасная, тихая, христіанская и поэтическая женщина внушала всемъ друзьямъ Пушкина. Съ самаго моего приѣзда я была поражена лихорадочнымъ его состояніемъ и какимъ-то судорожнымъ движеніемъ, которыя начинались въ его лицѣ и во всемъ тѣлѣ при появленіи будущаго его убійцы. Необходимость непрерывно вращаться въ неблаговолящемъ свѣтѣ, жадномъ до всякихъ скандаловъ и пересудовъ, шедромъ на обидныя сплетни и на язвительныя толки; затѣмъ вдвойнѣ преступное ухаживанье Дантеса послѣ того, какъ онъ достигъ безнаказанности своего прежняго поведенія непонятною женитьбой на невѣстѣ»

Пушкина, — вся эта туча стрѣлъ, направленныхъ противъ огненной организаціи, противъ честной, гордой и страстной его души произвела такой пожаръ, который могъ быть потушенъ только подлою кровью врага его или же собственной его благородною кровью. Во все время роковой дуэли и до послѣдняго вздоха онъ велъ себя геройски по свидѣтельству самого француза, бывшаго секундантомъ Дантеса и который, рассказывая про это дѣло, говорилъ: «Одинъ Пушкинъ былъ на этой дуэли изумительно высокъ, онъ выказалъ не человѣческое спокойствіе и мужество». Когда его привезли домой умирающимъ, онъ ни на минуту не усомнился въ неминуемости близкой смерти и посреди самыхъ ужасныхъ физическихъ страданій (заставившихъ содрогнуться даже привычнаго къ подобнымъ деламъ Арендта), Пушкинъ думалъ только о женѣ и о томъ, что она должна была чувствовать по его винѣ. Въ каждомъ промежуткѣ между приступами мучительной боли онъ ее призывалъ, старался утѣшить, повторялъ, что считаетъ ее неповинною въ своей смерти и что никогда ни на минуту не лишалъ ее своего довѣрія и любви. Онъ исполнилъ долгъ христіанина съ такимъ благоговѣніемъ и такимъ глубокимъ чувствомъ, что даже престарѣлый духовникъ его былъ тронутъ и на чей-то вопросъ по этому поводу отвѣчалъ: «Я старъ, мнѣ уже не долго жить, на что мнѣ обманывать? Вы можете мнѣ не вѣрить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой онъ имѣлъ».

«Прощаясь съ друзьями, которые рыдая стояли у его одра, онъ спросилъ: «Карамзинныхъ здѣсь нѣтъ?» Тотчасъ же послали за Е. А. Карамзиной, которая черезъ нѣсколько минутъ и пріѣхала. Увидѣвъ ее, онъ сказалъ слабымъ, но явственнымъ голосомъ: «Благословите меня»; когда же она благословила его издали, онъ знавомъ попросилъ ее подойти и поцѣловалъ ея руку. Потомъ онъ потребовалъ четверыхъ дѣтей своихъ и благословилъ одного за другимъ; наконецъ, минутъ за десять до неизбежнаго исхода, чувствуя распространявшійся по членамъ его холодъ смерти, онъ сказалъ: «Все кончено». Не разслышавъ этихъ словъ, кто-то спросилъ: «Что кончено?» — «Жизнь кончена», отвѣчалъ онъ совершенно внятно и ясно. Черезъ нѣсколько минутъ голова его опустилась, глаза сомкнулись и послѣдній вздохъ вылетѣлъ свободно, безъ всякаго судорожнаго напряженія. Когда друзья и несчастная жена устремились къ бездыханному тѣлу, ихъ поразило величавое и торжественное выраженіе лица его. На устахъ сіяла улыбка, какъ будто отблескъ несказаннаго спокойствія, на челѣ отражалась тихое блаженство осуществившейся святой надежды. Въ теченіе трехъ дней, въ которые тѣло его оставалось въ домѣ, множество людей всѣхъ возрастовъ и всякаго званія непрерывно тѣснилось пестрою толпой вокругъ его гроба. Женщины, старики, дѣти, ученики, простолюдины въ тулупахъ, а иные даже въ лохмотьяхъ, приходили поклониться праху любимаго народнаго поэта. Нельзя было безъ умиленія смотрѣть на эти плебейскія почести, тогда какъ въ нашихъ позолоченныхъ салонахъ и раздушенныхъ будуарахъ едва ли кто-нибудь думалъ и сожалѣлъ о краткости его блестящаго поприща. Слышались даже оскорбительныя эпитеты и укорины, которыми поносили память славнаго поэта и несчастнаго супруга, съ изумительнымъ мужествомъ

принесшаго свою жизнь въ жертву чести, и въ то же время раздавались похвалы рыцарскому поведенію гнуснаго обольстителя и проходимца, у котораго было *три отечества* и *два имени*. Можно ли послѣ этого придавать цѣну общественному мнѣнію или, по крайней мѣрѣ, мнѣнію нашего общества, бросающаго грязью въ то, что составляетъ его славу, и восхищающагося слякотью, которая его же запачкаетъ своими брызгами. Я все это время была каждый день у жены покойнаго, во-первыхъ потому, что мнѣ было отрадно приносить эту дань памяти Пушкина, а во вторыхъ, потому что печальная судьба этой молодой женщины въ полной мѣрѣ заслуживаетъ участія. Собственно говоря, она виновна только въ чрезмѣрномъ легкомысліи, въ роковой самоувѣренности и безпечности, при которыхъ она не замѣчала той борьбы и тѣхъ мученій, какія выносила ея мужъ. Она никогда не измѣняла чести, но она медленно, ежеминутно терзала воспріимчивую и пламенную душу Пушкина; геперь, когда несчастье раскрыло ей глаза, она вполне все это чувствуетъ и совѣсть иногда страшно ее мучить. Даи Богъ, чтобы нынѣшнія страданія послужили для души ея источникомъ возрожденія и искупительною жертвой. Въ сущности она сдѣлала только то, что ежедневно дѣлаютъ многія изъ нашихъ блистательныхъ дамъ, которыхъ однакожъ изъ-за этого принимаютъ не хуже прежняго; но она не такъ искусно умѣла скрыть свое кокетство, и, что еще важнѣе, она не поняла, что ея мужъ былъ иначе созданъ, чѣмъ слабѣе и снисходительные мужья этихъ дамъ.

V.

Два стихотворенія.

1.

ЦАРСКОЕ СЕЛО ¹⁾.

(1860).

Какъ чуденъ ты, пріютъ царей,
 Въ красѣ садовъ твоихъ зеленыхъ
 И ихъ озеръ и лебедей
 Вокругъ чертоговъ золоченыхъ!
 Но отчего жъ души моей
 Знакомый видъ не улаждаетъ
 И весь твой блескъ волшебный въ ней
 Одно унынье пробуждаетъ?
 Брожу съ невольною тоской
 Я по тропамъ уединеннымъ,

¹⁾ Напечатано въ *Русской Бесѣдѣ* 1860 г.

Когда-то славною стопою
 Екатерины освященнымъ.
 Стопте вы на зло годамъ,
 Столпы, воздвигнутые ею
 Во славу доблестнымъ вождямъ;
 Предъ вами я благоговѣю,
 Но мыслью грустною смущень:
 Ищу, гдѣ памятникъ тотъ славный,
 Который былъ сооруженъ
 Другою волею державной, —
 Вашъ младшій братъ, тотъ храмъ наукъ,
 Который здѣсь задумалъ мирно
 Екатерины кроткій внукъ?
 Своей имперіи обширной
 Здѣсь онъ готовилъ новый свѣтъ
 Подъ кровомъ самаго престола,
 Чтобъ легче въ ней изгладить слѣдъ
 Невѣдѣнья и пропзвола.
 Гдѣ жъ этотъ храмъ, гдѣ нашъ лицей?
 Тамъ въ тишинѣ, вблизи въ природѣ
 Семья веселая друзей
 Росла и зрѣла на свободѣ.
 Какъ дружно мы, рука съ рукою,
 Шли къ предназначенной намъ цѣли!
 Какою любовію святой
 Мы всё къ прекрасному горѣли!
 Какъ вѣрный сынъ родной земли
 Хранить отцовскія сказанья,
 Мы какъ святыню берегли
 Лицея милая преданья,
 И въ нихъ, какъ дорогой завѣтъ,
 Сіялъ намъ образъ величавый:
 То былъ бессмертный нашъ поэтъ
 Въ лучахъ своей грядущей славы.
 Тамъ отрокомъ игралъ онъ, тамъ
 Онъ росъ какъ богатырь народный
 Не по годамъ, а по часамъ,
 А съ нимъ и стихъ его свободный.
 Подъ сѣнью тѣхъ садовъ густыхъ,
 Надъ тѣми свѣтлыми водами
 Впервые чудный этотъ стихъ
 Пропѣтъ былъ вѣщными устами.
 Казалось, тамъ, гдѣ нашъ поэтъ
 Прошелъ когда-то вдохновенный,
 Не исчезалъ горячій слѣдъ,
 Его ногой напечатлѣнный,
 И въ тайномъ шорохѣ аллей

Еще жило какъ будто эхо
Его пророческихъ рѣчей,
Его рябаческаго смѣха.

И что же? Тамъ гдѣ цвѣлъ лицей
И жизнью вишѣлъ когда-то,
Гдѣ намъ давно-минувшихъ дней
Воспомянанье было свято, —
Теперь и пусто и мертво:
Въ родныхъ стѣнахъ не сохранилось
Отъ жизни прежней ничего.
Тѣнь Александра омрачилась!
Среди дряхлѣющихъ дворцовъ
Забитый храмъ стоитъ уныло
Безъ алтаря и безъ жрецовъ,
Какъ бы скорбя о томъ, что *было!*

2.

ПАМЯТИ ПУШКИНА.

(Въ день пятидесятилѣтїя лица, 19 октября 1861 года)¹⁾.

Живемъ мы, дюжинные люди,
А генія давно ужъ нѣтъ,
И рвется тяжкій вздохъ изъ груди
При мысли о тебѣ, поэтъ!

Какъ скромный пиръ нашъ былъ бы громозъ,
Когда бъ тебя въ своемъ дому
Сегодня встрѣтилъ твой потомокъ
И руеу бъ ты пожалуй ему!

Но многіе ль на зовъ лица
И изъ товарищей твоихъ,
Душою снова молодѣя,
Сошлись въ память дней былыхъ?

О сколькихъ дѣдовъ, сколькихъ братій
Ужъ смерти ранній зовъ увлекъ
Изъ нашихъ дружескихъ объятій,
И сколькихъ жизненный потокъ!

¹⁾ Авторъ занималъ въ то время кафедру русской словесности въ Александровскомъ лицей. — Напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1861 г.

И повторимъ мы стихъ поэта:
 Кто не пришелъ? кого изъ насъ
 Увлекъ мертвящій холодъ свѣта?
 И чей умолкъ навѣки гласъ?

Онъ не пришелъ, пѣвецъ нашъ славный,
 На нашъ полустолѣтній пиръ,
 Чтобъ новой пѣснью заздравной
 Вдругъ огласить весь русскій миръ.

О, какъ бы шли ему сѣдны!
 Какъ былъ бы ясенъ и глубокъ
 Подъ ними взоръ его орлиный
 И строгихъ думъ полетъ высокъ!

Какъ въ нашу странную эпоху,
 Гдѣ вмѣстѣ съ жаждою добра
 Мы видимъ мыслей суматоху,
 Недостаетъ его пера!

Какъ онъ умѣлъ бы мѣткимъ словомъ
 То разъяснить благую цѣль,
 То въ пустозвонѣ безтолковомъ
 Щелчкомъ разсѣять блажь и хмель;

Смирить надменнаго невѣжду,
 Лжеца позоромъ заклеить,
 Иль у глупца отнять надежду
 Законы міра измѣнить.

И въ пробужденный духомъ вѣка
 Животрепещущій вопросъ:
 Раба возвысить въ человѣка —
 Какъ много свѣта онъ бы внесъ!

Но своенравенъ пылкій геній,
 И страсть, источникъ огневой
 Мятенныхъ сердца тревоженій,
 Грозилъ Пушкину бѣдой:

Властитель вдохновенный слова,
 Онъ съ жизнію не совладалъ,
 И отъ удара рокового
 Какъ дубъ, сраженный молнией, палъ.

Одною съ нимъ судьбой отмѣченъ
 Былъ имъ прославленный лицей:
 Онъ былъ, какъ ты, недолговѣченъ,
 Пѣвецъ его начальныхъ дней!

Другой лицей теперь пирует
Въ другихъ стѣнахъ; но помнить онъ
Все то, что прежній знаменуетъ;
Твоей онъ славой осѣненъ.

Благослови же, гость незримый,
Но здѣсь въ сердцахъ у всѣхъ живой,
Еще разъ твой лицей родимый,
И старый вмѣстѣ, и молодой!

Благослови, чтобъ цвѣлъ онъ сѣнью
Живой науки и труда,
Чтобъ скука съ праздностью и лѣнью
Ему осталася чужда;

Чтобъ старой жизни новой вѣтвью
Въ немъ молодежь для дѣлъ росла
И обновленному столѣтью
Плоды сторпцей принесла!

ПРИМѢЧАНІЯ, ДОПОЛНЕНІЯ, ПОПРАВКИ.

СТР.

1. Эта статья первоначально появилась въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1887 г.; самая же рѣчь, читанная мною въ лицей, напечатана, вмѣстѣ съ рѣчами гг. Жданова и Гаевского, въ лицейской брошюрѣ: *Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина*, Спб. 1887 г.
2. Въ то время Фотій Петр. Калининъ былъ, собственно говоря, гувернеромъ въ лицейскомъ пансіонѣ, но онъ училъ чистописанію и въ лицей.
3. Выражаясь точнѣе, Пешель былъ родомъ словакъ изъ Моравіи. Это происхожденіе отражалось въ его русской рѣчи: вмѣсто *кто*, напр., онъ всегда говорилъ *кто*.
- Слѣдовало бы по настоящему писать: *Вольховскій*.
6. О числѣ воспитанниковъ, поступившихъ въ лицей изъ московскаго университетскаго пансіона, а равно объ изданіи *Утренней Зари*, точнѣйшее свѣдѣніе см. на стр. 42.
7. Впрочемъ еще моложе Пушкина былъ баронъ Корфъ, родившійся 11 сентября 1800 г.; по словамъ же самого Модеста Андреевича, и онъ былъ не самымъ младшимъ.
20. Первоначально я, въ лицейской моей рѣчи (см. брошюру: *29 января 1887 года* и проч.), отнесъ было къ кн. Горчакову стихи:

А ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса,

согласно съ указаніемъ г. Ефремова въ глазуновскомъ изданіи Пушкина, но въ изданіи лит. фонда правдоподобнѣе объясненіе г. Морозова, что они относятся къ гр. Врольо. Едва ли могъ Пушкинъ назвать Горчакова повѣсою, тогда какъ это названіе очень шло къ Врольо, который сжигалъ послѣднимъ въ классѣ, какъ упомянуто въ одной изъ зачеркнутыхъ строфъ пьесы: *19-ое октябрь*^в (см. выше стр. 197).

Въ обращеніи къ Яковлеву, въ *Пирующихъ студентахъ*, третій стихъ:

«Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ»

требуетъ нѣкотораго объясненія.

стр.

По чтенію Анненкова, Геннадіи п. г. Ефремова, онъ напечатанъ въ такомъ видѣ:

«Съ тобой *тостуюсь* безъ чиновъ».

Въ изданіи же литературнаго фонда читаемъ:

«Съ тобой *тасуюсь* безъ чиновъ».

Разность эта произошла отъ того, что въ автографѣ, который недавно воспроизведенъ при брошюрѣ *29 января 1887*, изданной Александровскимъ лицеемъ, подчеркнутое слово написано неясно: въ немъ первая гласная болѣе походить на *о*, чѣмъ на *а*; а такъ какъ слова *тосуюсь* нѣтъ, то и пришлось отгадывать, что хотѣлъ сказать поэтъ. Слова *тостуюсь* также нѣтъ, но оно можетъ быть образовано, и въ значеніи *пью* съ кѣмъ-нибудь *тостъ*, или *чокаюсь*, было бы здѣсь уместно; слово *тасоваться* есть, но оно обыкновенно употребляется только въ примѣненіи къ картамъ: карта *затасовалась*, колода *истасовалась* (см. словарь Дала). Едва ли оно можетъ быть употреблено въ смыслѣ взаимнаго глагола, когда рѣчь идетъ о людяхъ. Впрочемъ предоставляю рѣшить этотъ вопросъ лицамъ, болѣе меня свѣдущимъ въ карточной терминологіи.

21. Передъ отъѣздомъ въ Москву на открытіе памятника Пушкину, именно 8-го мая 1880 г., я посѣтилъ князя Горчакова. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ; я засталъ его въ полулежачемъ положеніи на кушеткѣ или длинномъ креслѣ; ноги его и нижняя часть туловища были окутаны одѣяломъ. Онъ принялъ меня очень любезно, выразилъ сожалѣніе, что не можетъ быть на торжествѣ въ честь своего товарища, и прочитавъ на память большую часть посланія его «Пускай, не знаясь съ Аполлономъ», распространился о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину. Между прочимъ онъ говорилъ, что былъ для нашего поэта тѣмъ же, чѣмъ *la cuisinière de Molière* для славнаго комика, который ничего не выпускалъ въ свѣтъ не посовѣтовавшись съ нею; что онъ, князь, когда-то помѣшалъ Пушкину напечатать дурную поэму, разорвавъ три пѣсни ея; что заставилъ его выбросить изъ одной сцены *Бориса Годунова* слово *смоли*, которое тотъ хотѣлъ употребить изъ подражанія Шекспиру; что во время ссылки Пушкина въ Михайловское князь за него поручился псковскому губернатору ¹⁾... Перейдя потомъ къ политикѣ, онъ коснулся послѣдней турецкой войны и упомянулъ, что вовсе не хотѣлъ ея. Прощаясь со мной, онъ поручилъ мнѣ передать лицейстамъ, которые

¹⁾ Чтеніе *Бориса Годунова* и поручительство кн. Горчакова должны быть отнесены конечно къ тому времени, когда онъ случайно посѣтилъ Пушкина въ Михайловскомъ, именно къ сентябрю 1825 года. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 24 сентября поэтъ говорилъ: «Горчаковъ доставить тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Но въ стихотвореніи: 19 октября Пушкинъ великодушно забылъ холодность этого свиданія и помянулъ его прекрасною строфой, посвященной знатному товарищу (см. выше, стр. 202).

СТР.

будутъ присутствовать при открытіи памятника его знаменитому товарищу, какъ сочувствуетъ онъ оконченному такъ благополучно дѣлу и какъ ему жаль, что онъ лишень возможности принять участіе въ торжествѣ.

Отъ кн. Горчакова отправился я къ лицейскому товарищу его Комовскому, который хворалъ уже давно. Теперь онъ далъ мнѣ то же порученіе; оно было исполнено мною въ краткой рѣчи на обѣдѣ, данномъ московскою Думою.

Князь Горчаковъ и Комовскій были послѣдніе лицеисты перваго курса. Матюшкинъ умеръ въ 1872 г., графъ Корфъ въ 1876, Комовскій въ 1880, князь Горчаковъ въ 1883, — первые три въ Петербургѣ, послѣдній въ Ниццѣ.

Изъ воспитанниковъ втораго выпуска (1820) давно уже не было нѣкого въ живыхъ.

Изъ третьяго курса (1823) послѣднимъ былъ Д. Н. Замятинъ. На долю его выпалъ странный жребій умереть въ самый день 19 октября (1883) почти за обѣдомъ. Мы только-что встали изъ-за стола, когда онъ, сидя на диванѣ и разговаривая съ однимъ изъ товарищей (А. И. Крузенштерномъ), внезапно и незамѣтно уснулъ вѣчнымъ сномъ.

Невидимо склопяся и хладѣя,
Мы блзнимся къ началу своему:
Кому жъ изъ насъ подь старость день лица
Торжествовать придется одному?

24. По разсказу Матюшкина, Галичъ обыкновенно привозилъ съ собою на урокъ какую-нибудь полезную книгу, и заставлялъ при себѣ одного изъ воспитанниковъ читать ее вслухъ.
27. Въ стихѣ: «И къ Лилии куплетъ» заключается намекъ на стихотвореніе Дельвига къ *Лилей*, напечатанное въ *Росс. Музеумъ*, ч. I, стр. 266.
28. Замѣчаніе, что посланіе *Моему Аристарху* напечатано рядомъ съ посланіемъ къ Жуковскому, относится къ изданію Анненкова.
36. В. П. Гаевскій напечаталъ не три, а четыре статьи о Дельвигѣ.
- Когда я въ началѣ 1874 г. готовилъ для *Складчины* свою статью *Первенца Лицея*, то я обращался за справками къ графу Корфу и между прочимъ просилъ его просмотрѣть составленный И. Я. Сѣлезневымъ Очеркъ исторіи лицея. Вотъ главныя изъ замѣчаній, которыя М. А. Корфъ сообщилъ мнѣ на эту книгу:

«Стр. 142, 143. Упомянутый здѣсь молодой, но дѣйствительно даровитый (столько же, сколько и безобразный) живописецъ и литографъ былъ Лангеръ (2-го курса), уже давно умершій.

«Стр. 152. Старшій возрастъ никогда и ни въ чемъ не руководилъ младшимъ. При Энгельгардтѣ и даже прежде намъ не запрещалось заниматься въ нашихъ каморкахъ и въ другіе свободные часы, а въ управленіе Фролова мы тамъ и курили. Въ наше время у каж-

стр.

даго воспитанника былъ, въ тѣхъ же каморкахъ и свой отдѣльный умывальникъ.

«Стр. 157. Не помню, чтобы въ наше время отводился кому-нибудь особый столъ въ *классъ*, но въ *столовой* это случалось по временамъ, хотя тоже не часто.

«Стр. 165. Неправедливо, будто бы ни одинъ воспитанникъ не подвергался исключенію за проступки. Въ самые первые наши годы былъ исключенъ Гурьевъ, и насъ до конца оставалось и было выпущено всего 29.

«Стр. 169. Бакунинъ былъ не Алексѣй, а Александръ (Павловичъ).

«Стр. 174. Въ наше время никакихъ баракъ при лицѣѣ не было и не предполагалось.

Въ письмѣ, при которомъ графъ Корфъ доставилъ мнѣ эти замѣчанія, онъ слѣдующимъ образомъ отозвался о книгѣ г. Селезнева: «Въ ней, при всей официальнойности това и нѣкоторыхъ недостаткахъ редакціи, есть много дѣльнаго».

37. Доказательствомъ, какъ измѣнился взглядъ Кюшанскаго на авторство лицепостовъ, можетъ служить слѣдующая записка, при которой онъ въ 1827 году возвратилъ намъ (воспитанникамъ 6-го курса) переданный ему на просмотръ нашъ рукописный журналъ *Лицейскій Цвѣтникъ*:

«Хвала и честь пѣвцамъ лицея! Мечты юности возвращаютъ младость и старцу. Я чувствовалъ это, читая Лицейскій Цвѣтникъ, вспоминалъ бывшее, сравнивалъ прошедшее съ настоящимъ — и мнѣ казалось, что слышу первыя пѣсни лицея, звуки родины, голосъ праотцевъ, воскресшій въ любезныхъ потомкахъ, и самъ становился молодеже годами 18-ю.

«Друзья-поэты! Лицей есть храмъ Весны, въ которомъ не гаснетъ огонь поэзіи святой; онъ горитъ невидимо, и его питаетъ добрый гений (*Genius loci*)¹⁾. Кто молодъ и чувствителенъ, тому непростительно не быть поэтомъ.

«Благодаря за удовольствіе, внявъ, что имѣлъ слабость продлить его и упустилъ первый случай возвратить Цвѣтникъ. Теперь печатаю пакетъ въ ожиданіи первой и вѣрной руки, которая приметъ его отъ меня и доставитъ въ вѣрныя руки».

38. Не надо забывать, что статья эта писана за шесть лѣтъ передъ открытіемъ памятника Пушкину.

41. Журналъ *Встникъ* представляетъ самое эмбрионическое начало своихъ послѣдователей въ томъ же родѣ. Онъ весь или, по крайней мѣрѣ дошедшая до насъ часть его, заключается въ листѣ грубой бумаги, на которомъ разными почерками и самымъ безграмотнымъ языкомъ написано вѣсколько замѣтокъ соединившихся для этого ребяческаго предпріятія товарищей. Очевидно, что все это относится къ самой первой порѣ пребыванія молодыхъ людей въ лицѣѣ.

¹⁾ Намекъ на поставленный въ лицейскомъ саду памятникъ съ этою надписью.

стр.

48.

Еще нѣсколько подробностей о журналѣ *Лицейскій Мудрецъ*. Всѣ статьи въ немъ, не исключая и предувѣдомленія «къ читателямъ», написаны въ юмористическомъ тонѣ. Въ такомъ же родѣ и стихи, между которыми впрочемъ мало удачныхъ; это почти все посланія, эпиграммы, эпитафіи, шарады. Въ *Смѣси*, въ формѣ письма къ другу, рассказана ссора двухъ воспитанниковъ въ видѣ *борьбы двухъ монархій*; въ именахъ ихъ легко узнать фамиліи Кюхельбекера и Мясоѣдова. «Тебѣ извѣстно, говорится тутъ, что въ сосѣдствѣ у насъ находится длинная полоса земли, называемая *Бехелькюкеріада*, производящая великій торгъ мерзѣйшими стихами и, что еще страшнѣе, имѣющая страшнѣйшую артиллерію. Въ сосѣдствѣ сей монархіи находилось государство, называемое *Осло-Доясомъвъ*, которое извѣстно по значительному торгу лорнетами, цѣпочками и проч. Последняя монархія, желая унизить первую, напала съ великимъ крикомъ на провинцію Бехелькюкеріады, но зато сія послѣдняя отмстила ужаснѣйшимъ образомъ: она преслѣдовала непріятеля и, несмотря на всѣ усилія королевства *Рейема* [т. е. губернера Мейера], разбила его совершенно при мѣстечкахъ *Щекъ*, *Спинъ* и проч. и проч. Казалось, что снми пораженіями война кончилась; но въ книгѣ судебъ было написано, что еще должны были трепетать и зубы и ребра... Снова начались сраженія, но по большей части они кончились въ пользу королевства Осло-Доясомъва... Наконецъ вся Индія пришла въ движеніе, и съ трудомъ укротили бѣшенство сихъ двухъ монархій, столь долго возмущающихъ спокойствіе Индіи. Присовокупляю при семъ рисунокъ, въ которомъ каждая монархія является съ своими атрибутами».

Въ статейкѣ *Демонъ метроманіи и стихотворецъ Гезель*, въ видѣ разговора, осмѣивается Кюхельбекеръ и его страсть писать баллады, при чемъ выставляется его дурной русскій выговоръ:

«Демонъ. Слушай меня прплежнѣе.

«Гезель. Что ти хочешь?

«Демонъ. Я привезъ на хвосту тебѣ письмо изъ Дерпта; тамъ пишутъ, что студенты выжгли стекломъ глаза твоему собрату по стихамъ».

Подъ заглавіемъ *Лицейскія древности* приведена выписка, въ которой губернеръ Мейеръ жалуется на Дельвига и Данзаса за то, что первый за столомъ бросилъ большой кусокъ хлѣба въ тарелку послѣдняго, и когда наставникъ вмѣшался въ ихъ ссору, то они оба обошлись съ нимъ грубо.

Въ *Исповѣди* Мясожорова (т. е. Мясоѣдова), найденной въ бумагахъ умершаго священника, этотъ воспитанникъ представленъ глупымъ говоруномъ, любящимъ болтать по-французски, и ему приписанъ стихъ, приводимый въ извѣстномъ анекдотѣ:

«Блеснуть на западѣ румяный царь природы»;

СТР.

на что будто бы священникъ возражаетъ: «Ошпбка, ошибка: на востокъ, а не на западъ»: востекаю — оіог.

Стихи вообще плохи; но и между ними иное любопытно, напр. сатирическая пьеса подъ заглавіемъ *Мудрець*, которая такъ начинается:

На каедрѣ, надъ красными столами,
Вы книгу книгъ не видите ль, друзья?
Печально чуть скрипнѣть огромная доска,
И карты грустно воютъ надъ стѣнами;
На печкѣ дудка и вѣнецъ.
Восплачемте, друзья: могла
Пракъ мудреца навѣтъ сокрыла.
Бѣдный мудрець!

Главное содержаніе стиховъ, какъ и прозы, — шутки надъ то-варищами и наставниками; многое тутъ пошло и вовсе не остро, иное забавно.

Вотъ напримѣръ басня о двухъ ослахъ, изъ которыхъ одинъ, поднявшись на гору, хвалится этимъ, а другой, оставшись внизу, отвѣчаетъ ему:

Нѣтъ, оба мы ослы;
Вся разница лишь та межъ нами,
Что ты вскарабкался на высоты,
А я стою спокойно подъ горами.
Мой другъ, и межъ людьми увидишь то же ты:
Иной министръ, иной торгашъ гусинный,
Но часто умъ у нихъ одинъ — ослиный.

На это эпиграмма:

Марушевичъ объ ослахъ вдругъ басню сочиняетъ,
И басня хоть куды! но стрявнѣ ли услѣхъ?
Свой своего всѣхъ лучше знаетъ,
И слѣдственно напишетъ лучше всѣхъ!

Любимою мишенью эпиграммъ служить докторъ Пешель. Разные современные случаи, возбуждавшіе толки и рассказы, составляютъ содержаніе нѣсколькихъ попытокъ въ эпическомъ родѣ, напр. *На смерть Ситчикова* (сумасшедшаго купца), или *Сазоновіада* (по поводу убійствъ, совершенныхъ дядькою Сазоновымъ).

51—52 Лицейскій Благородный пансіонъ былъ первоначально един-
и ственнымъ разсадникомъ будущихъ лицестовъ. Въ этомъ пансіонѣ
77. и я прошелъ три низшіе класса. Въ январѣ 1823 г., когда мнѣ
только что минуло десять лѣтъ, я былъ отвезенъ туда моею ма-
терью. У меня до сихъ поръ живо сохраняется въ памяти впечат-
лѣніе, произведенное на меня тихимъ, пустыннымъ городкомъ. По

СТР.

въѣздѣ въ Царское дорога проходила подѣ обоими, такъ называемыми, Капризами, т. е. арками съ фантастическими башенками въ китайскомъ вкусѣ, соединяющими два обширные царскіе сада. По обѣ стороны дороги величественно тянулись покрытыя снѣгомъ деревья и аллеи съ изящными бесѣдками и мостиками. Мы прежде всего посѣтили Е. А. Энгельгардта, который жилъ въ директорскомъ домѣ противъ зданія лицея: онъ помогъ матери моей помѣстить меня въ пансіонъ на казенный счетъ, и это послужило поводомъ къ нашему посѣщенію. Энгельгардтъ обладалъ и ободрилъ меня, насколько можно было ободрить мальчика, который въ первый разъ покидал родительскій домъ, и вѣдугъ долженъ былъ очутиться посреди совершенно чуждыхъ ему людей. Оттуда мы поѣхали въ Софію, пынче составляющую одно цѣлое съ Царскимъ, но тогда особый городокъ, построенный Екатериною II съ тайною мечтою объ осуществленіи Греческаго проекта, на что намекають находящійся тутъ Софійскій соборъ и рядъ зданій, стоящихъ въ видѣ декораціи и напоминающихъ Константинополь, а противъ нихъ, въ дворцовомъ саду, высится руина, изображающая собою паденіе Оттоманской Порты. Въ этомъ-то городкѣ, со стороны Царскаго Села, были и два большія рядомъ стоящія зданія лицейскаго пансіона съ обширными полями, которыми воспитанники могли пользоваться въ часы отдыха. Этотъ пансіонъ существовалъ до 1829 г., когда былъ закрытъ послѣ посѣщенія его императоромъ Николаемъ, который остался очень недоволенъ видомъ воспитанниковъ. Приѣхавъ прямо отсюда вмѣстѣ съ императрицей въ лицей, онъ, входя въ нашъ классъ, обратился къ ея величеству и громко произнесъ: «Regardez ces jeunes gens: comme ils ont bonne mine en comparaison des pensionnaires!» У насъ шелъ тогда урокъ вѣмецкой литературы; профессоръ Олива только что написалъ на доскѣ крупными буквами: Aufklärung überhaupt. Государь, ставъ передъ доской, громкогласно прочелъ эти слова и велѣлъ намъ сѣсть, положивъ руку мѣтъ на плечо (такъ какъ я занималъ крайнюю скамью близъ входа), и нѣсколько минутъ, въ самомъ ясномъ настроеніи духа, присутствовалъ при урокѣ. Послѣдствіемъ этого посѣщенія было, какъ я уже замѣтилъ, закрытіе пансіона; вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено было тогда же выпустить изъ нашего курса тѣхъ воспитанниковъ, которые желали поступить въ военную службу, съ тѣмъ чтобы впредь всѣ выходили только въ службу гражданскую. На этомъ основаніи, въ 1829 г., и вышли изъ младшаго курса лицея товарищи мои: Гардеръ, Соллогубъ и графъ Ожаровскій, а на мѣсто ихъ поступили: Комовскій (братъ Сергѣя), графъ Коновницынъ и Похвисневъ. Послѣ нашего выпуска, въ 1832, характеръ стараго лицея совершенно измѣнился, вслѣдствіе увеличенія числа воспитанниковъ до 120 и замѣны двухъ курсовъ четырьмя классами, съ переводомъ изъ одного въ другой, чрезъ каждые полтора года, не всѣхъ къ нему принадлежащихъ (какъ было при существованіи двухъ курсовъ), а

СТР.

только достойныхъ повышенія. Нынѣ лицей состоитъ уже, подобно существовавшему до 1829 г. лицейскому пансіону, изъ шести классовъ.

53. Вм. Дворянскаго корпуса читай: Дворянскаго Полка (название корпуса).

53: У внука Энгельгардта, барона Ө. Ром. Остенъ-Сакена, хранится большая алфавитная книга in-folio въ кожаномъ переплетѣ, въ которую знаменитый директоръ лицея, передъ разлукою съ воспитанниками первыхъ трехъ выпусковъ, просилъ ихъ вписывать ему на память что кому вздумается. Почти всѣ выражаютъ тутъ болѣе или менѣе краснорѣчиво свою благодарность Егору Антоновичу за его отеческія попеченія, а супругъ его и всему семейству за радушіе и ласки. Нѣкоторые прощаются въ стихахъ, иные пишутъ по-французски, иные — напр. Матюшкинъ, — по-нѣмецки ¹⁾. Есть и такіе, которые заносятъ только свое имя и фамилію.

Первая изъ страницъ на бузвѣ П начинается слѣдующими строками Пушкина, которыя передаю со всею точностью:

«Приятно мнѣ думать что, увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между именами молодыхъ людей, которые обязаны вамъ счастливейшимъ годомъ жизни ихъ, вы скажете: въ Лицѣе небыло неблагодарныхъ.

Александръ Пушкинъ».

Чтобы дать понятіе объ общемъ характерѣ прочихъ замѣтокъ, выпишу то, что далѣе слѣдуетъ на той же страницѣ:

«Оставляя *Лицей*, сей гостепріимный кровъ, гдѣ, среди тишины и безпечности, наслаждался молодою жизнію, я съѣху изъяснить живое, непритворное чувство благодарности за ваши обо мнѣ незабвенныя попеченія. — Благодарность есть память сердца. — Мелькнутъ два, три мѣсяца, и питомцы Лицея будутъ разбросаны судьбою по всѣмъ дорогамъ міра; но будьте увѣрены, Егоръ Антоновичъ, что мы, подобно Іудеямъ, станемъ душою всегда стремиться къ своему *Иерусалиму* и среди шума откровенной Дружбы, и въ волненіи гордыхъ думъ!! — —

1820, 24 мая.

И. Познякъ».

«Николай Пащенко.

1823 года

27 ноября».

Эта послѣдняя подпись принадлежитъ воспитаннику третьяго курса: зимой 1823 года Энгельгардтъ прощался съ лицеистами по случаю увольненія его отъ должности директора (см. выше, стр. 132).

За сообщеніе мнѣ этого интереснаго альбома приношу мою

¹⁾ Онъ родился въ Штутгартѣ (см. выше, стр. 99). Подъ его подписью, внизу страницы, нарисованъ акварелью корабль съ распущенными парусами.

СТР.

благодарность многоуважаемому Федору Романовичу, отецъ котораго былъ женатъ на дочери Егора Антоновича.

70. По словамъ покойнаго Н. М. Орлова, услуга, которую меньшей изъ братьевъ Раевскихъ оказалъ Пушкину, состояла, вѣроятно, въ ссудѣ ему денегъ для уплаты карточного долга. Много рассказывала мнѣ Кат. Ник. Орлова объ отцѣ своемъ Ник. Ник. Раевскомъ и о своемъ мужѣ Мих. Федор. Орловѣ. Сообщу здѣсь то, что было записано мною съ ея словъ. Вѣроятно, тутъ найдутся неточности, но тѣмъ не менѣе ея рассказъ не можетъ быть лишень интереса, хотя бы только какъ матеріаль для исполнѣнъ удовлетворительныхъ свѣдѣній.

Н. Н. родился въ 1771 г. во время московской чумы. Мать его была сестра А. Н. Самойлова, женатаго на сестрѣ Потемкина. Н. Н. былъ еще ребенкомъ, когда умеръ его отецъ въ вдова вышла замужъ за Давыдова. Молодой Раевскій, записанный Потемкинымъ въ казакъ, участвовалъ во второй турецкой войнѣ. Онъ былъ очень добрый христіанинъ, хотя и рѣдко ходилъ въ церковь; по своей добротѣ и великодушію онъ на своемъ вѣку простилъ много оскорбленій. Образование свое почерпнулъ онъ преимущественно изъ чтенія. Первою книгой, произведшей на него сильное впечатлѣніе, былъ *Эмиль* Руссо; впоследствии и прочіе извѣстнѣйшіе писатели того времени были имъ прочтаны. У него была хорошая бібліотека. Извѣстно, что онъ въ 12-мъ году взялъ двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ въ походъ. Въ сраженіи при Дашковѣ у младшаго была прострѣлена пода скрутка. «А знаешь ли, спросилъ его отецъ, для чего я бралъ васъ съ собою?» — Чтобы выѣтъ умереть, отвѣчалъ мальчишъ. (О достовѣрности этого анекдота см. впрочемъ рассказъ самого Раевского въ *Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова*, Спб. 1887, т. II, стр. 328).

Сынъ его Александръ Ник. отличался удивительною проницательностью: года за два до событій 1848 г., онъ предсказалъ судьбу Людовика Филиппа и ходъ послѣдующей исторіи Франціи.

Мужъ Катерины Николаевны, Михаилъ Фед. Орловъ, участвовалъ, при Аустерлицѣ, въ истребленіи французскаго отряда и за это дѣло былъ произведенъ изъ унтеръ-офицеровъ въ офицеры. Рассказъ, будто онъ заплакалъ, узнавъ объ исходѣ всего сраженія, не имѣетъ основанія. Въ 1812 г. онъ состоялъ при Толлѣ; при занятіи одной позиціи между Смоленскомъ и Бородиномъ, когда приказано было только задержать непріятеля, чтобы Багратионъ могъ соединиться съ главной арміей, Орловъ въ выборѣ мѣста поступилъ противъ предписанія Барклая. Барклай сдѣлалъ ему замѣчаніе, но Орловъ смѣло отвѣчалъ, что по его мнѣнію такъ лучше. Барклай спросилъ его фамилію и не только не разсердился, но съ этихъ поръ сталъ оказывать ему особенное довѣріе. Затѣмъ Орловъ овладѣлъ Вереей и получилъ Георгія, занялъ Дрезденъ, взялъ штурмомъ Магдебургъ, а въ лейпцигскомъ сраженіи спасъ два австрійскіе баталіона и за это былъ награжденъ титломъ австрійскаго барона.

стр.

Впослѣдствіи, въ 16-й дивизіи на югѣ Россіи происходила безпорядки; въ нее сослали провинившихся, и потому неудивительно, что изъ нея безпрестанно случались побѣги въ Турцію, къ некрайностямъ. Для возстановленія порядка въ эту дивизію былъ назначенъ Орловъ. Онъ началъ съ того, что переимѣнилъ обращеніе съ солдатами, отиѣнилъ тѣлесныя наказанія, ввелъ взаимное обученіе: въ короткое время число дезертировъ значительно уменьшилось. Но этимъ онъ надѣлалъ себѣ враговъ; главнымъ изъ нихъ былъ Сабанѣевъ, сынъ котораго былъ имъ удаленъ за несогласный съ новыми мѣрами образъ дѣйствій. Началась Сабанѣевская исторія, и Орловъ пострадалъ (см. П. И. Бартенева *Пушкинъ въ южной Россіи*, стр. 52).

Преданіе о татарахъ, рассказывавшихъ будто бы о соловѣѣ, который прилеталъ въ Юрзуфъ пѣть съ Пушкинымъ и исчезъ послѣ его смерти, по словамъ Екатерины Николаевны, не можетъ имѣть основанія уже потому, что татары Пушкина не видали.

70. Относительно взглядовъ графа Корфа на Пушкина см. подстрочное примѣчаніе, помѣщенное мною при записѣхъ Модеста Андреевича.

90. Слухи о предположеніи перевести лицей въ Петербургъ стали часто возобновляться, особенно со вступленія на престолъ императора Николая. Участіе двухъ лицепетовъ въ заговорѣ 14-го декабря бросало нѣкоторую тѣнь на это заведеніе, и причину вреднаго будто бы направленія его видѣли въ исключительномъ и изолированномъ его положеніи. Въ мое время молва о переводѣ лицей очень тревожила воспитанниковъ, которые всѣ дорожили его стариной. По временамъ на мраморной доскѣ Genio loci ¹⁾ появлялись писанныя карандашомъ предостереженія, напр.:

Лицей! твое паденіе близко:
Не падай слишкомъ низко!

Наконецъ въ 1844 году давно предсказываемое переимѣненіе лицей состоялось. До сихъ поръ еще положительно не разслѣдованы причины этого событія. Современники его рассказываютъ, что ближайшій поводъ подалъ занимавшій много лѣтъ должность управляющаго Царскимъ Селомъ генералъ Захаржевскій, который давно недолгоблывалъ лицепетовъ. Говорятъ, что послѣ крещенія покойнаго государя наследника Николая Александровича, Захаржевскій воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что для всѣхъ приглашенныхъ лицъ высочайшаго Двора не достало мѣста въ дворцовыхъ зданіяхъ,

¹⁾ Это былъ дерновый памятникъ кубической формы, поставленный, какъ гласило преданіе, Энгельгардтомъ еще при 1-мъ курсѣ, и считавшійся какъ бы палладіумомъ лицей. На бѣлой мраморной доскѣ читалась вырѣзанная позолоченными буквами надпись Genio loci (см. выше, стр. 283).

СТР.

и представилъ, что на будущее время необходимо расширить помещенія на такіе торжественные случаи, а для этого нельзя обойтись безъ флигеля, занимаемаго лицеемъ. Главный начальникъ этого заведенія, великій князь Михаилъ Павловичъ, въ то время отсутствовалъ и дѣло уладилось безъ затрудненій: въ зданіи лицея были устроены комнаты для приѣма лицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко Двору.

99. Отмѣченный Иллчевскимъ характеръ отношеній между лицеистами 1-го курса и ихъ наставниками наглядно обрисовывается слѣдующимъ письмомъ гувернера Чирикова къ воспитаннику Комовскому, отъ 6-го сентября 1814 года. Чириковъ въ то время находился въ Петербургѣ для лѣченія глазъ.

«Любезный Сергѣй Дмитріевичъ.

«Встревоженный вашимъ письмомъ, полученнымъ мною 26 августа, я посидѣвши на другой день къ вашимъ родителямъ, нашелъ ихъ въ добромъ здоровьѣ и вручилъ отъ васъ письмо, писанное вами 10 августа, котораго, по причинѣ безвыходнаго пребыванія моего въ горницѣ, прежде вручить имъ не могъ. Батюшка вашъ увѣдомилъ меня что въ прошедшее воскресенье былъ въ лицей, что вы находитесь здоровы и пр. и пр. Мнѣ весьма жаль что никакого не получаю извѣстія въ разсужденіи моего здѣсь долгаго пребыванія, т. е. мнѣ бы хотѣлось знать не гнѣвается ли на меня Степанъ Степановичъ¹⁾ и какого онъ о мнѣ по сему обстоятельству мнѣнія... даже и Комочикъ²⁾ меня о семъ при всей своей откровенности до сего времени не увѣдомилъ.

«Я время провождаю здѣсь въ большой скукѣ: заниматься ничѣмъ не могу, словомъ, я бы крайне желалъ поскорѣе оставить Петербургъ и возвратиться къ моей должности. Глаза мои слава Богу лучше, но все слабы и я думаю что и по пріѣздѣ моемъ въ Лицей, не вдругъ примусь я за труды.

«Въ минуты, въ кои съ вами я бесѣдую, бесѣдую также съ Фотіемъ Петровичемъ³⁾ и Алексѣемъ Николаевичемъ⁴⁾ и минуты сіи для меня весьма пріятны, говоримъ о васъ и пр. и пр. Но извините, мы цдемъ всѣ трое въ Академію Художествъ смотрѣть различныя произведенія любителей художествъ. Жаль, весьма жаль, что васъ съ нами нѣтъ. Прощайте.

«Увѣдомьте Федора Федоровича⁵⁾, что я нигдѣ не нашелъ такого ножа, какой ему угоденъ: всѣ тѣ кои я видѣлъ у Бурапцова и у прочихъ продавцовъ, всѣ тѣ, повторяю, ножи безъ шиль, и я съ прискорбіемъ возвратился домой.

«Кланяйтесь пожалуйста отъ меня любезнымъ вашимъ товарищамъ еп. Ал. Мих. Горчакову, Вл. Дм. Вольховскому, Сем. Сем. Есакову,

1) Фроловъ, инспекторъ, исправлявшій временно должность директора.

2) Т. е. самъ Комовскій.

3) Калининъ, учителемъ чистописанія и гувернеромъ.

4) Неизвѣстнымъ лицомъ.

5) Матюшкина.

СТР.

Арх. Ив. Мартынову, Матюшенину и пр.—Илличевскому, Пушину и Малиновскому и пр. скажите или лучше извините меня предъ ними что я никому изъ нихъ особенно не писалъ: мнѣ по слабости глазъ мовхъ опасно.

«Съ любовію къ вамъ пребываю
вашъ усердный Чириковъ.»

«Р. С. На будущей недѣлѣ я буду имѣть удовольствіе васъ лично видѣть и потому вамъ надобности нѣтъ въ адресѣ».

Тѣмъ же характеромъ отличались и въ мое время отношенія Чирикова къ воспитанникамъ. Передъ нашимъ выпускомъ (1832), не помню уже по какому поводу, вздумалось ему вучить насъ пѣть хоромъ разныя старинныя аріи, особенно изъ оперы Екатерины II: *Горе-богатырь*, которая славилась въ дни его молодости. Много было смѣху, когда мы вслѣдъ за нимъ съ большою энергіей затыгивали такія пѣсенки изъ этой оперы, какъ напр.:

На вхождѣѣ їду буромъ
Въ пушистой шапочкѣ своей.—
А я тащуся на кауромъ
Вослѣдъ за милостью твоей.

Сладимъ пѣсенку въ дорогу
Нашей смѣлости въ подмогу,
Чтобъ въ насъ храбрость не уныла
И горячпость не остыла...

С. Д. Комовскій не занималъ особенно виднаго мѣста въ кругу лицействоъ 1-го курса, но изъ добрыхъ его отношеній къ товарищамъ, обнаруживающихся въ его перепискѣ съ ними, можно заключить, что это былъ человекъ вполне достойный уваженія. Сохранившаяся о немъ лицейская аттестація гласить: «Благонравенъ, поскрененъ, чувствителенъ, вѣжливъ, ревнителенъ къ своей пользѣ, пристрастенъ ко всѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ. Любопытство, чистота, опрятность, бережливость и насмѣшливость суть особенныя его свойства».

Пушкинъ въ своихъ стихахъ только разъ упоминаетъ объ этомъ товарищѣ, именно въ строфѣ, которая повидимому предназначалась въ пьесу: *19-е октября* (1825), но не вошла въ составъ ея:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ Брольо былъ отваженъ, силенъ же,
Комовскій же проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой.
Гдѣ вы, лѣта забавы молодой!

СТР.

Подъ копіей этихъ стиховъ замѣтка Комовскаго: «Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Инзовѣ штабъ-офицера Алексѣева, на квартирѣ коего жилъ (одно время) нашъ поэтъ во время ссылки на югъ».

Карьера Камовскаго по выходѣ изъ лицея была очень скромная. Сначала онъ служилъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, а потомъ занималъ въ Смольномъ монастырѣ секретарскую должность, которою кажется и кончилось его служебное поприще. Оставивъ ее еще въ 50-хъ годахъ, онъ прожилъ много лѣтъ въ отставкѣ и умеръ 8-го іюля 1880 года.

На лицейскомъ обѣдѣ 1875 года и потомъ незадолго передъ смертію онъ передалъ мнѣ небольшое собраніе бумагъ, относящихся къ старинѣ царскосельскаго лицея. Тутъ я нашелъ между прочимъ тетрадку дневника, веденнаго имъ въ годы воспитанія. Въ этихъ запискахъ онъ является молодымъ человѣкомъ очень добросовѣстнымъ, набожнымъ, искренно стремящимся къ самоусовершенствованію. Мы знаемъ, что въ лицейъ этого времени не онъ одинъ велъ записки: до насъ дошли остатки подобныхъ замѣтокъ, которыя набрасывалъ Пушкинъ; изъ записокъ Матюшкина приведены мною въ своемъ мѣстѣ (см. стр. 103) отрывки. Обычность этого занятія у первыхъ лицестовъ заставляеть думать, что мысль о немъ была внушена имъ кѣмъ-нибудь изъ ихъ наставниковъ, — можетъ быть, Малиновскимъ, Куницынымъ, Пилецкимъ или Энгельгардтомъ?

Приведенная выше аттестація о Комовскомъ заимствована мною изъ списка, на которомъ его рукою переписаны также аттестаціи нѣкоторымъ изъ его товарищей съ отмѣткою «Изъ записокъ наставника Чачкова¹⁾, 30 сентября 1813 года». Вотъ эти отрывки:

Князь А. Горчаковъ: «благоразуменъ, благороденъ въ поступкахъ; любить крайне ученіе, опрятенъ, вѣжливъ, усерденъ, чувствителенъ, кротокъ; отличительныя свойства его: самолюбіе, ревность къ пользѣ и чести своей, великодушіе».

Баронъ М. Корфъ: «скрытенъ, самолюбивъ и самонадѣянъ, вѣжливъ, кротокъ, усерденъ, опрятенъ и прилеженъ»²⁾.

Ө. Матюшкинъ: «вспыльчивъ, откровененъ, весьма чувствителенъ, вѣжливъ, усерденъ, признателенъ, опрятенъ, бережливъ и весьма прилеженъ».

И. Малиновскій: «добросердеченъ и отъ вспыльчивости всѣми мѣрами старается воздерживаться, скромненъ, бережливъ, вѣжливъ, опрятенъ и весьма любить чтеніе».

А. Пушкинъ: «легкомысленъ, вѣтренъ, неопрятенъ, нерадивъ;

¹⁾ Вас. Вас. Чачковъ былъ въ 1814 году короткое время инспекторомъ лицея.

²⁾ Ср. выше стр. 116.

стр.

впрочемъ добродушень, усердень, учтивъ, имѣеть особенную страсть къ поэзіи»¹⁾).

99. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни Матюшкина я встрѣтился съ нимъ у графа Корфа въ Царскомъ Селѣ. Послѣ обѣда онъ пошелъ со мной гулять по старому саду и, передавъ мнѣ многое изъ своихъ воспоминаній, между прочимъ показалъ мѣсто *розового поля*, упомянутого мною здѣсь на стр. 44. Передъ выпускомъ изъ лицея онъ составилъ два сборника: въ одну тетрадь переписалъ всѣ ненапечатанные стихи лицейскихъ товарищей, въ другую — помѣщенные въ разныхъ журналахъ. Эти двѣ тетради, вмѣстѣ съ другими лицейскими бумагами (архивомъ перваго курса), хранились у Яковлева. За нѣсколько дней до 14-го декабря Пушкинъ выпросилъ у него и взялъ къ себѣ на домъ сколько могъ забрать. Дней черезъ десять, при обыскѣ квартиры Пушкина, всѣ эти бумаги были отобраны и остались, какъ думалъ Матюшкинъ, въ архивѣ судной комиссіи.

Въ лицей Пушкинъ былъ всего дружнѣе съ Пущиннымъ и Малиновскимъ; послѣ лицея — съ Матюшкинымъ и Яковлевымъ. Въ ноябрѣ 1836 г., Пушкинъ вмѣстѣ съ Матюшкинымъ былъ у Яковлева, въ день его рожденія; еще тутъ былъ князь Эристовъ, воспитанникъ втораго курса, и больше никого. Пушкинъ явился послѣднимъ и былъ въ большомъ волненіи. Послѣ обѣда они пили шампанское. Вдругъ Пушкинъ вынимаетъ изъ кармана полученное имъ анонимное письмо, и говоритъ: «Посмотрите, какую мерзость я получилъ»²⁾. Яковлевъ (директоръ типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. В. канцеляріи) тотчасъ обратилъ вниманіе на бумагу этого письма и рѣшилъ, что она иностранная и, по высокой пошлинѣ, наложенной на такую бумагу, должна принадлежать какому-нибудь посольству. Пушкинъ понялъ всю важность этого указанія, сталъ дѣлать розыски и убѣдился, что это бумага голландскаго посольства.

По разсказу Матюшкина, Дантесъ былъ сынъ сестры Гекерена и Голландскаго короля, усмновленный богатимъ дядей. Гекеренъ не могъ простить Пушкину, что онъ такъ круто повернулъ женитьбу Дантеса на своей своячинницѣ. Это было такъ: Пушкинъ, возвратясь откуда-то домой, находитъ Дантеса у ногъ своей жены. Дантесъ, увидя его, поспѣшно всталъ. На вопросъ Пушкина, что это значить, Дантесъ отвѣчаетъ, что онъ умолялъ Наталью Николаевну

¹⁾ Въ «Историч. очеркѣ лицея» г. Селезнева (прилож., стр. 14) эта аттестація, равно какъ и помѣщенная выше о Пушкинѣ, приписана гувернеру Чирикову.

²⁾ Вотъ его содержаніе: «Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du Sérénissime Ordre des Cocus, réunis en Grand Chapitre sous la présidence du vénérable Grand Maître de l'Ordre S. E. D. L. Narichkine, ont nommé à l'unanimité M. Al. Pouchkine coadjuteur du Grand Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre». Подписано: «Le secrétaire perpétuel C-te J. В.».

СТР.

уговорить сестру свою идти за него. На это Пушкинъ сухо замѣтилъ, что тутъ не о чемъ умолять, что ничего нѣтъ легче: онъ звонить, приказываетъ вошедшему человѣку позвать Катерину Николаевну и говоритъ ей: «Voilà M. Dantès qui demande ta main, согласна ли ты?» Затѣмъ Пушкинъ прибавляетъ, что онъ тотчасъ же испроситъ на этотъ бракъ разрѣшеніе императрицы (К. Н. была фрейлина), ѣдетъ во дворецъ и привозитъ это разрѣшеніе.

Изъ своихъ лицейскихъ воспоминаній Матюшенинъ передавалъ мнѣ между прочимъ, что одною изъ главныхъ причинъ ускореннаго выпуска лицействоваго перваго курса былъ извѣстный эпизодъ встрѣчи Пушкина, въ дворцовомъ коридорѣ, съ княжною Волконскою, которую онъ принялъ за горничную¹⁾. Узнавъ объ этой шалости, государь прогнѣвался и замѣтилъ Энгельгардту, что лицейсты черезчуръ много себя позволяютъ и что надо скорѣй ихъ выпустить.

102. Имя лицейскаго учителя музыки написано Матюшенинымъ неверно: его звали Террер de Ferguson. См. выше въ приложеніяхъ (стр. 268) замѣтку о немъ графа Корфа и ниже рассказъ Плетнева.

108. По отпечатаніи примѣчанія къ статьѣ «Лицейскія годовщины», въ бумагахъ моихъ отыскались и стихи, написанные при празднованіи 19-го октября въ 1822 и 1824 г.

Къ первому относится весьма плохой экспромтъ Илличевскаго въ трехъ еушетахъ, изъ которыхъ выписываю только средній, немало лучше другихъ удавшійся:

Здѣсь всё мы: изъ Литвы, Сибири,
Изъ-за Бухаріи степей,
Такъ нынѣ на моей квартирѣ
Возобновляется лицей.

На другой странницѣ полулиста написаны карандашомъ, рукою Яковлева, экспромтъ Дельвига по поводу этихъ стиховъ:

Что Илличевскій не въ Сибири,
Съ шампанскимъ жажетъ намъ бокаль.
Ура, друзья! въ его квартирѣ
Для насъ воскресъ лицейскій залъ.
Какъ пѣсни пѣть не позабыли
Лицейскаго мы *Мудреца*,
Дай Богъ, чтобъ такъ же сохранили
Мы скотобратскія сердца²⁾.

¹⁾ Рассказъ объ этомъ см. въ «Запискахъ И. И. Пущина» въ *Атеней* 1859 г., № 8, стр. 520—521.

²⁾ Объясненіе этого выраженія см. выше, стр. 109.

стр.

Куплеты на 19-е октября 1824 г. сочинены Дельвигомъ же, и переписаны на особой четвертушкѣ опять Яковлевымъ:

Семь лѣтъ пролетѣли, но, Дружба,
Ты та же у старыхъ друзей:
Все любишь лицейскія пѣсни,
Все сердцу твердишь про лицей.
Останься жъ вѣкъ нашей хозяйкой
И долго въ сей день собирай
Друзей, не старѣющихъ сердцемъ,
И пѣть старину вспомянай!

111. Съ 60-хъ годовъ на празднованіе лицейской годовщины собирались обѣдать оставшіеся въ живыхъ наличные воспитанники первыхъ семи курсовъ (такъ какъ 7-й былъ послѣднимъ, при которомъ еще сохранялись первоначальные лицейскіе порядки). Въ этихъ обѣдахъ участвовали также немногіе изъ бывшихъ воспитанниковъ лицейскаго пансіона. Въ качествѣ гостей приглашались пережившіе своихъ товарищей лиценсты 1-го курса: Корфъ и Матюшкинъ, а позднѣе и Комовскій. Въ 1872 году на такомъ обѣдѣ зашла рѣчь о номерахъ комнатъ, которыя въ лицей принадлежали товарищамъ Пушкина. Никто не помнилъ ихъ. На другой день Комовскій написалъ о томъ Малиновскому, спрашивая, не поможетъ ли въ этомъ случаѣ его память. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ ему письмомъ отъ 19 ноября изъ села Каменна (Харьк. губ.): «Насъ въ лицей было 30, векорѣ стало 29, а номеровъ было 50, и вотъ, сколько припомню, какъ ихъ занимали: № 6 Юдинъ, 7 Малиновскій, 8 Корфъ, 9 Ржевскій, 10 Стевень, 11 Вальховскій, 12 Матюшкинъ, 13 Пущинъ, 14 Пущинъ, 15 Саврасовъ, 16 Гревеницъ, 17 Иличевскій, 18 Масловъ, 19 Корниловъ, 20 Ломоносовъ, — всѣ они ко дворцу, а въ ограду¹⁾: 29 Давзасъ, 30 Горчаковъ, 31 Брольо, 32 Тырковъ, 33 Дельвигъ, 34 Мартыновъ, 35 Комовскій, 36 Костенскій, 37 Есаковъ, 38 Кюхельбекеръ, 39 Яковлевъ, 40 Гурьевъ²⁾, 41 Мясоѣдовъ, 42 Бакушинъ, 43 Корсаковъ. Этихъ (т. е. послѣднихъ) номеровъ за давностью шестьдесятъ-одного года не помню. Потомъ насъ переиѣстили, когда изъ пансіона перевели во 2-й курсъ двадцать одного ученика, и только помню, что № 1 былъ мой. Вотъ тебѣ отвѣтъ на твое письмо отъ 20 октября о номерахъ: такъ и вижу ихъ надъ дверьми и на лѣвой сторонѣ воротника шинелей на квадратной тряпочкѣ чернилами.

«А помнишь ли ты, что въ двѣнадцатомъ году мы 26-го августа представляли ратниковъ съ вывороченными шинелями и пѣли:

Мы монарха прославляемъ,
Счастья нашего творца,

¹⁾ Т. е. въ лицейскій садъ, окруженный оградой.

²⁾ Въ подлинномъ письмѣ при этомъ номерѣ имя пропущено.

стр.

Въ день сей славный величаемъ
 Покровителя-отца!
 Слався, Александръ, на тронѣ,
 Слався, добрый государь!

«Какой ты христіанской души человѣкъ, а еще столичный: помпши усопшихъ! Ты у меня первый по нравственно-христіанскому направленію изъ насъ четырехъ Богомъ хранимыхъ. Мой свѣтъ передастъ тебѣ лично, насколько ты мнѣ, 77-ми лѣтнему, отрада. Надо бы намъ съ тобою съѣхаться: чего-то бы мы не расшевелили изъ старинны! а не слѣдовало бы, по пословицѣ: «не выноси сора изъ избы», передавать иное въ журналы печатью; помнится, было въ какомъ-то номерѣ послѣднихъ годовъ Современника не подлежащее.

«Прости, мой другъ, долженъ кончить: ѣду надавить всѣ пружины къ преодоленію неправды, хотя въ чужомъ дѣлѣ; эта страсть съ офицерства росла во мнѣ съ годами. Уже поднялъ два дѣла туда — къ вамъ.

«Сейчасъ поручилъ составить списокъ нуждающимся крестьянамъ, а нищихъ у насъ нѣтъ, и раздамъ имъ изъ собираемаго капитала, при отпискѣ имъ отъ каждаго робера въ ералашь по 4; играемъ по $\frac{1}{4}$ коп.; за карты новыя вычитается, а игравныя долго намъ служить. Заведи-ка и ты это: съ міру по нитѣ, бѣдному рубаха. И больные приняты въ уваженіе, сторонніе не исключаются изъ помощи, а въ особенности переселенцы, живущіе на большой дорогѣ. Храни тебя Богъ.

«Тебѣ признательный
 Иванъ Малиновскій».

111. Записка Яковлева о предложеніи Энгельгардта соединить три курса для празднованія 19-го октября была сообщена и графу Корфу. Отвѣтъ его былъ совершенно противоположенъ пушквинскому. Вотъ что онъ писалъ: «Во 1-хъ, совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, что *нѣтъ причины* отказаться отъ соединенія трехъ выпусковъ, и во 2-хъ, долженъ сознаться, что это будетъ вѣрно несравненно *веселѣе*: всѣ мы люди знакомые; веселиться одинъ другому не будемъ мѣшать; аппетита другъ у друга не отнимемъ; лицейскія воспоминанія между нами всѣми могутъ быть также живы и *громки*, а о другомъ, постороннемъ, едва ли тутъ кто и затѣетъ говорить, да кажется, и лѣта наши ужъ не тѣ, чтобы опасаться имѣть при нашемъ разговорѣ свидѣтелей. Между тѣмъ, какъ насъ будетъ гораздо больше, то при томъ же взносовъ мы можемъ чѣмъ-нибудь приправить нашъ праздникъ и придать ему побольше поэзіи: напримеръ, позвать къ обѣду музыку. Я бы даже пригласилъ и старожилковъ нашихъ: Кайданова, Пешеля, Чприкова. Итакъ я съ моей стороны совершенно согласенъ съ предложеніемъ

СТР.

Энгельгардта; но какъ тутъ дѣло не въ моемъ личномъ, а въ *общемъ* мнѣніи, то кажется, всего бы лучше собрать голоса и рѣшить большинствомъ, которому я охотно повинуюсь, хотя бы оно было и противно моему убѣжденію. Такъ я завтра скажу п Егору Антоновичу.

«Пятница.

№ 8».

115. Въ 1841 году графъ Корфъ писалъ Яковлеву: «Въ воскресенье, 26-го октября, въ четыре часа, Энгельгардтъ устраиваетъ годичный лицейскій обѣдъ на Васплевскомъ острову, на углу 3-й линіи и Большого проспекта, въ домѣ Юнкера». Самъ Егоръ Антоновичъ жилъ, помнится, во 2-й линіи.

135. Объ участіи, какое принималъ А. И. Тургеневъ въ помѣщеніи Пушкина въ лицей свидѣтельствуемъ слѣдующее письмо Сергѣя Львовича къ кн. Вяземскому (оно печатается по принадлежащему мнѣ подлиннику, безъ всякихъ измѣненій):

«Любезнѣйшій князь Петръ Андрѣвичъ! Я бы желалъ чтобы въ заключеніи записокъ біографическихъ о покойномъ Александрѣ Ивановичѣ Тургеневѣ было сказано что Александръ Ивановичъ Тургеневъ былъ единственнымъ орудіемъ помѣщенія его въ Лицѣи и что чрезъ 25-ть лѣтъ онъ же проводилъ тѣло его на послѣднѣе жилище. Да узнаеть Россія что она Тургеневу обязана любимымъ ею Поэтомъ! Чувство непоколебимой благодарности побуждаетъ меня просить васъ объ егомъ. — Нѣтъ сомнѣнія что въ Лицѣѣ, гдѣ онъ въ товарищахъ встрѣтилъ несколько соперниковъ, соревнованіе способствовало къ развитію огромнаго его таланта. Вотъ что я писалъ Александру Ивановичу и потомъ къ вамъ, но письмо мое въ то время, не знаю почему до васъ не дошло. — Благодарю еще разъ книжнику за 29-е число.

«Весь и всегда вашъ

С. Пушкинъ».

«1-го февраля

1838 г.

139. По разсказу покойнаго Арк. Ос. Россета, императоръ Николай, на аудіенціи, данной Пушкину въ Москвѣ, спросилъ его между прочимъ: «Что же ты теперь пишешь?» — Почти ничего, В. В.: цензура очень строга. — «Зачѣмъ же ты пишешь такое, чего не пропускаетъ цензура?» — Цензора не пропускаютъ и самыхъ невинныхъ вещей: они дѣйствуютъ крайне неразсудительно. — «Ну, такъ я самъ буду твоимъ цензоромъ, сказалъ государь: присылай мнѣ все, что напишешь».

142. Даже и по смерти Пушкина нерасположеніе къ нему графа Уварова не утало. Это обнаружилось въ одномъ, въ сущности ничтожномъ случаѣ, который касался меня. Въ первые дни послѣ кончины поэта я выразилъ свои чувства въ небольшомъ стихотвореніи. Оно было слабо, и безъ этого случая, о немъ не стоило бы и упоминать. Но въ то время мнѣ казалось, что его надо напеча-

СТР.

тать въ *Сѣверной Пчелѣ*, и Гречъ представилъ мои стихи на одобреніе графа Бекендорфа. Дня черезъ два служившій при графѣ, по родству съ нимъ, лицейскій товарищъ мой П. И. Миллеръ (умершій въ прошломъ году) прислалъ мнѣ слѣдующую записку:

«Слѣдуя увѣдомить тебя, что графъ позволилъ напечатать стихи твои въ *Сѣверной Пчелѣ*. Онъ разспрашивалъ меня о тебѣ, и въ подтвержденіе словъ барона (М. А. Корфа) я со своей стороны далъ самый лестный отзывъ о моемъ старомъ и добромъ братѣ по лицу. Спасибо тебѣ за дань Пушкину; она вылилась прямо изъ души. — вмѣстѣ съ симъ я пишу Гречу, чтобы напечаталъ твои экзаметры въ своей газетѣ — и ты вѣроятно завтра или послѣ завтра прочтешь ихъ въ томъ же совершенно видѣ, въ какомъ они вылились изъ-подъ пера».

Не тутъ-то было. Долго не видя стиховъ своихъ въ печати, я наконецъ лично обратился къ Гречу съ вопросомъ о причинѣ того. Гречъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не могъ напечатать ихъ безъ разрѣшенія министра просвѣщенія; графъ же Уваровъ не призналъ возможнымъ дать на то свое согласіе, такъ какъ въ концѣ моихъ экзаметровъ упоминалось о *юной Россіи*. Для объясненія этого надо припомнить, что въ то время въ конституціонной Франціи, на которую наше правительство смотрѣло косо, было въ ходу выраженіе: *la jeune France*.

146. Къ послѣдней выносѣ слѣдуетъ прибавить: по случаю открытія памятника Пушкину, и было напечатано въ *Новомъ Времени*.

153. Господствующимъ свойствомъ характера Пушкина была правдивость. И въ художественномъ творествѣ истина лежитъ въ основѣ красоты всѣхъ его произведеній, въ описаніи природы, въ изображеніи характеровъ, страстей и всѣхъ движеній души. Вспомнимъ, какъ добродушно самъ онъ въ зрѣломъ возрастѣ смѣялся надъ тѣми уклоненіями отъ жизненной правды, которыя встрѣчаются въ его раннихъ сочиненіяхъ. Въ своихъ запискахъ онъ на примѣръ рассказываетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Ал. Раевскимъ забавлялся надъ неудачнымъ характеромъ Кавказскаго плѣнника. Онъ сочувствовалъ также Раевскому, когда тотъ хохоталъ надъ стихами *Балхисарайскаго Фонтана*:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю — и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, и т. д.

Въ жизни Пушкина извѣстны два случая, въ которыхъ всего ярче выразилась его честная и смѣлая правдивость: 1, когда онъ въ кабинетѣ Миларадовича, по собственному вызову, написалъ всѣ тѣ изъ своихъ стихотвореній, за которыя ему угрожала отвѣт-

стр.

ственность, и 2, когда на вопросъ императора Николая, былъ ли бы онъ 14-го декабря съ мятежниками, если бѣ находился въ Петербургѣ, онъ отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на свою пріязнь съ виновными.

Замѣчательна была также находчивость Пушкина въ затруднительныхъ случаяхъ. Когда въ разговорѣ о стихотвореніи *на выздоровленіе Лукулла* Бенкендорфъ хотѣлъ отъ него добиться, на кого оно написано, то онъ отвѣчалъ: «На васъ», и вида недоумѣніе усмѣхнушагося графа, прибавилъ: «Вы не вѣрите? отчего же другой увѣренъ, что это на него?»

Въ талантѣ и во всемъ существѣ Пушкина отличительную черту составляло то невольное обаяніе, которое онъ производилъ своими стихами и личностью. Въ его поэзіи всегда чувствовалась какая-то особенная прелесть, заключающаяся сколько въ самомъ духѣ ея, столько же и въ его выразительномъ, точномъ и гармоническомъ языкѣ.

Вся жизнь его отмѣчена печатью необыкновенности. Еще будучи въ лицѣ, онъ какъ своими стихами, такъ и проказами заставлялъ говорить о себѣ далеко внѣ стѣнъ заведенія. По выпускѣ вокругъ него образовалась толпа молодыхъ поклонниковъ: въ *Евгеніи Онгины* онъ самъ говоритъ о своей музѣ:

...молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась.

И позднѣе онъ былъ постоянно предметомъ пристального вниманія безчисленныхъ почитателей; каждое событіе въ его жизни, каждое новое стихотвореніе его возбуждали любопытство и толки. Такой же интересъ еще и нынче представляетъ его біографія: всякій вновь раскрытый въ ней фактъ, всякій новый слѣдъ его дѣятельности цѣнятся высоко.

Поконный Анненковъ замѣтилъ, что Пушкинъ въ поэзіи своей тщательно пѣбгалъ выражать то, что прямо и непосредственно относилось къ его житейскимъ обстоятельствамъ, и обладалъ умѣніемъ идеализировать дѣйствительность, придавать ей подъ покровомъ искусства поэтическую прелесть. Вѣрность этого замѣчанія неоспорима, но надо согласиться, что и въ самой личности Пушкина было много способнаго сильно приковывать къ себѣ вниманіе людей, было что-то высшее, рѣзко выступавшее пзъ пошлости всендневной житейской прозы.

Дѣйствія его, отношенія, рѣчи легко принимали характеръ страстности. Удивительно острый и блестящій умъ, соединенный съ чародѣйскою властью надъ словомъ, поражалъ всякаго, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Бесѣда его становилась въ высшей степени оживленною и увлекательною, какъ скоро сердце его было сколько-нибудь затронуто, и оттого-то Пушкинъ производилъ неотразимое

стр.

впечатлѣніе на женщинъ, которыя ему нравились и съ которыми онъ, по собственному его выраженію, *кокетничалъ* въ разговорѣ. Съ другой стороны онъ тѣми же свойствами своими, живостью, находчивостью въ выраженіяхъ, колкою насмѣшкой, называлъ себя враговъ.

Все это вмѣстѣ и привело Пушкина къ той роковой развязкѣ, которая такъ рано положила конецъ его блестящему и шумному существованію.

224. Въ полемикѣ, происходившей по поводу избранія Москвы мѣстомъ для сооруженія памятника, ратовавшіе въ пользу Петербурга утверждали, что Пушкинъ любилъ этотъ городъ гораздо болѣе чѣмъ Москву, которой будто бы положительно не сочувствовалъ. Иногда онъ дѣйствительно бранилъ и Москву; такъ напримѣръ 11-го іюня 1834 г. онъ писалъ женѣ: «Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга» (*Соч.* VII, № 388). Но чаще онъ въ той же перепискѣ очень рѣзко выражаетъ нерасположеніе къ Петербургу. Вотъ нѣсколько такихъ выходовъ его: «Что это у васъ? Погоди? Ничто проклятому Петербургу» (по поводу наводненія 1824 г., № 79). — «Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости» (№ 376). — «Плювуть на Петербургъ» (№ 381). — «Ты развѣ думаешь, что свиной Петербургъ не гадокъ мнѣ?» (№ 384). — «Подумай, что за свѣрные толики пойдуть по свиному Петербургу!» (№ 389).

253. Не ко времени ли составленія этихъ замѣтокъ гр. Корфа относятся и слѣдующая записка его къ Яковлеву:

«Любезному нашему старостѣ лицейской годовщины, ex officio ближе всѣхъ должны извѣстны быть разныя подробности, относящіяся до нашихъ товарищей, живыхъ и отшедшихъ къ Богу. Въ этомъ предположеніи № 8 адресуетъ его превосходительству, для нѣкоторыхъ соображеній, — при которыхъ впрочемъ вовсе нѣтъ никакой *aggrégation* — нѣсколько вопросовъ, отмѣченныхъ на приложенной бумажкѣ. Разрѣшеніемъ ихъ будетъ оказана большая польза моей слабѣющей памяти, а слѣдственно и лицу преданиѣйшаго «Пятница. № 8».

Самыхъ вопросовъ при запискѣ не сохранилось.

267. Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, братъ котораго принадлежалъ къ числу воспитанниковъ 1-го курса и который приписывалъ себѣ составленіе проекта лицейскаго устава, оставилъ записки, напечатанныя въ 1871 году въ журналѣ *Заря*. Любопытны въ нихъ его воспоминанія о роли, какую онъ игралъ въ дѣлѣ основанія и открытія лицея. Вотъ что онъ рассказываетъ по поводу поѣздки своей въ Царское Село и Павловскъ, кажется въ 1829 году:

«Завидѣвъ зданіе лицея, я тотчасъ привелъ себя на мысль всѣ хлопоты мои по сему заведенію, въ бытность мою директоромъ департамента народнаго просвѣщенія. Благоволеніе безсмертнаго Александра, довѣренность ко мнѣ дѣятельнѣйшаго и просвѣщеннаго министра графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго давали

стр.

мнѣ крылья успѣвать во всѣхъ должностяхъ и дѣланныхъ мнѣ препорученіяхъ. Государю императору желательно было образовать въ лицѣ дѣтей знатнѣйшихъ дворянъ для военной и гражданской службы, смотря по склонностямъ и способностямъ воспитанниковъ; для сего его величество изволилъ начертать главнѣйшія статьи постановленія сего заведенія и возложить на графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго разсмотрѣть первоначальныя сіи черты, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія, для начертанія постановленія лицею. Графъ Алексѣй Кирилловичъ дѣло сіе поручилъ мнѣ ¹⁾, и существующее нынѣ постановленіе, разсмотрѣнное министромъ, вскорѣ поднесено было государю императору и удостоено высочайшаго его утвержденія 12-го августа 1810 года. Немедленно за симъ постановленіе включено въ грамоту, дарованную лицею, переписано на великолѣпно по полямъ листовъ разрисованномъ пергаментѣ, переплетено въ золотой газетъ съ серебряными кистями и позолоченнымъ ковчегомъ для государственной печати; приготовленная такимъ образомъ грамота поднесена къ высочайшему подписанію, коего она удостоена въ 22-й день сентября 1811 года. Между тѣмъ какъ готовилась сія грамота и строеніе, принимаемы были воспитанники и со всею строгостію испытываны въ познаніяхъ, требуемыхъ для вступленія въ сіе заведеніе, въ присутствіи министра, директора лицея статскаго совѣтника Василія Малиновскаго и моего, по предварительномъ собраніи самимъ же министромъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ. По приготовленіи такимъ образомъ всего къ открытію лицея, оно совершилось октября 20-го дня ²⁾ 1811 года въ присутствіи государя императора, государынь императрицъ, государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, великой княжны Анны Павловны, первыхъ чиновъ императорскаго двора, господъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта и многихъ другихъ знаменитыхъ особъ. Великіе князья, Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ изволили тогда путешествовать въ чужихъ краяхъ.

«Открытіе лицея происходило слѣдующимъ образомъ: По совершеніи, въ присутствіи августѣйшей императорской фамилии, въ придворной деревнѣ божественной литургіи, духовенство, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ, шло изъ церкви для освященія зданія лицея въ сопровожденіи императорской фамилии и всѣхъ вышеупомянутыхъ особъ, также чиновниковъ и воспитанниковъ лицея. По окончаніи сего обряда, когда ихъ величества и ихъ высочества изволили занять мѣста въ залѣ собранія, я имѣлъ счастье изъ грамоты, которую по обѣ стороны меня держали два адъютантъ-

¹⁾ Это противорѣчитъ тому, что говоритъ гр. Корфъ со словъ Сперанскаго (см. выше, стр. 253 — 254).

²⁾ Обмолвка; слѣдуетъ читать: 19-го октября.

СТР.

профессора, прочесть вступление главы объ устройствѣ и правахъ лица и заключеніе грамоты. Потомъ министръ народнаго просвѣщенія, принявъ отъ меня грамоту, вручилъ оную директору лица, для оставленія навсегда въ семь заведеній. По принятіи грамоты директоръ Малпновскій прознесъ сочиненную мною, приличную сему случаю, рѣчь ¹⁾. За симъ секретарь конференціи профессоръ Кошанскій прочелъ списокъ учебнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, опредѣленнымъ въ лицей, потомъ списокъ воспитанникамъ, принятымъ въ оное; каждый изъ чиновниковъ и воспитанниковъ, по наименованіи его, представленъ былъ государю императору г. мѣнстромъ. По прочтеніи списковъ, адъюнктъ-профессоръ нравственныхъ наукъ Куницынъ читалъ воспитанникамъ наставленіе о цѣли и пользѣ ихъ воспитанія. Послѣ сего государь императоръ со всею императорскою фамліею и прочими знаменитыми особами изволили осматривать всѣ покои и присутствія своего удостоили обѣденный столъ воспитанниковъ. Въ это время, именно, когда ихъ величества пошли осматривать покои, государь цесаревичъ, идучи позади императорской фамліи и неся въ одной рукѣ шаль великой княжны Анны Павловны, другою взявъ меня подъ руку, удостоилъ счастья итти со мною. Я уже сказалъ, что старпки живутъ въ воспоминаніяхъ, а потому и здѣсь надѣюсь заслужить извиненіе въ

¹⁾ Я помѣщаю оную здѣсь, какъ свою собственность:

«Всемиловѣйшій государь! Въ семь градъ премудрѣйшая изъ монархій, среди весеннихъ и лѣтнихъ красоть природы, нѣкогда назидала благоденствіе Россіи. Въ обиталищѣ семь ваше императорское величество получили управлять судьбою народовъ, нынѣ подвластныхъ скипетру вашему. И въ столь знаменитомъ обиталищѣ отверзаете храмъ наукъ для отличѣйшаго юношества вашей державы. Сколько убѣжденій въ превосходствѣ будущаго успѣховъ сего единственнаго учрежденія! Малое число дѣтей, въ дарованіяхъ и въ благонравіи испытанныхъ, какъ единое семейство, не представляетъ неудобствъ въ совершенномъ надзорѣ за ихъ ученіемъ и поступками; благотворенный воздухъ, укрѣпляя силы ихъ тѣлесныя, укрѣпить и душевныя въ величій чувствованій и дѣяній; безмолвное уединеніе соберетъ и направитъ всѣ мысленныя способности ихъ къ единой цѣли: къ познанію нравственнаго и физическаго міра; а воспоминаніе о великой въ женахъ и о воспитаніи въ семь мѣстѣ августѣйшаго внука ея; пріосѣненіе сего храма наукъ его покровительствомъ воскресяютъ молодые таланты къ пріобрѣтенію славы истинныхъ сыновъ отечества и вѣрныхъ служителей престола монаршаго.

«Такъ, всемиловѣйшій государь, попеченіемъ вашего величества здѣсь все соединено къ образованію юношества для важнѣйшихъ государственныхъ должностей. Нѣтъ счастливѣе настоящей участи его; нѣтъ лестнѣе будущаго его назначенія.

«Но не менѣе того счастливы и мы, избранные къ руководству онаго и воспитанію. Мы чувствуемъ важность правъ и преимуществъ, дарованныхъ вашимъ величествомъ сему заведенію и лицамъ, къ нему принадлежащимъ. Чувствуемъ; но чѣмъ содѣлаться можемъ достойными оныхъ? Единое избраніе насъ къ подвигу образованія сего юношества не служитъ еще въ томъ порукою. Мы потщимся каждую минуту жизни нашей всѣ силы и способности наши принести на пользу сего новаго вертограда, да ваше императорское величество и все отечество возрадуется о плодахъ его» *И. М.*

СТР.

приведеніи части лестнѣйшаго для меня разговора съ великимъ княземъ. Разговоръ сей доказываетъ, сколь пріятно было ему видѣть при открытіи лица дѣйствующимъ лицомъ и меня, подчиненнаго его высочеству по совѣту о военныхъ училищахъ. Взявъ меня подъ руку, цесаревичъ изволилъ съ особеннымъ удовольствіемъ сказать: «Ты вездѣ!» Послѣ молчаливаго моего на сіе поклона, онъ спросилъ: «Что ты здѣсь значишь?» Я отвѣчалъ, что министру угодно было, чтобы я, какъ директоръ департамента, прочелъ грамоту. «А эти профессора откуда?» — «Всѣ изъ педагогическаго института». — «Всѣ твои!» Я опять отвѣчалъ благодарнымъ поклономъ. «Какъ зовутъ того, который читалъ разсужденія?» — «Куницынъ». — «Хорошо читалъ». — «Опъ былъ первый студентъ въ Педагогическомъ институтѣ». — «И мой Тализинъ хорошъ». — «И онъ, ваше высочество, былъ изъ отличныхъ студентовъ».

«Изъ столовой государь съ императрицей и великими князьями г. министромъ препровождены были въ ту комнату, гдѣ приготовленъ былъ для нихъ завтракъ; ибо государь императоръ поутру, до открытія лица, изволилъ прислать съ отказомъ, что ихъ величества и ихъ высочества обѣдать не будутъ, потому что въ тотъ день былъ у ихъ величествъ фамиліный столъ. Прочіе же всѣ посѣтители угощены были богатѣйшимъ столомъ, стоившимъ г. министру одиннадцать тысячъ рублей! Таковы угощенія русскихъ бояръ! Ученіе въ семь заведеніи началось на другой же день. Какъ, по постановленію онаго, положено чрезъ каждые полгода производить воспитанникамъ испытанія и притомъ сторонними лицами, то министръ, исполняя сіе правило во всей точности и вообще прилагая о семь заведеніи особенное попеченіе, послалъ меня около того времени, не предувѣдомляя о томъ воспитанниковъ, для произведенія испытаній; на сей конецъ, съ позволенія его, я бралъ съ собою профессоровъ Педагогическаго института по тѣмъ наукамъ, кои преподавались въ семь заведеніи. Сверхъ того, по волѣ же г. министра, я часто и неожиданно ѣздилъ для сего въ лицей одинъ и испытывалъ воспитанниковъ, въ чемъ былъ въ состояніи; большею же частію занималъ ихъ російскою и латинскою словесностью, дѣлая съ ними разборы сочиненій и заставляя сочинять при мнѣ, въ классахъ, и безъ меня, назначая каждому особый предметъ, а иногда и одинъ для всѣхъ. Это былъ для меня вовсе сторовній трудъ, но я не только не скучалъ имъ, а еще занимался съ особливою охотою, имѣя въ виду только одну пользу воспитанниковъ. Дѣйствительность сихъ моихъ занятій подтвердить могутъ какъ всѣ профессора, выбывшіе, такъ и сами воспитанники перваго курса, напримѣръ гг. баронъ Корфъ, Масловъ, Ломоносовъ, Пущевъ, Пущинъ, Иллчевскій, Маллиновскій» ¹⁾ и проч.

¹⁾ Графъ Корфъ, дѣйствительно, подтвердилъ это показаніе И. И. Мартынова своимъ свидѣтельствомъ: см. его записку, стр. 267.

СТР.

268.

Имя Теппера Фергюсона упоминается часто, когда рѣчь идетъ о бытѣ перваго курса лицестовъ. Въ семействѣ этого лица произошло печальный случай, о которомъ Плетневъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ (1846 г.), рассказываетъ:

«Иозефинѣ Вельго (Welho), воспитывавшейся у Теппера, я давалъ уроки, самъ еще бывши въ институтѣ, по желанію моего директора Е. А. Энгельгардта ¹⁾. Это было золотое время: мнѣ было лѣтъ 20, а ей 16. Мы оставались всегда только двое въ прелестной ея комнатѣ и безпрестанно краснѣли, не понимая самп отъ чего. Она черезъ мѣсяць послѣ того какъ я сталъ учить ее, начала уже порядочно понимать «Письма русскаго путешественника», не зная, прежде моихъ уроковъ, почти ни слова по-русски. Она была удивительное созданіе по красотѣ души, сердца и тѣла. Но Провидѣнію не угодно было, чтобы она нѣкогда принадлежала кому-нибудь изъ смертныхъ. Тепперъ поѣхалъ въ Парижъ. Разъ ея мать пошла гулять. Иозефина забыла перчатки свои. Она жила въ верхнемъ этажѣ. Пробыжавши въ комнату, она выглянула въ окно, чтобы посмотрѣть, не ушла ли уже мать ея на улицу. Перевѣсившись за окно, она упала оттуда и тутъ же умерла. Я и теперь не могу вспомнить о ней безъ сердечнаго трепета и участія. Она для меня облегла въ поэзію самое прозаическое ремесло... До сихъ поръ этотъ домъ вѣдетъ для меня поэзію (это домъ Вебера въ Малой Морской). Тепперъ, женившійся на старшей сестрѣ Иозефины, былъ музыкантъ и училъ великую княжну Анну Павловну. Его отецъ былъ богатѣйшій банкиръ въ Польшѣ, гдѣ со всѣмъ своимъ богатствомъ погибъ въ одну изъ тамошнихъ революцій. Тогда сынъ его, путешествовавшій какъ какой-нибудь лордъ по Европѣ, вдругъ въ Вѣнѣ публиковалъ себя подъ скромнымъ именемъ учителя музыки, съ которымъ и въ Петербургъ переѣхалъ. Это былъ вдохновенный старикъ» ¹⁾.

273.

Непріятныя послѣдствія перваго знакомства съ табакомъ не помѣшали графу Корфу сдѣлаться позднѣе однимъ изъ самыхъ страстныхъ курильщиковъ. Онъ постоянно курилъ крѣпкой турецкій табакъ изъ длиннаго черешневого чубука, съ которымъ рѣдко разставался, не покидая его и тогда, когда работалъ стоя у своего высокаго люпитра; иногда же онъ употреблялъ и кальянъ. По отзыву врачей, двойная привычка неумѣреннаго куренія и стоянія во время работы отозвалась въ старости очень вредно на его здоровьи: голова и ноги сравнительно рано у него ослабѣли. Страдая издавна бессонницей, онъ даже и ночью нерѣдко прибѣгалъ въ трубку, когда, въ послѣдніе годы жизни, хлоралъ отвезывалъ въ помощи.

¹⁾ Т. е. директора Педагогическаго института, въ которомъ Энгельгардтъ занималъ эту должность прежде назначенія директоромъ царскосельскаго лицея.

стр.

273. Недавно праздниѣ, о которомъ говоритъ графъ Корфъ и въ которому Пушкинъ написалъ извѣстные стихи *Принцу Оранскому*, былъ подробно описанъ, по новымъ источникамъ, въ *Русскомъ Архивѣ* (1887, № 7) съ приведеніемъ и неизвѣстныхъ до сихъ поръ драматическихъ сценъ, сочиненныхъ въ этому празднику К. Н. Батюшковымъ по вызову того же Нелединскаго-Мелецкаго, который уговорилъ Пушкина написать названное стихотвореніе.
281. По показанію И. И. Пущина, графъ Брoglio, сдѣлавшись филелленомъ, участвовалъ въ борьбѣ за освобожденіе Греціи и былъ убитъ тамъ въ 1829 году (*Атены* 1859, кн. 8, стр. 521). Кстати замѣтимъ, что фамилія его пишется Broglio, но произносится *Брoglio*.

 ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
45	6 св.	всякой ореолы	всякаго ореола
8	8 св.	наконецъ	на конецъ.
107	7 св.	этой	этомъ
143	14 св.	Арендта	Арендта
280	11 св.	Пушкинъ	Пуцинъ.

83241

